

ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2019 1 (817)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 1 (817)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 1 (817)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2019

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Васильюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Евтушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Мальгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохницкая Л. В., д-р филол. наук

Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик Э. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Аверина А. В.

Синтаксически неподчинимые конструкции
в немецком языке 13

Бейм В. В.

Темпоральная сетка гороскопа (на материале немецкого языка) 29

Белокурова Е. В., Кабакчи В. В., Иванова Е. Ю.

Если ксенонимы появляются – значит, это кому-нибудь нужно:
стилистические функции ксенонимов 41

Бессонов Н. Ю.

Семантика глаголов-связок в составе каузативных конструкций
в свете теории динамики силы 56

Боднарчук Е. В.

Модальные глаголы в современном немецком языке:
систематизация значений 66

Бондарчук Г. Г., Никулина Н. В.

Семиотическая роль английской предметно-бытовой лексики
в тексте 80

Воробьева Е. В.

Темпоральность как семантическая категория существительных
в норвежском языке 88

Германова Н. Н.

Эпистемологический маятник: дескрипция и прескрипция
в грамматиках английского языка от эпохи Просвещения
до наших дней 100

Голубкова Е. Е.

Failing metaphors, или Анализ семантики смешанных метафор 113

<i>Гусева О. А.</i> Формирование лингвистических концептов «смех» и «улыбка» в английском языке	126
<i>Евстафьева Н. М.</i> Актуальные тенденции в произношении молодых шотландцев	135
<i>Желонкина Т. П.</i> Эксплицитные средства выражения сомнения в современном английском языке	151
<i>Жильцова Е. Л.</i> Новые тенденции развития лексики современного шведского языка	163
<i>Жилюк С. А.</i> Заимствование английских глаголов с префиксами и частицами в немецкий язык	175
<i>Карпова Л. М., Калашникова Е. А.</i> К вопросу либерализации орфоэпической нормы немецкого языка	188
<i>Кондратенко М. М.</i> Лексика народной демонологии в южнонемецких говорах	195
<i>Кострова О. А.</i> Развитие теории сложного предложения Е. В. Гулыги в Самарской лингвистической школе	207
<i>Крупнова Н. А.</i> Слова субъективной оценки и способы ее выражения в русском и немецком языках	219
<i>Ларцева Е. В.</i> Идеографическое своеобразие американизмов в романах Н. Хорнби	231
<i>Миронова О. В.</i> Возможности употребления клитик в современном немецком языке	242
<i>Никуличева Д. Б.</i> К разработке проекта антропоцентрической грамматики датского языка	254
<i>Ноздрина А. С.</i> Грамматика Е. И. Шендельс в новом формате восприятия. На примере изучения форм сослагательного наклонения (der Konjunktiv)	269

<i>Пискарёва А. В.</i>	
Типы когнитивной метафоры в словаре лингвистических терминов (на материале немецко-русского и русско-немецкого словаря лингвистических терминов А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского)	285
<i>Попова О. В.</i>	
Изменение семантики научного термина «интроверт / интроверсия» в обыденном сознании британцев	296
<i>Привалова Е. П.</i>	
Эскапизм как средство самопознания личности в немецкой литературе для подростков	305
<i>Сысоева А. А.</i>	
Явление семантического синкретизма (на примере обозначений восприятия в немецком языке в диахронии)	317
<i>Филиппов К. А.</i>	
Метатекстовые особенности немецких грамматик в России XVIII века	328
<i>Финикова И. В.</i>	
Содержательный и функциональный потенциал понятия языковая картина мира в современных лингвистических исследованиях	342
<i>Чекалина Е. М.</i>	
Системные и функциональные аспекты грамматической вариативности в шведском языке	357
<i>Шпетный К. И.</i>	
Об основаниях когнитивной стилистики	370
<i>Юшкова Л. А.</i>	
Аспекты продуктивности моделей образования разговорных глагольных единиц в современном немецком языке	383

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Аверкина Л. А.</i>	
Концепт «новых рассказчиков» в современной немецкоязычной прозе (на примере творчества Д. Кельмана)	395

<i>Баронова Е. В.</i>	
Концепты «деформированное тело» и «власть» в произведениях Н. Геймана и Дж. Мартина	408
<i>Тимралиева Ю. Г.</i>	
Пространство и время в языковой картине мира немецкого литературного экспрессионизма	419

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Ларионова Н. Б.</i>	
Прочтение Слова Василия Великого «К юношам...» в перспективе современного теологического образования	436
<i>Яковенко Е. Б.</i>	
Роль реформации в истории германских языков	446

СОДЕРЖАНИЕ

LINGUISTICS

<i>Averina A. V.</i> Matrix Clause Phenomena in German	13
<i>Beim V. V.</i> The Temporal Network of Horoscope (on the material of the German language)	29
<i>Beloglazova E. V., Kabakchi V. V., Ivanova E. Y.</i> Xenonyms for Rhyme or Reason or Stylistic Functions of Xenonyms	41
<i>Bessonov N. Y.</i> Semantics of Linking Verbs as Parts of Causative Constructions in Terms of Force Dynamics Theory	56
<i>Bodnaruk E. V.</i> Modal Verbs in the Modern German Language: Systematization of the Meanings	66
<i>Bondarchuk G. G., Nikulina N. V.</i> Semiotic Role of English Everyday Lexis in the Text	80
<i>Vorobyeva E. V.</i> Temporality as Semantic Category of Nouns in Norwegian Language	88
<i>Guermanova N. N.</i> The "Epistemological Pendulum": Description and Prescription in the Grammars of English from the Enlightenment to the Present	100
<i>Golubkova E. E.</i> Failing Metaphors: Analysis of Mixed Metaphors	113
<i>Guseva O. A.</i> Development of "Laugh" and "Smile" as Linguistic Concepts in the English Language	126

<i>Evstafieva N. M.</i> Youth Trends in Scottish Speech: Evidence from Glasgow	135
<i>Zhelonkina T. P.</i> Explicit Means of Wording Doubt in Modern English	151
<i>Zhiltsova E. L.</i> New Trends of Vocabulary Development in Modern Swedish	163
<i>Zhiliuk S. A.</i> English Prefixal and Phrasal Verbs in German Language	175
<i>Karpova L. M., Kalashnikova E. A.</i> On the Issue of the Liberalization of the Orthoepic Norm of the German Language	188
<i>Kondratenko M. M.</i> Lexicon of National Demonology in the South German Dialects	195
<i>Kostrova O. A.</i> Development of the Theory of Compound Sentences at Samara Linguistic School	207
<i>Krupnova N. A.</i> Words of Subjective Assessment and Methods of Its Expression in the Russian and German Languages	219
<i>Lartseva E. V.</i> Ideographic Description of Americanisms in the Novels by N. Hornby	231
<i>Mironova O. V.</i> The Possibility of the Use of Clitics in Modern German	242
<i>Nikulicheva D. B.</i> Outlines of the Project “Anthropocentric Grammar of the Danish Language”	254
<i>Nosdrina A. S.</i> E. I. Shendels’ Grammar in a New Format of Perception. The Case of Conjunctive Mood Forms (Der Konjunktiv)	269
<i>Piskareva A. V.</i> Types of Cognitive Metaphor in the Dictionary of Linguistic Terms (on the Example of the German-Russian and Russian-German Dictionary of Linguistic Terms by A. Baranov and D. Dobrovolsky)	285

<i>Popova O. V.</i>	
Semantic Change in the Scientific Term Introvert / Introversion in British Everyday Thinking	296
<i>Privalova Y. P.</i>	
Escapism as a Way of the Personality Self-Cognition in the German Literature for Teenagers	305
<i>Sysoeva A. A.</i>	
Semantic Syncretism (on the example of German lexical units denoting perception in diachrony)	317
<i>Filippov K. A.</i>	
Metatextual Peculiarities of German Grammars 18th Century in Russia	328
<i>Finikova I. V.</i>	
Meaningful and Functional Potential of the Concept of the Language Picture of the World in the Modern Linguistic Researches	342
<i>Chekalina E. M.</i>	
Systemic and Functional Aspects of Grammatical Variation in Swedish	357
<i>Shpetny C. I.</i>	
On the Basics of Cognitive Stylistics	370
<i>Yushkova L. A.</i>	
Aspects of Productivity of the Colloquial Verbal Units Formation Models in the Modern German Language	383

LITERARY STUDIES

<i>Averkina L. A.</i>	
The Concept of New Tellers in Modern German Prose (the work of D. Kehlman)	395
<i>Baronova E. V.</i>	
The Concepts "Deformed Body" and "Power" in the Works of N. Geiman and G. Martin	408
<i>Timralieva J. G.</i>	
Place and Time in Language Picture of the World of German Literary Expressionism	419

CULTUROLOGY

Larionova N. B.

Reading the Homily of Basil the Great “To Young People ...”
in the Perspective of Modern Theological Education 436

Yakovenko Y. B.

Role of the Reformation in the History of Germanic Languages 446

УДК 811.11-112

А. В. Аверина

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры германской филологии
Московского государственного областного университета;
e-mail: anna.averina@list.ru

СИНТАКСИЧЕСКИ НЕПОДЧИНИМЫЕ КОНСТРУКЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются синтаксически неподчинимые формы и конструкции в немецком языке и объясняются причины их неподчинимости. Актуальность данной работы объясняется тем, что еще подлежит описанию и систематизации набор структур, которые не могут использоваться в придаточных предложениях и в нарративном повествовательном режиме. Кроме того, существует потребность в выявлении форм и конструкций, не способных иметь место в придаточных вообще, а также в описании их общих свойств. Это позволит обозначить субъектные компоненты речи, отражающие «человека в языке». Показано, что синтаксически неподчинимые конструкции неоднородны, а для их интерпретации могут быть использованы различные типы контекстов, а именно: иллокутивно несамостоятельные придаточные, речевой повествовательный режим (или диалогический режим), а также нарративный повествовательный режим. В целом можно выделить три группы синтаксически неподчинимых элементов: ближние эгоцентрики, или дейктики, медиальные и дальние. К первой группе относятся такие феномены, которые могут иметь место только в речевом повествовательном режиме, когда высказывание принадлежит говорящему, что отражает конкретную коммуникативную ситуацию. Эти структуры не могут использоваться в придаточных предложениях. По наблюдениям автора в данную группу входят некоторые временные формы, например, *Praesens historicum* или *Präteritum* (в случае, если эта временная форма передает семантику будущего времени). Аналогичными свойствами обладает феномен *Verum* и дискурсивные частицы, способные употребляться в речевом повествовательном режиме. Их использование в иллокутивно самостоятельных придаточных возможно тогда, когда отражаемая в высказывании позиция принадлежит говорящему, а не третьему лицу. К этой же группе можно отнести метатекстовые обороты, поскольку они отражают позицию говорящего и не могут передавать мнение третьих лиц, а также неспособны иметь место в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях. Ко второй группе относятся такие слова и конструкции,

которые могут иметь место в нарративном повествовательном режиме и способны передавать установку третьих лиц – это модальные частицы, модальные глаголы во вторичном (эпистемическом значении). Их особенность состоит в том, что они не могут использоваться в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях. К третьей группе относятся модальные слова с эпистемической и эвиденциальной семантикой. Они занимают особую позицию и отличаются своей неоднородностью: с одной стороны, модальные слова с эпистемической семантикой могут использоваться в придаточных объектных при фактивном предикате, а также в придаточных места, которые мы относим к иллокутивно несамостоятельным. С другой стороны, модальные слова с эвиденциальной семантикой не всегда могут стоять в иллокутивно несамостоятельных придаточных и имеют ограничения в своем употреблении в придаточных места. В целом речь идет о темпоральных и модальных дейктиках – в первом случае имеет место указание на время, во втором случае – на степень вероятности и / или на источник сообщаемой информации. Представленная автором дифференциация представляет собой градацию синтаксически неподчинимых элементов в обобщенном виде и требует более детального исследования.

Ключевые слова: дейктичность; эгоцентричность; модальные слова; модальные частицы; временные формы; синтаксически неподчинимые конструкции; придаточные предложения; иллокутивная самостоятельность.

A. V. Averina

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor of the chair of German philology, Moscow State Region University; e-mail: anna.averina@list.ru

MATRIX CLAUSE PHENOMENA IN GERMAN

The article deals with matrix clause phenomena in German and explains the reasons why they can not be used in dependent clauses. The urgency of the issue can be explained by necessity to describe and systematize structures which can not be used in dependent clauses and in narrative texts. Besides that we find it necessary to identify forms and structures which can not appear in dependent clauses at all and to describe their common features. It allows us to define components of the speech which are connected with the subject, or reveal “a human in the language”. It is shown that main clause phenomena are heterogeneous, and various types of contexts can be used for their interpretation, namely illocutive independent clauses, dialogue and narrative mode as well. On the whole the following three groups of main clause phenomena can be defined: near egocentric elements, or deictics, middle and far egocentric elements. The first group includes only those phenomena which can be found in dialogue mode, when the utterance belongs to the speaker which reflects real communicative situation. This kind of structures can not be used in illocutive dependent or independent clause. We assume this group is built by some tense forms, for example praesens historicum or Präteritum (in cases if this form encodes future). The Verum phenomenon and discourse particles possess similar features: they are used

in dialogue mode. Their usage in illocutive independent clauses is possible provided the position belongs to the speaker but not to the interlocutor. Metatext expressions also belong to this group too because they encode the position of the speaker but not of the interlocutor and they can not be used in illocutive independent clauses. Words and structures which can appear in narrative mode and have the capability to encode the position of the interlocutor belong to the second group which includes modal particles, modal verbs in their second meaning (in epistemic meaning). Their peculiarity is that they can not be used in illocutive dependent clauses. Modal words with epistemic and evidential semantics belong to the third group. They have a special position and differ from each other in their non-homogeneity: on the one hand, modal words with epistemic semantics can be used in objective clauses by factive predicates in the matrix clause and in locative clauses which belong to illocutive dependent clauses. On the other hand modal words with evidential semantics can not always be used in illocutive dependent clauses and are used in locative clauses with restrictions. All in all we speak about tense and modal deictics: in the first case they denote the time and in the second case they focus on the source of the information. The described above differentiation is a scale in common and requires a more detailed research.

Key words: deictics; egocentrism; modal words; modal particles; tense form; main clause phenomena; dependent clauses; illocutive independence.

В современной германистике достаточно хорошо описан вопрос о том, в каких видах придаточных предложений допустимы модальные частицы, см. в этой связи работы М. Турмэр [Thurmair 1989], М. Ко-нильо [Comiglio 2011], А. В. Авериной [Аверина 2015]. Чтобы продемонстрировать данное явление, рассмотрим примеры:

- (1a) Sie *sagt*, dass er (+*ja*) recht hat.
 (1b) Sie *bedauert*, dass er (*ja) recht hat.

В высказывании (1) модальная частица *ja* возможна, поскольку придаточное является иллокутивно самостоятельным, в следующем предложении (2) она недопустима, потому что придаточное не обладает иллокутивной самостоятельностью. На иллокутивную самостоятельность влияет фактивность предиката (см. в этой связи работу К. Кипарского и П. Кипарского [Kiparsky 1974]).

Тем не менее еще подлежит описанию и систематизации набор структур, которые не могут использоваться в придаточных предложениях. Более того, существует потребность в выявлении форм и конструкций, не способных иметь места в придаточных вообще, а также в описании их общих свойств. Это позволит обозначить субъектные компоненты речи, отражающие «человека в языке». В этой связи *цель*

настоящей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть синтаксически неподчинимые конструкции в немецком языке и объяснить причины их неподчинимости. Для этого мы хотели бы обозначить те проблемные вопросы, на которые предстоит дать ответ, а именно: 1) термин «синтаксически неподчинимая конструкция» и его эквиваленты в отечественной и зарубежной германистике; 2) типы контекстов, в которых не могут выступать синтаксически неподчинимые элементы; 3) свойства, которыми обладают синтаксически неподчинимые конструкции и 4) разница между синтаксически неподчинимыми формами и элементами.

В качестве иллюстративного материала в работе использовался корпус DECOW16A, а также материалы газетного корпуса DWDS. В некоторых случаях, требующих более широкого контекста, использовались примеры из немецкой художественной литературы.

Остановимся сначала на вопросе о том, что мы вкладываем в понятие «синтаксически неподчинимая конструкция», и какие существуют типы контекстов, в которых она выступать не может.

В отечественной германистике Е. В. Падучева говорит о существовании эгоцентрических элементов языка. Речь идет о таких единицах, семантика которых предполагает говорящего [Падучева 2010]. Этот термин заимствован у Б. Рассела [Russel 1940, с. 134]: эгоцентрические элементы всегда ориентированы на *ego*. К эгоцентрическим элементам в русском языке Е. В. Падучева относит оценочные, вводные слова, отражающие эмоциональное состояние говорящего типа *кажется* и т. д. Эгоцентрики неоднородны: можно говорить о первичных и вторичных эгоцентриках [там же], а разницу между ними можно увидеть в различных типах контекстов. Е. В. Падучева выделяет следующие типы контекстов, или режимов интерпретации эгоцентрических элементов: речевой режим, нарративный и гипотаксический. В речевом режиме роль говорящего выполняется реальным говорящим. В нарративном режиме говорящего замещает либо один из персонажей, либо повествователь [Падучева 2010, с. 265]. Первичные эгоцентрики, по Е. В. Падучевой, не могут использоваться в гипотаксическом контексте и в нарративном режиме, в то время как вторичные эгоцентрики, или дейктики, возможны в гипотаксисе и в нарративе. В гипотаксическом, или в синтаксическом режиме эгоцентрический элемент входит в состав предложения, подчиненного глаголу речи, восприятия,

мнения, а на место говорящего встает синтаксический субъект подчиняющего предложения [Падучева 2010, с. 266].

Несколько ранее Ю. Д. Апресян пишет о существовании ближних и дальних дейктиков. Первичный, или ближний дейксис в интерпретации Ю. Д. Апресяна – это дейксис диалога, или ситуации общения. Вторичный, или дальний дейксис характерен для пересказа, а его существенное свойство заключается в том, что дейктические слова используются для выражения чужого сознания [Апресян 1995].

Таким образом, и в концепции Е. В. Падучевой, и в концепции Ю. Д. Апресяна речь идет о двух типах элементов, кодирующих соотношенность с говорящим: первичных эгоцентриках, или ближних дейктиках, которые являются синтаксически неподчинимыми, в то время как вторичные дейктики, или эгоцентрики, способны выступать в любых повествовательных режимах.

В зарубежной германистике существует понятие «феномены главного предложения» («Matrixsatzphänomene», см. [Abraham 2011, 2017], *main clause phenomena* – [Haegemann 2008, 20012]). Речь идет о тех явлениях языка, которые могут иметь место только в иллокутивно самостоятельных придаточных, как это можно было проследить на примерах (1) и (2). Примечательно, что, например, в английском языке иллокутивно несамостоятельные придаточные обладают попросту сокращенной структурой, т. е. не могут содержать топикализованные элементы, в то время как иллокутивно самостоятельные предложения полнозначны. Чтобы продемонстрировать наблюдения Л. Хэгеман, рассмотрим следующий пример:

- (2a) While I was revising this handout last week, I thought of another point.
 (2b) She put Len on her right while she will put Gillian on the corner of the table.

Придаточное предложение с союзом *while* в (2a) не допускает каких-либо топикализованных элементов, в то время как их включение в иллокутивно самостоятельное предложение (2b) представляет вполне возможным, как это видно в (2b):

- (3a) *While **this handout**¹ I was revising last week, I thought of another point.

¹ Топик (выделено авт. – А. А.).

- (3b) Sophie would put Len between two women who would have to bear his halitosis, while **Gillian**¹ she buried mid-table among the also-rans [Haegeman 2012, с. 128].

Таким образом, полная структура придаточного предложения с включенными в него топикализованными элементами уже сама по себе является так называемым феноменом главного предложения. Данная закономерность не характерна ни для немецкого, ни для русского языка.

В немецком языке к феноменам главного предложения традиционно причисляют модальные частицы [Thurmair 1989; Coniglio 2011; Averina 2015]. Есть отдельные работы, в которых говорится о неподчинимости фокуса истинности (*Verumfokus*) и модальных глаголов во вторичном (эпистемическом) значении [Abraham 2004; Abraham 2017; Аверина 2018].

В настоящей работе мы будем оперировать термином «синтаксически неподчинимые конструкции», для выявления которых в качестве теста можно использовать следующие виды контекстов:

- иллокутивно несамостоятельные придаточные предложения. К ним мы относим объектные придаточные с фактивными предикатами в главном предложении, придаточные места и относительные ограничительные предложения [Averina 2015; Аверина 2017];
- нарративный повествовательный режим, когда в роли говорящего выступает повествователь.

Чем больше ограничений существует для языковых феноменов, тем больше степень их приближенности к говорящему. Соответственно, возможность использования языковых элементов в иллокутивно самостоятельных придаточных и в речевом повествовательном режиме может свидетельствовать об их большей приближенности к говорящему. В этой связи мы можем говорить о существовании ближних, медиальных и дальних дейктиков в терминологии Ю. Д. Апресяна [Апресян 1995]. К ближним дейктикам мы будем относить те, которые способны выступать только в речевом режиме, к медиальным – те, которые употребляются и в речевом, и в нарративном режиме, но имеют ограничения, связанные с их использованием в придаточных предложениях; к дальним, соответственно, относим те, которые могут иметь место в любом повествовательном режиме или используются,

---

¹ Топик (выделено авт. – А. А.).

но с некоторыми ограничениями. С этой позиции мы попытаемся рассмотреть синтаксически неподчинимые элементы в немецком языке.

Как показывает анализ фактического материала, синтаксически неподчинимые формы и конструкции неоднородны. Так, мы можем проследить на следующем примере, что семантика формы *praesens historicum* может проявляться только в речи и не может иметь места в нарративном повествовательном режиме, равно как и использование этой формы в придаточном предложении вряд ли представляется возможным:

- (4a) Die Badische Zeitung **meldet gestern** einen interessanten Vorgang: Die Mitarbeiter des Paketdienstes UPS aus Umkirch renovierten kostenlos die Räume des Essenstreffs im Dreikönigshaus (DECOW 16A).
- (4b) Mein Freund erzählte mir heute, dass die Badische Zeitung gestern einen interessanten Vorgang meldet...

В высказывании (4a), принадлежащем говорящему, использована временная форма *praesens historicum*. Тем самым говорящий создает определенное напряжение в повествовании, привлекая внимание собеседника. Эта временная форма теряет свою семантику в косвенной речи, например, в иллокутивно самостоятельном придаточном объектном – в примере (4b) она уже выступает в иной функции. Таким образом, можно говорить о том, что форма *praesens historicum* – ближний дейктик.

Если мы рассмотрим семантику других временных форм – например, формы *Präteritum*, то сможем заметить, что некоторые оттенки значения не проявляются ни в гипотаксисе, ни в пересказе, в то время как в несобственно-прямой речи это возможно, поскольку она отражает время персонажа. Так, в следующем фрагменте форма *Präteritum* передает семантику будущего времени:

- (5a) Ich sah auf die Uhr. In einer halben Stunde **war** Frida in der Küche, dann konnten wir nicht mehr ungesehen hinaus (*E. M. Remarque*)¹.

При трансформации и постановке данного отрывка в позицию зависимого предложения можно заметить утрату обозначенных семантических оттенков:

- (5b) Sie sagte, dass sie auf die Uhr sah und dass Frida in einer Stunde in der Küche war.

¹ Пример В. А. Жеребкова [Жеребков 1970, с. 169].

Приведенные примеры свидетельствуют об эгоцентричности семантики временных форм. Данные структуры находят свое выражение исключительно в речевом режиме и отличаются наибольшей близостью к говорящему. И в случае с *praesens historicum*, и в случае семантики формы *Präteritum* речь идет о ближних дейктиках – высока степень их зависимости от повествовательного режима и вряд ли возможно употребление в иллокутивно самостоятельных придаточных.

К синтаксически неподчинимым конструкциям мы относим также фокус истинности (*Verumfokus*). *Verumfokus* был впервые описан немецким исследователем Т. Хеле [Höhle 1988; Höhle 1992]. Суть этого феномена состоит в том, что говорящий выражает свое несогласие с позицией собеседника посредством: 1) интонирования финитной формы глагола, 2) использования ударной частицы *DOCH*, либо 3) интонирования сочинительного союза, при этом обязательным условием кодировки фокуса истинности является наличие отрицания в высказывании собеседника, сравним:

- (6a) A: Karl war nicht in Rom.
B: Karl **WAR** in Rom.
- (6b) A: Karl war nicht in Rom.
B: Bertha erzähl, **DASS** Karl in Rom war.
- (6c) A: Karl war nicht in Rom.
B: **DOCH!**

Фокус истинности имеет место только в речевом режиме, т. е. только в высказывании, которое принадлежит говорящему. Если и передается установка 3-го лица, как, например, в высказывании (6b), то в любом случае показано, что говорящий также разделяет эту позицию. Эта речевая форма отличается высокой степенью зависимости от говорящего. Фокус истинности не может использоваться в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях, сравним:

- (6c) Ich habe gehört, dass Karl in Rom **WAR**.
(6d*) Ich bedauere, dass Karl in Rom **WAR**.

Предложение (6c) вполне допустимо, в то время как следующее за ним (6d) грамматично.

Свойством синтаксической неподчинимости обладают и дискурсивные частицы в немецком языке. Они обладают рядом схожих

характеристик, сближающих их с модальными частицами, а именно: как и модальные частицы, они: 1) не являются членами предложения; 2) не могут выступать в роли самостоятельного ответа на вопрос; 3) к ним нельзя задать вопрос и 4) они не могут быть отрицаемы. Их отличие от модальных частиц состоит в следующем: 1) они могут занимать инициальную позицию; 2) способны выступать в роли самостоятельного предложения; 3) могут создавать контраст между позицией говорящего и собеседника, либо между предыдущим фрагментом и последующим; 4) не создают логических отношений между предложениями и 5) могут быть ударными [Аверина 2017].

Контраст между двумя различными позициями может передавать не только ударная частица *DOCH*, но и ударная частица *JA*, сравним:

- (7) A: Fritz hat nicht geheiratet.
B: Fritz hat **JA** geheiratet¹.

Ударная частица *JA* довольно часто используется в побудительных предложениях, придавая высказыванию угрожающий оттенок, сравним:

- (8) Aller Anfang ist schwer! Gib **JA** nicht auf !!! (*DECOW 16A*)

Ударная частица *JA* может использоваться в иллокутивно самостоятельных придаточных. Так, она вполне допустима в придаточных цели:

- (9) Und damit sie **JA** nicht vergessen, worum es da geht, wer für sie sorgt und wer an ihrer Seite ist, darum müssen sie ihre Entscheidung im Anblick dieser großen Traube fällen, die noch mehr verspricht als ein Land, in dem Milch und Honig fließt (*DECOW 16A*).

В иллокутивно несамостоятельных придаточных дискурсивные частицы аграмматичны:

- (10) Sie bedauert es sehr, dass es (***JA**, ***DOCH**) dadurch zu dieser kurzfristigen Absage gekommen ist (*DECOW 16A*).

К дискурсивным частицам относятся не только ударные, но и в ряде случаев безударные частицы. Так, частица *ja*, занимающая

¹Пример Й. Майбауера [Meibauer 1994, с. 147].

позицию в пред-предполе, допустима в монологическом высказывании только в том случае, если оно принадлежит говорящему. Если передается речь третьего лица, то она не представляется возможной – не в последнюю очередь потому, что используется только в псевдо-придаточных предложениях с союзом *weil*:

- (11a) A: Toll, dass er bei Euch ein Zuhause gefunden hat.
B: **Ja** er ist wirklich ne Knutschkugel, will alles richtig machen und kommuniziert sehr gut mit uns (*DECOW 16A*).
- (11b) Er sagt, (***ja**) er ist wirklich ne Knutschkugel...
- (12) „Ist etwas nicht in Ordnung?“ „Wieso?“ „**Ja** weil sie ein Kreuzzeichen gemacht haben“ (*DECOW 16A*).

Таким образом, дискурсивные частицы мы также относим к синтаксически неподчинимым конструкциям. Так же, как и *Verumfokus*, их можно отнести к ближним дейктикам.

Как уже было показано, синтаксически неподчинимы модальные частицы и модальные глаголы во вторичном (эпистемическом) значении [Coniglio 2011; Thurmair 1989; Averina 2015; Abraham 2004; Аверина 2018]. Рассмотрим в этой связи ряд примеров:

- (13a) Das reduziert die Filegröße dort, *wo* die Geräusche nicht unbedingt erforderlich sind [...] (*DECOW 16A*) – *иллокутивно несамостоятельное придаточное места*.
- (13b) Das reduziert die Filegröße dort, *wo* (***ja**, ***doch**) die Geräusche nicht unbedingt erforderlich sind – *модальные частицы в иллокутивно несамостоятельном придаточном употребляться не могут*.
- (13c) Das reduziert die Filegröße dort, **wo** die Geräusche nicht unbedingt erforderlich sein müssen – *эпистемическая семантика модального глагола **müssen** не может быть выражена*.
- (14a) Sie *leugnet*, dass die Überfüllung des Arbeitsmarktes ein Naturgesetz ist (*DECOW 16A*) – *иллокутивно несамостоятельное придаточное объектное с фактивным предикатом в главном предложении*.
- (14b) Sie *leugnet*, dass (***ja**, ***doch**) die Überfüllung des Arbeitsmarktes ein Naturgesetz ist – *модальные частицы в иллокутивно несамостоятельном придаточном употребляться не могут*.

- (14a) Sie *leugnet*, dass die Überfüllung des Arbeitsmarktes ein Naturgesetz sein muss – в *иллокутивно несамостоятельном придаточном модальный глагол **müssen** возможен только в первичном, в деонтическом, значении, эпистемическая семантика в данном случае недопустима.*

И модальные глаголы во вторичном значении, и модальные частицы возможны в *иллокутивно самостоятельных придаточных*, при этом они могут передавать установку не только говорящего, но и третьего лица, сравним:

- (15) Jetzt erzählt uns der AG, dass *ja* automatisch Tarifrecht gilt (DECOW 16A) – *предположение выражено 3-м лицом, в роли которого выступает субъект матричного предложения – AG.*
- (16) Und plötzlich fiel mir ein, dass *ja* meine Koffer am Bahnhof bereitstanden, und schon jagte es durch mich hin: fort, fort, fort, nur fort von hier, von diesem verfluchten Höllenhaus (St. Zweig. Vierundzwanzig Stunden aus dem Leben einer Frau) – *предположение выражено говорящим.*
- (17) Sofort wurde ihm klar, dass er bewusstlos *gewesen sein musste* (DECOW 16A) – *предположение выражено 3-м лицом.*
- (18) Als ich sie aber aus dem Geäst klettern sah, war es dann auch für mich klar, dass sie es *gewesen sein musste* (DECOW 16A) – *предположение выражено говорящим.*

Таким образом, модальные частицы и модальные глаголы можно использовать в *речевом и нарративном режиме*, а также в *иллокутивно самостоятельных придаточных предложениях*.

Примечательно, что, например, модальные слова с семантикой эпистемической модальности могут использоваться в *любом повествовательном режиме*. Что касается их использования в *придаточных предложениях*, то тут обнаруживается ряд особенностей. Рассмотрим в этой связи некоторые примеры:

- (13d) Das reduziert die Filegröße dort, *wo* die Geräusche (+vielleicht, wahrscheinlich, offensichtlich, höchstwahrscheinlich) erforderlich sind <...> .

В приведенном высказывании модальные слова допустимы, причем их скопус сужается, и они относятся не ко всему предложению в

целом, а только к его отдельной части – *sind erforderlich*. При этом модальные слова выступают как нейтральное попутное замечание типа «по всей видимости», сближаясь по своим функциям с наречиями, и относятся к предикату. Модальные слова *sicherlich*, *offenbar*, *anscheinend* в данном предложении будут аграмматичны, по всей видимости, потому, что в них более четко прослеживается присутствие говорящего:

(13e) Das reduziert die Filegröße dort, *wo* die Geräusche (*sicherlich, *offenbar, *anscheinend) erforderlich sind [...].

Аграмматичность модальных слов с эвиденциальной семантикой в придаточных места можно объяснить тем, что они не только оценивают достоверность фактов, но и содержат указание на источник информации, в роли которого выступает говорящий, т. е. речь идет об их многоплановой дейктичности.

В корпусе есть немало примеров, позволяющих проследить возможность использования модальных слов с эпистемической семантикой в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях места и в дополнительных придаточных с фактивным предикатом в главном предложении:

(19) Wenn die Landesbehörde streng sein wollte, so ließe sie den Namen dieses Adligen da, *wo er wahrscheinlich* früh oder spät noch einmal zu lesen sein wird, anschlagen (*DECOW 16A*).

(20a) Caleb wusste, dass ihm *vielleicht* nur noch wenig Zeit blieb (*DECOW 16A*).

Примечательно, что даже такой фактивный предикат, как *bedauern* допускает включение модальных слов как с эпистемической, так и с эвиденциальной семантикой в придаточное предложение, причем оценка вероятности, выраженная модальным словом, отражает позицию 3-го лица, а не говорящего, сравним:

(20b) Caleb bedauerte, dass ihm (+ vielleicht, + wahrscheinlich, + offensichtlich, + offenbar, + höchstwahrscheinlich, + anscheinend) nur noch wenig Zeit blieb.

В данном предложении аграмматично будет использование модального слова *sicherlich*, что объясняется, по всей видимости, семантической несовместимостью:

(20c) Caleb bedauerte, dass ihm (*sicherlich) nur noch wenig Zeit blieb.

К синтаксически неподчинимым элементам языка можно отнести и метатекстовые обороты, например *apropos, kurz gesagt, mit anderen Worten, im Grunde genommen, genauer gesagt*, поскольку они отражают позицию говорящего, сравним:

(20d) Caleb bedauerte, dass ihm (*mit anderen Worten, *kurz gesagt, *genauer gesagt) nur noch wenig Zeit blieb.

Как видно из анализа фактического материала, синтаксически неподчинимые конструкции в немецком языке обладают рядом общих и различающих их свойств. Так, например, некоторые семантические оттенки временных форм могут получать свое выражение только в речевом повествовательном режиме и не могут выступать в гипотаксисе, даже если речь идет об иллюкутивно самостоятельных придаточных (*praesens historicum* и семантика будущего времени, выраженная формой *Präteritum*, в несобственно-прямой речи). Эту особенность можно объяснить тем, что временные формы отличаются наибольшей приближенностью к говорящему, т. е. это близкие дейктики. Такие же близкие дейктики – дискурсивные частицы и фокус истинности, поскольку они не могут выступать в нарративном повествовательном режиме и передавать установку 3-го лица, а если и могут, то только в том случае, если говорящий полностью разделяет эту позицию. К этой же группе можно отнести и метатекстовые обороты. Несколько в отдалении выступают модальные частицы и модальные глаголы в эпистемическом значении. Их отличительная особенность состоит в том, что они способны передавать позицию не только говорящего, но и протагониста, могут быть использованы и в речевом, нарративном и гипотаксическом режимах с определенными ограничениями, а именно в иллюкутивно самостоятельных придаточных предложениях. Их можно обозначить как медиальные дейктики. Относительно неподчинимы модальные слова, поскольку они могут использоваться с определенными ограничениями в иллюкутивно несамостоятельных придаточных – в большей степени это касается модальных слов с эвиденциальной и в меньшей степени – с эпистемической семантикой.

Подобная градация – ближние, медиальные и дальние дейктики – позволяет объяснить их употребляемость в различных типах текстов

или повествовательных режимах. Так, например, такие близкие дейктики как фокус истинности, дискурсивные частицы, форма *praesens historicum* не смогут найти свое выражение в тех типах текстов, в которых преобладает aukториальный повествователь. Их употребление будет возможно только в текстах, написанных от лица говорящего, идентифицирующего себя с действующим лицом. Напротив, модальные частицы и модальные глаголы для выражения эпистемической оценки как медиальные дейктики могут быть использованы в любых повествовательных режимах, а в придаточных они выступают только в том случае, если те являются иллокутивно самостоятельными. К дальним дейктикам мы относим модальные слова с эпистемической семантикой, поскольку они могут использоваться в любом повествовательном режиме, включая также случаи употребления в иллокутивно несамостоятельных придаточных предложениях. Таким образом, синтаксически неподчинимые элементы можно дифференцировать и представить в систематизированном виде в следующей таблице:

Таблица 1

Дифференциация синтаксически неподчинимых элементов языка по степени их дейктичности

	Речевой повествовательный режим	Нарративный повествовательный режим (повествование от 3-го лица)	Придаточные иллокутивно самостоятельные	Придаточные иллокутивно несамостоятельные
Praesens historicum	+	–	–	–
Präteritum для выражения семантики будущего времени	+	–	–	–
Фокус истинности	+	–	+	–
Дискурсивные частицы	+	–	+	–
Модальные частицы	+	+	+	–

	Речевой повествовательный режим	Нарративный повествовательный режим (повествование от 3-го лица)	Придаточные иллокутивно самостоятельные	Придаточные иллокутивно несамостоятельные
Модальные глаголы с семантикой эпистемической оценки	+	+	+	–
Модальные слова с эвиденциальной семантикой	+	+	+	±
Модальные слова с эпистемической семантикой	+	+	+	±
Метатекстовые обороты	+	–	–	–

Данная дифференциация представляет собой градацию синтаксически неподчинимых элементов в обобщенном виде и требует более детального исследования. Это касается составления их полного перечня и подробного изучения в различных типах контекстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверина А. В.* Типы придаточных предложений в немецком языке по критерию иллокутивной самостоятельности // Грамматика в научно-исследовательском контексте современной лингвистики. Материалы научных чтений памяти проф. Л. В. Шишковой. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 35–41.
- Аверина А. В.* Модальные глаголы немецкого языка как феномен главного предложения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80). Ч. 2. С. 270–273.
- Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды : в 2 т. М. : Языки русской культуры, 1995. Т. 2. С. 629–650.
- Жеребков В. А.* Опыт описания грамматической категории времени в системе немецкого глагола. Калинин, 1970. 197 с.

- Кобозева И. М.* Проблема идентификации и синтаксической репрезентации сложноподчиненных предложений русского языка с иллокутивно самостоятельной придаточной частью // 3rd European Conference on Formal Description of Slavic Languages (FDSL-3). (Linguistische Arbeitsberichte 75). Leipzig, 2000. S. 67–79.
- Падучева Е. В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М. : Языки славянской культуры, 2010. 479 с.
- Abraham W.* Modalität und Modalverben. Wohin führt uns die Syntax – wieweit brauchen wir die Pragmatik? // Diathese, Modalität, Deutsch als Fremdsprache. Tübingen, 2004. S. 3–14.
- Abraham W.* Über Unhintergebarkeiten in der modernen Modalitätsforschung // Modalität und Evidentialität. Trier: Focus, 2011. S. 125–147.
- Abraham W.* Modal particles and Verum focus. New corollaries // Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles. Amsterdam: John Benjamins. 2017. P. 171–202.
- Averina A.* Partikeln im komplexen Satz. Mechanismen der Lizenzierung von Modalpartikeln in Nebensätzen und Faktoren ihrer Verwendung in komplexen Sätzen. Am Beispiel der Modalpartikeln *ja, doch* und *denn* im Deutschen und *ved', že* und *vot* im Russischen. Frankfurt-am-Main : Peter Lang, 2015. 240 S.
- Coniglio M.* Die Syntax der deutschen Modalpartikeln. Ihre Distribution und Lizenzierung in Haupt- und Nebensätzen. Berlin : Akademie Verlag, 2011. 220 S.
- Diwald G.* Deixis und Textsorten im Deutschen. Berlin : de Gruyter, 2010. 446 S.
- Haegeman L.* Deriving the truncation account // Main Clause Phenomena. New Horizons. John Benjamins Publishing Company, 2012. pp. 113–133.
- Höhle T. N.* Verum-Fokus // Sprache und Pragmatik 5. Arbeitsberichte. Lund, 1988. S. 1–7.
- Höhle T. N.* Über Verum-Fokus im Deutschen // Informationsstruktur und Grammatik. Linguistische Berichte. Sonderheft 4. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1992. S. 112–141.
- Kiparsky P., Kiparsky C.* Fact//Syntax und generative Grammatik. Bd.1. Frankfurt-am-Main : Athenaion, 1974. P. 257–304.
- Meibauer J.* Modaler Kontrast und konzeptuelle Verschiebung. Studien zur Syntax und Semantik deutscher Modalpartikeln. Tübingen : Niemeyer Verlag, 1994. 252 S.
- Russel B.* An inquiry into meaning and truth. London : George Allen and unwin LTD, 1940. 377 p.
- Thurmair M.* Modalpartikeln und ihre Kombinationen. Tübingen : Niemeyer Verlag, 1989. 314 S.

УДК 81'366.58

В. В. Бейм

преподаватель кафедры немецкой и французской филологии
Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: beym.viktoriya@mail.ru

ТЕМПОРАЛЬНАЯ СЕТКА ГОРОСКОПА (на материале немецкого языка)

Темой статьи является темпоральная структура текстов немецких гороскопов. Темпоральность как языковая категория может быть представлена в виде пространственно-временного континуума, темпорально-аспектуального комплекса, функционально-семантического поля. Для исследования темпоральной структуры отдельного типа текста, жанра лингвистами применяется модель темпоральной сетки. Согласно Л. А. Ноздриной, темпоральная сетка – это совокупность средств морфологического, синтаксического и словообразовательного уровня, обеспечивающих ориентацию читателя во временном аспекте текста. Материалом исследования для данной статьи послужили тексты немецких гороскопов. Объектом исследования статьи выступает темпоральная сетка, предметом исследования – характеристики темпоральной сетки.

Темпоральная сетка состоит из языковых средств, рисунка, ритма смены глагольных средств и жанровой характеристики. Языковые средства классифицируются согласно их роли в тексте, и по аналогии со структурой поля выделяются доминирующие, второстепенные и периферийные средства. Ядро и приядерную зону образуют глагольные формы с семантикой будущего, при этом к ядерным конститuentам следует отнести грамматические формы глагола, в наибольшей степени коррелирующие с областью будущего времени. Так, к ядру относятся презенс в значении расширенного настоящего, футуральный презенс, футурум I. Приядерными средствами являются перфект в значении будущего, императив, претеритум конъюнктива, модальные глаголы и инфинитивные структуры. Периферия поля темпоральности гороскопа представлена глагольными формами, выражающими настоящее или прошедшее время. В гороскопах это формы актуального, качественного, обобщающего презенса и формы прошедшего времени.

Смена языковых средств образует рисунок темпоральной сетки. Рисунок сетки в гороскопе – это графическое отражение движения от одной глагольной формы к другой с учетом значения: прошедшего, настоящего или будущего времени. Самым распространенным рисунком темпоральной сетки в гороскопе является рисунок «качели», при использовании которого наблюдаются разнообразные переходы от одной глагольной формы к другой. В гороскопе используются также рисунок «маятник», образованный двумя глагольными формами, между которыми и в рамках которых происходит движение, рисунок «стрела», образованный двумя глагольными формами с их однократной сменой, и смешанный рисунок «цепочка-пунктир», образованный одной глагольной формой на протяжении всего текста гороскопа.

Состав и рисунок сетки дополняет ритм смены глагольных форм. Исходя из этой характеристики, темпоральные сетки подразделяются на ритмичные и аритмичные. В основном темпоральная сетка гороскопа является аритмичной с использованием различных глагольных форм с семантикой времени.

Жанровые характеристики гороскопа также влияют на темпоральную сетку. Прежде всего в гороскопе представлено временное отношение проспекции: описываемые автором события и процессы относятся к будущему, предсказание дается на определенный временной период. В гороскопе можно выделить также и план ретроспекции: иногда указываются события прошлого, которые являются, по мнению автора, связанными с прогнозируемыми событиями.

Гороскоп может иметь и план интроспекции, представленный действиями, происходящими в данный момент. Интроспекция выражается при описании события вне конкретного времени, например при ссылке на общеизвестные истины или постоянные характеристики потенциального читателя.

При анализе темпоральной сетки гороскопа языковые средства дополняются неязыковыми характеристиками, что дает более полную картину темпоральной структуры гороскопа.

Ключевые слова: гороскоп; прогностический текст; темпоральная сетка; глагольные формы с семантикой времени; немецкий язык.

V. V. Beim

Lecturer, Chair of the German and French philology,
Northern Arctic Federal University; e-mail: beim.viktoriya@mail.ru

THE TEMPORAL NETWORK OF HOROSCOPE (on the material of the German language)

The topic of the article is the temporal structure of the German horoscope. The temporality as a language category can be described as a local-temporal complex, a temporal-aspectual complex, a functional-semantic field. The model "the temporal network" is taken for the analysis of the temporal structure of a concrete type text or genre. According to L. Nozdrina the temporal network is a complex of morphological, syntactical and derivational devices, which help the narratee to be oriented in the temporal text-aspects.

The texts of the German horoscopes were used as material of the study. The object is the temporal network, the subject of research is characteristics of the temporal network.

The temporal network is formed by language temporal devices, the pattern of the network, the rhythm of the change of the verbal devices and genre characteristics. The language temporal devices are classified according to their roles in text. The core zone is formed by the main verb forms with the future meaning: Präsens in the future meaning, Präsens in the meaning of the spread present, Futurum I. The circumnuclear zone is formed by other verb devices with the future meaning: Perfekt in the future meaning, Imperativ, Präteritum Konjunktiv, modal verbs and infinitive

constructions. The periphery is formed by the verb forms with the past and the present meaning; Präsens in the meanings of actual act, qualification, abstraction and forms of the past tenses.

The change of the language temporal devices forms the pattern of the temporal network. The pattern of the temporal network is a graphic of the move from one verbal device to the next. The most common pattern in horoscopes is the type “swing”, where there are different changes of verbal devices from the present to the future and to the past tense. The types of the pattern of the temporal network “pendulum”, “shaft” and “chain-dashes” are also used in the horoscope.

The rhythm of the change of the verbal devices is the next characteristic of the temporal network. There are rhythmic and arrhythmic temporal networks. Generally the temporal network of the horoscope is arrhythmic and has a lot of different verb temporal devices.

The genre characteristics influence also the temporal network. At first horoscope has the prospection relation: forecast refers to the future and is given for a concrete time. Horoscope has also the retrospection relation: sometimes the past actions are presented in the horoscope, which can be connected with the forecast. Finally the horoscope has the introspection relation: while referring to the universal truth and to constant characteristics.

So while analyzing the temporal network of the horoscope the language devices are added by the extralanguage characteristics and it makes the temporal structure of the horoscope completer.

Key words: horoscope; prognostic text; temporal network; verbal temporal devices; German language.

Общеизвестно, что время является универсальной категорией, а выражение времени в языке представлено в категории темпоральности.

Темпоральность может рассматриваться как отдельный феномен, так и в качестве составной части определенного комплекса: например, пространственно-временного континуума [Гальперин 1981, с. 92], аспектуально-темпорального комплекса [Бондарко 1999, с. 67]. Лингвистами применяются различные модели темпоральности: полевая модель [Гулыга, Шендельс 1969; Шубик 2005; Боднарук 2016], структурная и функционально-семантическая модели аспектуально-темпорального комплекса [Тураева 1979, с. 199–200]. Предложенные модели применимы для анализа имеющихся в языке средств выражения времени.

Для анализа темпоральной структуры отдельного типа текста Л. А. Ноздрина предлагает использовать модель темпоральной сетки [Ноздрина 1997]. Под термином «темпоральная сетка» понимается

совокупность средств морфологического, синтаксического и словообразовательного уровня, обеспечивающих ориентацию читателя во временном аспекте текста [Ноздрина 2001, с. 41]. Имеющееся в гороскопе описание будущих событий, являющихся лишь предполагаемыми, подразумевает наличие временной ориентации читателя в тексте.

Материалом исследования для данной статьи послужили тексты гороскопов немецких молодежных журналов Bravo и Popcorn, а также журналов для женщин Brigitte и Gala. Объектом исследования статьи выступает темпоральная сетка, предметом исследования – характеристики темпоральной сетки.

Темпоральная структура гороскопа представляется в виде темпоральной сетки и включает в себя следующие характеристики:

1. Состав сетки (языковые средства):
  - a) доминирующие средства, образующие ядро темпоральной сетки;
  - b) второстепенные средства, образующие промежуточную зону;
  - c) средства, образующие периферийную зону.
2. Рисунок сетки.
3. Ритм смены глагольных форм.
4. Обусловленность сетки характеристиками жанра.

Среди языковых средств, образующих *состав сетки*, по аналогии со структурой поля выделяются доминирующие, второстепенные и периферийные средства.

Ядро темпоральной сетки гороскопа образуют грамматические средства, в наибольшей степени выражающие будущее время. Будущее время формирует основу семантической категории футуральности, включающей в себя наряду с темпоральным компонентом модальный, эвиденциальный и аспектуальные компоненты [Боднарук 2016].

Выделение ядерных конституентов основывается на критериях поля Е. В. Гулыги и Е. И. Шендельс: 1) средство должно быть наиболее специализированным для выражения значения; 2) средство должно передавать данное значение однозначно; 3) средство должно иметь высокую частотность [Гулыга, Шендельс 1969, с. 10].

Перечисленным критериям в наибольшей степени соответствуют глагольные формы презенса в значении будущего, презенса в значении

расширенного настоящего и формы футурума I. Презенс в значении будущего и презенс в значении расширенного настоящего соответствуют первому и третьему критерию.

Необходимо пояснить выделение в отдельную семантическую единицу форм презенса в значении расширенного настоящего. Данные формы служат для выражения действий, совпадающих с моментом речи и простирающихся в будущее [Горохова, Филиппова 1985, с. 19]. Названное значение презенса выделяется нами только применительно к гороскопам с датой выхода из печати, совпадающей с началом прогнозируемого периода. Представленное в таких гороскопах действие может относиться к любому времени прогнозируемого периода, в том числе, к самому началу периода прогноза. Характерными признаками функционирования презенса в значении расширенного настоящего в гороскопе являются: а) употребление формы с лексическими указателями эгоцентрического времени (прежде всего *jetzt*) и б) образование в первую очередь от неопределенных глаголов, выражающих длительные действия, и поэтому обладающих семантикой настоящего и будущего времени.

Несмотря на то, что футурум I редко используется в тексте гороскопов, считаем возможным отнести и его к ядру темпоральной сетки данного жанра, так как выражение будущего времени является основным значением футурума I и, следовательно, данная форма «более однозначно выражает футуральную перспективу», чем презенс [Боднарук 2013, с. 76].

Промежуточная зона сетки гороскопа также характеризуется семантикой будущего и включает в себя средства, одним из сопутствующих значений которых является значение будущего. Это глагольные формы перфекта в значении будущего, императива, претеритума конъюнктива, модальные глаголы и инфинитивные структуры.

Периферия поля темпоральности гороскопа представлена глагольными формами, выражающими настоящее или прошедшее время. Данные средства служат для создания ретроспективного и интроспективного планов текста. В гороскопах это глагольные формы актуального, качественного, обобщающего презенса и формы прошедшего времени.

Безусловно, глагольные формы составляют основу темпоральной сетки и играют тем самым главную роль при создании темпоральной

структуры текста. Однако следует учитывать не только то, какие языковые средства для этого используются, но и то, каким образом они выстраиваются относительно друг друга. Для этого целесообразно рассмотреть следующую характеристику темпоральной сетки – ее рисунок. Согласно Л. А. Ноздриной, **рисунок темпоральной сетки** – это графическое отражение движения от одной временной формы к другой [Ноздрин 1997, с. 128]. Если на горизонтальной оси расположить все временные формы, а по вертикали показывать переход от одной временной формы к другой, то фиксирование всех встречающихся в тексте переходов даст рисунок сетки.

Для анализа сетки гороскопа нами несколько модифицирован принцип оформления рисунка сетки Л. А. Ноздриной. Во-первых, в гороскопе узлы переходов образуют не временные формы, а их значения: например, временная форма презенса индикатива может быть представлена значениями актуального настоящего, расширенного настоящего, будущего времени. Во-вторых, при анализе рисунка темпоральной сетки учитываются также и иные глагольные формы: формы императива и конъюнктива, инфинитивные конструкции и обороты. В-третьих, все глагольные структуры графически распределяются на три группы: со значением прошедшего, настоящего и будущего времени.

В гороскопе можно выделить как политемпоральные сетки (качели, маятник, стрела), так и монотемпоральные (цепочка, пунктир).

Наиболее частотным типом рисунка темпоральной сетки в гороскопе является рисунок «качели», при использовании которого наблюдаются разнообразные переходы от одной глагольной формы к другой.

(1) LIEBE: Du kannst deine Gefühle gegenüber deinem Partner nicht richtig einordnen, bist unsicher, was du möchtest. Die Antwort kannst du aber nur allein finden!

FREUNDE: Es ist keine Schande, wenn du dir von anderen helfen lässt, im Gegenteil. Nimm die Unterstützung, die dir angeboten wird, auf jeden Fall an!

SCHULE: In der nächsten Zeit musst du unbedingt wieder mehr für die Schule tun. Du hast die Zügel schleifen lassen – und das rächt sich jetzt böse... (*Bravo 2016, Nr. 8, S. 78*).

Ниже представлен рисунок сетки «качели» для примера (1).

Прошед- шее время	Настоящее время		Будущее время		
	Перфект	Обоб- щающий презенс	Презенс в значении расши- ренного настоящего	Претери- тум конъ- юнктив	Императив

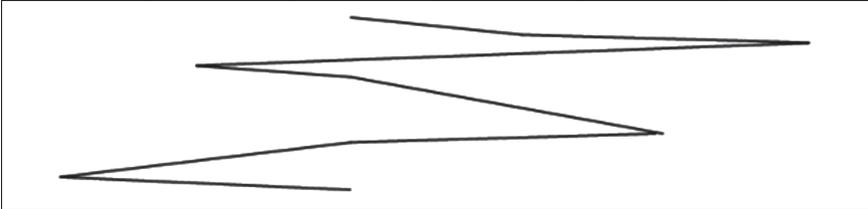

Рис. 1. Рисунок «качели»

Основу темпоральной сетки составляют временные формы презенса в значении расширенного настоящего *kannst ... einordnen, bist, lässt ... helfen, musst ... tun, rächt*. Значение данных форм простирается также и в будущее, связь которого с настоящим обозначена на рисунке с помощью пунктирной линии между графами настоящего и будущего времени. Временные показатели *jetzt, in der nächsten Zeit* указывают на период прогноза и поддерживают глагольную семантику настоящего времени, переходящего в будущее. Ретроспективная вставка оформлена формой перфекта *hast schleifen lassen*. Проспективные вставки образуют формы императива *nimm ... an*, футурального презенса от модального глагола *kannst ... finden* и претеритума конъюнктива *möchtest*. Обобщающий презенс *ist* выражает оценку действия, актуальную в любое время. Текст не только содержит информацию о будущем, но и отсылает читателя к событиям прошлого, которые, по мнению автора, влияют на будущее.

Следующий тип рисунка темпоральной сетки – это «маятник». В нем участвуют две глагольные формы, между которыми и в рамках которых происходит движение.

- (2) Wenn Sie Ruhelosigkeit oder Ausbruchswünsche verspüren, liegt das nicht an äußeren Ereignissen, sondern an Ihren inneren Mustern: Sie werden sich unterdrückter Impulse bewusst, die Ihre Lebensentfaltung

behindern. Geißeln Sie also nicht den anderen für Ihre Unzufriedenheit oder stellen Sie gar die Beziehung in Frage – die Lösung liegt in Ihnen. Sie können ändern, was Ihnen missfällt, Schritt für Schritt mit analytischem Verstand und Beharrlichkeit (*Brigitte 2013, Nr. 19, S. 190*).

Настоящее время	Будущее время
Презенс в значении расширенного настоящего	Императив
	

Рис. 2. Рисунок «маятник»

В приведенном примере употребляется пара презенс в значении расширенного настоящего – императив. Данные средства выражают настоящее и вытекающее из него будущее время. Отсутствие средств выражения прошедшего времени объясняется характеристикой гороскопа. Прогноз сочетается с советами автора, выраженными императивными формами вежливости (с местоимением *Sie*) *geißeln, stellen*.

При формировании рисунка «стрела» так же, как и «маятника», участвуют две глагольные формы, однако их смена происходит только один раз.

- (3) Ob bei Singles oder Paaren – dank Mars und Uranus geht es nun so leidenschaftlich zu wie lange nicht mehr. Singles flirten, was das Zeug hält. Liierte erkunden ihren Schatz bei gemeinsamen Sommerunternehmungen. Sie haben Spaß an Abendunterhaltung mit Stil wie Krimi-Dinner oder Independent-Filmen mit anschließender Diskussionsrunde.

KOSMISCHER TIPP: Beim Sport sollten Sie Ihrem Kreislauf nicht zu viel zumuten! (*Gala 2015, Nr. 31, S. 76*).

Настоящее время	
Презенс в значении расширенного настоящего	Претеритум конъюнктив
	

Рис. 3. Рисунок «стрела»

Формы презенса в значении расширенного настоящего в конце гороскопа сменяются формой претеритума конъюнктива *sollten*, выражающей совет. Оба средства также служат для создания футуральной перспективы, а наречие *nun* соотносит прогнозируемые события с периодом прогноза.

В целом рисунок «стрела» не является типичным для гороскопа, что можно объяснить предпочтением авторов использовать разнообразные средства с семантикой времени.

Примерами рисунков монотемпоральных сеток, оформленных одной глагольной формой, являются «цепочка» и «пунктир». Данные сетки отличаются друг от друга тем, что при «цепочке» действия взаимосвязаны друг с другом и развиваются последовательно, а при «пунктире» наблюдается параллельное описание событий. В исследуемых нами гороскопах отдельные примеры данных сеток не были обнаружены, однако в гороскопах для молодежи может использоваться смешанный тип рисунка «цепочка-пунктир», например:

- (4) FLIRT: Nein, das sind keine Herz-Rhythmus-Störungen, wenn dein Herz klopft wie verrückt. Vielleicht ist eher ein süßer Krebs daran schuld...?
- FRIENDS: Stress in der Clique und in Zentrum: du! Jemand stichelt gegen dich.
- FEELINGS: Cool, langsam lichtet sich das Gefühls-Chaos.
- GLÜCKSTAGE: 09.03. + 20.03. (*Popcorn 2017, Nr. 4, S. 63*).

Рис. 4. Рисунок «цепочка-пунктир»

На протяжении всего текста используются только глагольные формы презенса в значении расширенного настоящего. Весь гороскоп состоит из мини-текстов, представляющих важные читателю

аспекты: «флирт», «друзья», «чувства», «счастливые дни». Поскольку текст разделен на части, то прогнозируемые события в данных частях развиваются параллельно друг другу в период прогноза, а события в рамках части «флирт» – последовательно.

Состав и рисунок сетки дополняет следующая характеристика темпоральной сетки – *ритм смены глагольных форм*. Исходя из этого сетки могут быть ритмичными и аритмичными. Ритмичной называется сетка, в которой смена глагольных временных форм происходит в более или менее строгой последовательности, позволяющей установить некоторую закономерность [Ноздрина 1997, с. 142]. В большинстве текстов гороскопов представлены аритмичные сетки. Ритм можно представить в виде схемы: в нижней строке представлены глагольные формы, а в верхней – количество их использований, две вертикальные параллельные черты обозначают границу между абзацами.

Например, ритм смены глагольных форм в примере (1) можно представить следующим образом:

2	1	1	1	1	1	1	1	1
Präs. _{расш.}	Prät.Konj.	Präs. _{фут.}	Präs. _{обобщ.}	Präs. _{расш.}	Imp.	Präs. _{расш.}	Perf.	Präs. _{расш.}

Рис. 5. Ритм смены глагольных форм в примере (1)¹

Данный текст является примером аритмичной темпоральной сетки, в которой смена глагольных форм и их значений происходит в свободном порядке. Частая смена глагольных форм создает динамику текста.

Завершающий параметр при описании темпоральной сетки текста – это ее *обусловленность жанром*. Так как гороскоп является прогностическим текстом, то его основная прагматическая установка обусловлена направленностью в будущее и предполагает доминирование определенных речевых актов: прогноза и совета. В гороскопе прогноз выступает своего рода тематическим ядром: описываемые

¹ Используемые сокращения: Imp. – императив; Präs._{расш.} – презенс в значении расширенного настоящего; Präs._{обобщ.} – обобщающий презенс; Präs._{фут.} – футуральный презенс; Prät.Konj. – претеритум конъюнктив; Perf. – перфект.

автором события и процессы относятся к будущему или к настоящему, переходящему в будущее.

Таким образом, темпоральная сетка гороскопа представлена следующим образом. Во-первых, основу сетки составляют языковые средства, подразделяющиеся на доминирующие, приядерные и периферийные. К доминирующим средствам относятся глагольные формы, наиболее специализированные для выражения будущего, передающие данное значение однозначно и имеющие высокую частотность употребления. Приядерную зону образуют средства, одним из сопутствующих значений которых является значение будущего. И периферийными средствами темпоральной сетки гороскопа оказываются средства, выражающие настоящее или прошедшее время.

Во-вторых, понятие темпоральной сетки включает в себя также и ее рисунок, ритм смены глагольных форм, а также взаимосвязь с жанровыми особенностями. Наиболее типичным рисунком темпоральной сетки в гороскопе является рисунок «качели», оформленный разнообразными переходами глагольных форм, но также могут использоваться рисунки «маятник», «стрела», «цепочка-пунктир». В основном темпоральная сетка гороскопа является аритмичной с использованием различных средств выражения времени. Наличие прогноза в гороскопе определяет преимущественное использование в тексте средств выражения будущего времени и настоящего, переходящего в будущее. Таким образом, языковые средства дополняются неязыковыми характеристиками, что дает более полную картину темпоральной сетки гороскопа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боднарук Е. В.* Грамматические средства выражения футуральности в тексте газеты // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2013. № 2. С. 73–79.
- Боднарук Е. В.* Категория футуральности в современном немецком языке: семантико-прагматический и функционально-дискурсивный аспекты исследования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2016. 39 с.
- Бондарко А. В.* Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 260 с.
- Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стереотип. М. : КомКнига, 1981. 144 с.
- Горохова И. М., Филиппова Н. А.* Пособие по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М. : Высшая школа, 1985. 191 с.

- Гулыга Е. В., Шендельс Е. И.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М. : Просвещение, 1969. 184 с.
- Ноздрина Л. А.* Взаимодействие грамматических категорий в художественном тексте (на материале немецкого языка) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 475 с.
- Ноздрина Л. А.* О категориальном статусе некоторых лингвистических явлений // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2001. № 2. С. 39–46.
- Тураева З. Я.* Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка) : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1979. 219 с.
- Шубик С. А.* Поле футуральности в истории немецкого языка // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб. : Наука, 2005. С. 244–251.

УДК 81'373.45

Е. В. Белоглазова, В. В. Кабакчи, Е. Ю. Иванова

Белоглазова Е. В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета; e-mail: raemahet@gmail.com

Кабакчи В. В., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета; e-mail: vkabakchi@gmail.com

Иванова Е. Ю., старший преподаватель и аспирант кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета; e-mail: ekaterina_ivanova_fines@mail.ru

ЕСЛИ КСЕНОНИМЫ ПОЯВЛЯЮТСЯ – ЗНАЧИТ, ЭТО КОМУ-НИБУДЬ НУЖНО: СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ КСЕНОНИМОВ

Отличительной особенностью лингвистики XXI века является то, что язык и культура перестали рассматриваться отдельно, а соединились в единое целое – лингвокультуру. В лингвистической науке постоянно растет интерес к проблемам диалога языков и культур, что определяется современными тенденциями развития глобальной межъязыковой и межкультурной коммуникации. В связи с выдвигением английского языка на лидирующую позицию в качестве языка мирового общения и его интенсивным использованием в приложении к иноязычным культурам англоязычное описание иноязычных («внешних») культур приобретает особую актуальность и важность.

В центре внимания настоящей статьи находится стилистическое функционирование культурно-маркированной лексики – ксенонимов. В работе дается обзор стилистических функций ксенонимов в целом, а также подробно анализируются функции стилизации (нативизации) и негативизации на примере использования русизмов и японизмов. Привлечение текстов из художественной литературы и публицистики позволяет проследить, каким образом авторы используют ксенонимы для остранения или дистанцирования описания от привычного читателю культурного окружения.

Авторы приводят примеры употребления культурно маркированных топонимов, антропонимов, идиом и локалоидов, введенных для стилизации текста. При анализе ксенонимов в функции негативизации дается краткий обзор истории лингвистических контактов России, Японии и англоговорящих стран, а также выделяются причины активизации рассматриваемой функции.

Ключевые слова: ксенонимы; стилистические функции; русизмы; японизмы; стилизация; негативизация.

E. V. Beloglazova, V. V. Kabakchi, E. Y. Ivanova

Beloglazova E. V., Doctor of Philology, Professor of the Theory of Language and Translation Studies Department, St. Petersburg State University of Economics; mail to: raemahet@gmail.com

Kabakchi V. V., Doctor of Philology, Professor of the Theory of Language and Translation Studies Department, St. Petersburg State University of Economics; mail to: vkabakchi@gmail.com

Ivanova E. Yu., Senior Lecturer and Post-graduate Student, of the Theory of Language and Translation Studies Department, St. Petersburg State University of Economics; mail to: ekaterina_ivanova_finec@mail.ru

**XENONYMS FOR RHYME OR REASON
or STYLISTIC FUNCTIONS OF XENONYMS**

A distinctive feature of linguistics in the 21st century is that language and culture are no longer viewed separately and have united into the organic whole – linguoculture. Interest in the problem of dialogue between languages and cultures does not fade; this is determined by modern trends in the development of global interlingual and intercultural communication. Due to promotion of English language as the language of international communication and its intensive use applied to foreign cultures the English description of foreign (“external”) cultures is of particular relevance and importance.

The focus of this article is the stylistic functioning of the culturally-marked units – xenonyms. The article gives an overview of the stylistic functions of xenonyms in general, and also analyzes in detail the functions of stylization and negativization using the examples of Russisms and Japanisms. Fiction and publicistic texts allow to trace how authors use xenonyms to estrange description from the familiar cultural environment.

The authors give examples of culturally marked toponyms, anthroponyms, idioms and localoids introduced for styling the text. In the analysis of xenonyms in the function of negativization, a brief overview of the history of linguistic contacts of Russia, Japan and English-speaking countries is given, as well as the reasons for the activation of the function.

Key words: xenonyms; stylistic functions; russisms; japanisms; stylization; negativization.

В вопросе о функциях языка в лингвистике не сложилось общего мнения, что, с одной стороны, порождает проблему отсутствия единой системы координат, а с другой – дает исследователю некоторую свободу выбора. Сложность определения функций языка, как нам кажется, имеет те же корни, что и сложность создания классификации

текстов – коммуникация столь многогранна и многообразна, что трудно охватить все ее проявления. Учитывая специфику интересующей нас формы коммуникации (а именно, межкультурной), мы остановили свой выбор на номенклатуре функций языка, предложенной А. А. Леонтьевым. Исследователь рассматривает язык как средство передачи 1) общественно-исторического опыта человечества и 2) специфического национально-культурного опыта конкретного народа. Именно их исследователь относит к функциям языка, т. е. «функциональным характеристикам речевой деятельности, которые проявляются в любой речевой ситуации» [Леонтьев 1969, с. 34]. Применительно к культурионам как к элементам инолингвокультурного контекста особую важность приобретает вторая из названных функций, связанная с передачей национально-культурного содержания. Как будет показано далее, раскрытие этого культуро-специфического содержания может варьироваться от предельно полного до минимального или даже отрицательного. В первом случае можно говорить о *культурологической функции* ксенонимов, во втором – об их *эзотерической функции*.

Среди вторичных функций речи, исчерпывающий перечень которых А. А. Леонтьев считает утопией, исследователь отмечает эстетическую функцию, связанную с наделением некоторого элемента особой значимостью за счет его особого положения в тексте или употребления вне привычной для него сферы. Именно так и воспринимаются ксенонимы – как вырванные из своей лингвокультуры и потому «торчащие над строкой». Этот аспект функционирования ксенонимов может также проявляться двояко – как *функция стилизации* определенной культуры или как *функция экзотизации* (т. е. конструирования обобщенно-экзотической культуры).

Функционирование ксенонима как средства передачи или сокрытия культурно-значимой информации как наиболее очевидный случай рассматривалось в работах В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазовой, З. Г. Прошиной.

В настоящей статье мы сосредоточим внимание на второй группе функций ксенонимов, связанной с порождением ими определенного стилистического эффекта, суть которого, в самом общем плане, состоит в остранении или дистанцировании описания от привычного читателю культурного окружения.

Функция стилизации

Функция стилизации (иными словами, локализации или нативизации) наиболее ярко проявляется в контексте инокультурной литературы, в которой автор, пишущий на английском языке, стремится стилизовать текст под иноязычные речевые практики.

Рассмотрим функцию стилизации на примере исторического жанра художественной литературы, в котором важно создание аутентичного культурно-исторического фона, чему и служат вводимые элементы инолингвокультурного контекста. В то же время, как справедливо отмечает Л. Минк, «history claims to be a true representation of the past, while fiction does not, even when it purports to describe actions and events locatable in particular times and places» [Mink 1987, с. 182–183], т. е. инолингвокультурные вкрапления призваны создать достоверную историческую атмосферу, но абсолютная точность не требуется и не соблюдается.

Так, в романе П. Саймонс *The Bronze Horseman* очевидны усилия автора по конструированию достоверного культурно-исторического фона. Этой цели служат предпосланные тексту произведения карты Ленинграда и Ленинградской области, где разворачиваются события, а также детальные описания маршрутов с топографическими деталями:

When the tram didn't come for twenty minutes, Tatiana agreed to walk a few kilometers to tram Number 16. Govorova turned into Ulitsa Skapina and then meandered diagonally northward until it ended in the embankment of the Obvodnoy Canal – the Circular Canal (*Simons P. The Bronze Horseman*).

Саймонс приводит поразительно детализированное описание с номером маршрута трамвая и дальнейшим пешим маршрутом героини, и в то же время, оно неточно: «Шкапина» превращается в «Скапина», «Обводный» – в «Обводной».

Второй важной составляющей конструируемого аутентичного фона являются имена персонажей и обращения их друг к другу. Автор даже не боится вводить антропони́мы в их уменьшительно-ласкательной форме (*Babushka, Deda, Papochka*) или во всем богатстве их вариативности:

Daria, Dasha, Dashenka, Dashka. She represented everything that was dear to Tatiana (*Simons P. The Bronze Horseman*).

В-третьих, автор стилизует дискурсивные практики персонажей, пытаясь дать читателю представление об аутентичном речевом окружении:

“Tania, be quiet and sit down,” Papa ordered his daughter. “It’s about to begin. Irina, you, too. Sit.” (*Simons P. The Bronze Horseman*).

В то же время, вводимый инокультурный контекст несвободен от неточностей, таких как анахронизм «Tsarskoye Selo» (до 1918) вместо «Пушкин» (с 1937), маршрут трамвая, цена за проезд, написание улицы и т. п.

Однако, пожалуй, единственной непростительной неточностью в романе является превращение «Zhitomir» в «Shitomir», с его вульгарными коннотациями, в переводе речи В. Молотова 22 июня 1941 г. о вступлении СССР во Вторую Мировую Войну; в то время как прочие оплошности не играют существенной роли в художественном произведении, пусть и реалистически-исторического жанра.

В еще одном историческом романе *Shogun*, посвященном уже японской среде, Дж. Клавелл использует не только топонимы, антропонимы и регулярные суффиксы вежливости *san* и *sama*, принятые в японской лингвокультуре, но и приводит целые транслитерированные диалоги:

“Wakarimasu ka?” Omi said.
“He says, do you understand?”
“Hai.”
“Okiro.”
“He says you will get up.” (*Clavell J. Shogun*)

Пояснениями в таких случаях снабжается только первое введение японизмов в текст, чтобы в дальнейшем ничто не мешало погружению в атмосферу Японии:

“Wakarimasu? You! Captain-san!”
The man stared at him open-mouthed, then he bowed to hide both his astonishment and his pleasure. “Wakarimasu, Anjin-san. Hai. Arigato goziemashita.” (*Clavell J. Shogun*)

В то же время ошибочно было бы ограничивать сферу применения ксенонимов в функции стилизации (локализации) только лишь художественной литературой.

Элементы инолингвокультурного контекста нередко вводятся и в нехудожественную литературу с целью создания или углубления местного колорита в публицистике:

Certainly, it is not the Russia of *izbi* and *babushkas*, of earthy proverbs by peasants in bast shoes (*Massie S. Pavlovsk. The Life of a Russian Palace*).

В приведенном примере ксенонимы *izbi* и *babushkas* введены в текст из стилистических соображений: по мнению автора их присутствие должно подчеркнуть «русскость» описания, передать национальный колорит культуры.

Приведём также пример употребления японских ксенонимов в газетной статье *The Kimono Kerfuffle*, посвященной скандалу, разразившемуся в Бостонском музее, где на выставке посетителям было предложено примерить кимоно, что оскорбило представителей азиатской культуры:

In the unlikely event that Boston's MFA ever wants to offer another Japanese hands-on experience, hara-kiri might be an option (*National review, August 24, 2015*).

Японизм используется здесь для усиления иронии автора, а также для поддержания общей стилистики статьи.

Распространенным способом создания национального колорита является обращение к русским пословицам. Идиоматика порой вводится вскользь, в иных же случаях становится объектом пристального внимания и подробно растолковывается читателю:

“*Blat* isn't really corruption”, an actress contended, “it's just *ty mne ya tebe* (you for me and me for you). In other words, I'll scratch your back and you scratch mine!” (*Smith H. The Russians*)

Своеобразным стилистическим приемом следует считать русификацию англоязычной фразеологии посредством субституции ключевых слов оригинала соответствующими ключевыми русизмами. Так, в первом случае переделывается пословица «When in Rome, do as Romans do», а во втором случае, безусловно, имеется в виду интернациональная идиома «играть вторую скрипку», где место скрипки занимает *balalaika*:

Be adventurous – when in Moscow do as the Muscovite do (*Beyer: 37*).

Pupil independence, however, plays second balalaika to the pressure for marks... (*Time* 06.06.1980)

Последняя идиома, причем именно в таком трансформированном виде, оказывается достаточно частотным средством стилизации текста описания русской культуры, о чем свидетельствуют следующие примеры из американской прессы:

1. I am star of Russia; you play second balalaika (*The Advocate-Messenger*, Sept. 23, 1991).
2. Tito Visit Shows Bulganin Plays Second Balalaika to Khrushchev (*Asbury Park Press*, May 28, 1955).
3. But Ivan Ivanovich is actually getting a better break than Khrushchev indicated in stating the new Kremlin line early in 1954. Heavy industry continues to get the bear's share of resources and Ivan still has to play second balalaika to machine tools, tractors and steel plants (*The Tipton Daily Tribune*, May 11, 1957).

Особенно ярким в интересующем нас отношении является пример 3, в котором упомянутые выше типичные для этой функции средства представлены в существенной концентрации: имя-символ, причем в сокращенной (*Ivan*) и полной – типично русской с отчеством – форме (*Ivan Ivanovich*), символ Москвы и, как следствие, России (*Kremlin*), русифицированные идиомы (*play second balalaika*, *bear's share*).

По-видимому, автор руководствовался другой, адаптированной к ситуации, русской народной мудростью: «Текст ксенонимами не испортишь!».

Трансформации могут подвергаться также узнаваемые клише и крылатые выражения:

From Russia with blat: can informal networks help modernize Russia?¹ (*Ledeneva A. From Russia with blat: can informal networks help modernize Russia?*).

Японская идиоматика меньше подвержена адаптации в английском языке, что может быть обусловлено особенностями ее образования: большая часть японских пословиц представляет собой четырех-

---

¹ Название статьи.

иероглифические сложные конструкции, которые функционируют, как поэтические фразеологизмы, а иногда и как паремии (полноценные предложения). При использовании таких ксенонимических выражений автор обычно прибегает к калькированию японского выражения с последующим пояснением:

Fall down seven times, get up eight: The power of Japanese resilience¹.

Japanese culture and ways of thinking can not be adequately addressed in a short space, but this Japanese proverb reflects an important and shared ideal: “Nana korobi ya oki” (literally: seven falls, eight getting up) means fall down seven times and get up eight (*Presentation Zen, March 24, 2011*).

Другим крайне эффективным средством лингвокультурной стилизации текста являются *локалоиды* – заимствования-дублиеты интернационализмов. Привнося нужный стилистический эффект, они остаются понятными за счет формальной близости соответствующим словам английского языка.

У русского интернационализма «гастроном» в английском языке есть два соответствия: (1) *gastronome*: a lover of good food; esp: one with a serious interest in gastronomy, a gourmet; (2) *gastronomy*: the practice, study, or art of eating and drinking well; culinary [OEED].

Характерно, что ни один из них не используется в текстах англоязычного описания русской культуры; вместо них неизменно вводится заимствование:

This new gastronom (food store) was featured in the Armenian Cuisine cookbook. Soviet censors failed to notice that the store cases were nearly empty! (*Petrosyan I., Underwood D. Armenian Food: Fact Fiction and Folklore*)

Two exceptions in Vladivostok were ‘Dary Taigi’ (‘Gifts of the Forest’) and a large gastronom (food store) on the main street of the city. The *gastronom*, which was built before the Revolution <...> (*Hudgins T. Onions with no Bottoms and Chickens with no Tops*).

There was one gastronom or food store in town, a hardware store, a hospital, some taverns, a news kiosk, a hotel, and the *raison d’être* for the whole place, the iron factory (*McNeely D. A. A Russian Lullaby*).

И «гастроном» далеко не одинок в таком положении в АЯМО:

---

¹ Название статьи.

A Patrul armoured vehicle with a soldier sitting on top races down Red Square (www.dailymail.co.uk, 09.05.2018).

More dark leather gleamed from the upholstery on couches and chairs, and light fell softly from brass lamps with green glass shades better suited to an Ivy League campus library than to the lair of a Russian *biznesmen* (*Brzezinski M. Casino Moscow: A Tale of Greed and Adventure on Capitalism's Wildest Frontier*).

“*Dokumenty*,” one [guard] demanded (*Brzezinski M. Casino Moscow: A Tale of Greed and Adventure on Capitalism's Wildest Frontier*).

Приведенные выше примеры, очевидно, контрастируют с теми случаями, которые традиционно описываются в теории перевода как «ложные друзья переводчика», введение которых следует рассматривать как ошибку, являющуюся результатом лексической интерференции.

В то же время, очевидно, что *dokumenty*, *patrul*, *biznesmen* – не ошибки, а намеренный перенос русизмов, т. е. трансференция. И перенос в данном случае обусловлен сугубо стилистическими соображениями, поскольку соответствующие слова в языке описания существуют – *documents*, *patrol*, *businessman*.

Подобные примеры встречаются и в англоязычных текстах, описывающих японскую культуру:

Hence, the popular belief in contemporary Japan that gurobaruka is changing Japan in not necessarily beneficial ways seems closely keyed to and shaped by the depressed state of the economy in the 1990s (*East Asia and Globalization*).

The development and acceptance of sōsu went hand in hand with the increasing acceptance of Western-style foods such as *korokke* (croquettes) and *hanbāgu* (hamburger steaks) — as one gained popularity, the other naturally came along for the ride (*Japan Times*, February 17, 2017).

Any cheap, bath-less apāto was better than a homestay, as long as I could just call it home and not have to constantly concern myself with the person I was living with (*Japan Times*, March 29, 2017).

Как и рассмотренные ранее русизмы, все выделенные японизмы имеют аналоги в английском языке – *globalization*, *sauce*, *hamburger*, *apartment*, но авторы намеренно предпочитают использовать локалоиды, чтобы добавить в текст японский колорит.

Функция негативизации

Восприятие и описание России в англофонном мире определяется многовековым идеологическим противостоянием: Россия всегда воспринималась Западом как держава азиатская, непредсказуемая, агрессивная.

До Петра Первого Россия была мало известной варварской страной *Muscovy* где-то на краю света, о которой тогда писали:

Moscouites is a nacion in Asia whose lande is called Moscouia [Oxford English Dictionary 2013].

Прямые контакты англичан с Россией установились лишь в середине XVI в., в эпоху правления Ивана Грозного. Уже в то время сведения о стране «Moscouia» приносились весьма отрицательные:

“Flat and ugly”, observed Samuel Collins, English physician to the Russian court, of the Kremlin’s icons in the 1660s... (*Figes O. Natasha’s Dance*)

...they know not how to eat peas and carrots boiled but, like swine, eat them shells and all (*Figes O. Natasha’s Dance*).

Однако, в полной мере отрицательный стереотип русской культуры стал складываться начиная с эпохи Петра Первого, когда Россия приблизилась к европейским границам и превратилась в империю, которая стала угрожать интересам европейских держав, в первую очередь – Британской империи:

[Of Musorgsky] There is a sense in which this very Russian figure (lazy, slovenly and heavy-drinking, full of swagger and explosive energy) played the Holy Fool in relation to the West (*Figes O. Natasha’s Dance*).

Квинтэссенцией этого искаженного стереотипизированного восприятия чужой страны стал русизм *Russki*, описывающийся словарями как «derogatory» [Oxford English Dictionary 2013] или даже «offensive» [Oxford Encyclopedic English Dictionary 1991].

Не удивительно, что при такой установке всё, исходящее из России начинает восприниматься отрицательно и / или подозрительно:

“This is vodka,” Mrs Allcock regarded her glass suspiciously. “Mr Rudd asked if I’d like to try it. Sounds very Russian” (*Christie A. The Mirror Cracked from Side to Side*).

Возможно, наиболее ярким примером функции негативизации у ксенонимов является *A Clockwork Orange* Э. Бёрджеса и жаргон *Nadsat*, сконструированный автором в романе на основе русского языка. Эти «иноязычные вкрапления» исследователи описывают как «Russian influences» [Maher 2010, с. 3–51], в них действительно узнаются русизмы, но это русизмы особого рода, точнее, в особенной функции.

С одной стороны, несомненно, что *Nadsat* – не русский язык и не его часть, но искусственно сконструированная автором семиотическая система, отражающая свою особую (суб)культуру, носителями которой являются *droogs* (банда подростков).

С другой же стороны, невозможно игнорировать тот факт, что эта своеобразная семиотическая система создана автором на основе русского языка, и выбор русского языка здесь совершенно неслучаен. В разгар холодной войны, когда писался роман, русский язык, как и все русское (= советское) воспринимался как квинтэссенция зла. Наделение персонажей языком с налетом русскости характеризовало их однозначно негативно, вызывало эффект отторжения.

Эта сугубо стилистическая функция русизмов в романе Э. Бёрджеса и ряде других антиутопических произведений середины XX в., которую можно назвать функцией негативизации, ярко проявляется при попытках перевести роман на русский язык и, фактически, делает роман непереводаемым. Простая рокировка русского и английского языков (решение переводчика Е. Синельщикова), т. е. англизация *Nadsat*, не дает искомого эффекта, поскольку английский язык не вызывает у русского читателя такого же эффекта. Замена на другой язык также не работает, так как невозможно найти другую пару языков, которые связывали бы такие же историко-культурно-идеологические отношения, как те, что сложились между русским и английским.

Функция негативизации, уже присущая русизмам в силу политико-идеологической ситуации, усугубляется за счет следующих аспектов функционирования «надсатизмов»:

а. Отстранение и в то же время, по мере проникновения читателя в код *Nadsat* – вовлеченность в описываемую субкультуру. Элементы *Nadsat* в основном абсолютно непрозрачны для рядового англоязычного читателя. При этом, автор уделяет большое внимание контекстуализации своих окказионализмов, стремясь достичь баланса

интеллектуального вызова и восприимчивости текста внимательным читателем. Проникновение в дискурс персонажа помогает читателю идентифицировать себя с ним, увидеть все глазами Алекса. Этот эффект Э. Бёрджес описал как «промывание мозгов» языком – нечто сходное тому, через что проходит и персонаж.

б. Юмористический эффект:

- неожиданная фонетическая форма (*poogly, gloopy, tolchock*);
- неожиданная графическая форма (*veshch, ptitsa*);
- неожиданная морфологическая форма (*prestoopnick*). Морфемы *pre-* и *-stoop-* являются фактами английского языка. Аффикс *-nick* также уже вошел в узус английского языка – через русский и идиш, и часто обыгрывается в юмористических контекстах. Заимствование в таком виде сохраняет легкий налет русскости, но концептуализируется с опорой уже на английский язык;
- контраст между лексической компонентой (окказионализм, неологизм, жаргонизм – как ни назови) и архаичной грамматической компонентой (*thou, dost, hast, betokeneth*) создает эффект гротеска.

в. Привнесение дополнительных смыслов за счет ассоциации с английскими словами, придающими русизмам двусмысленность: *lewdies* (= люди) содержит сему непристойного поведения; *rot* (= рот) вызывает ассоциации с англ. *to rot* (гнить, разлагаться), усиливаемую фразеологизмом *to talk rot* – нести чушь; *rabbit* (= работать) закономерно вызывает в сознании читателя кроликов – робких, суетливых и не слишком умных зверьков, что отражает в некоторой степени представление Алекса о рутине взрослой жизни. Но, пожалуй, самой яркой иллюстрацией является окказионализм *horrorshow* (= хорошо). Это весьма точно описывает индивидуальный концепт Алекса, для которого верно описание «чем хуже, тем лучше». Примечательна также репрезентация русизма «одинокий», который превращается в отнесенительно осмысленный оборот *on my oddy knocky*.

После распада СССР идеологическое противостояние между русско- и англофонным миром пошло на убыль, но в последние годы вновь обострилось, поэтому функция негативизации, по-видимому, у русизмов еще остается актуальной.

Если говорить о языковых контактах Японии и англоговорящего мира, то стоит отметить, что они не имеют столь долгой

истории – первый всплеск заимствований приходится на вторую половину XIX в., что связано с долгим периодом изоляции страны. Японизмы, использовавшиеся в то время относились, в основном, к боевым искусствам, кулинарии, живописи, религии и театру, поэтому имели нейтральную стилистическую окраску.

Второй этап заимствований был связан уже с годами Второй Мировой войны, когда так называемая Тихоокеанская война привлекла внимание англоязычного мира, и многие из слов японского происхождения уже упоминались зачастую в крайне негативном контексте. Совместная пропаганда породила такие понятия, как *banzai*, которое сейчас используется в значении громкого воинственного крика или как атрибутивное прилагательное для обозначения чего-то жестокого и безрассудного вместо «Three cheers!» в его классическом употреблении (букв. ‘Ten thousand years!’):

On first sight it doesn't appear to be a technical circuit, it's all banzai, maximum attack and aggression over the kerbs.

The computers went banzai (*Oxford English Dictionary*).

В это же время ранее стилистически нейтральные *Bushido*, *Shinto*, *samurai* и *hara-kiri*, дабы отразить зловещий образ японской национальной культуры, как языческой, так и варварской, в некоторых текстах приобретают отрицательную коннотацию:

Yanukovych has committed “political hara-kiri,” says WBC world heavyweight champion Vitaly Klitschko, who is also one of the leaders of the Udar (or “Punch”) opposition party (*The Daily Beast*, November 10, 2011).

В таких сложных исторических условиях распространилось имеющее расистские корни *Nip* (1942 г.), усеченная форма от *Nipponese* (1859 г.). Японизм *Jap*, выполняющий ранее лишь описательную функцию (*Jap silk*), в качестве глагола в американском варианте английского языка *jap* (1957 г.) приобретает значение «to make a sneak attack on», что проводит аллюзию на бомбардировку Перл-Харбора в 1941 г., и далее образует неологизм *zap* (1942 г.) – термин, также означающий «атака / нападение». Используемый таким образом японизм возрождает этническую враждебность военного времени.

В заключительные дни войны мир стал свидетелем трагических жертв молодых японских пилотов, принявших смерть в воздушных

атаках, таких пилотов называли *kamikadze* (1945 г.), букв. ‘божественный ветер’. Это название им было дано японскими военачальниками в попытке вспомнить «Божественные ветры» XIII в., т. е. тайфуны, которые разрушили армады Хубилай-хана в заливе Хаката, Кюсю. Возрожденное слово произвело яркое впечатление на журналистов и их читателей в англоговорящем мире и продолжило активно употребляться и после войны в значении «опасный», «губительный» или «саморазрушительный»:

Cows and sheep graze beside the road, oblivious to the freezing sheets of rain, and if there are fences keeping them safe from my kamikaze driving, they aren't visible at the moment (*Payne L. Mistletoe and Mr. Right*).

Последний из важных японизмов военных времен – *Hiroshima*, что (с включенным в него Нагасаки) стало общим наименованием для города, разрушенного ядерным взрывом. Отсюда во множественном числе знаменитый девиз «No more Hiroshimas!», который был придуман преподобным Танимото Кийоши и впоследствии использован активистами, выступающими против применения ядерного оружия во всем англоговорящем мире.

Оккупация Японии стала в реальности первым длительным периодом тесного вербального контакта между англичанами и японцами. Она породила новую волну заимствованных слов, и некоторые из них (например, *honcho* «a person who is in charge of other people», *skosh* «a small amount») только сейчас переходят из военного сленга в обиходный английский.

Важно отметить, что если первые японизмы, получившие негативную коннотацию, относились к военному времени, то в дальнейшем негативизации стали подвергаться и ксенонимы, относящиеся к бытовой сфере. Так, например, междометие *sayonara*, обозначающее прощание, всё чаще стало использоваться в контексте неудачного окончания, отказа или провала:

From creeps and trolls to hoaxes and hackers, these are the things that made us want to say sayonara to the Interwebs this year (*The Daily Beast, December 15, 2014*).

Say sayonara to NBC's "The West Wing". The once popular drama has suffered severe ratings woes in recent seasons, so NBC says it's pulling the plug on the fictional White House (*CNN Live Sunday, January 22, 2006*).

Таким образом, отрицательная коннотация японизмов может использоваться для придания негативной окраски всему сообщению автора. В последние годы, однако, благодаря повышению интереса к японской культуре, сближению Японии и Америки, а также укреплению позиции страны на экономической арене, наблюдается тенденция к стилистической нейтрализации японизмов, поэтому в будущем они могут утратить негативный компонент.

Заключение

Ксенонимы предстают как лингвистическая универсалия, являясь неизбежным следствием вторичной культурной ориентации языка. При этом, вопреки распространенному до недавнего времени мнению, они имеют богатый функциональный арсенал, который включает в себя как когнитивные, так и стилистические функции.

Утверждение о (не)универсальности функций ксенонимов преждевременно – для этого требуются более масштабные кросслинговокультурные исследования. Проведенное исследование показало сопоставимость функционирования ксенонимов в английском языке вне зависимости от параметров конкретной лингвокультуры-источника.

Примечательно при этом проявление как у русизмов, так и у японизмов функции негативизации, т. е. закрепление за ксенонимами определенной негативной коннотации, что, возможно, свидетельствует о сохранении в англофонной культуре элементов национализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Леонтьев А. А.* Язык, речь, речевая деятельность. М. : Просвещение, 1969. 214 с.
- Mink L. O.* Narrative Form as a Cognitive Instrument // Historical Understanding [ed. by Richard T. Vann, Bryan Fay, Eugene O. Golob]. Ithaca : Cornell University Press, 1987. P. 182–183.
- Maher B.* Attitude and Intervention: A Clockwork Orange and Arancia Meccanica // New Voices in Translation Studies – 6. 2010. P. 36–51.
- Oxford Encyclopedic English Dictionary / ed. by J. M. Hawkins, R. Allen. Oxford : Clarendon Press, 1991. 1824 p.
- Oxford English Dictionary. 3rd ed. Режим доступа : www.oed.com.

Н. Ю. Бессонов

старший преподаватель кафедры теории и практики перевода
Донецкого национального университета; e-mail: nikitabessonov@mail.ru

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ-СВЯЗОК В СОСТАВЕ КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СВЕТЕ ТЕОРИИ ДИНАМИКИ СИЛЫ

Статья посвящена изучению семантических особенностей каузативных глаголов-связок в составе конструкций с учетом разных параметров в сопоставительном аспекте на материале языков далекой степени родства, в частности, английского и украинского. Таким образом, актуальность исследования обусловлена интересом к проблемам сопоставительного изучения вопросов семантического синтаксиса, необходимостью дальнейшей систематизации накопленных знаний в этой области и недостаточным уровнем изученности специфики языковой реализации конструкций с каузативными глаголами в разноструктурных языках. Следует также отметить, что несмотря на внимание лингвистов к синтаксическим единицам языка, нераскрытыми остаются глубинные механизмы репрезентации ими информации, процедуры структурирования знаний, используемые говорящим для формирования их смысла, факторы, влияющие на этот процесс, иными словами, когнитивные основы формирования смысла основных синтаксических единиц, а также языковые механизмы этот процесс обеспечивающие. Учитывая интерпретирующий характер современных лингвистических исследований, актуальной представляется интеграция сопоставительного метода с методологическими подходами грамматики конструкций и когнитивной семантики. Преимущество такого подхода в сопоставительном исследовании проблем семантического синтаксиса состоит в возможности интерпретации способов выражения ситуации причинности путем определения семантических особенностей глаголов-связок в различных контекстах на материале разных по структуре языков. Объектом исследования выступают каузативные глаголы-связки в составе конструкций в английском и украинском языках, предметом – их семантические особенности. Интеграция сопоставительного метода с методологическими подходами грамматики конструкций и когнитивной лингвистики при изучении семантики каузативных связочных глаголов позволяет установить инвариантный смысл категории каузативности, а также различные контекстные значения этой категории, обусловленные аналитизмом английского языка и синтетическим характером украинского языка. В результате использования такого полипарадигмального ракурса исследования установлены изоморфные и алломорфные характеристики механизмов репрезентации информации, связанной с выражением причинно-следственных отношений, а также процедур структурирования знаний, используемых участниками коммуникативного процесса для формирования каузативного смысла. Предложенный подход к семантическому анализу каузативных глаголов-связок позволяет моделировать семантические конфигурации внутри

каузативной конструкции в разноструктурных языках. Каузативные связочные глаголы являются одним из средств репрезентации информации, связанной с выражением причинно-следственных отношений. В разноструктурных английском и украинском языках зафиксировано наличие ограниченного набора прототипических глаголов-связок – ключевого элемента аналитического каузатива, семантика которого детерминирована характером каузативного значения глагола-связки. Глаголы-связки *let, make, get, have* в английском языке и *давати, робити, дозволяти* и *примушувати* в украинском языке, характеризующиеся широкой семантикой, сочетаемостью и частотностью, в составе каузативных конструкций уточняют: 1) факт побуждения к действию; 2) средство и способ побуждения (агенса совершить какое-либо действие); 3) объект и 4) субъект каузируемого действия. Каждый каузативный глагол-связка имеет свою собственную структурную модель в зависимости от типа каузативной ситуации, в которой он употребляется. Каузативные глаголы-связки реализуют свое значение и функцию только в составе конструкций. В контексте каузативные глаголы-связки не только актуализируют зафиксированные в лексикографических источниках узуальные каузативные значения, но и приобретают новые семантические оттенки.

Ключевые слова: каузативный связочный глагол; глагол-связка; семантический синтаксис; динамика силы.

N. Y. Bessonov

Senior Lecturer of the Department of Translation Studies,
Donetsk National University; e-mail: nikitabessonov@mail.ru

SEMANTICS OF LINKING VERBS AS PARTS OF CAUSATIVE CONSTRUCTIONS IN TERMS OF FORCE DYNAMICS THEORY

The article addresses the comparative study of the semantic peculiarities of causative linking verbs as parts of constructions in the languages of different structure, namely English and Ukrainian. The relevance of the research is determined by a growing interest towards the study of semantic syntax, the necessity of further systematization of the acquired data in the field under analysis and the need to analyze the specifics of language representation of constructions with causative linking verbs in different languages. It is worth mentioning that although there have been many efforts of analyzing the syntactic units of a language, the in-depth mechanisms of their representation of information remain to be researched. In other words there is need for studying the cognitive fundamentals of meaning formation. Taking into consideration the interpretational nature of modern linguistic studies it seems but logical to integrate the comparative method with constructional grammar methods as well as the cognitive semantics. The advantage of such approach consists in possibility to describe a causative situation by means of defining the semantic features of causative linking verbs in various contexts. The objective of the study are causative linking verbs as parts of constructions in English and Ukrainian, the subject is their semantic peculiarities. The integration of

comparative method with constructional grammar methods as well as the cognitive semantics enables to define the invariant meaning of the category of causativity as well as various contextual meanings of this category, conditioned by the analytical nature of English and synthetic structure of Ukrainian. As a result of such polyparadigmatic approach the isomorphic and allomorphic mechanisms of representing the information connected with expressing the cause-and-consequence relations are defined as well as the knowledge structuring strategies used by speakers to form a causative meaning. The suggested approach to the semantic analysis of causative linking verbs enables to model semantic configurations within causative constructions of various languages. Causative linking verbs are one of the key means of representing causative information. In the languages of different structure as English and Ukrainian a limited number of prototypical causative linking verbs is fixed. Linking verbs *let, make, get, have* in English *давати, робити, дозволяти и примушувати* in Ukrainian are characterized by broad semantics, compatibility and frequency. Each causative linking verb possesses its own structural model depending on the type of causative construction in which it is used. Causative linking verbs realize their meaning only in causative constructions. In context they not only actualize their lexicographic usual causative meanings but also acquire new semantic tinges.

Key words: causative linking verb; semantic syntax; force dynamics.

1. Каузативность определяется как семантическая категория, которая указывает на события или явления, порождающие другие события или явления. Каузативные значения, или значения причины, включают в себя такие разновидности, как причина-препятствие, причина-результат, императивная причина или причина-благоприятствование, повод и т. д. Каузативная семантика может быть выражена различными языковыми средствами: лексическими, морфологическими, синтаксическими. Одним из основных средств выражения категории каузативности в современных английском и украинском языках является глагол. Поскольку в большинстве работ глагольная каузативная семантика рассматривается, в основном, в рамках морфологического и лексического каузативов, представляется целесообразным остановиться на изучении особенностей именно аналитического каузатива на материале языков разной структуры. Аналитический каузатив или каузативные конструкции (далее – КК) с глаголами-связками и их семантика представляют собой фундаментальную основу, присутствующую во всех языках и являющуюся частью универсальной семантической организации. Именно ассоциирующаяся с каузативными ситуациями глубинная информация максимально сближает различные языки. Алломорфизм зависит от того, каким образом, насколько

эксплицитно и насколько мотивированно каузативность выражена на поверхностном уровне.

2. В широком смысле конструкция понимается как упорядоченная структура грамматических единиц, формирующих единицу иерархически более высокого порядка. В основе данного исследования лежит определение КК В. П. Неद्याлкова, согласно которому под конструкцией с КГ понимается любое построение, имеющее своим грамматическим ядром категорию каузативности, независимо от характера семантической интерпретации [Неद्याлков 1971], например: англ. *The police evidence made him confess to the crime* ‘Улики полиции вынудили его сознаться в преступлении’. В указанном примере субъект каузирующей ситуации выражен существительным *police* ‘полиция’, каузирующее состояние – существительным *evidence* ‘улики’, объект каузируемого действия – местоимением *him* ‘его’, каузируемое действие – инфинитивом *confess* ‘сознаться’. Глагол *make* ‘заставлять’, связывающий каузирующую и каузируемую ситуации, является основным элементом КК.

Грамматическая КК соотносится с семантической каузативной ситуацией. КК можно представить в виде модели, для которой типичным является наличие двух элементарных участников (каузатора и объекта каузации), действия-каузации, выраженного глаголом-связкой, и результата каузации. Действие-каузация всегда выражено эксплицитно, остальные элементы могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно. Таким образом, синтаксическая структура КК не всегда совпадает с семантической. Данная модель в зависимости от языка может иметь следующие способы выражения: 1) лексический; 2) аналитический; 3) морфологический.

3. Анализ точек зрения на интерпретацию типов каузации свидетельствует о различии подходов к описанию семантики каузативных отношений (В. П. Неद्याлков, Г. Г. Сильницкий, А. Cruse, W. Croft, P. Cole, J. Song, R. Dixon, L. Talmy). Одной из наиболее разработанных является классификация семантических каузативных типов Л. Талми [Talmy 1976]. Оптимальным для описания многоплановых семантических аспектов каузативных отношений является принцип динамики силы Л. Талми [Talmy 1988], согласно которому взаимодействие различных сущностей друг с другом объясняется с точки зрения силы и сводится к таким характерным ее проявлениям, как непосредственно

демонстрация силы, сопротивление силе, преодоление сопротивления, блокирование силы, устранение блокирования и т. п.

4. Предлагаемая комплексная методика сопоставительного исследования семантики глаголов-связок в составе КК включает ряд этапов, среди которых: построение модели, с помощью которой можно вычленивать грамматические конструкции, отображающие в языке каузативную ситуацию, и позволяющей выявить КК с глаголом-связкой в анализируемых языках; формирование корпуса эмпирического материала; разработка формул толкования и с их помощью описание особенностей семантики каузативных глаголов-связок как основных элементов, выражающих каузативное отношение в КК; анализ семантических особенностей КК с глаголами-связками на основании ряда критериев, определение продуктивности их семантических типов; описание средств формального выражения компонентов каузативных конструкций. Для установления сходств и отличий семантики КК с глаголами-связками наряду с сопоставительным методом использовались компонентный анализ и метод семантического моделирования.

5. Каузативные связочные глаголы относятся к особой группе широкозначных, частотных, характеризующихся широкой употребительностью глаголов. Аналитический характер языка значительно повышает роль связочных глаголов, их грамматическую специфичность и частотность. Благодаря своим семантическим и синтаксическим особенностям они выполняют функцию служебного компонента в конструкциях с максимально широким инвентарем основных компонентов.

6.1. Анализ языкового материала показал, что глаголы-связки типа *let, get, make, have* в составе каузативных конструкций уточняют:

- 1) факт побуждения к действию;
- 2) средства или способ побуждения (агенса совершить какое-либо действие);
- 3) объект;
- 4) субъект каузируемого действия.

Каждый каузативный глагол-связка имеет свою собственную структурную модель, в зависимости от типа каузативной ситуации, в которой он употребляется.

6.2. Ряд КК является грамматически эллиптическими, так как в них отмечено отсутствие некоторых элементов КК. Отсутствующие

в таких предложениях константы КК восстанавливаются из более широкого контекста. По критерию эллиптичности / неэллиптичности для примеров со всеми связочными глаголами характерно преобладание эллиптических конструкций. Наиболее эллиптичны КК с *take* (90 %), наименее – КК с *have* (70 %). В случаях, когда какой-либо элемент КК отсутствует в непосредственном окружении каузативного глагола, не упоминается в принципе или не извлекается из контекста, имеет место проявление критерия эксплицитности / имплицитности. Материал исследования показал, что из всех глаголов только примеры КК с глаголом *have* можно охарактеризовать как эксплицитные: *англ. I won't have him smoking in the bedroom [Mansfield]*. Наиболее имплицитны КК с *let*: *англ. But the saloon-keeper let him alone... [London]*.

7. Семантика КК с глаголами-связками обусловлена не только набором компонентов конструкции, но и отношениями между этими компонентами [Talmy 1976]. Согласно этому подходу по 10 критериям можно логически выделить 27 типов КС (см. табл.). Как свидетельствует эмпирический материал, в английском языке зафиксирован 21 тип КС. КК с глаголами-связками демонстрируют тенденцию к совпадению типов КС по выделенным критериям. Наибольшие отличия зафиксированы по критериям «количество связей в каузативной цепи», «степень непрерывности каузативной цепи», «масштаб целенаправленности со стороны субъекта», «степень самоуправляемости в середине каузативной цепи». Для КК с *let* характерен несколько больший семантический объем по сравнению с КК с остальными анализируемыми связочными глаголами.

8. С учетом критериев, позволяющих установить семантические отношения между компонентами конструкций, в украинском языке зафиксированы 16 из 27 возможных типов КС. В целом КК с глаголами-связками демонстрируют тенденцию к совпадению типов КС по выделенным критериям. Наибольшие отличия зафиксированы по критериям «сложность и характер актуализируемого элемента», «степень непрерывности каузативной цепи», «актуализация преодоления сопротивления и устранения препятствия», «степень самоуправляемости в середине каузативной цепи». Для КК с *давати* и *робити* характерен несколько больший семантический объем по сравнению с КК с остальными анализируемыми связочными глаголами.

Таблица 1

Типы КС с глаголами-связками в английском и украинском языках

Критерии семантической классификации	Типы КС	make	get	let	have	робити	давати	дозволяти	примусувати
1. По сложности и характеру актуализируемого элемента	базовая каузативная ситуация			-	-	-	-	-	-
	каузация события	+	+	+	+	+	+	+	+
	актуализация инструмента каузации	-	-	-	-	-	-	-	-
	авторская каузация	-	-	-	-	-	-	-	-
2. По количеству связей в каузативной цепи	агентивная каузация	+	+	+	+	+	+	+	+
	автономные события	+	+	+	+	+	+	+	+
	автономные события	+	+	+	+	+	+	+	+
	двухсобытийные каузативные цепочки	+	+	+	+	-	-	-	-
3. По степени непрерывности каузативной цепи	трехсобытийные каузативные цепочки	-	-	+	-	-	-	-	-
	непрерывная каузация	+	+	+	+	+	+	+	+
4. По идентичности протекания во времени или в пространстве каузирующего и каузируемого действий	прерывистая каузация	+	+	+	+	+	+	-	-
	протяженно длительная каузация	+	+	+	+	+	+	+	+
	однократная точечная каузация	+	+	+	+	+	+	+	+

Критерии семантической классификации	Типы КС	make	get	let	have	робити	давати	дозволяти	примішувати
5. По актуализации преодоления сопротивления и устранения препятствия	реализованная каузация	+	+	+	+	+	+	+	+
	разрешенная каузация	+	+	+	+	+	+	+	+
6. По масштабам целенаправленности (намерения) со стороны субъекта	каузация агенса	+	+	+	+	+	+	+	+
	каузация автора	-	-	-	+	-	-	-	-
	каузация экспериментера	-	+	+	-	-	-	-	-
7. По характеру информированности о последствии каузативного действия	каузация агенса	+	+	+	+	+	+	+	+
	каузация действия с определенной целью	+	+	+	+	+	+	+	+
8. По характеру внутренней направленности	автономное событие	-	-	-	-	-	-	-	-
	каузация действия агенса	-	-	-	-	-	-	-	-
9. По степени самоуправляемости в середине каузативной цепи	каузация агенса	+	+	+	+	+	+	+	+
	побуждающая каузация	+	+	+	+	+	+	+	-
10. По количеству случаев самоуправленияности в каузативной цепи	двухчленная каузация	+	+	+	+	+	+	+	+
	трехчленная каузация	+	+	+	+	-	-	-	-
	четырёхчленная каузация	-	-	-	-	-	-	-	-

9. В результате анализа КК по ряду критериев, позволяющих установить семантические отношения между компонентами конструкций, из 27 логически выделенных типов КС в английском языке зафиксирован 21 тип КС, в украинском – 17 типов КС (см. табл.). Больше количество типов КС в английском языке связано с аналитизмом его грамматического строя. В частности, одна и та же, в сравнении с украинским языком, грамматическая структура может выражать больший набор смыслов. Наибольшее количество типов КС в английском языке проиллюстрировали примеры с глаголом *let*. В украинском языке конструкции со всеми глаголами, кроме *робити*, представлены в одинаковом наборе типов КС.

9.1. Тенденция к межъязыковому совпадению типов КС отмечена по критериям «сложность и характер актуализируемого элемента», «степень самоуправляемости в середине каузативной цепи». Изоморфизм проявляется также в том, что в полученной семантической классификации не зафиксированы КК, соответствующие критерию «характер внутренней направленности». Данный критерий не является релевантным для каузативных глаголов-связок.

9.2. Частичное совпадение представленности типов КС в анализируемых языках отмечено по критериям «степень непрерывности каузативной цепи», «идентичность протекания во времени или в пространстве каузирующего и каузируемого действий», «актуализация преодоления сопротивления и устранения препятствия».

9.3. Межъязыковые отличия отмечены по четырем критериям: «количество связей в каузативной цепи», «масштаб целенаправленности (намерения) со стороны субъекта», «характер информированности о последствии каузативного действия», «самонаправленность в каузативной цепи».

10. Исследование особенностей отражения категории каузативности в языковой картине мира позволяет сделать вывод об универсальном характере данной категории для многих языков, в том числе разноструктурных. Аналитический каузатив в большей степени характерен для выражения каузативных отношений в английском языке в сопоставлении с украинским. Это связано с аналитическим характером английского и синтетическим характером украинского языка, в котором преобладают лексические и морфологические средства выражения категории каузативности.

Типологическое изучение семантики и структуры каузативных конструкций со связочными глаголами с привлечением большого количества разноструктурных языков представляет перспективу дальнейшего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бессонов Н. Ю.* Вопросы теории сопоставительного анализа семантических особенностей каузативных глаголов-связок // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2018. № 2. С. 7–13.
- Бессонов Н. Ю.* Каузативные конструкции со связочными глаголами в разноструктурных языках: семантический аспект // Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2016. Вып. XXVII. С. 652–660.
- Бессонов Н. Ю.* Семантика каузативных конструкций с глаголами-связками: сопоставительный аспект // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Вып. 3. С. 96–103.
- Недялков В. П.* Каузативные конструкции в немецком языке. Аналитический каузатив [Текст] / В. П. Недялков. Ленинград : Наука, 1971. 179 с.
- Недялков В. П.* Типология морфологического и лексического каузативов / В. П. Недялков, Г. Г. Сильницкий // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград : Наука, 1969. С. 20–50.
- Cole P.* The grammatical role of the causee in universal grammar // International Journal of American Linguistics. 1983. 49. P. 115–133.
- Croft W.* Typology and Universals [Text] / W. Croft. 2nd ed. New York : Cambridge University Press, 2003. 340 p.
- Cruse D. A.* Lexical semantics [Text] / D. A. Cruse. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. 310 p.
- Dixon, R. M. W.* The semantic basis of syntactic properties [Text] / R. M. W. Dixon // Changing valency. Case studies in transitivity. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. P. 30–83.
- Mansfield K.* The Garden-Party [Electronic resource] // English and American Literature. English and American Literature. Berlin, Москва, 2003. P. 3.
- Song J. J.* Causatives and causation: a universal-typological perspective. London : Longman, 1996. 295 p.
- Talmy L.* Force dynamics in language and cognition // Cognitive Science. 1988. 12. P. 49–100.
- Talmy L.* Semantic causative types [Text] / L. Talmy // Syntax and semantics 6: the grammar of causative constructions. New York : Academic Press, 1976. P. 43–116.

УДК [81`36+81`37+81`42] = 112.2

Е. В. Боднарук

доктор филологических наук, доцент,
зав. кафедрой немецкой и французской филологии
Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: e.bodnaruk@narfu.ru

МОДАЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ

В статье речь идет о систематизации значений модальных глаголов в современном немецком языке. Будучи закрытым лексико-грамматическим классом, традиционно насчитывающим шесть глаголов *sollen, wollen, müssen, können, dürfen* и *mögen*, модальные глаголы характеризуются чрезвычайной полифункциональностью. Сложность заключается и в том, что количество модальных глаголов может варьироваться в зависимости от концепции ученого. Так, как самостоятельные модальные глаголы могут рассматриваться *möchten, (nicht) brauchen, lassen* и *werden*. С другой стороны, *wollen* и *mögen*, характеризуясь определенными особенностями при использовании, могут не признаваться модальными глаголами. Существует ряд подходов к систематизации значений традиционно выделяемых модальных глаголов. Обычно модальность модальных глаголов представляется как бинарная оппозиция значений – *неэпистемических vs. эпистемических*. В основе *неэпистемического употребления*, свойственного всем шести модальным глаголам, лежит волитивное значение, сопровождающее значения *желания, возможности и необходимости*. Волитивное значение отвечает также за актуализацию проективной семантики. *Проективное значение* (значение *направленности действия в будущее*) ингерентно свойственно всем конструкциям с модальными глаголами при их неэпистемическом употреблении, а при использовании модального глагола в форме презенса оно обычно трансформируется в значение будущего времени. Семантика проективности способствует грамматикализации конструкций с модальными глаголами и превращению их в грамматические средства выражения будущего времени. Систематизация значений модальных глаголов при неэпистемическом употреблении связана также с различием двух логических субъектов предложения: субъекта желания и субъекта желаемого действия. *Эпистемическое употребление* является более однородным, оно указывает на степень полноты знания говорящего о событии, представленном в пропозиции. Оценка пропозиции носит градуальный характер и производится по «шкале уверенности». Для выражения различной степени уверенности говорящего в немецком языке используются преимущественно глаголы *müssen, dürfen, können* и *mögen*. Эпистемическое употребление модальных глаголов коррелирует с соблюдением *принципа вежливости*, поскольку говорящий в этом случае стремится избежать излишней категоричности в своих суждениях. Данный принцип может действовать и при неэпистемическом употреблении модальных глаголов, например при выражении вежливой просьбы и т. п. Соблюдение принципа вежливости может объяснять частое использование модальных глаголов

в немецкой речи. При выражении высокой степени уверенности эпистемическое значение как правило коррелирует с семантикой эвиденциальности, отсылающей к источнику информации. Собственно *эвиденциальное употребление* имеют в немецком языке модальные глаголы *sollen* и *wollen*. Оба глагола служат выражению лишь одного из эвиденциальных значений – значению пересказывательности (передаче чужой речи). Вместе с тем в случае наличия у говорящего сомнения или неуверенности в правдивости передаваемой информации, эвиденциальная семантика сочетается с эпистемической. Таким образом, можно констатировать, что модальные глаголы соединяют в своем семантическом составе ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных значений, принадлежащих разным категориям – модальности, эвиденциальности и темпоральности.

Ключевые слова: модальные глаголы; неэпистемическая и эпистемическая модальность; эвиденциальность; проективность; вежливость; немецкий язык.

E. V. Bodnaruk

Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department of German and French Philology,
M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University;
e-mail: e.bodnaruk@narfu.ru

MODAL VERBS IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE: SYSTEMATIZATION OF THE MEANINGS

The article deals with the systematization of the modal verbs meanings in the modern German language. As a closed lexical-grammatical class, which traditionally includes six verbs *sollen*, *wollen*, *müssen*, *können*, *dürfen* and *mögen*, modal verbs are characterized by extraordinary polyfunctionality. The difficulty is also, that the number of modal verbs can vary and depends on the concept of the scientist. *Möchten*, (*nicht*) *brauchen*, *lassen* and *werden* can be considered as separate modal verbs. On the other hand *wollen* and *mögen*, which have some peculiarities of use, cannot be acknowledged as modal verbs. There are a number of approaches to the systematization of meanings of the traditional modal verbs. The modality of the modal verbs is usually represented as a binary opposition of the meanings – *epistemic vs. nonepistemic*. The basis of the nonepistemic usage, which all six modal verbs can have, is volitive meaning. This meaning underlies the meanings of *desire*, *possibility* and *necessity*. The volitive meaning is responsible for actualization of projective semantics. Projective semantics (semantics of the future-time-direction) is an inherent characteristic of all modal verb constructions by their nonepistemic usage. And when the modal verb is used in a present form, this semantics usually transforms into the future meaning. Projective semantics contributes to grammaticalization of modal verb constructions, to their transformation into grammatical means of expressing of future time meaning. The systematization of the modal verbs meanings by their nonepistemic usage implies the differentiation of two logical subjects of the sentence: the subject of the desire and the subject of the desired action. The epistemic usage is more homogeneous,

it indicates the degree of knowledge completeness of the speaker about the event, which is represented in the proposition. The evaluation of the proposition has a gradual character and is made on a «scale of confidence». In the German language the verbs *müssen*, *dürfen*, *können* and *mögen* are mainly used to express the varying degree of confidence of the speaker. The epistemic usage of modal verbs correlates with the maintenance of the *politeness principle*, because the speaker seeks to avoid the excessive categorical judgments. This principle can work also by the nonepistemic usage of modal verbs, for example, by the expressing of a polite request etc. The maintenance of the politeness principle can explain the frequent use of modal verbs in the German speech. By expressing the high degree of confidence the epistemic meaning usually correlates with evidential semantics, which refers to the source of information. Two modal verbs in the German language – *sollen* and *wollen* – have proper evidential usage. Both verbs serve the expression of only one of evidential meanings – the meaning of retelling (indirect speech). At the same time, when the speaker has doubts or uncertainty about truthfulness of transmitted information, the evidential semantics correlates with the epistemic semantics. Thus it can be stated, that modal verbs join in their semantic structure some interconnected and interdependent meanings, which belong to different categories – the categories of modality, evidentiality and temporality.

Key words: modal verbs; nonepistemic and epistemic modality; evidentiality; projective meaning; politeness; the German language.

Модальные глаголы являются одним из языковых средств актуализации категории модальности. Чрезвычайная сложность семантической структуры модальности находит отражение в полифункциональности модальных глаголов немецкого языка. В современной лингвистике обнаруживаются многочисленные попытки систематизации значений модальных глаголов. В данной статье производится обзор некоторых попыток и предлагается авторское видение решения вопроса.

Не только семантика, но и состав модальных глаголов в современном немецком языке являются предметом дискуссий. Наряду с *sollen*, *wollen*, *müssen*, *können*, *dürfen* и *mögen* к модальным глаголам некоторые исследователи относят также *möchten*. В традиционном понимании *möchten* – это лишь форма конъюнктива II от глагола *mögen*. Вместе с тем возможность использования *möchten* в качестве инфинитива (*Von möchten kann nicht die Rede sein. Müssen!*), способность присоединять к нему придаточное предложение (*Der Chef möchte, dass Sie zu ihm kommen!*) и собственная семантика волеизъявления, отличающие данный глагол от *mögen*, способствуют тому, чтобы признать

möchten особым модальным глаголом [Vater 2010, с. 103; Reis 2001, с. 287; Brons-Albert 1982, с. 33].

Ряд исследователей к модальным глаголам относят также (*nicht brauchen* [Reis 2001; Brons-Albert 1982], *lassen* [Крашенинникова 1958] и *werden* [Reis 2001; Raynaud 1976 и др.]). Расширение состава модальных глаголов едва ли можно считать целесообразным, поскольку в этом случае появляется необходимость в объяснении совпадения формообразования (в случае с *möchten* и *mögen*), а также пересмотра границ модальности модальных глаголов как таковой (в случае с (*nicht brauchen, lassen* и *werden*). Тенденция к увеличению количества модальных глаголов в немецком языке свидетельствует, с одной стороны, о неоднозначности толкования морфологических характеристик, семантики и синтактики модальных глаголов, а с другой – об актуальности обсуждаемого вопроса.

В рамках данной статьи анализируются особенности семантики шести традиционно выделяемых модальных глаголов. Обычно модальность модальных глаголов представляется как бинарная оппозиция значений (см. табл. 1) [Vater 1975, с. 112–118; Calbert 1975, с. 34–35; Raynaud 1976, с. 230–232; Zerebkov 1977, с. 49; Jäntti 1983, с. 54; Diewald 1993, с. 220; Зеленщиков 1997, с. 130; Fritz Th. 2000, с. 85; Reis 2001, с. 287; Palmer 2001, с. 8; Helbig, Buscha 2001, с. 117; Лайонз 2003, с. 346; Vater 2010, с. 99; Abraham 2013, с. 388]:

Таблица 1

**Обозначения видов модальности,
выражаемой модальными глаголами**

объективная	субъективная	Г. Хельбиг, Й. Буша
неинференциальная	инференциальная	Й. Калберт; Х. Фатер (1975)
деонтическая	эпистемическая	В. Абрахам, Дж. Лайонз
неэпистемическая	эпистемическая	Г. Дивальд; Т. Фриц
внутренняя	внешняя	В.А. Жеребков
обстоятельственная	эпистемическая	М. Райс; Х. Фатер (2010)
событийная	пропозициональная	Ф. Р. Палмер

модифицирующая	модализирующая	Ф. Рейно
лексическая	грамматическая	А. Ентти
креативная	дескриптивная	А. В. Зеленщиков

Ранее в одной из работ мы исходили из обозначений *деонтическая* и *эпистемическая* модальность [Боднарук 2013, с. 53]. Позднее выбор пал на обозначения *неэпистемическая* и *эпистемическая* модальность [Боднарук 2016, с. 131]. Дело в том, что термин *деонтическая модальность* отсылает к логике, в которой он понимается значительно уже, чем *неэпистемическая* модальность. Так, применительно к немецкому языку В. Н. Бондаренко справедливо отмечал наличие у модальных глаголов не только деонтической, но и алетической модальности. Оба вида модальности противопоставляются субъективной модальности или модальности достоверности [Бондаренко 1978, с. 32], которую сегодня принято обозначать как эпистемическую. Алетическая модальность отсылает к реальным условиям природы и общества (в том числе физическим и психическим состояниям человека), в то время как деонтическая модальность ориентирована на общественные нормы. Так, в предложении *Ich kann es tun, aber ich darf es nicht* выражены алетическая возможность и деонтическая невозможность [там же, с. 32–33]. В рамках данной статьи мы продолжим пользоваться для обозначения видов модальности, выражаемой модальными глаголами, терминами *неэпистемическая* и *эпистемическая* модальность / *неэпистемическое* и *эпистемическое* употребление.

Неэпистемическое употребление модальных глаголов подразумевает их использование в значениях *необходимости*, *возможности* и *желания* (*Ich kann / muss / will ... essen*). Оно генетически первично, раньше усваивается в онтогенезе, обычно предполагает в качестве подлежащего одушевленный предмет. Модальный глагол может стоять в любой временной форме и сочетается преимущественно с инфинитивом I. При отсутствии инфинитива от некоторых модальных глаголов может быть образован пассивный залог (*Alle können Englisch – Englisch wird von allen gekonnt*). Модальный глагол и сам может быть употреблен в форме инфинитива (*Er muss das wollen*). Он также может быть субстантивирован (*Wollen allein nützt nichts*) и использован перформативно (*Ich darf Sie bitten, sich anzuschlallen*).

Эпистемическое употребление предполагает субъективное оценивание пропозиции говорящим [Leiss 2000, с. 70]. Она являет собой «эго-проекции» когнитивных установок знания или мнения говорящего [Нефёдов 2013, с. 141]. Принято говорить в этом случае об эпистемической оценке пропозиции [Плунгян 2011, с. 426], представляющей собой интеллектуальный тип оценки, характеризующий полноту знаний говорящего о событии, представленном в пропозиции.

Эпистемическое употребление генетически вторично, развивается на базе неэпистемического, позже усваивается в онтогенезе, поскольку предполагает наличие определенных знаний и точку зрения говорящего. Модальный глагол может сочетаться как с одушевленным, так и с неодушевленным подлежащим и употребляется не только с инфинитивом I (*Er kann jetzt zu Hause sein*), но и с инфинитивом II (*Er kann nach Dresden gefahren sein*). Модальный глагол при эпистемическом употреблении используется только в формах презенса и претерита (индикатива и конъюнктива) и не может употребляться без инфинитива. Сам модальный глагол не может быть использован в инфинитиве, не может быть субстантивирован и не выполняет функцию перформатива.

Кроме того, отмечается неупотребительность (или очень редкая встречаемость) модальных глаголов при эпистемическом употреблении в вопросительных предложениях [Reis 2001, с. 296], крайне редкое использование их в составе придаточного предложения [там же, с. 297]. Известно также, что эпистемическое значение коррелирует обычно с третьим грамматическим лицом подлежащего. Перечисленные характеристики свидетельствуют о том, что при эпистемическом употреблении конструкции с модальными глаголами оказываются более грамматикализованными, чем при неэпистемическом.

Наряду с бинарным принципом деления следует отметить попытки систематизировать модальные значения модальных глаголов, прибегнув к троичному делению последних. Так, Б. Хайне пишет о трех типах модальности: эпистемической модальности, модальности, ориентированной на субъекта действия – возможность, необходимость, желание (agent-oriented modality), модальности, ориентированной на говорящего – императивность (speaker-oriented modality) [Heine 1995, с. 124].

Б. Ханзен также пишет о трех видах модальности: а) динамической модальности, охватывающей все языковые средства, выражающие объективные факторы, обуславливающие реализацию действия (значения «способность», «объективная возможность» и т. п.); б) деонтической модальности, при которой реализация действия зависит от чьей-либо воли (значения «разрешение», «обязанность» и т. п.); в) эпистемической модальности [Ханзен 2006, с. 73].

Троичное членение значений модальных глаголов представлено и в работе Э. Ляйсс, которая выделяет событийную модальность (Ereignismodalität), представленную в пропозиции, а также модальность говорящего (Sprechermodalität) и модальность наблюдателя (Betrachtermodalität), которые относятся к иллюкуции. Модальность говорящего заключается в оценивании действительности говорящим, модальность наблюдателя заключается в спецификации источника информации [Leiss 2009, с. 15]. Можно заметить, что событийная модальность в понимании Э. Ляйсс соотносится с неэпистемической, модальность говорящего с эпистемической, а модальность наблюдателя с так называемой *эвиденциальной модальностью*. Таким образом, наряду с неэпистемическим и эпистемическим употреблением модальных глаголов можно выделить и эвиденциальное употребление, под которым в самом общем виде понимается «отсылка к источнику информации, передаваемой говорящим» [Козинцева 1994, с. 92].

Систематизация значений модальных глаголов, исходя из троичного деления последних, указывает на неоднородность значений неэпистемического характера. Очевидно, что данный тип значений должен быть подвергнут дальнейшему членению. Более того, даже относительно трех основных значений *возможности*, *долженствования* и *желания* среди лингвистов не наблюдается единства во мнениях. В последние годы значение желания рассматривается некоторыми исследователями как подтип необходимости [Jäntti 1983, с. 55] или вовсе игнорируется [Dietrich 1992]. Такое отношение к значению *желание* может объясняться его непроемким характером, в отличие от производного характера значений *возможности* и *необходимости*. Так, А. Вежбицкая определяет понятия «может» и «должен» через понятие «желание»: «может» = «сделает, если захочет», «должен» = «сделает, даже если не захочет» [Wiezbicka 1972, с. 154–155].

Глаголы со значением желания отличаются от глаголов со значением возможности и необходимости и по ряду других признаков. Так, в отличие от *необходимости* и *возможности*, *желание* может быть приписано как субъекту ситуации (X хочет P), так и говорящему (я хочу, чтобы P), что обуславливает возможность присоединения к глаголу со значением желания не только инфинитива, но и придаточного предложения. На этом основании некоторые ученые исключают глаголы со значением желания из системы модальных глаголов [Ханзен 2006, с. 81; Reis 2001, с. 301].

В рамках данной работы мы будем исходить из трехчленности неэпистемического употребления, признавая, однако, особую роль глаголов желания. Внутри неэпистемической модальности следует выделить две подгруппы значений в зависимости от источника модальности – *внешнего* или *внутреннего* (см. табл. 2):

Таблица 2

Систематизация модальных значений модальных глаголов

	Необходимость	Возможность	Желание
Внутренний источник модальности	müssen	können	wollen möchten
Внешний источник модальности (выражение побуждения)	sollen	dürfen	wollen, möchten

Согласно таблице глаголы со значением желания *wollen* и *mögen* (в форме *möchten*) могут использоваться как с внутренним (*Ich will (möchte) kommen*), так и с внешним источником модальности (*Ich will (möchte), dass du kommst*). Несмотря на то, что во втором примере подлежащее главного предложения формально является субъектом желания, в нем выражается побуждение к действию (= *Du sollst kommen*).

Принимая во внимание семантику всех модальных глаголов, следует признать, что в основе неэпистемической модальности в целом лежит значение *волеизъявности*, поскольку как необходимость, так и возможность реализуются лишь при наличии у субъекта действия волеизъявления.

Объяснение семантики модальных глаголов через значение волитивности предполагает различение двух логических субъектов высказывания: субъекта желания и субъекта желаемого действия. Так, в предложении *Ich will (möchte) kommen* – подлежащее является субъектом желания, в то время как в предложении *Ich will (möchte), dass du kommst* имеется и субъект желания (*ich*), и субъект желаемого действия (*du*). В предложении с глаголом *sollen*: *Du sollst kommen* представлен лишь субъект желаемого действия (*du*), а с глаголом *dürfen*: *Du darfst gehen* – субъект желания (*du*).

Эпистемическое употребление модальных глаголов является более однородным, нежели неэпистемическое, оно указывает на степень полноты знания говорящего о событии, представленном в пропозиции. Оценка пропозиции носит градуальный характер и производится по шкале уверенности. Для выражения различной степени уверенности говорящего в немецком языке используются преимущественно глаголы *müssen*, *dürfen*, *können* и *mögen* (*Er muss / dürfte / kann / mag 40 Jahre alt sein*).

Обычно речь идет о трех степенях уверенности со стороны говорящего: высокой, средней и низкой [например, Шакирова 2005, с. 131]. Наивысшую степень уверенности говорящего в вероятности наступления события или достоверности пропозиции выражает *müssen*. Говорящий в данном случае обычно обладает некоей информацией, подтверждающей его уверенность. Аналогичную высокую степень уверенности можно обнаружить и при употреблении глагола *können* в сочетании с отрицанием *nicht* [например, Ваулина 1989, с. 16]. Поскольку высокая степень уверенности подкрепляется источником информации (полученной от других лиц, на основе умозаключения, связанного с оценкой предпосылок того или иного события, в опоре на свои знания и т. д.), следует говорить в этом случае о выражении не только эпистемической, но и эвиденциальной семантики.

Меньшей степенью уверенности отличаются глаголы *dürfen* (в форме *dürfte*), *können* и *mögen*. При употреблении в конъюнктиве (*müsste*, *könnte* и т. п.) степень уверенности, выражаемая модальными глаголами, несколько снижается в сравнении с соответствующими формами индикатива. Действие, оказываемое конъюнктивом, можно сравнить в этом случае с «эффектом вуали», при котором снижается категоричность высказывания, но возрастает степень вежливости

по отношению к собеседнику. В целом, можно утверждать, что используя модальные глаголы, говорящий стремится соблюсти *prinzip вежливости* и избежать излишней категоричности в своих суждениях о том или ином положении дел или о предстоящем событии. Данный принцип может действовать и при неэпистемическом употреблении модальных глаголов (например, выражение вежливой просьбы: *Könnten Sie mir bitte helfen!*). Соблюдение принципа вежливости, на наш взгляд, объясняет частое использование модальных глаголов в немецкой речи.

Наряду с неэпистемическим и эпистемическим употреблением модальных глаголов выделяется, как было отмечено выше, и так называемое *эвиденциальное употребление*. В немецком языке семантика двух модальных глаголов – *sollen* и *wollen* – отсылает к категории эвиденциальности. Оба глагола употребляются для передачи чужой речи; источником информации при этом является не говорящий, а другое лицо или лица. Предложения с глаголами *sollen* и *wollen* можно трансформировать в предложения со стандартной косвенной речью. Ср.:

Er soll in Paris sein. = Man sagt / behauptet, er sei in Paris. – «Говорят, что он в Париже».

Er will in Paris gewesen sein. = Er sagt / behauptet, er sei in Paris gewesen. – «Он утверждает, что был в Париже».

Глаголы *sollen* и *wollen* служат выражению лишь одного из эвиденциальных значений – значению пересказывательности, противопоставляясь глаголам *müssen*, *dürfen*, *können* и *mögen*, эксплицирующим эпистемическую семантику.

Вместе с тем ряд исследователей отмечает, что продуцент речи, используя в высказывании глаголы *sollen* и *wollen*, стремится не только передать речь другого лица, но и выражает свое отношение к высказыванию, заключающееся в определенной доле сомнения относительно его истинности / правдивости [например, Шакирова 2005, с. 159]. При такой трактовке глаголы *sollen* и *wollen* следует считать имеющими эвиденциально-эпистемическое значение. Впрочем, проявление сомнения свойственно далеко не всем случаям эвиденциального употребления глаголов *sollen* и *wollen* [Боднарук 2014].

В целом, можно говорить о корреляции эпистемической и эвиденциальной семантики в конструкциях с модальными глаголами:

эвиденциальное значение может накладываться на эпистемическое при выражении говорящим высокой степени уверенности в пропозиции, и наоборот, эпистемическое значение соединяется с эвиденциальным в случае наличия у говорящего сомнения или неуверенности в правдивости передаваемой им информации.

В заключение рассмотрения семантики модальных глаголов следует обратить внимание и на их **корреляцию с областью предстоящего**, проявляющуюся при неэпистемическом употреблении. Действительно, всем конструкциям с модальными глаголами при их неэпистемическом употреблении ингерентно свойственно *проективное значение* (значение *направленности действия в будущее*), которое при использовании модального глагола в форме презенса обычно трансформируется в значение будущего времени. Проективная семантика модальных глаголов связана с признаком волитивности, лежащим в основе значений *возможности*, *необходимости* и *желания*. В зависимости от дистрибуции и условий контекста степень выраженности проективного значения может варьироваться. Она максимальна при использовании модальных глаголов в сочетании с полнозначным глаголом предельной семантики (*Er kann kommen*). При их использовании с глаголом неопределенной семантики проективность также проявляется, но может сочетаться с квалитативным (*Er kann schwimmen*) или хабитуальным значением (*Er muss täglich turnen*), которые в этом случае обычно выходят на передний план. Корреляция с семантикой проективности является причиной того, что модальные глаголы выступают одним из наиболее распространенных источников грамматикализации в грамматические средства выражения будущего времени [Ultan 1978, с. 109–114; Bybee 1985, с. 158–159 и др.].

Вывод. Говоря о модальных глаголах, необходимо принимать во внимание необычайно сложную организацию их семантической структуры. Модальные глаголы соединяют в своей семантике ряд взаимосвязанных и взаимообусловленных значений, принадлежащих разным категориям. Неэпистемическое употребление является первичным. Оно сочетается с темпоральной семантикой проективности. В основе неэпистемической модальности лежит значение волитивности, сопровождающее значения *желания*, *возможности* и *необходимости* и актуализирующее проективную семантику. Эпистемическое употребление связано с субъективным оцениванием говорящим

пропозиции и выражением одной из трех степеней уверенности – высокой, средней и низкой. При выражении высокой степени уверенности эпистемическое значение как правило коррелирует с семантикой эвиденциальности. При эвиденциальном употреблении конструкции с модальными глаголами употребляются для передачи чужой речи. В случае наличия у говорящего сомнения или неуверенности в правдивости передаваемой информации эвиденциальная семантика сочетается с эпистемической.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боднарук Е. В.* Роль модальных глаголов в выражении будущего времени в немецком языке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2013. № 5. С. 53–59.
- Боднарук Е. В.* Особенности использования глаголов *sollen* и *wollen* при передаче чужой речи о предстоящих событиях // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 7. С. 70–73.
- Боднарук Е. В.* Категория футуральности в современном немецком языке: семантико-прагматический и функционально-дискурсивный аспекты исследования : дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2016. 507 с.
- Бондаренко В. Н.* Аналитические и синтетические способы выражения модальности в немецком языке // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 31–37.
- Ваулина Л. Н.* Синтаксические конструкции, выражающие предположение (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989. 16 с.
- Зеленищев А. В.* Пропозиция и модальность. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1997. 244 с.
- Козинцева Н. А.* Категория эвиденциальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
- Крашенинникова Е. А.* Модальные глаголы и частицы в немецком языке. М. : Просвещение, 1958. 187 с.
- Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика: Введение. М. : Языки славянской культуры, 2003. 400 с.
- Нефёдов С. Т.* Акцентированность позиции говорящего и способы включения в высказывание модальных компонентов // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. III: Антропоцентризм языковых феноменов : сб. науч. ст. / под ред. С. Т. Нефёдова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 138–144.
- Плунган В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира : учеб. пособие. М. : Изд-во РГГУ, 2011. 672 с.

- Ханзен Б.* На полпути от словаря к грамматике: модальные вспомогательные слова в славянских языках // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 68–84.
- Шакирова Р. Д.* Эпистемический статус высказывания (на материале современного немецкого языка). Набережные Челны: Набережночелнинский госпединститут, 2005. 199 с.
- Abraham W.* Zur grammatischen Grundlegung von Modalität – semantisch-syntaktische Affinitäten zu nominaler Referenz, Aspekt und Quantifikation // Funktionen von Modalität / Hrsg.: W. Abraham, E. Leiss. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2013. S. 25–76.
- Brons-Albert R.* Die Bezeichnung von Zukünftigem in der gesprochenen deutschen Standardsprache. Tübingen: Narr, 1982. 144 S.
- Bybee J.* Morphology: a study of the relation between meaning and form // Typological studies in language. 1985. Vol. 9. P. 155–195.
- Calbert J.* Towards the semantics of modality // Aspekte der Modalität / Hrsg. : J. Calbert, H. Vater. Tübingen : Verlag Gunter Narr, 1975. P. 1–70.
- Dietrich R.* Modalität im Deutschen. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1992. 240 S.
- Diewald G.* Zur Grammatikalisierung der Modalverben im Deutschen // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 1993. Vol. 12, Iss. 2. S. 218–234.
- Fritz Th.* Grundlagen der Modalität im Deutschen // Aspekte der Verbalgrammatik / Hrsg.: M. L. Eichinger und O. Leirbukt. Hildesheim ; Zürich ; New York : Georg Olms Verlag, 2000. S. 85–104.
- Heine B.* On the German *werden* future // Discourse Grammar and Typology / eds.: W. Abraham, T. Givon, S. A. Thompson. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. P. 119–138.
- Helbig G., Buscha J.* Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Berlin ; München : Langenscheidt, 2001. 654 S.
- Jäntti A.* Zu Distribution und Satzgliedwert der deutschen Modalverben // Neuphilologische Mitteilungen. 1983. Vol. 84. S. 53–65.
- Leiss E.* Verbalaspekt und die Herausbildung epistemischer Modalverben // Aspekte der Verbalgrammatik / Hrsg. : L. M. Eichinger, O. Leirbukt. Hildesheim ; Zürich ; New York : Georg Olms Verlag, 2000. S. 63–83.
- Leiss E.* Drei Spielarten der Epistemizität, drei Spielarten der Evidentialität und drei Spielarten des Wissens // Modalität: Epistemik und Evidentialität bei Modalverb, Adverb, Modalpartikel und Modus / Hrsg.: W. Abraham, E. Leiss. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 2009. S. 3–24.
- Palmer F. R.* Mood and Modality. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 236 p.
- Raynaud F.* Die Modalverben im zeitgenössischen Deutsch // Deutsch als Fremdsprache. 1976. Heft 4. S. 228–235.
- Reis M.* Bilden Modalverben im Deutschen eine syntaktische Klasse? // Modalität und Modalverben im Deutschen / Hrsg.: R. Müller, M. Reis. Hamburg : Buske, 2001. S. 287–318.

- Ullian R.* The nature of future tenses // Universals of human languages / Hrsg.: J. G. Greenberg et. al. Stanford, 1978. Vol. 3. P. 83–128.
- Vater H.* *Werden* als Modalverb // Aspekte der Modalität / Hrsg. : J. Calbert, H. Vater. Tübingen: Verlag Gunter Narr, 1975. S. 73–148.
- Vater H.* *Möchten* als Modalverb // Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht / Hrsg.: A. Katny, A. Socka. Frankfurt am Main; Berlin; Bern [et al.]: Peter Lang, 2010. S. 99–112.
- Wiezbicka A.* Semantic primitives. Frankfurt am Main: Athenäum-Verlag, 1972. 235 S.
- Zerebkov V. A.* Das Verb. Ein Hilfsbuch zur deutschen Grammatik. M. : Hochschule, 1977. 192 S.

УДК 81.111

Г. Г. Бондарчук, Н. В. Никулина

Бондарчук Г. Г., доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры лексикологии английского языка
факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: bondarchuk.gal@yandex.ru

Никулина Н. В., кандидат филологических наук,
доцент кафедры лексикологии английского языка
факультета английского языка МГЛУ;
e-mail: wink285@mail.ru

СЕМИОТИЧЕСКАЯ РОЛЬ АНГЛИЙСКОЙ ПРЕДМЕТНО-БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТЕ

В связи с возрастающей ролью семиотики в изучении использования знаков в разных системах коммуникации, нельзя недооценить значение таких исследований для языка и литературы. Статья посвящена исследованию значения лингвистической семиотики для изучения таких проявлений языка, как речь или текст, при этом подчеркивается тесная связь семиотики и современного когнитивного подхода.

В статье рассматривается вторичная семиотическая роль, которую выполняет английская предметно-бытовая лексика – члены категорий «жилище», «питание», «одежда» – в художественном тексте. Авторы приводят мнение ведущих отечественных и зарубежных ученых по данному вопросу, в частности, особое внимание уделяется наследию выдающегося ученого-германиста М. Д. Городниковой.

Основная цель статьи – показать, как английская предметно-бытовая лексика (наименования жилища, питания и одежды) используются в художественной литературе для того, чтобы вербализовать дополнительный семиотический смысл, который вещи и ситуации нередко имеют в реальной жизни. В статье анализируется каким образом через язык с помощью кодов предметов потребления (товарных кодов) может быть выражен определенный тип социальной личности, на какие свойства личности могут указывать наименования предметной лексики в произведениях художественной литературы, положение в обществе, национальные и семейные традиции и обычаи, и т. д. При этом делается особый акцент на роли наблюдателя в трактовке семиотически маркированных ситуаций, а также значимости дополнительной социальной и культурной информации для целевой аудитории.

Поскольку предметно-бытовая лексика может выполнять разные семиотические функции в тексте независимо от языка, на котором написано произведение, авторы иллюстрируют положения своей работы примерами из произведений художественной литературы на английском и русском языках.

Ключевые слова: семиотика; предметно-бытовая лексика; когнитивная категория; семиотическая функция; художественная литература.

G. G. Bondarchuk, N. V. Nikulina

Bondarchuk G. G., Doctor of Philology (Dr. phil. habil),
Professor, Professor of Moscow State Linguistic University;
e-mail: bondarchuk.gal@yandex.ru

Nikulina N. V., PhD (Philology),
Assistant Professor at Moscow State Linguistic University;
e-mail: wink285@mail.ru

SEMIOTIC ROLE OF ENGLISH EVERYDAY LEXIS IN THE TEXT

In view of the growing significance of semiotics for the study of the use of signs in different communication systems, the importance of such research for language and literature should not be underestimated. The article is devoted to the investigation of the role of linguistic semiotics for the study of speech and text. The connection of semiotics and modern cognitive approach is emphasized.

The article considers the secondary semiotic role which English everyday lexis – members of the categories “shelter”, “food”, “clothes” – performs in fiction texts. The authors give opinions of leading Russian and foreign scientists on the problem, special attention is paid to the heritage of the outstanding researcher professor M. D. Gorodnikova.

The main aim of the article is to show how English everyday lexis is used in fiction in order to verbalise the additional semiotic meaning, that things and situations often have (acquire) in life. The article analyses how through language means with the help of commodity codes a certain type of personality can be expressed, what kind of personality traits may be indicated thus in fiction, a person’s status in the society, national and family traditions, customs, etc. A special emphasis is given to the role of the observer in the interpretation of semiotically marked situations, as well as to the significance of the additional social and cultural information for the target audience.

As everyday lexis can perform various semiotic functions in the text notwithstanding the language in which the work is written, the authors illustrate their work with examples from English and Russian fiction.

Key words: semiotics; everyday lexis; cognitive category; semiotic function; fiction.

В настоящее время возрастает значение семиотики, особенно как науки, изучающей знаки с точки зрения того, как они используются в разных системах коммуникации, и с точки зрения значения таких исследований для языка и литературы. Другими словами, значение лингвистической семиотики, объект которой выступает как непосредственная данность прежде всего в виде проявления языка – речи или текста.

Мы разделяем мнение Е. С. Кубряковой о том, что семиотика и современный когнитивный подход в целом и когнитивная парадигма

лингвистического знания в частности тесно взаимосвязаны, и эту связь необходимо изучать.

В настоящее время язык рассматривается как один из возможных кодов коммуникации, при этом подчеркивается, что все они являются культурно и социально обусловленными. Тем не менее в то время как язык является по своей сути «естественным» феноменом, в ходе коммуникации выбор кода (или набора кодов) зависит в основном от культурно обусловленных факторов коммуникации [Kress 2001].

Говоря о семиотических кодах, известный семиотик Д. Чандлер отмечает: «Общество зависит от существования знаковых систем, кодов. Изучая культуру того или иного общества, семиотики относят к знакам любые объекты или действия, которые имеют значение для членов данной культуры, пытаясь определить правила или условности кода, на которых основывается создание смыслов в данной культуре»¹ [Chandler 2007, с. 148]. Некоторые семиотики полагают, что такие коды в определенном смысле аналогичны языку.

В современной зарубежной семиотике для удобства исследования коды подразделяются на группы. В настоящее время существует много разных таксономий кодов. Среди наиболее распространенных классификаций для нас представляет значительный интерес классификация Д. Чандлера, в которой он делит все коды на три группы: *социальные (social codes)*, *текстуальные (textual codes)* и *интерпретирующие (interpretive codes)*². В группе социальных кодов, наряду с вербальным языком (*verbal language*), телесными кодами (*bodily codes*) (внешность человека, выражение лица, взгляд, жесты и т. д.), поведенческими кодами (*behavioural codes*) (протоколы, ритуалы, игры, исполнение роли), Д. Чандлер выделяет *товарные коды*, или *коды предметов потребления (commodity codes)* (мода, одежда, легковые автомобили). При этом он поясняет: «Мы сообщаем (communicate) о типе своей социальной личности (social identity) посредством работы, которую мы выполняем, того, как мы говорим, через одежду, которую носим, нашу прическу, то, как и что мы едим, через домашнюю обстановку и вещи, которые нас в ней окружают, то, как мы проводим свободное время, то, как мы путешествуем, и т. д. Использование языка является ключевым маркером социальной личности» [Chandler 2007, с. 153].

---

¹ Здесь и далее перевод наш. – Г. Б., Н. Н.

² Подробно о данной классификации см.: [Chandler 2007, с. 149–150].

Для нашего исследования семиотический аспект чрезвычайно важен, поскольку мы изучаем предметно-бытовую лексику и составляющие ее категории – «Жилище», «Одежда», «Питание» – несут большую семиотическую нагрузку, поскольку прагматические эффекты, связанные с использованием их членов в дискурсивной деятельности, далеко не ограничиваются только теми обычными последствиями, которые вызываются выбором того или иного наименования в речи или тексте и которые обуславливают характер самого акта семиозиса.

Безусловно, основным назначением одежды по-прежнему остается защита тела человека от негативного воздействия окружающей среды, а также выполнение эстетической функции, жилища – обеспечивать помещение для жилья, питания – утоление голода (или жажды). Но в то же время в современном мире функции одежды, жилища, питания гораздо шире и значительнее, поскольку выбор определенного дома для проживания, определенной одежды и даже определенного блюда или напитка может свидетельствовать о социальном статусе, происхождении, возрасте, образе жизни, материальном благополучии человека.

В связи с этим предметно-бытовая лексика интересна для анализа не только потому, что она называет вид жилища, где проживает человек, одежду, которую он носит, продукты, блюда и напитки, но и потому, что она может свидетельствовать о многом другом, непосредственно в тексте не указанном, но, тем не менее, имплицитном, и потому являющимся важной составной частью содержания этого текста. Другими словами, бытовая сфера жизни современного общества обладает явно выраженным семиотическим характером.

Прежде чем привести некоторые примеры, хочется еще раз вспомнить уже прозвучавшее сегодня мнение о том, что ученые-германисты нашего университета, научному наследию которых посвящена конференция, были в первых рядах отечественных лингвистов, которые брались за решение новых задач. Это в полной мере относится к профессору Маргарите Дормидонтовне Городниковой. Как отмечают ее ученики, «для М. Д. Городниковой характерно изучение неоднозначных с лингвистической точки зрения феноменов – эмоций, оценок, невербальных средств, комического, стереотипов, гендера и др.» [Гусейнова, Томская 2013, с. 12].

Нам импонирует, что профессор Городникова придавала большое значение не только пониманию и анализу текста, но и его

интерпретации, которая предполагает выявление и осмысление глубинных структур текста. При этом ее интересовали разные типы текстов. Так, «...в начале XXI в. научный фокус М. Д. Городниковой был сосредоточен на разработке проблем речевой коммуникации в применении к различным типам текста: от рекламных и научно-популярных до художественных и *детективных*» [Гусейнова, Томская 2013, с. 18].

В 2003 г. М. Д. Городникова опубликовала рецензию на сборник статей российских и зарубежных авторов, посвященный анализу детективов Александры Марининой. Положительно оценивая литературное творчество А. Марининой, М. Д. Городникова отмечала, что «романы Марининой представляют собой своеобразную энциклопедию новой жизни. Эти романы увлекательны, им свойственен Entertainment – professionelle Unterhaltung – развлекательность, они захватывают внимание, что составляет особую привлекательность массовой литературы и обуславливает роль детективных романов во всем мире» [Городникова 2003, с. 111].

В рамках нашего исследования семиотической роли предметно-бытовой лексики нас особенно заинтересовала рецензия М. Д. Городниковой на одну из статей упомянутого сборника – это статья немецкого автора С. Хэги (Кельн, Германия) под названием «Маринина для немецких ушей». Профессор Городникова отмечает, что в данной статье «рассматриваются радиопостановки, созданные на основе первых переведенных на немецкий язык романов Марининой. В переводе сокращаются детали о подробностях гардероба, кухонных рецептов, сексуальной жизни персонажей. Важным моментом для ориентации слушателей радиопьесы являются *обращения*, иногда они переводятся дословно, но чаще (имена и отчества) передаются образованиями, не принятыми ни в России, ни в Германии («дорогой Асанов»). Современная русская жизнь из романов Марининой передается в немецких радиопьесах с редукциями и упрощениями, существенны не аутентичность, а экзотический момент» [Городникова 2003, с. 109–110].

Представляется, что редукция текстов романов Марининой для немецкой аудитории за счет языковых средств репрезентации лингвокультурных концептов *жилище, одежда, питание* вполне логична. Но для целевой аудитории – в данном случае русскоязычной – такие описания, как следует из вышеизложенного, чрезвычайно важны.

Приведем несколько примеров с целью показать, какие конкретные семиотические функции могут выполнять в тексте описания, например, приема пищи при условии, что соответствующие отрывки текста содержат некие семиотические сигналы / маркеры, т. е. комментарии автора.

Первый пример из детектива А. Марининой «Игра на чужом поле».

Местный авторитет Денисов хочет, чтобы сотрудница МВД Анастасия Каменская помогла ему разобраться с ситуацией, сложившейся в санатории. Готовясь к первой встрече с ней, он пытается все предусмотреть, чтобы произвести на нее благоприятное впечатление. И одна из первых вещей, которая его заботит – это продуманное меню, которое он детально обсуждает со своим поваром Аланом:

Алан запустил пятерню в длинные густые волосы, потом забрал в горсть окладистую бороду, пожевал губами.

- Икру и красную рыбу отметаем. От ваших коронных бифштексов тоже придется отказаться.
- Карп в сметане? – неуверенно предложил Денисов.
- Если бы речь шла о вашем конкуренте, я бы согласился. Теперь мало кто умеет красиво есть рыбу и грамотно управляться с костями. Это нервирует гостя. Если вы собираетесь на что-то уговаривать, я бы не советовал подавать рыбу. Только, может быть, осетрину без костей.
- Годится, – кивнул Эдуард Петрович. – Еще есть предложения?
- Я хотел сказать насчет соленого. Может, у нее с почками проблемы и ей нельзя много жидкости, потому что лицо отекает. С другой стороны, она много курит, значит, должна испытывать жажду. Я думаю, надо подать побольше апельсинов, а еще лучше – грейпфруты. Они хорошо освежают. Почистить, аккуратно нарезать и подать со льдом. Обо всем остальном я позабочусь: овощи, напитки, кресла с высокой спинкой. Я все записал.
- Спасибо, Аланчик. Пропал бы я без тебя [Маринина 2013, с. 52].

Интересный пример на соответствие «меню» возрасту человека находим в английском романе Э. О’Брайен «Деревенские девчонки»:

- Посолить тебе? – спросил Хикки, держа в пальцах щепотку соли и протягивая руку к моей тарелке.
- Нет, Хикки, не надо, – ответила я, решив сегодня есть без соли. Из чистой прихоти. Мне казалось, что есть без соли и сахара выглядит очень по-взрослому [O’Brien 1998, с. 9].

Приведем еще один пример из книги Дж. Арчера «Бойтесь своих желаний...», в котором одному из персонажей, являющемуся владельцем банка, поступило предложение о выкупе контрольного пакета акций. Предложенная сумма могла обеспечить ему безбедную старость на одном из курортов Испании:

For the first time in his life, he considered a takeover bid, from the Midland. They offered him a sum of money that would have allowed him to spend the rest of his life playing golf on the Costa del Sol, donning slippers, drinking Horlicks and being tucked up in bed by ten [Archer 2014, с. 57].

Впервые в жизни он задумался о принятии предложения банка «Мидленд» – продаже контрольного пакета акций. Банк предложил такую сумму, которая позволила бы ему оставшуюся жизнь играть в гольф на Коста-дель-Соль, бродить по дому в мягких тапочках, потягивать «Хорликс» и отходить ко сну в десять вечера.

Примечательно, что для того чтобы описать, насколько большая сумма была предложена, автор использует наименования из всех трех категорий предметно-бытовой лексики. Таким образом, эти наименования в тексте выполняют вторичную семиотическую функцию.

Несомненно, подобные примеры можно встретить в художественной литературе на любом языке.

На основе вышесказанного можно сделать общий вывод о том, что при изучении сути семиотической роли языковых единиц важно обращать особое внимание на рассуждения указанного рода, поскольку только из подобных описаний, из комментариев автора произведения по поводу поведения героев мы можем узнать о смысле еды, одежды в их вторичной семиотической функции, они служат своего рода сигналом для инференций (иногда довольно прямым, а иногда более тонким).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гусейнова И. А., Томская М. В. О творческом наследии профессора М. Д. Огородниковой. Вступительная статья // Вестник МГЛУ. 2013. Вып. 4 (664). С. 11–23.
- Маринина А. Игра на чужом поле. М. : ЭКСМО, 2013. 352 с.
- Городникова М. Д. Рецензия на книгу «Творчество Александры Марининой как отражение современной российской ментальности / под ред. Е. И. Трофимовой // Филологические науки. 2003. № 1. С. 106–111.

- Chandler D.* Semiotics. The Basics. 2nd ed. London, New York : Routledge, 2007. 307 p.
- Kress G.* Sociolinguistics and social semiotics // The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics / ed. by Paul Coble. London, NY : Routledge, 2001. P. 66–82.
- O'Brien E.* The Country Girls. London: Penguin Books Ltd., 1998. 188 p.
- Archer J.* Be Careful What You Wish For: The Clifton Chronicles. Vol. 4. Pan Macmillan, 2014. 400 p.

УДК 81'22

Е. В. Воробьева

кандидат филологических наук,
зав. кафедрой скандинавских, нидерландского и финского языков
переводческого факультета МГЛУ; e-mail: voroba@gmail.com

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена темпоральным компонентам в семантике норвежских существительных. Исследование выполнено на материале, включающем около 3000 норвежских существительных. Приводится 20 темпоральных компонентов в значении норвежских существительных, а также шесть темпоральных металексем. Анализ указанных компонентов позволяет сделать ряд выводов о масштабах присутствия темпоральной семантики в значении существительных и некоторых их языковых особенностях. В частности, описаны два явных случая корреляции между способом образования существительного от глагола и его аспектуальными характеристиками: что существительные, образованные от мультипликативного глагола путем отсечения окончания инфинитива и совпадающие с основой, всегда принадлежат к среднему роду и обозначают однократное действие. Образованные от тех же глаголов существительные со значением мультипликативности получают окончание *-ing*. Исследование позволило определить позиции, в которых наиболее часто встречаются имена деятеля, относящиеся к различным аспектуальным классам. Также было показано, что особенности перевода темпоральных металексем связаны с семантической пустотностью, «контейнерностью» данного типа лексем.

Ключевые слова: темпоральность; лексическая семантика; норвежский; аспектуальность; семантическая категория

E. V. Vorobyeva

PhD, Head of Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages,
The Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University;
e-mail: voroba@gmail.com

TEMPORALITY AS SEMANTIC CATEGORY OF NOUNS IN NORWEGIAN LANGUAGE

The article considers temporal semantic components in the meaning of Norwegian nouns. The study was conducted on a material including about 3000 Norwegian substantives. Twenty semantic components have been identified and described, and six temporal metalexemes. Analysis of these components allowed to draw a number of conclusions about the scale of the presence of temporal semantics in the meaning of nouns and certain linguistic features of these nouns. In particular, two explicit cases of correlation between the way a noun is derived from a verb and its aspectual characteristics are described: the nouns formed from

the multiplicative verb by cutting off the infinitive ending and coinciding with the stem always belong to the middle genus and denote a single action. Derived from the same verbs, nouns with a multiplication value get the ending *-ing*. The study made it possible to determine the sentence positions most obvious for agent nouns belonging to different aspectual classes. It was also shown that some difficulties about translation of temporal metalexes are related to the semantic voidness, the “container” feature of these lexemes.

Key words: temporality; lexical semantics; Norwegian; aspectuality; semantic category.

Традиционно считается, что идея динамичности, темпоральности (в широком смысле – то есть всего спектра значений, связанных со временем) закреплена за глаголами [Грамматика 1970; Lyons 1977, с. 705; Givón 1979; Givón 1984], что выражается в разнообразии глагольных категорий, связанных со временем [Бондарко 1987; Бондарко 1990; Бондарко 1999]. В рамках данной статьи мы пользуемся понятием темпоральности в его широком смысле.

Итак, традиционно носителем темпоральных значений в языке считался глагол, однако начиная с какого-то момента классификации глаголов в соответствии с их аспектуальными характеристиками [Маслов 1948; Vendler 1967] превратились в аналогичные классификации предикатов [Булыгина 1982; Селиверстова 1982; Языковая картина мира 2006], и это свидетельствует об осознании и принятии того факта, что многие свойства, связанные с временной природой вещей и явлений, присущи не только глаголам, но и предикатам, относящимся к другим частям речи.

В последнее время появляются исследования, где прямо указывается на необходимость и плодотворность изучения семантики слов с точки зрения выражения в них «чужих» (для данной части речи данного языка) грамматических категорий. В частности, тему данной работы подсказала статья Е. В. Урысон, в которой рассматриваются аспектуальные компоненты в значении нескольких существительных русского языка [Урысон 1996].

Тенденция к признанию за некоторыми существительными определенных аспектуальных значений наметилась еще в работах А. М. Пешковского [Пешковский 1956, с. 100] и И. А. Мельчука [Мельчук 1974, с. 96–97] и продолжает набирать силу в работах последних лет [Падучева 1991; Гловинская 2001], в том числе в работах,

посвященных семантике имен действия [Казаков 1993; Казаков 1994; Коряковцева 1996; Ли 1994; Урысон 2003].

В работе Ц. Чжана [Чжан 2007], посвященной аспектуальным компонентам в значении существительных русского языка, указывается на тот факт, что аспектуальность может быть свойственна не только именам действия, но и конкретно-предметным отглагольным существительным, в состав которых входит большая группа имен деятеля. Последним посвящена и более ранняя работа А. Д. Шмелёва [Шмелёв 1983], где агентивные имена делятся на четыре группы в зависимости от аспектуальной составляющей их значения.

Помимо указанных двух групп лексических единиц, в значении которых можно выделить аспектуальные компоненты (имена действия и агентивные существительные), существуют по крайней мере еще две группы существительных, у которых имеется временная семантика: термины родства и «возрастная» лексика, обозначающая людей, а также животных, растения и неживые объекты.

Исследование выполнено на материале, включающем более 3000 норвежских существительных, значительная часть которых была собрана методом сплошной выборки из толковых и орфографических словарей норвежского языка [Guttu 2005; Wangsteen 2005; Лавриной-тис, Ливанова 2002]. При анализе лексем использовался метод семантических компонентов.

Первая группа исследуемых лексем – *имена действия*. В основном это отглагольные существительные с процессуальным значением, так как прежде всего именно они сохраняют в своем значении глагольные черты, в данном случае – аспектуальные характеристики [Падучева 1991; Коряковцева 1996; Урысон 2003]. Немногочисленные исключения – неотглагольные существительные с процессуальным значением. Из всех глагольных категорий, связанных со временем, в семантике существительных наиболее заметно проявляется категория способа действия, или аспектуальность. Ю. С. Маслов одним из первых обратил внимание на то, что способ протекания действия во времени не исчерпывается значениями категории вида и аспектуальная информация часто заключается в лексическом значении глагола [Маслов 1948]. В дальнейшем исследователи обратили внимание, что аспектуальность содержится в семантике не только глаголов, и были разработаны классификации предикатов. Наиболее полные и подробные были

предложены Московской семантической школой [Языковая картина мира 2006] (16 типов предикатов) и Анной А. Зализняк и А. Д. Шмелевым [Зализняк, Шмелёв 2000] (14 типов). Немало работ по аспектуальным классам и в англоязычной лингвистике (см., в частности, [Vendler 1967; Lyons 1977; Frawley 1992; Durst-Andersen 1992; Vannebo 1969]).

Анализ соответствующих существительных показал, какими основными аспектуальными характеристиками обладает (или в принципе может обладать) действие (в квадратных скобках приводятся соответствующие семантические компоненты):

- ограниченность во времени ([начало] *innledning* – «начало», [конец] *opphevelse* – «отмена», [середина / Ø] *levering nocstavka* и [перемена состояния] *avreise* – «отъезд», *forandring* – «перемена»),
- протяженность и характер протекания действия: ([долгий] *harrang* – «долгая и нудная речь», [короткий] *glimt* – «вспышка», [быстрый] *gløtt* – «быстрый взгляд», [медленный] *trasking* – «медленная походка», [однократность] *grynt* – «хрюк», [многократность] *grynting* – «хрюканье», [повтор] *gjentagelse* – «повтор», [внезапность] *anfall* – «внезапная атака, приступ»),
- проспективность и ретроспективность ([направленность в прошлое / будущее] *forebygging* – «предотвращение», *erindring* – «воспоминание», [улучшение / ухудшение] *en bedring* – «улучшение, выздоровление», *degenerasjon* – «дегенерация»).

При этом аспектуальными характеристиками могут обладать не только отглагольные существительные, но и вообще любые существительные, обозначающие процесс, действие или событие. Тем не менее в нашем материале их намного меньше, чем отглагольных. В целом можно сказать, что аспектуальная семантика выражена в существительных достаточно несистематично, однако набирается достаточное количество примеров, позволяющих сделать некоторые общие выводы.

Будучи смешанной лексико-грамматической категорией, аспектуальность у глаголов может выражаться различными средствами в разных языках и даже в рамках одного и того же языка, начиная от всевозможных флексий [Зализняк, Шмелёв 2000], употребления временных форм глагола и заканчивая лексическим значением корня. Существительное имеет меньше возможностей для выражения

аспектуальности. Тем не менее, в норвежском языке можно найти как минимум два явных случая корреляции между способом образования существительного от глагола и его аспектуальными характеристиками. Существительные, образованные от мультипликативного глагола путем отсечения окончания инфинитива, т. е. совпадающие с основой глагола, всегда принадлежат к среднему роду и обозначают однократное действие: *å hoppe* (прыгать) – *et hopp* (прыжок). Образованные от тех же глаголов существительные со значением мультипликативности получают окончание *-ing* и принадлежат к общему роду: *hopping* (прыгание). Кроме того, в норвежском языке есть тенденция к формализации различия между действием и результатом действия за счет пары суффиксов *-ing / -ning* при образовании отглагольных существительных: *å bygge* (строить) – *bygging* (строительство), *bygning* (здание).

Поскольку не все существительные могут обладать аспектуальными характеристиками (предметная лексика, например, лишена такой возможности), а также по причине ограниченности средств выражения, мы не можем причислить аспект к ряду категорий, присущих существительному как части речи. Однако нельзя игнорировать тот факт, что следы этой категории присутствуют и даже достаточно широко представлены в значении непредметных существительных.

Вторая группа лексем, которая часто упоминается в контексте исследований по аспектуальности, – это *имена деятеля*, или, шире, наименования лиц. На основании анализа наименований лиц в норвежском языке, в зависимости от присущей им аспектуальной характеристики их можно разделить на пять групп, соответствующих следующим семантическим компонентам:

1. [постоянно] – имена лиц со значением свойства (*menneske* – человек, *nordmann* – норвежец, *kvinne* – женщина и т. д.);
2. [часто] – имена лиц по часто совершаемому, условно-постоянному действию (*alarmist* – паникер, *sjukling* – больной человек, *slagsbror* – забияка и т. д.);
3. [сейчас] – имена лиц по актуально совершаемому действию (*vinner* – победитель, *pasient* – пациент, *gjest* – гость, *seer* – зритель и т. д.);
4. [регулярно] – наименования профессий (*lege* – врач, *skuespiller* – актер, *baker* – пекарь и т. д.);

5. [однократно] – имена лиц по однократно совершенному действию, результативные имена (*selvmorder* – самоубийца, *immigrant* – иммигрант, *gründer* – основатель и т. д.).

Отметим, что наибольшее количество неотглагольных имен лиц встречается в первой группе, где наименования лиц связаны с каким-либо свойством (сема стативности); наименования лиц по актуальному, регулярному или однократному действию гораздо чаще бывают отглагольными. Стоит также добавить, что суффикс деятеля *-er* не связан с каким-то определенным аспектуальным компонентом и передает довольно широкий спектр значений, связанных с наименованиями лиц.

Анализ употребления имен лиц, принадлежащих к различным аспектуальным группам, показал следующее:

1. Существительные со значением свойства (имена лиц на основе постоянного признака) чаще всего употребляются в позиции предиката (неспецифицированная неопределенность); похожим образом ведут себя и наименования лиц по условно-постоянному действию.

2. Существительные со значением функции (имена деятеля, названия профессий) употребляются во всех возможных позициях, сочетаются с любыми артиклями.

3. Существительные с актуальным значением несовместимы с позицией предиката и чаще всего употребляются в позиции логической определенности.

4. Существительные с результативным значением (по однократному действию) делятся на две группы:

- а) имя каузатора чаще всего встречается в позиции логической определенности, и имеют сильную семантическую валентность на объект действия, которая, как правило, бывает заполнена;
- б) имя лица, изменившего собственное состояние, часто встречается в позиции предиката и в этом демонстрирует сходство с наименованиями лиц по свойству.

На основании выводов из проведенного исследования можно предложить объяснение одного из известных случаев опущения артикля в норвежском языке, а именно – опущение артикля в предложениях, строящихся по формуле *X er Y* («X является Y-ом»), где X – субъект, а Y – наименование лица по какому-либо признаку: профессии,

национальной или религиозной принадлежности и т. д. Это явление связано с тем, что в предикатном употреблении существительное обозначает не объект, а признак объекта, как утверждал А. Д. Шмелёв [Шмелёв 1983], или, как писал М. И. Стеблин-Каменский, «...в этом случае отсутствие артикля выражает частичную потерю существительным его значения существительного» [Стеблин-Каменский 2004, с. 66]. Вместе с тем в предложениях идентификации, строящихся по формуле *Det er X* («Это X»), где X – лицо, с которым отождествляется субъект, неопределенный артикль всегда присутствует, что свидетельствует о том, что существительное в таком предложении воспринимается как объект, а не как предикат. Таким образом, в норвежском языке, в отличие, например, от английского, различные функции существительного в предложениях предикации и идентификации дополнительно обозначаются наличием или отсутствием неопределенного артикля, что хорошо иллюстрирует правомерность разделения существительных на идентифицирующие (жесткие десигнаторы) и предикатные (нежесткие десигнаторы).

Еще одна группа наименований лиц – *термины родства*. Они обозначают человека по его постоянному признаку, но были выделены в отдельную подгруппу в связи с наличием в значении этих слов дополнительных семантических компонентов. Исследования, посвященные терминологии родства в скандинавских языках, в частности, датского [Кузнецов 1971], отмечают одно существенное отличие их систем терминов родства от соответствующих систем в некоторых других европейских языках. Система терминов родства в английском, испанском и французском, согласно утверждению А. М. Кузнецова, может быть полностью описана с помощью трех компонентов: старшинство по поколениям, прямое / боковое родство и пол, тогда как в датской системе терминов родства присутствует четвертый компонент, условно названный им [направление родства]. Основанием для выделения этих компонентов служит присутствие в датском языке таких слов, как *farfader* – дед (отец отца), *morfader* – дед (отец матери), *sønnesøn* – внук (сын сына), *dattersøn* – внук (сын дочери), *brodersøn* – племянник (сын брата) и т. д. Аналогичным образом строится данная система и в норвежском языке. Естественно, что язык, располагающий более обширным набором дифференциальных признаков для описания значения терминов родства, имеет гораздо бо́льшую

номенклатуру терминов, значения которых образуются комбинациями различных признаков. Кроме того, среди норвежских терминов родства наблюдается большое количество собирательных терминов с нейтрализацией признака пола, лишь часть которых имеют эквиваленты в русском языке: *barn* – ребенок, *barnebarn* – внук / внучка, *oldebarn* – правнук / правнучка, *foreldre pl.* – родители, *besteforelde pl.* – бабушка и дедушка, *oldeforeldre pl.* – прабабушка и прадедушка, *søsken pl.* – братья и / или сестры, *søskenbarn* – племянники и / или племянницы и т. д. Обращает на себя внимание и еще одна особенность норвежской системы терминов родства: ряд составных слов демонстрируют некое подобие присутствия в норвежской системе терминов родства компонента [относительный возраст в пределах поколения]. Речь о таких словах, как *ungstebrotor* – младший брат, братишка, *ungstesønn* – младший сын, *ungstemann* – младший ребенок (сын) в семье, *eldstemann* – старший ребенок в семье, *eldstebrotor* – старший брат, *eldstedatter* – старшая дочь. Таким образом, набор темпоральных семантических компонентов в значении терминов родства включает в себя две единицы: [старшинство по поколениям] и [относительный возраст в пределах поколения].

Следующая группа лексем включает в себя наименования людей, животных, растений и неживых объектов, в семантике которых присутствует указание на возраст.

Анализ собранных лексем показал, что в структуре категории возраста присутствуют целых две семантические оппозиции: [молодой] ↔ [старый] и [взрослый] ↔ [-взрослый]. Внутри каждой группы выделяются подгруппы ядерной лексики, в которой возрастная сема является основной, а также по несколько подгрупп, в которых возрастная сема является второстепенной и сопровождается указанием на поведение, социальное положение, внешность и точный хронологический возраст. В целом можно сказать, что наибольшее количество лексем обозначает людей, животных, растения и предметы, находящиеся в начале своего жизненного срока (компоненты [-ВЗРОСЛЫЙ] и [МОЛОДОЙ]). При этом мы видим, что в существительных, обозначающих людей и животных, достаточно полно представлены обе рассматриваемые оппозиции, тогда как в названиях растений и животных эти противопоставления представлены гораздо более ограниченно и в трансформированном виде). Это позволяет сделать вывод о том,

что категория возраста антропоцентрична, наиболее актуальна в связи с периодизацией человеческой жизни, а также жизни животных, важных для хозяйственной деятельности человека, а обозначения других животных и растений лежат на периферии этой категории.

Кроме того, оказывается, что лексика, обозначающая людей и животных детского возраста, чаще всего не содержит указания на пол референта. Учитывая это, а также тот факт, что самые общие наименования детенышей, включая слово *et barn* – ребенок, относятся к среднему роду, мы можем трактовать эти данные в пользу гипотезы о связи грамматического рода с биологическим полом.

Последняя группа лексем, вошедших в наше исследование, – *темпоральная металексика*. На основе основных определений и общих критериев выделения металексики [Кнорина 1991, 1995; Шмелёв 2006; Уфимцева 1967; Гарьковская 2004; Орлова 2003; Ермакова 1984] было выделено шесть норвежских существительных, подходящих на эту роль: *tid* (время), *begynnelse* (начало), *slutt* (конец), *gang* (раз), *stund* (период), *alder* (возраст). Мы обнаружили, что выделенные нами лексеммы сами являются компонентообразующими, то есть служат семантическими компонентами других слов, что косвенно подтверждает их принадлежность к классу металексики (которая, как известно, служит для членения и классификации действительности).

Предполагается, что металексеммы близки к примитивам и либо являются неразложимыми на семантические компоненты элементами языка, либо сводимы к последним в минимальное число шагов. Выделенные нами слова стоят на высшей ступени обобщения реальности в том, что касается времени. Логично было бы предположить, что темпоральные металексеммы могут совпадать с семантическими примитивами времени, выделенными А. Вежбицкой. Однако в первой версии словаря примитивов мы находим лишь слова WHEN («когда»), BEFORE («прежде чем») и AFTER («после») [Wierzbicka 1972, с. 56–58], а во второй версии они дополняются примитивами A LONG TIME («долгое время»), A SHORT TIME («короткое время»), NOW («сейчас») [Wierzbicka 1996, с. 131–133]. Нетрудно заметить, что два из этих шести примитивов характеризуют длительность протекания действия (что совпадает с выделенными нами семантическими компонентами [долгий] и [короткий], которые, впрочем, очень слабо представлены в значении существительных). Все остальные выделенные

нами темпоральные компоненты не находят никакого отражения в работах А. Вежбицкой, включая идеи начала и конца, которые являются базовыми как для времени, так и для пространства [Рахилина 2000, с. 242–243]. В свете этого представляется плодотворной дальнейшая работа по уточнению списка базовых смысловых единиц поля языковой темпоральности.

Проведенное исследование показывает, что необходимо продолжать систематическое и комплексное изучение темпоральной семантики других частей речи с целью составления более полной картины языковой интерпретации времени, нежели та, что выявляется исследованиями, связывающими темпоральность исключительно с глагольными категориями времени, вида и способа действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко А. В.* Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л. : Наука, 1990. 263 с.
- Бондарко А. В.* Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб. : Издательство СПбГУ, 1999. 260 с.
- Бондарко А. В.* Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л. : Наука, 1987. 348 с.
- Булыгина Т. В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М. : Наука, 1982. С. 7–85.
- Воробьева Е. В.* Членение потока времени в норвежской картине мира / Материалы XXXVI Международной филологической конференции 12–17 марта 2007 г. / под ред. Б. С. Жарова. Вып. 2: Лексикология и фразеология (романо-германский цикл). СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2007. С. 32–35.
- Гарьковская Т. Н.* О когнитивном потенциале существительных с широким значением и их функционировании в дискурсе (на материале английского языка) // Бытие и язык: сб. статей. Новосибирск : Новосибирское книжное издательство, 2004. С. 324–330.
- Гловинская М. Я.* Многозначность и синонимия в видовременной системе русского глагола. М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2001. 320 с.
- Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1970. 768 с.
- Ермакова О. П.* Лексические значения производных слов в русском языке. М. : Знание, 1984. 151 с.

- Зализняк Анна А., Шмелёв А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М. : Языки русской культуры, 2000. 226 с.
- Казаков В. П.* Имена действия в грамматике и словаре // *Филологические науки*. 1994. № 3. С. 102–106.
- Казаков В. П.* Отглагольные существительные в аспекте временной локализованности действия // *Проблемы функциональной грамматики*. Алма-Ата : АГУ, 1993.
- Кнорина Л. В.* Металексика и ситуативная классификация действий в тексте // *Сборник НТИ, серия 2. Информационные процессы и системы*. 1991. № 3. С. 17–19.
- Кнорина Л. В.* Металексика: попытка выделения // *Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы : тезисы Междунар. конф.* Т. 1. М., 1995. С. 228–230.
- Коряковцева Е. И.* Статус имени действия // *Вопросы языкознания*. 1996. № 3. С. 55–66.
- Кузнецов А. М.* Сопоставительно-типологический анализ терминов родства английского, датского, французского и испанского языков // *Синхронно-составительный анализ языков разных систем / отв. ред. Э. А. Макаев*. М. : Наука, 1971. С. 269–277.
- Лавринайтис Е. А., Ливанова А. Н.* Поговорим по-норвежски = La oss snakke norsk: Глоссарий и тексты. Вып. 1. СПб. : Бельведер, 2002. 208 с.
- Ли В. С.* О событийных именах и их семантической структуре // *Семантика языковых единиц / доклады 4-й международной конференции. Часть 1. Лексическая семантика*. М., 1994. С. 87–90.
- Маслов Ю. С.* Вид и лексическое значение глагола в русском языке // *Известия АН СССР, серия литературы и языка*, 1948. Т. 7. Вып. 4. С. 303–316.
- Мельчук И. А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М. : Наука, 1974. 314 с.
- Орлова А. Л.* Металексика: еще одна попытка выделения // *Труды Международной конференции «Диалог-2003»*. Протвино, 2003.
- Падучева Е. В.* Отпредикатные имена в лексикографическом аспекте // *Сборник НТИ. Серия 2*. 1991. № 5. С. 21–28.
- Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М. : Гос. уч.-пед. изд-во, 1956. 451 с.
- Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.
- Селиверстова О. Н.* Второй вариант классификационной сетки и описание некоторых предикативных типов русского языка // *Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова*. М. : Наука, 1982. С. 86–157.
- Стеблин-Каменский М. И.* Грамматика норвежского языка. М. : УРСС, 2004. 240 с.

- Урысон Е. В. Аспектуальные компоненты в значении существительного // Московский лингвистический журнал. 1996. № 2. С. 380–385.
- Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М. : Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
- Уфимцева А. А. Некоторые вопросы синонимии // Лексическая синонимия: сб. статей. М. : Наука, 1967. С. 26–38.
- Чжан Ц. Аспектуальные семантические компоненты в значении имен существительных в русском языке // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 27–43.
- Шмелёв А. Д. О референции агентивных существительных // Филологические науки. 1983. № 4. С. 39–46.
- Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М. : УРСС, 2006. 280 с.
- Языковая картина мира и системная лексикография / Апресян Ю. Д. и др. ; отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2006. 910 с.
- Durst-Andersen P. Mental Grammar. Russian Aspect and related issues. Columbus, Ohio : Slavica publishers, 1992. 268 p.
- Frawley W. Linguistic Semantics. New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, 1992. 533 s.
- Givón T. On understanding grammar. New York : Academic Press, 1979. 379 p.
- Givón T. Syntax: a Functional-Typological Introduction. Vol. I. Amsterdam : John Benjamins, 1984. xx + 464 p.
- Guttu T. Norsk ordbok med 1000 illustrasjoner. 2.utgave / Red. T. Guttu. Oslo : Kunnskapsforlaget, 2005. xviii + 1350 s.
- Lyons J. Semantics. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 540 p.
- Vannebo K. I. Aksjonsart i norsk: ein syntaktisk funksjonsanalyse. Oslo : Universitetsforlaget, 1969. 194 s.
- Vendler Z. Verbs and times // Linguistics in Philosophy / Z. Vendler. Ithaca, New York : Cornell University Press, 1967. P. 97–121.
- Wangsteen B. Bokmålsordboka. Definisjons- og rettskrivningsordbok. 3. utgave, 2. opplag. Oslo : Kunnskapsforlaget, 2005. 1218 s.
- Wierzbicka A. Semantic primitives. Linguistische Forschungen. Bd. 22. Frankfurt/M. : Athenäum, 1972. 235 p.
- Wierzbicka A. Semantics: Primes and Universals. Oxford : Oxford University Press, 1996. 500 p.

**ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ МАЯТНИК:
ДЕСКРИПЦИЯ И ПРЕСКРИПЦИЯ
В ГРАММАТИКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
ОТ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ ДО НАШИХ ДНЕЙ**

В работе автор демонстрирует, как модель «эпистемологического маятника» (модель развития науки, учитывающая возврат ученых на разных исторических этапах к прежним темам, идеям, концепциям, которые вновь оказались актуальными на новом витке развития науки) может быть применена к описанию соотношения дескриптивного и прескриптивного подходов в грамматиках английского языка.

Применительно к материалу исследования «взмах эпистемологического маятника» проявляется в том, что доминирующие и периферийные подходы к изучению языка меняются местами. Именно так можно описать динамику соотношения дескриптивного и прескриптивного подходов в истории грамматик английского языка. Маятниковая модель позволяет учесть полицентрический характер лингвистики на любом историческом этапе ее развития и отказаться от упрощенного представления о существовании в истории грамматики донаучного нормативного этапа, который со временем сменяется научным дескриптивным этапом.

Первый «взмах маятника» приходится на XVII–XVIII вв. Ранненовоанглийские грамматики должны были дать представление о частях речи и грамматических категориях английского языка; оценка фактов языкового варьирования, с точки зрения их соответствия норме, не представлялась их авторам первостепенной задачей. Хотя в ранненовоанглийских грамматиках эпизодически встречается критика неверных, с точки зрения авторов, конструкций, в целом случаи эксплицитной оценки грамматических форм для этого периода не характерны: на этом этапе дескрипция превалирует над прескрипцией.

В XVIII в. прескриптивный компонент в грамматических описаниях английского языка выходит на первый план, окончательно закрепляясь в грамматиках Р. Лаута и Л. Маррея, прежде всего, в разделе «синтаксис». Новые акценты проявляются в способах экземплификации грамматических правил (грамматики содержат многочисленные примеры «неправильного» употребления грамматических форм, в том числе авторитетными писателями того времени) и упражнениях на исправление грамматических ошибок (в том числе в работах выдающихся литераторов – Шекспира, Мильтона и др.).

Формирование нормативной грамматики было вызвано целым комплексом факторов: фактор политический (необходимость консолидации общества, формирование британской государственной надэтнической идентичности); социально-экономический (ускоренное распространение инноваций как результат

урбанизации, налаживания железнодорожного сообщения и почтовой связи, социальной мобильности населения); социально-психологический (лингвистическая неуверенность низов среднего класса); культурный (соответствие идей нормативной грамматики философии языка и эстетическому канону своего времени).

Во второй половине XIX в. «эпистемологический маятник» совершает новый взмах, и дескриптивный подход становится для многих (если не для большинства) англоязычных лингвистов синонимом научного подхода к описанию языка. Критики прескриптивизма видят ограниченность последнего в негативном отношении к языковому варьированию, обеднению языка, непониманию неизбежности языковой эволюции, ориентации на узус социальной элиты, субъективный характер нормативных рекомендаций. В результате в XX в. нормативная традиция оказалась выведена за рамки академической науки.

В будущем предпосылки изменения отношения к нормативной традиции в положительную сторону можно видеть в общественном запросе рядовых носителей языка на работы нормативного характера и растущем интересе англоязычных социолингвистов и историков языка к проблемам нормирования английского языка.

Ключевые слова: лингвистическая историография; эпистемологический маятник; прескриптивизм; дескриптивизм; нормирование языка; грамматики английского языка.

N. N. Guermanova

Doctor of Philology, Professor, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University;
e-mail: nata-germanova@yandex.ru

THE “EPISTEMOLOGICAL PENDULUM”: DESCRIPTION AND PRESCRIPTION IN THE GRAMMARS OF ENGLISH FROM THE ENLIGHTENMENT TO THE PRESENT

The author demonstrates that ‘epistemological pendulum swing’ (a model of development of science which focusses on the return to formerly discarded themes, ideas, concepts, which prove their value on the new round of scientific development) can be applied to the description of the relation of descriptive and prescriptive approaches in the history of English grammar writing.

In the context of the present research ‘the epistemological pendulum swing’ reveals itself in the fact that mainstream and undercurrent approaches to language study change place. This is exactly how one can describe the dynamics of the interrelation of descriptive and prescriptive approaches in the history of grammar writing in Great Britain. The ‘epistemological pendulum’ model takes into consideration the polycentric nature of linguistics in any historical period and rejects the over-simplified view according to which a pre-scientific prescriptive period in the history of linguistics eventually gave way to scientific descriptive period.

The first ‘pendulum swing’ falls on the 17th–18th centuries. Early English grammars strived to describe the parts of speech and grammar categories of English;

an assessment of competing language variants in terms of their correspondence to the norm was not considered to be a matter of primary importance. Though in 17th-century grammars one can find random criticism of constructions which grammarians found to be 'ungrammatical', on the whole explicit evaluation of grammar forms was not typical of early English grammars: in that period description prevailed over prescription.

However, in the 18th century prescription in grammar writing comes to the fore, as can be seen in grammars by R. Lowth and L. Murray, especially in sections on syntax. Prescriptive approach manifests itself in the exemplification of grammar rules (grammars offer numerous examples of 'wrong' usage, often taken from works by famous writers) and in exercises aiming at correction of the 'mistakes' found in the works of outstanding writers, including Shakespeare and Milton.

The emergence of normative grammar was caused by several factors, among them the political factor (the need for consolidation of society, formation of super-ethnic British identity), the socio-political factor (quicker spread of innovations due to urbanization, railway communication and postal service, social nobility of population), socio-psychological factor (linguistic uncertainty of the lower middle class), cultural factor (congruence of normative grammar with the philosophy of language and aesthetic canons of the time).

In the second part of the 19th century the epistemological pendulum swings again, and descriptivism becomes for many – if not for the majority of linguists – the synonym of scientific approach to language. Critics of prescriptivism see its deficiencies in the negative attitude to variation in language, impoverishment of language resources, failure to understand the inevitability of language evolution, propagation of the usage of social elite and subjective character of normative recommendations. As a result, in the 20th century normative tradition was ousted beyond the boundaries of academic science.

The possible future change in the attitude to normative tradition can result from the demand on the part of ordinary users of English for normative recommendations and the growing interest of sociolinguists and linguistic historiographers in problems of language standardization.

Key words: linguistic historiography; epistemological pendulum swing; prescriptivism; descriptivism; language standardization; English grammars.

Оборот «взмах эпистемологического маятника» (epistemological pendulum swing) достаточно часто употребляется в научных трудах по истории науки, включая и работы в области лингвистической историографии. Этот метафорический оборот означает возвращение ученых на разных исторических этапах к прежним темам, идеям, концепциям, которые были ранее отвергнуты научным сообществом, но вновь оказались актуальными на новом витке развития лингвистической науки.

Следует заметить, что лежащая в основе этого оборота метафора не совсем точна: если маятник при каждом взмахе возвращается

в прежнюю точку, то в истории науки возрождение интереса к прежней проблематике происходит на новых методологических основаниях, опирается на новый эмпирический материал и открывает в предмете исследования новые грани. В этом смысле точнее было бы говорить об «эпистемологической спирали», по которой движется развитие научной мысли, однако традиционный образ маятника достаточно прочно укоренился в трудах по истории науки [Koerner 1978, с. XVI; Koerner 1999, с. 15; Koerner 2004, с. 12–13].

На наш взгляд, положение о существовании в лингвистике «вечных тем» и периодическом возрождении интереса лингвистов к, казалось бы, уже забытой проблематике, имеет существенное значение для методологии лингвистической историографии. «Маятниковую модель» развития науки можно рассматривать как компромиссную позицию в дискуссии о континуальности или дискретности развития научного знания: с одной стороны, «приливы» и «отливы» интереса к определенной проблематике не позволяют говорить о поступательном однонаправленном развитии научной мысли, но, с другой стороны, «эпистемологический маятник» доказывает ограниченные возможности применения к истории лингвистики дискретной парадигмальной модели развития науки Т. Куна.

Настоящая статья ставит целью исследовать возможность применения «маятниковой модели» развития науки к лингвистическому материалу на примере изучения динамики соотношения прескриптивного и дескриптивного подходов к описанию языка в англоязычной нормативной грамматике с XVII в. до наших дней.

На практике «взмах» эпистемологического маятника проявляется в том, что ведущие (mainstream) и периферийные (undercurrent) подходы к изучению языка меняются местами. Именно так можно описать динамику соотношения дескриптивного и прескриптивного (связанного с проблемами нормализации языка) подходов в истории грамматик английского языка.

При этом не следует забывать, что наука на любом этапе своего развития имеет полицентричный характер. Применительно к нашему материалу это означает, что было бы неправильно говорить – как это нередко делается – о существовании в истории лингвистики донаучного (нормативного, прескриптивного) и научного (описательного, дескриптивного) периодов. Внимательное и беспристрастное

изучение грамматик английского языка XVII–XIX вв. показывает, что прескрипция и дескрипция уживались в трудах лингвистов одного поколения (а нередко и в работах одного и того же автора), хотя в зависимости от культурно-исторической эпохи акценты расставлялись по-разному.

Несмотря на свою употребительность, термины «прескрипция» и «прескриптивный» нуждаются в определенном уточнении, прежде всего, в их соотношении с терминами «дескрипция», «дескриптивный», а также «норма», «нормативный» и «нормализация».

Термин «прескриптивизм» получил широкое распространение в англоязычной традиции, где он употребляется в большинстве случаев с отрицательной коннотацией и обозначает активное вмешательство автора нормативного сочинения в речевой узус, эксплицитную оценку фактов речеупотребления по шкале правильно / неправильно; его антонимом выступает термин «дескриптивизм», который, напротив, трактуется исключительно положительно как объективное научное описание речевой практики.

На наш взгляд, подобное бинарное противопоставление существенно упрощает действительное положение вещей. На самом деле даже объективное, лишенное оценочного компонента описание языка может оказывать нормализаторское воздействие на речевую практику, поскольку читатель воспринимает описываемые автором модели и приводимые им примеры как образец правильного употребления (особенно в тех случаях, когда речь идет об исключениях из общих правил).

Более того, оппозиция прескриптивный / дескриптивный является не единственной, поскольку прескриптивному и дескриптивному подходам к описанию языка противостоит объяснительный подход, который, в отличие от дескриптивного подхода, не ограничивается констатацией наблюдаемых явлений (т. е. в терминах генеративной лингвистики, описанием поверхностного уровня языка), но занимается моделированием языковых явлений и процессов, в том числе на когнитивном, недоступном непосредственному наблюдению уровне.

Поэтому более содержательным было бы, на наш взгляд, не бинарное противопоставление дескрипции и прескрипции, но тернарная оппозиция: подходы нормативный – дескриптивный – объяснительный. Нормативное описание языка (в отличие, например, от разных типов объяснительных грамматик: универсальной, генеративной,

сравнительно-исторической и т. п.) имеет целью описать, упрочить или, в некоторых случаях, конструировать языковую норму. Это описание может склоняться к дескрипции или прескрипции. В первом случае правила выводятся на базе анализа сложившейся общественно-речевой практики; во втором – на основании некоторых априорных соображений (логического, эстетического или какого-либо другого характера) и являются эталоном для оценки узуса. В последнем случае актуальным становится понятие распространенной ошибки: даже распространенность того или иного явления в речевой практике не рассматривается нормализаторами языка как доказательство его правильности. Выяснение соотношения дескрипции и прескрипции в контексте всей нормативной традиции или в рамках конкретного нормативного сочинения (грамматики, словаря, справочника и т. п.) является актуальной задачей лингвистической историографии.

Прескриптивный подход к языку нельзя однозначно трактовать в негативном ключе: он, как показывает история лингвистики, является неотъемлемой частью процесса нормализации языка на определенном культурно-историческом этапе. Не случайно одним из признаков литературного (стандартного, в англоязычной терминологии) языка является уменьшение сферы свободного варьирования. Собственно говоря, именно на это и направлены прескриптивные рекомендации, появляющиеся тогда, когда языковое варьирование начинает осознаваться как препятствие для эффективной коммуникации.

Как показывает история англоязычной грамматики, соотношение прескрипции и дескрипции было подвержено определенным колебаниям, которые хорошо вписываются в маятниковую модель развития науки. Первый «взмах маятника» приходится на XVII–XVIII вв. Первые грамматики английского языка ранненовоанглийского периода появились в конце XVI в.¹ В XVII в. их число увеличилось, хотя их по-прежнему было относительно немного, причем некоторые были написаны на латинском языке. Грамматики первой половины XVII в. были адресованы в первую очередь иностранцам, желающим изучить английский язык, или англичанам, приступающим к изучению латыни. Начиная со второй половины XVII в., грамматику английского

---

¹ Это грамматика У. Буллокара «Краткая английская грамматика» (1586). В конце XVI в. была опубликована написанная на латыни «Grammatica Anglicana», принадлежащая перу П. Гривза (1594).

языка всё чаще изучают, хотя далеко не во всех учебных заведениях, как самостоятельный предмет. Определенную роль в росте интереса к преподаванию английского языка сыграла философия пуританизма: пуритане подчеркивали значимость утилитарных практически ориентированных знаний, выступая против университетского классического гуманитарного образования, в центре которого была латынь.

Ранненовоанглийские грамматики должны были дать общее представление о частях речи и грамматических категориях английского языка; оценка фактов языкового варьирования с точки зрения их соответствия или несоответствия норме не представлялась их авторам первостепенной задачей. Это, конечно, не значит, что представления о норме, о правильном или неправильном употреблении в XVII в. не существовало. Грамматисты, несомненно, осознавали, что их деятельность должна привести к упорядочению узуса; в грамматиках этого периода встречаются упоминания о «лучшем английском» королевского двора и образованных людей и критика «варварских» и «вульгарных» диалектов. Более того, в ранненовоанглийских грамматиках эпизодически встречаются и прямые случаи критики неверных, с точки зрения автора, конструкций [Salmon 1986, с. 79]. Однако в целом случаи эксплицитной оценки тех или иных грамматических форм для этого периода не характерны; можно утверждать, что на этом этапе дескрипция превалирует над прескрипцией.

Достаточно характерным примером грамматики этого периода является труд, принадлежавший перу знаменитого драматурга XVII в. Бена Джонсона, опубликованный в 1640 г. уже после его смерти. Как писал Бен Джонсон на первых страницах своей грамматики, впрочем, не развивая эту мысль далее, создатели грамматик английского языка «освобождают язык от грубости и варварства» [Jonson 1640]. Большая часть грамматики посвящена описанию морфологической системы английского языка по частям речи с указанием исключений (например, форм множественного числа типа *goose – geese, ox – oxen* и т. п.). Этот подход отличает и раздел «Синтаксис», характеризующийся подробностью изложения и повышенным интересом к деталям синтаксических конструкций¹. Подобные перечисления исключений из общих правил предупреждали возможные ошибки и этим способ-

---

¹Как указывают историки лингвистики XVII в., именно Бен Джонсон положил начало детальному описанию синтаксиса английского языка [Dons 2004].

ствовали закреплению норм употребления; в этом смысле грамматика Бена Джонсона была, несомненно, направлена на регламентацию общественно-речевой практики.

Однако при этом в грамматике Бена Джонсона практически полностью отсутствует эксплицитная критика неправильного употребления¹. Более того, автор указывает, что грамматические правила должны основываться на общей речевой практике, и если некоторое языковое явление получило распространение, его как грамматиста нельзя упрекать за то, что он, ориентируясь на узус, следует «зову Природы» [Jonson 1640, с. 71]. В грамматике Бена Джонсона содержится большое число литературных примеров, причем все они приводятся как образцы правильного употребления.

Ситуация резко меняется в XVIII в., который не без основания принято считать «веком прескриптивизма». Именно в это время эксплицитная критика современного грамматистам узуса находит путь на страницы грамматик, преимущественно в разделах, посвященных синтаксису. Окончательно прескриптивный подход, как принято считать, закрепляется в грамматиках Р. Лаута и Л. Мэррея [Lowth 1762; Murray 1795].

Новые акценты ярко проявляются в способах экземплификации грамматического материала: теперь грамматики предлагают читателям не только образцы для подражания, но и примеры неправильного употребления грамматических форм, в том числе авторитетными писателями того времени и даже коллегами-грамматистами. Этот подход стал популярным после публикации грамматики Р. Лаута, которого, впрочем, едва ли справедливо, принято считать «иконкой прескриптивизма» [Lowth 1762]. Р. Лаут обнаруживал ошибки в сочинениях Шекспира, Милтона, Аддисона, Попа, Свифта, Драйдена, Гоббса; другой авторитетный грамматист, Дж. Пристли, – в работах Д. Юма и т. д. Таким образом, в представлении грамматистов того времени правило предшествует узусу, а не выводится из него.

«Негативный материал» проникает и в задания для учащихся: со второй половины XVIII в. в грамматиках получают распространение упражнения на исправление грамматических ошибок (ранее этот

---

¹ Редким исключением является его замечание по поводу опускания апострофа, который нередко отсутствует «из-за небрежности писателей и печатников» [Jonson 1640, с. 70].

прием применялся только при обучении орфографии) [Buchanan 1968 (1762); Murray 1795 и др.]. Эти упражнения регулярно включаются в состав грамматик и даже публикуются отдельными изданиями, причем некоторые из таких пособий выдерживают до нескольких десятков переизданий. Одним из излюбленных грамматистами заданий было упражнение на «транспозицию», т. е. на устранение инверсий, причем в качестве материала учащимся часто предлагали пассажи из сочинений Шекспира и Мильтона.

Прескриптивизм, уменьшая зону свободного варьирования, способствовал формированию единой языковой нормы и был, на наш взгляд, закономерным этапом формирования языковых норм в XVIII в. Его появление было обусловлено целым рядом причин.

1. **Политические причины:** формирование единых языковых норм было призвано способствовать консолидации общества, особенно желанной после бурного XVII в. Становление единой нормы способствовало созданию британской государственной надэтнической идентичности. Характерно, что именно из «этнических провинций» были родом авторы многих важнейших нормативных трудов XVIII в.: авторы ключевых риторик своего времени (Дж. Кэмбелл и Х. Блэр) и лингвист-теоретик Дж. Битти, написавший и небольшое практическое пособие «Скоттицизмы. Пособие, предназначенное для исправления ошибок в речи и на письме» (1779), были шотландцами; Т. Шеридан, автор популярнейшего «Курса лекций по элокуции» (1762) и «Общего словаря английского языка» (1780) был ирландцем; этот список можно продолжить. Их труды можно считать свидетельством готовности провинциальной элиты отказаться от местной, локальной, идентичности в пользу идентичности имперской.

2. **Социально-экономические причины:** урбанизация, налаживание железнодорожного сообщения и почтовой связи, отсутствие непреодолимых классовых барьеров, обеспечивавшее возможность продвижения вверх по социальной лестнице, приводили к социальному и региональному «перемешиванию» населения за счет формирования открытых социальных цепочек, что способствовало распространению инноваций и усиливало речевое варьирование, которое начинало восприниматься как препятствие для эффективной коммуникации.

3. **Социально-психологические причины:** становлению нормативной традиции способствовало формирование в ходе Промышленной

революции обширной и социально активной группы так называемых *social climbers* (людей, стремящихся подняться вверх по социальной лестнице), для которых было характерно чувство «лингвистической неуверенности», вызывающее склонность к консерватизму в вопросах речеупотребления и стремление к гиперкоррекции.

4. *Причины культурного характера*: соответствие идей нормативной грамматики философии языка и эстетическому канону Просвещения. Представления о языке как «одежде мысли» приводили к тому, что грамматисты и авторы риторик стремились добиться изоморфизма языковых и ментальных категорий [Германова 2014]. В терминах лингвосемиотики можно сказать, что оптимальным знаком стали считаться иконические диаграммы как проявление «индексальной иконичности» [Германова 2014; Guermanova 2018].

Все эти факторы в совокупности обеспечивали вплоть до первой половины XIX в. авторитет нормативной традиции. Однако, начиная со второй половины XIX в., ситуация постепенно меняется, и научное исследование языка начинает со временем ассоциироваться исключительно с дескриптивным подходом: эпистемологический маятник осуществляет очередной взмах.

В британской лексикографии наиболее значимым проектом стала публикация «Нового английского словаря на исторических принципах», который впоследствии получил название «The Oxford English Dictionary», сокращенно OED (1850-е гг. – 1933 г.). В грамматике и фонетике принципиальным сторонником дескриптивного подхода был известный фонетист, грамматик и историк языка Г. Суит. Формированию дескриптивного подхода в Великобритании способствовало создание научных лингвистических обществ (The Early English Text Society, The English Dialect Society, Philological Society). Движение в сторону дескриптивизма наблюдалось и по другую сторону Атлантики, где важную роль в распространении идей дескриптивизма сыграли Американская филологическая ассоциация (American Philological Association) и Ассоциация современного языка (Modern Language Association), а также основанный в 1911 г. Национальный Совет преподавателей английского языка (National Council of Teachers of English). Дескриптивных позиций придерживалось и образованное в 1924 г. Лингвистическое общество Америки (Linguistic Society of America).

В итоге в первой половине XX в. дескриптивный подход становится для многих (если не для большинства) англоязычных лингвистов синонимом научного подхода к описанию языка. Этот взгляд остается влиятельным до сих пор. Критики прескриптивизма видят ограниченность последнего в негативном отношении к языковому варьированию, что ведет к обеднению языка. В непонимании неизбежности языковой эволюции, они критикуют авторов нормативных работ за ориентацию на узус социальной элиты, субъективный характер, непоследовательность и даже противоречивость нормативных рекомендаций. Это отношение проникает даже в те словари и грамматики, которые, казалось бы, должны быть нацелены на распространение языковых стандартов, однако на деле пропагандируют эгалитарный подход и возлагают ответственность за выбор варианта на самого пользователя [Шляхова 2015]. Без преувеличения можно сказать, что прескриптивизм стал для большинства современных англоязычных лингвистов негативным понятием, и нормативная традиция оказалась выведена за рамки академической науки.

Совершит ли эпистемологический маятник следующий взмах? Трудно предположить, что в обозримом будущем научное сообщество в Великобритании и США вернется к идеалам XVIII в., когда главной задачей грамматики представлялось нормирование языка и сглаживание варьирования. Помимо теоретическо-методологических оснований современной лингвистики, для этого нет достаточных социальных предпосылок: нормы английского языка достаточно четко определены, по крайней мере в рамках британского и американского этнических вариантов, и существующее варьирование не представляет серьезного вызова для эффективности коммуникации, особенно с учетом социального запроса на политкорректность и конструирование индивидуальной контекстно гибкой и подвижной идентичности.

Однако не исключено, что резко негативное отношение к нормативной традиции в целом и даже прескриптивизму как ее части может быть несколько скорректировано. Предпосылкой этого является общественный запрос на работы нормативного характера (Дж. Бил удачно назвала нынешнее состояние умов рядовых пользователей языка «новым прескриптивизмом» [Beal 2008], см. также [Германова 2011, с. 154–174; Жукова 2013; Prescription and Tradition 2016, с. 185–254]).

Другим примечательным обстоятельством является растущий интерес англоязычных социолингвистов и историков языка к проблемам нормирования английского языка. Авторы последних десятилетий все чаще отказываются от упрощенных представлений о соотношении прескриптивного и дескриптивного начал в деятельности нормализаторов языка в XVII–XIX вв. [Standardising English 2018, с. 6–9]. Большую часть работ, многие из которых основаны на корпусном анализе, отличает фактографический подход: лингвисты тщательно прослеживают историю публикаций нормативных сочинений, проводят текстологический анализ переизданий учебников, анализируют состав нормативных рекомендаций в соотношении с распространенным узусом (ср. работы Т. Невалайнен, И. Тикен-Бун ван Остаде, Н. Янез-Буза, А. Ауэр, В. Гонзалез-Диаз, Дж. Бил, К. Перси, С. Фитцмаурис и др.) [Perspectives on Prescriptivism 2008; Auer 2009; Tiekens-Boon van Ostade 2011; Yáñez-Bouza 2014; Norms and Usage 2014; Prescription and Tradition 2016 и др.]. Их принципом является «дескриптивный подход к изучению прескриптивизма»: эта формулировка позволяет, отстранившись от прескриптивной позиции авторов исследуемых работ и оставаясь на позициях дескриптивной объективности, ввести изучение нормативных сочинений в академический дискурс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Германова Н. Н.* Теория и история литературного языка в отечественном и англоязычном языкознании. М. : URSS, 2011. 221 с.
- Германова Н. Н.* История нормирования английского языка. Лингвокультурные основания британской нормативной грамматики. М. : ЛЕЛАНД, 2014. 368 с.
- Жукова Л. С.* Образ родного языка в картине мира современных англичан. М. : Институт языкознания РАН, 2013. 184 с.
- Шляхова Е. С.* Кодификация орфоэпической нормы английского языка в Великобритании в новоанглийский период : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 182 с.
- Auer A.* The Subjunctive in the Age of Prescriptivism: English and German Developments during the Eighteenth Century. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. 221 p.
- Beal J. C.* Shamed by your English? The market value of a ‘good’ pronunciation // Perspectives on Prescriptivism / Carmela Nocera, Massimo Sturiale (eds.). Bern : Peter Lang, 2008. P. 21–40.

- Buchanan J.* The British grammar, 1762. Reprint: Menston : Scolar Press, 1968. 255 p.
- Dons U.* Descriptive Adequacy of Early Modern Grammars. Berlin et al : Mouton de Gruyter, 2004. 304 p.
- Guermanova N.* Prescriptive tradition and the Rationalist Cultural model of Standardisation // Standardising English: Norms and Margins in the History of the English language. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. P. 43–61.
- Jonson B.* The English Grammar: For the Benefit of All Strangers Out of His Observation of the English Language Now Spoken and in Use. б. м.: 1640. 84 p.
- Koerner E. F. K.* Toward a Historiography of Linguistics: Selected Essays. Amsterdam-Philadelphia : John Benjamins Publishing, 1978. 222 p.
- Koerner E. F. K.* Linguistic Historiography: Projects and Prospects. Amsterdam – Philadelphia : John Benjamins Publishing, 1999. 236 p.
- Koerner E. F. K.* Essays in the History of Linguistics. Amsterdam – Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2004. 271 p.
- Lowth R.* A Short Introduction to English Grammar: with Critical Notes. London : J. Hughs, 1762. 186 p.
- Murray L.* English Grammar: Adapted to the Different Classes of Learners. With an Appendix, Containing Rules and Observations for Promoting Perspicuity in Speaking and Writing, 1795. York : Wilson, Spence, and Mawman. 222 p.
- Norms and Usage in Language History, 1600–1900: A sociolinguistic and comparative perspective / Gijsbert Rutten, Rik Vosters, Wim Vandebussche (eds.). Amsterdam – Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2014. 334 p.
- Tieken-Boon van Ostade I.* The Bishop's Grammar: Robert Lowth and the Rise of Prescriptivism. Oxford : Oxford Scholarship Online, 2011. 358 p.
- Perspectives on Prescriptivism / Carmela Nocera, Massimo Sturiale (eds.). Bern : Peter Lang, 2008. 269 p.
- Prescription and Tradition in Language: Establishing Standards across Time and Space / Ingrid Tieken-Boon van Ostade, Carol Percy (eds.). Multilingual Matters. 2016. 428 p.
- Salmon V.* Effort and achievement in seventeenth-century British linguistics // Studies in the History of Western Linguistics / Th. Bynon, F. R. Palmer (Eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 1986. P. 69–95.
- Standardising English: Norms and Margins in the History of the English language / Linda Pillière, Wilfrid Andrieu, Valérie Kerfelec, Diana Lewis (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 298 p.
- Yáñez-Bouza, N.* Grammar, Rhetoric and Usage in English. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 392 p.

УДК 81-139

Е. Е. Голубкова

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры лексикологии английского языка МГЛУ;
email: katemg@yandex.ru

FAILING METAPHORS, ИЛИ АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ СМЕШАННЫХ МЕТАФОР

В статье описывается с новых когнитивных позиций достаточно распространенное в языке явление так называемой смешанной метафоры, рассматривавшейся традиционно как ошибка в употреблении метафорического выражения. В последние десятилетия с накоплением эмпирических данных и развитием когнитивного направления в лингвистике произошла значительная переоценка сущности смешанной метафоры (СМ). Многие лингвисты склонны учитывать ее творческую направленность и продуманный характер использования. Статья ставит задачу прояснить терминологический аппарат, связанный со СМ, предлагает собственную классификацию СМ, анализирует примеры ее удачного и неудачного использования. Выдвигается предположение о трехмерном характере СМ: ее языковом, концептуальном и прагматическом измерении.

Ключевые слова: смешанная метафора; фразеологические обороты; синестезия; концептуальная метафора.

E. E. Golubkova

Doctor of Philology (Dr.habil), Professor of the department of English Lexicology
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: katemg@yandex.ru

FAILING METAPHORS: ANALYSIS OF MIXED METAPHORS

The article focuses on a widespread phenomenon of the so-called 'mixed metaphor' traditionally treated in linguistics as an erroneous usage of a metaphorical expression, but treats it cognitively. Within cognitive paradigm over the last decade or so mixed metaphor's status and origin was considerably revised due to new empirical data and new methods of analysis in cognitive linguistics. Cognitologists are likely to view mixed metaphor as a purposeful usage of hybrid structure within a stretch of a sentence or text that reveals the creative potential of the user. The article aims at clarification of the terms applied to different kinds of metaphors, offers a new classification of mixed metaphors and analyses cases of its successful and unsuccessful application. The author hypothesizes that mixed metaphors can be viewed in a 3D context, considering their linguistic, conceptual and pragmatic parameters.

Key words: mixed metaphor; phraseological units; synesthesia; conceptual metaphor.

“To Err Is Human; To Study Error-Making Is Cognitive Science.”
Douglas Hofstadter and David Moser, Michigan Quarterly Review, 1989

“I shake things up, therefore I am.”
James Geary

В заголовок данной статьи вынесено выражение *failing metaphors*, которое, по сути, не является строгим лингвистическим термином, а лишь дает имплицитную негативную оценку так называемым смешанным метафорам (*mixed metaphors*), традиционно определяемым как «контекстуальное объединение логически несовместимых понятий» [Ахманова 1969, с. 224].

Однако целью статьи является отнюдь не критика данного явления как очевидной ошибки говорящего, спутавшего две идиомы или совместившего в одном предложении слишком далекие образы. Напротив, в соответствии с эпиграфами, выбранными для данной статьи, мы хотели бы остановиться подробнее на интересных случаях таких дискурсивных ошибок (как правило, они встречаются в устной речи) или преднамеренных употреблений смешанных метафор (далее – СМ) и попытаться предложить концептуальное обоснование подобному явлению. Этапы нашего разбора смешанных метафор включают их классификацию, рассмотрение факторов, способствующих их возникновению, причины их создания / появления, возможные уровни обработки информации при декодировании данного типа метафор.

Тема смешанных метафор, как отмечает А. Начисчионе, далеко не новая в лингвистике, как и само явление – исследователи находят примеры смешанных метафор у У. Шекспира, Дж. Чосера, Дж. Голсуорси [Naciscione 2016]. Еще в 1898 г. Несфилд критиковал данное явление: «Metaphors borrowed from more than one source must not be combined in the same phrase or the same sentence» (*Метафоры, заимствованные более чем из одного источника, не следует совмещать в пределах одного предложения.* – Перевод наш. – Е. Г.) [Naciscione 2016, с. 21]. Как показало исследование Э. Семино, проводившей корпусный анализ употребления данного термина (на материале Оксфордского корпуса), он характеризуется отрицательными коннотациями, которые автор исследования объясняет наличием противоречий между смежными метафорами, приводящими либо к непониманию, либо к неожиданно юмористическому эффекту (ср.: «This negative evaluation is usually

based on the idea that clashes between contiguous metaphors may result in confusion and / or unintended humour» [Semino 2016, с. 205]).

В большинстве случаев металингвистический комментарий «смешанной метафоры» обладает отрицательной оценочностью, хотя иногда отмечается, что подобного рода метафора используется и для того, чтобы продемонстрировать чувство юмора и креативность говорящего или пишущего [Semino 2016]. Таким образом, наблюдается неоднозначное отношение к данному типу метафор, при котором происходит наложение или смешение двух или более концептуальных областей; процесс, приводящий к непредсказуемым последствиям. Об этом двойственном отношении к СМ свидетельствует и статья М. Киммела под названием «Why we mix metaphors (and mix them well): Discourse coherence, conceptual metaphor, and beyond», опубликованная в 2010 г., в которой он объясняет «когнитивный успех» смешанной метафоры распределением ее компонентов по клаузам [Kimmel 2010]. Если эти компоненты не объединены в пределах одной клаузы, грамматическая структура высказывания не заставляет реципиента объединять их концептуально, в результате чего они воспринимаются как «относящиеся к разным онтологическим уровням» [Kimmel 2010, с. 4]. И лишь в условиях непосредственной синтаксической близости они вынуждают реципиента решать проблему несовместимости передаваемых ими образов. По выражению Э. Семино, «when speakers mix their metaphors, they begin with one metaphor and then switch to another midstream» (*при смешении метафор говорящий начинает с одной метафоры, а затем вдруг переключается на другой ход мыслей.* – Перевод наш. – Е. Г.). Проблема статуса, причины возникновения и успешность некоторых СМ не давали покоя многим когнитологам-метафористам. Так, шестью годами позже вышла большая коллективная монография под редакцией Гиббса «Mixing metaphor», обзор которой дан в [Нагорной 2017], и которая состоит из трех разделов и включает в себя 12 глав-статей. Свой вклад в исследование этого явления внесли такие известные когнитологи, как З. Кёвечеш, Л. Кэмерон, Э. Семино, К. Мюллер, Дж. Лонерган и Р. Гиббс, Дж. Барнден, Г. Стейн, Ф. МакАртур и др. Большинство авторов уже более терпимо относятся к смешиванию метафор и даже оценивают этот процесс как доказательство «когнитивной гибкости, свидетельствующей об интеллектуальном и творческом уровне автора» [Sullivan 2017, с. 242; Mixing metaphor 2016].

По наблюдениям Э. Семино, комментарий «смешанная метафора» употребляется применительно к столь широкому кругу явлений, что его терминологическая точность представляется сомнительной [Нагорная 2016, с. 25]. Несмотря на значительное продвижение по пути определения границ и механизмов СМ, по-прежнему актуальными остаются такие вопросы, как:

1. Почему несовместимые в плане образности метафоры выбираются в определенный момент при разворачивании дискурса?
2. Почему смешанные метафоры так широко распространены?
3. Каковы разновидности смешанных метафор? Можно ли их как-то классифицировать?
4. Почему существуют примеры метафорически однородных / неоднородных дискурсов?
5. Почему в рамках одного дискурса часто используются столь разнообразные домены-источники?
6. Как происходит понимание смешанных метафор?

Добавим к данному списку проблему идентификации СМ и вопрос о том, может ли в процессе конструирования метафоры быть «двустороннее движение» от домена-источника к целевому домену. Последняя проблема заслуживает специального подробного исследования и не будет здесь пока нами затронута.

Постараемся, однако, определить место смешанной метафоры в ряду других, опираясь на английские термины: *compound*, *complex*, *conduit*, *extended*, *mixed*. Мы умышленно используем здесь английские термины без перевода, так как они, как правило, сводятся к русскому «сложная или комплексная метафора» и не проясняют различия между типами. Несколько огрубляя положение вещей, отметим, что различие *compound* и *complex metaphors* состоит в том, что первые как бы состоят из нескольких следующих одна за другой частей, а вторые многослойны и телескопичны.

Примером *compound* метафоры может служить фраза:

Thick, primal, blind fog descended before his eyes. – Плотный, первозданный, непроницаемый туман накрыл его.

Примером *complex* метафоры может служить заимствованное у Лакоффа и Джонсона выражение *PURPOSEFUL LIFE IS A JOURNEY*, которое послойно раскладывается на:

PEOPLE SHOULD HAVE PURPOSES IN LIFE
 PEOPLE SHOULD ACT SO AS TO ACHIEVE THEIR PURPOSES
 PURPOSES ARE DESTINATIONS, ACTIONS ARE MOTIONS.

Таким образом, *compound metaphor* – метафора, состоящая из нескольких последовательных частей, *complex metaphor* – многослойная метафора. Тогда понятие *extended metaphor* близко по сути *compound metaphor*, с той лишь разницей, что расширенная метафора (также именуемая *conceit* or a *megametaphor*) распространяется на более продолжительный отрезок повествования – абзац, рассказ, стихотворение. Отметим, вслед за А. Начисчионе, что в процессе конструирования *compound metaphor* происходит взаимодействие и смешение многих процессов – метонимии, каламбура, персонификации, эфемизации, гиперболы, иронии, которые вносят вклад в расширение метафоры [Начисчионе 2016, с. 264]. Нижеследующий отрывок составляет пример такой «разлитой» по нарративу метафоры, совмещающей несколько образов из различных доменов. Примечательно, что первая идиома *the canary down the mine* в переводе на русский язык искажена нами умышленно (она должна переводиться как канарейка в шахте, т. е. очень восприимчивое к опасности существо) и как бы приведена в соответствие с образом во второй части высказывания (в которой упоминается образ кипящего котла с крышкой, которая вот-вот с него соскочит, образ, замененный нами на бомбу, которая может взорваться). В итоге в русском варианте стирается игра смыслов СМ, присутствующих в английском варианте.

We're *like the canary down the mine*. We're the first people who pick up what's going on out there and what we're seeing at the moment is *a boiling pot whose lid is coming off* (Markos Chrysostomou, Haringey Citizens Advice Bureau, on the effects of cuts, 19 November 2012). – Мы как солдаты на минном поле. Мы первые, кто узнает, что там происходит и то, что мы видим сейчас это бомба, которая вот-вот взорвется (Перевод наш. – Е. Г.).

Еще один термин *conduit metaphor* синонимичен *complex metaphors*, так как также рассматривается как «послойная» последовательность проекций между доменами (as a cross-domain mapping):

That idea just came to me out of the blue.

IDEAS (OR MEANINGS) ARE OBJECTS
LINGUISTIC EXPRESSIONS ARE CONTAINERS
COMMUNICATION IS SENDING [Lakoff and Johnson 1980, с. 10].

Приведем наш пример *conduit metaphor*:

It (gay marriage) would *open up a can of worms* and *a legal minefield about freedom, religion and equalities legislation...* It *may open up old wounds* and *put people into the trenches*; no one wants that (*David Burrowes, Conservative MP, on gay marriage, 17 January 2012*). – Это ящик Пандоры, который повлечет за собой ряд проблем и в том числе проблем на законодательном уровне в сфере свободы, религии и равенства... Это может вскрыть старые раны и привести к войне; никто этого не хочет (Перевод наш. – Е. Г.).

Перейдем к определению смешанной метафоры (*mixed metaphor*). Наиболее распространенное определение: несовместимая рассогласованная комбинация метафор типа (*Incompatible mismatched combination of metaphors*) [Sullivan 2017, с. 242]:

Step up to the plate (baseball metaphor) and grab the bull by the horns. – Выйди на позицию (возьми ответственность на себя) и бери быка за рога (www.thoughtco.com/what-is-complex-metaphor-1689886).

В 1976 г. журналистами даже был придуман шуточный термин для такого рода метафор *malaphor* как гибрид *malapropism* и *metaphor* (Lawrence Harrison in the *Washington Post* article «Searching for Malaphors», August 6, 1976).

Принимая такое определение, нельзя не отметить, однако, анализируя примеры СМ, что несовместимость и рассогласованность, наложение или смешение двух или более концептуальных метафор, может привести к неоднозначным последствиям: либо нарушению логики высказывания и коммуникативному сбою, либо, напротив, к созданию добавочного экспрессивного эффекта при экономии лингвистических средств. Именно поэтому Киммел задается вопросом: «What is it, then, that enables a speaker to array different metaphors in a complex way and ensure that they create and indeed strengthen an argument by their well-crafted interaction?» [Kimmel 2010, с. 98]

Анализ материала показал, что к смешанным относятся несколько разновидностей нетривиального использования метафорических

выражений: 1. Разворачивающиеся последовательно в дискурсе (как на уровне одного предложения, так и на уровне текста). Фактически они представляют собой разновидность *compound metaphor* с той лишь разницей, что в высказывание плотно «упакованы» несколько фразеологических оборотов с различной образностью. Успешность восприятия подобных метафор зависит, видимо, от степени согласованности образов (ср. [Semino 2016, с. 216]).

I don't like it. When you *open that Pandora's box*, you will find it full of *Trojan horses* (*Ernest Bevin, Labour Foreign Secretary, on the idea of a Council of Europe, 1948. Nominated by Francis Wheen*). – Когда Вы откроете этот ящик Пандоры, там вы найдете множество Троянских коней.

Out of the hat on Monday night the Home Secretary *produced the rabbit*, the temporary provisions Bill, *as her fig leaf to cover her major U-turn*" (*Simon Hughes, Lib Dem MP, 2008. Nominated by Saul Minaee*). – В пятницу вечером Министр внутренних дел произвела неожиданный эффект тем, что прикрыла радикальное изменение политического курса временным законом словно фиговым листом.

2. Умышленно деформированные фразеологические обороты, традиционно рассматриваемые как стилистический прием *переразложения*:

I can see the light at the end of the rainbow; too many skeletons in her background, In for a dime, in for a dozen, It's as American as killing two birds with one apple pie, Let's not put all of our cookies in a basket, Necessity is the mother of strange bedfellows (*therussler.tripod.com/dtps/mixed_metaphors.html*).

3. Метафоры-бленды, в которых происходит замена части метафоры на другой «неправильный» компонент, также заимствованный из метафорического выражения:

It isn't rocket surgery! A rolling stone gathers no bird in the hand. I think we got on like a house gathering no moss.

Now, Senator McCain suggests that somehow, you know, I'm green behind the ears (*Barack Obama, October 7, 2008. URL: therussler.tripod.com/dtps/mixed_metaphors.html*).

Подчеркивая различие первой и третьей групп СМ, отметим, что в собственно СМ (т. е. в третьей группе) должна непременно

присутствовать двойная замена компонентов ФЕ. Именно этим свойством высказывание Б. Обамы *Now, Senator McCain suggests that somehow, you know, I'm green behind the ears* (Barack Obama, October 7, 2008), в котором совмещены две идиомы – *be green about the gills* (иметь нездоровый вид) и *be wet behind the ears* (молоко на губах не обсохло, неопытный, ср. с *dry back of the ears* в значении взрослый, опытный) – отличается от умышленно деформированного фразеологического оборота *are wise behind your ears* (мудрые, опытные, не юнцы).

Причину этой повторяющейся «оговорки» Обамы связывают с тем, что он вырос в сельскохозяйственном штате Иллинойс, где фермеры используют выражение *green behind the ears* (ср. в немецком *grün hinter den Ohren*) в отношении незрелых початков кукурузы. Тогда *зеленый* становится синонимом *wet* – о только что родившихся младенцах, и мы имеем дело с вариантом искаженной идиомы. Если же все-таки Обама смешивает две метафоры, то эффект его высказывания усиливается сочетанием идеи неопытности и нездоровья.

Таким образом, структурным свойством истинно смешанной метафоры является способность «запихнуть» обе (или более) метафоры в ментальный блендер, явление, которое современные музыканты называют *mashup*: ‘... Stuffing both metaphors into a mental blender. Modern musicians attuned to the delights of mixation might call it a mashup ([en.wikipedia.org/wiki/Mashup_\(music\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Mashup_(music))). Помимо этого важно, что смешанные метафоры представляют собой кластер, хотя и не разделяют общей образной онтологической основы или непосредственного общего семантического вывода на языковом уровне [Kimmel 2010, с. 98].

Судя по всему, для удачной, т. е. более-менее легко воспринимаемой СМ должны существовать некоторые предпосылки как на языковом, так и на концептуальном уровне. По словам Е. Г. Беляевской, когнитивистика предлагает методы исследования, основанные на двухуровневой модели семантики, применимой к любому языковому явлению, обладающему содержательной стороной (к лексическим единицам, фразеологизмам, текстам). Модель состоит из внешнего – передаваемого в ходе коммуникации смыслового содержания – и глубинного уровня – ментальных структур, организующих это смысловое содержание, выделяя смысловые доминанты и обеспечивая последовательность предоставления информации в процессе коммуникации.

Такая модель позволяет более эффективно объяснить процессы формирования и понимания текстового сообщения и более четко установить различия между языковыми системами и определить причины подобных расхождений [Беляевская 2017].

Исходя из этих соображений, рассмотрим пример смешанной метафоры-бленда *That's the way the cookie bounces*, состоящей из контаминации двух метафорических образов: *That's the way the cookie crumbles* и *That's the way the ball bounces*.

Первое жаргонное высказывание, происхождение которого точно неизвестно, возникло примерно в 20-х гг. XX в. в Америке. Используется для подчеркивания неудачно совершенного (или совершившегося) действия, для выражения разочарования ожидавшимся результатом с дополнительным значением того, что и такой результат, в принципе, ожидался (но лучше б его не было: *ну, бывает, вот ведь блин, фигнястряслась*). Вторая ФЕ *That's the way the ball bounces* фактически дублирует значение первой, опираясь, тем не менее, на совершенно иной образ отскакивающего мяча, своего рода заурядного и рутинного, но неприятного события: *такова жизнь, ничего не поделаешь. Бывает и хуже*. По смыслу они синонимы, по буквальному прочтению – они не имеют ничего общего, кроме общей грамматической конструкции *That's the way something happens*.

Предположительно такие факторы (в их сочетании или по отдельности), как: схожесть смысла на глубинном уровне, совместимость метафорических образов и / или тождественность (совпадение или схожесть) конструкции на внешнем уровне являются «разрешающими» для создания успешных СМ. Таким образом, человек может переключать внимание от одного домена-источника к другому либо, или, оставаясь в пределах одного домена, расширять и развивать его, вскрывая заложенные в нем менее явные семантические возможности. Это предположение перекликается с выводом Э. Семино по поводу допустимости СМ: «What my study suggests is that we may be more acutely aware of contrasts between textually proximal metaphors when those metaphors are in some respect similar to each other» [Semino 2016, с. 218].

Схожее мнение находим у М. Киммела, который полагает, что если концептуальные метафоры (глубинный уровень у Е. Г. Беляевской) обеспечивают связность онтологически когерентных метафор,

то для понимания смешанных кластеров метафор требуются дополнительные внешние факторы связности [Kimmel 2010]. Такими внешними факторами, как мы полагаем вслед за Салливаном, могут служить нетривиальные или неканонические проекции из донорского в целевой домен. Ср. пример Салливана *It's our turn to bat, so let's make this touchdown for the company*, в котором бизнес описывается как действия спортсменов в американском футболе и бейсболе. СМ активизирует разные, хотя и совместимые здесь домены-источники: ситуации и действия игроков в двух видах спорта [Sullivan 2017, с. 482]. Структурного смешения метафор здесь не происходит, их последовательное представление в пределах одного высказывания, поддерживаемое культурной и концептуальной обусловленностью, обеспечивает их легкую расшифровку.

Одним из факторов, санкционирующих гибридизацию метафор, является также способность человека к синестетическому восприятию мира. Как показывают исследования интероцептивного дискурса (выражений типа *my heart sank*), гибкость человеческого мышления обеспечивается в СМ принципиальной допустимостью альтернативных трактовок ощущений, лабильностью ощущений и необходимостью передачи их качественно различных аспектов, а также фактическим отсутствием практики нормирования речевых высказываний [Нагорная 2015, с. 405–406].

В любом случае при восприятии СМ возникает определенное когнитивное напряжение или в «тяжелых» случаях когнитивный диссонанс, действительно порой приводящий к срыву коммуникации.

Итак, причинами возникновения СМ могут быть: преднамеренное использование СМ в прагматических или стилистических целях, ошибка в употреблении, синестезия, неожиданное правдоподобие сравнения («горящие колготки из колючей проволоки») [Нагорная 2016, с. 24]), так называемый «искусственный билингвизм» (использование метафорических концептуализаций, характерных для родного языка, когда говорят на иностранном языке). В наших примерах задействованы СМ только двух типов – ошибочные и преднамеренные, хотя, справедливости ради, диверсифицировать их порой чрезвычайно трудно.

Приведем некоторые примеры СМ, рассматриваемые нами как не слишком удачные и как ошибочные. Несколько спорным

представляется выражение: *Labour are fighting like rats in a barrel* (Charlie Elphicke, *Conservative MP*, 16 February 2014. Suggested by Steve Van Riel)¹.

Данное критическое высказывание, обращенное к лейбористам, принадлежит члену Консервативной партии Великобритании Charlie Elphicke. В нем смешаны три идиоматических выражения: конструкция *to fight like a* (по данным СОСА) предполагает сочетание *с cat and dog* (*to have arguments all the time*). Занимающее место кошек и собак слово *rat* чаще всего используется в сочетаниях *с in a trap, in a maize, in a cage* и в частотной идиоме *like rats abandoning the sinking ship* (*to leave in haste, thinking only about personal well-being*). Наконец, слово *barrel* частотно в выражении *like shooting fish in a barrel* (*very easily*). Возможно, автор метафоры просто создал новый образ дерущихся в бочке крыс, но языковые конвенции английского языка, в соответствии с которыми существуют три указанные выше идиомы, препятствуют «гладкому» восприятию данной смешанной метафоры.

Еще более проблематичной представляется фраза:

They've put all their eggs in one basket and it's misfired (Paul Merson, *Sky football pundit, of West Ham's purchase of Andy Carroll. From Vincent Clark*). – Они поставили все на кон, но их план провалился.

Наблюдается диссонанс буквальных образов данных фразеологических оборотов – яйца, сложенные в одну коробку, никак не могут «выстрелить». Аналогичным образом неудачными можно счесть следующие высказывания:

It dawned across my head, kill two birds with one egg, Let's split the baby with the bathwater, Moss never grows on a fish out of water, We need to sit down and walk through some things, We raised it to new depths, when you boil it down to its nuts and bolts, You're barking up a dead horse! (*therussler.tripod.com/dtps/mixed_metaphors.html*).

Среди СМ встречаются и откровенные ошибки в употреблении русского языка, так появляются «речевые уродцы» *иметь роль, играть значение*.

¹ URL: www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/features/the-top-ten-mixed-metaphors-9191302.html

Таким образом, мы имеем дело, как минимум, с двухуровневым подходом к обработке СМ: концептуальным, который обеспечивает возможность расшифровки смешанной метафоры путем вычисления непрямых значений высказывания и языковым, который обеспечивает необходимый порог активации доменов при высокой степени конвенциализации метафоры. При восприятии метафоры активируются домены-источники, связанные с доменами цели. Во втором случае метафора обрабатывается на поверхностном языковом уровне с обязательным учетом тех донорских грамматических конструкций, которые совмещаются в ней. Нельзя не учитывать и третье измерение метафоры – ее прагматический аспект – будучи смешанной, она в высокой степени окказиональна, креативна и применима, как правило, к определенной ситуации общения. В некоторых случаях, несомненно, возникает конфликт образов. Однако достаточно часто преднамеренное смешивание метафор вынуждает читателя или слушателя извлекать богатые метафорические смыслы именно потому, что он осознает преднамеренность их смешения. Понятие преднамеренности является стержневым в трехмерном подходе к метафоре, в котором изучается ее функционирование на уровне языка, мышления и общения.

Подводя итог анализу смешанных метафор, сошлемся на замечательную лекцию *Metaphorically speaking* в серии TEDx James Geary, которую он строит на названии популярной песни Элвиса Пресли *All shook-up*, текст которой пропитан незатейливыми метафорами, среди которых любовь описывается Пресли как состояние *all shook-up* (www.ted.com/talks/james_geary_metaphorically_speaking?referrer=playlist-how_to_turn_the_political_conv).

Продолжая мысль о смешивающей функции метафор, автор лекции предлагает пересмотреть перевод известной фразы с латинского языка *Cogito ergo sum*, подчеркивая, что глагол *cogito* образован с помощью префикса *co-* в значении *вместе* и глагола *agitare*, со значением *встряхивать, смешивать (to shake)*. Тогда первичное значение *cogito* – *встряхивать и смешивать (shake together)*, а обновленный перевод *cogito ergo sum* звучит как *I shake things up, therefore I am (Я смешиваю, значит, я существую)*. Мозг, по словам Э. Пресли, это маленький купол со снежинками внутри. Самый красивый и интересный момент в его существовании наступает, если его сильно

встряхнуть. Все новые метафоры (добавим: особенно смешанные), заставляют мозг «сотрясаться, шуметь и вертеться», проявляя неожиданные творческие способности его обладателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М. : Советская Энциклопедия, 1969. 608 с.
- Беляевская Е. Г.* Лексико-семантическое варьирование в традиционной и когнитивной перспективе // Норма и варьирование в языке и речи : сб. науч. тр. / РАН ИНИОН Центр гуманитарно-науч. информ. исслед. Отдел языкознание. М., 2017. С. 60–78.
- Нагорная А. В.* Смешанная метафора // Реферативный журнал Языкознание № 2. 2017. С. 18–25.
- Нагорная А. В.* Вербальная репрезентация интероцептивных ощущений в современном английском языке [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. 51 с. Режим доступа : iling-ran.ru/avtoreferats/nagornaya.pdf
- Kimmel M.* Why we mix metaphors (and mix them well): Discourse coherence, conceptual metaphor, and beyond // *Journal of Pragmatics* 42. 2010. P. 97–115.
- Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors We Live By*. Chicago : University of Chicago Press, 1980. 256 p.
- Mixing metaphor* / ed. by R.W. Gibbs, jr. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins publ. comp., 2016. 283 p.
- Naciscione A.* Extended metaphor in the web of discourse // Gibbs, R. W., Jr. (ed.) *Mixing Metaphor*. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2016 P. 241–266.
- Semino E.* A corpus-based study of mixed metaphor as a metalinguistic comment // Gibbs, R. W. Jr. (ed.) *Mixing Metaphor*. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2016. P. 203–222.
- Sullivan K.* What makes metaphors mixed? // ICLC-14 Book of Abstracts General session. Tartu, 2017. P. 482. URL : iclc14.ut.ee/sites/default/files/proovin/files/book_of_abstracts_13.07.2017.pdf

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ «СМЕХ» И «УЛЫБКА» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье предпринята попытка применить этимологические данные для изучения путей становления языковой репрезентации концептов, а именно концептов «смех» и «улыбка». В связи с разнообразием и множественностью трактовок термина «концепт» в статье предлагается рабочий термин «лингвистический концепт» для изучения смысловой области «смех / улыбка». «Лингвистический концепт» определяется как некое содержание, которое репрезентировано определенными языковыми единицами одного уровня и одной части речи. Данный термин используется при анализе фрагмента лексико-семантического поля глаголов, репрезентирующих концепт «смех / улыбка» в английском и русском языках. Отмечается, что данный концепт, обычно рассматриваемый как единое целое, в исследовательских целях можно условно разделить на два – «смех» и «улыбку», разграничив их по признаку наличие / отсутствие звукового компонента. Сфера эмоциональных состояний и выражений и, в частности, смысловая область смеха / улыбки так или иначе представлены в большинстве культур, но пути развития их языкового представления крайне сложны и в определенной степени противоречивы. В связи с этим представляет интерес прежде всего формирование языковой репрезентации концептов «улыбка» и «смех», поэтому представляется важным проследить историю номенклатуры соответствующих глаголов. Как показало исследование, этимологические данные могут найти новое применение благодаря тому, что сопоставление происхождения слов в разных языках позволяет проследить процессы оформления различных аспектов данного концептуального содержания. Взгляд на семантику указанных глаголов в диахроническом аспекте и изучение их происхождения позволяет вплотную подойти к исконным значениям, которые и сформировали основу для развития современной семантической структуры. Изучение происхождения данных глаголов дало возможность сделать некоторые выводы. Во-первых, эти глаголы появились в английском языке в разные эпохи (от древнейших времен вплоть до XIX в.). Во-вторых, несмотря на разный возраст и источник, все они восходят к более древним звукоподражательным словам и / или основам, хотя в некоторых случаях имели место и заимствования. Проанализированные в данной статье отдельные черты концепта «смех/улыбка» показывают, какими путями – возможно, общими для всех культур – развиваются языковые концепты. Концепт «смех / улыбка» прошел длительный процесс формирования, в котором параллельно имело место развитие как содержательной стороны, так и звуковой оболочки языковых единиц. Изначально понятийная сторона носит интегральный характер, не дифференцированный по аспектам (улыбка / смех). По-видимому, это

содержание скорее играло роль коммуникативного средства, нежели чем использовалось для выражения душевного состояния (радости и веселья). В общем, развитие концепта идет по линии усложнения, расширения и специализации, тогда как в связи с дуалистическим характером этого представления (улыбка и смех) судьба языковых единиц в разных языках различна, что и показано в данной статье на примере некоторых английских и русских глаголов, составляющих этот лингвистический концепт. Это дает основания для проведения последующих исследований и еще раз доказывает необходимость использования этимологических данных для более полного проникновения в смысловую структуру слов.

Ключевые слова: концепт; смысловая область; смех; улыбка; этимология.

O. A. Guseva

Ph.D., Assistant Professor, Department of English Lexicology,
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: gouseva_olga80@mail.ru

DEVELOPMENT OF “LAUGH” AND “SMILE” AS LINGUISTIC CONCEPTS IN THE ENGLISH LANGUAGE

The article presents an attempt to apply etymological data to studying possible ways of development of language representation of concepts – “laugh” and “smile” in particular. Due to the plurality of interpretations of the term “concept”, the term “linguistic concept” is suggested in this article for the purposes of studying the semantic area “laugh / smile”. “Linguistic concept” is regarded as content which is represented by certain language units of the same level and of the same part of speech. This term is used to analyze a fragment of the lexico-semantic field of verbs representing the concept of “laugh / smile” in English and Russian. It is important to mention that this concept is usually analyzed as a single one, but for the aims of the research it can be divided into two – “laugh” and “smile” respectively, separated by the presence / absence of the sound component. The sphere of emotional states and expressions, and the semantic area of laugh and smile in particular, is in one way or another present in most of cultures, but the ways of the development of their language representation are complicated and to a certain extent contradictory. In this connection the shaping of the language representation of concepts “laugh” and “smile” is of great interest, therefore it is important in the first place to trace the history of the nomenclature of corresponding verbs. As research has shown, etymological data can find new application due to the fact that comparing the origin of the words from different languages allows tracing the process of shaping of different aspects of a certain concept. The diachronic view on the semantics of these verbs lets us approach the primary meanings which formed the basis for the development of modern semantic structure. Etymological analysis of the laughing verbs led us to the following conclusions. Firstly, these verbs appeared in the English language in various epochs (from ancient times up to the nineteenth century). Secondly, despite the age and the source, all of them can be traced back to more ancient sound-imitating words and / or

bases, though there were some cases of borrowings registered. Several aspects of the concept “laugh / smile” analyzed in this article show in what ways – perhaps common to all cultures – linguistic concepts can develop. The concept “laugh/smile” has gone through a long process of forming, during which the development of both the content and the sound form took place simultaneously. Originally the content was of integral character, not differentiated into aspects – laugh and smile. It is highly likely that the contents played the role of a communicative means, rather than was used to express emotional states (joy, happiness, etc.). Generally, the concept gets broader, more complicated and more differentiated, while due to its dual character (laugh and smile) the fate of the language units in different languages varies, which is shown in the article. This provides the necessary ground for further investigation and once again proves the necessity of etymological data for studying the semantic structure.

Key words: concept; semantic area; laughter; smile; etymology.

Понятию концепта в отечественной лингвистике посвящено большое количество исследований. Свои определения и описания концепта предлагали такие видные ученые, как Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, Ю. Е. Прохоров и многие другие. Трактовки этого термина, равно как и методики изучения концептов, весьма многочисленны. В частности, принято различать лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к определению концепта. В первом случае концепт понимается как ментальная структура в сознании человека, иными словами, концепты – это «отдельные разнообразные смыслы, характеризующие наше сознание и нашу память, притом смыслы, интегрированные в одну систему наряду с другими идеальными сущностями и ментальными образованиями» [Кубрякова 2002]. Во втором случае концепт толкуется как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. <...> Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 2001]. Данные подходы не противоречат друг другу, представляя лишь разные движения познания: от человека к культуре и от культуры к человеку.

Как справедливо отмечают большинство исследователей, концепт – крайне размытая, сложная и многогранная структура, и, как и многие абстрактные понятия, имеет многочисленные и весьма разнообразные трактовки. К примеру, нельзя не согласиться с В. В. Глебкиным, который провел тщательный анализ работ, посвященных концептам, что «спектр определений ... оказывается весьма широким, и во многих случаях не вполне понятно, как предложенное

определение может быть использовано при анализе конкретных текстов» [Глебкин 2014].

Безусловно, неразумно отказываться от исследований подобного рода исключительно по этой причине, однако следует и в дальнейшем не оставлять попыток четко сформулировать определение концепта с целью установить его терминологический статус.

Не претендуя на всеобщность, в данной работе мы предпочитаем использовать термин «лингвистический концепт», или «языковой концепт», который мы определяем как некое содержание, которое репрезентировано определенными языковыми единицами одного уровня и одной части речи. В таком качестве мы рассматриваем лингвистические концепты «смех» и «улыбка» в английском языке.

Данным концептам было посвящено некоторое количество диссертационных исследований – как кандидатских, так и докторских. Например, А. В. Бондаренко, А. А. Габриелян, Д. М. Тарабульси, Ю. А. Кузнецов и некоторые другие рассматривали понятия «смех» и «улыбка» в различных аспектах – с точки зрения классической семантики (как лексико-семантическое или фразеосемантическое поле), а также в рамках когнитивной лингвистики (в разрезе языковой репрезентации соответствующих концептов). Кроме того, большое количество работ посвящено лингвоконцептам эмоций, роли невербального аспекта (улыбки) в коммуникации, звукоизображению в языке и т. д. В целом, в исследованиях, касающихся указанных смысловых сфер (как эмоций вообще, так и смеха в частности), использовались данные английского, немецкого, французского, русского, татарского, кабардино-черкесского, персидского, польского, чешского, таджикского, узбекского языков.

В данной работе мы сосредоточимся на материале английского языка и по возможности сопоставим полученные результаты с данными других языков. Область эмоциональных состояний и выражений и, в частности, смысловая сфера смеха / улыбки так или иначе представлены в большинстве культур (по крайней мере, европейских), но пути развития их языкового представления крайне сложны и в определенной степени противоречивы. В связи с этим нас интересует прежде всего становление языковой репрезентации концептов «улыбка» и «смех», поэтому представляется важным проследить историю номенклатуры соответствующих глаголов. Как нам кажется,

этимологические данные могут найти новое применение благодаря тому, что сопоставление происхождения слов в разных языках позволяет проследить процессы оформления различных аспектов данного концептуального содержания.

Концепты «смех» и «улыбка» обычно рассматриваются единым блоком, хотя в исследовательских целях их можно разделить, проведя границу исключительно по наличию / отсутствию звукового компонента. Как показал анализ, эти области – смех и улыбка – действительно тесно «переплетены» между собой, их формирование проходило сложными путями, в особенности это видно при изучении происхождения лексем, репрезентирующих смех и улыбку в английском языке.

Даже первичный анализ этимологических данных показывает, что этот лингвистический концепт не сразу обрел современное языковое воплощение, он представляет собой крайне подвижную, усложняющуюся область, формировавшуюся на протяжении многих веков, поскольку, как показывают этимологические словари (в частности, Оксфордский этимологический словарь [Oxford Dictionary of English Etymology]), глаголы смеха появились в английском языке в разные эпохи (от древнеанглийского периода и вплоть до XIX в.). Еще одной особенностью данной смысловой области является то, что, несмотря на разный возраст и источник, модели формирования схожи: согласно этимологическим словарям все смеховые глаголы восходят к более древним звукоподражательным словам и / или основам. Иными словами, смысловая область смеха характеризуется длительностью процесса при сохранении одного и того же алгоритма обогащения, а именно – звукоподражания, хотя иногда встречаются и заимствования.

Обращаясь к этимологическим данным, мы отдаем себе отчет в том, что имеем дело с реконструированными формами и можем полагаться исключительно на имеющиеся разнообразные источники (в частности, этимологические словари) и лишь в той мере, в какой представляется возможным считать их надежными. Однако мы не ставим перед собой задачу описать все этимологические тонкости, так как нас интересует общая картина становления концепта, которая вырисовывается достаточно четко.

Если взглянуть на семантику глагола *laugh* в диахроническом аспекте и изучить этимологию, то можно вплотную подойти

к исконным значениям, которые и сформировали основу для развития современной семантической структуры.

Согласно этимологическим словарям, глагол *laugh* имел в древнеанглийском языке форму *hliehhan*, что соответствует древневерхненемецкой *hlahhen*, готской *hlahian*, что восходит к германскому корню **hlah-* и протогерманскому **klak-*, что, возможно, сродни индоевропейской основе **klek-* со значением «кричать». Как отмечают составители словарей, очевидно, это звукоподражательное слово, которое в схожих формах и значениях встречается в других языках, например в древнегреческом и латыни, а также в славянских, балтийских, германских и кельтских.

В словаре Покорного [Pokorny 1959] дается интересная информация об этой индоевропейской основе **klak-* (она же *klēg-*, *klōg-*, *klang-*, *kleg-*, *kleig-*, *kleik-* и др.). Каждый представленный вариант, в свою очередь, является развитием звукоподражательного слова *kel-* («звать»). В латыни глагол *clangō, -ere* означает «греметь (о трубе), кричать, каркать (о птицах)». В греческом существительное с этой основой означает «звон, шум, гул, смутный шум», а глагол – «кричать, звучать». В церковнославянском существовал глагол *кликнути* («вскрикивать, взвыть»). Из этой же основы, по версии Покорного, развился глагол со значением «звать, звонить, окликать» – *to call*, который был, по всей видимости, заимствован в английский из скандинавских языков, тогда как исконный английский глагол *chypian* с тем же значением вышел из употребления и не сохранился.

Таким образом, согласно словарю Покорного, глагол *to laugh* восходит к индоевропейскому корню, который имел разные звуковые варианты, и по своему содержанию близок к понятию «звать» (англ. *call*). Можно предположить, что первичные наименования этих явлений были связаны со стремлением привлечь внимание или использовались для обозначения звуков, привлекающих внимание. Это представляется вполне оправданным, поскольку возникновение языковых единиц неизбежно связано с развитием межличностного общения.

Представление об этом в определенной степени подтверждается и сопоставлением с данными русского языка. По данным словарей, ту же самую индоевропейскую основу **klak-*, развитие которой в английском языке дало нам глагол *laugh*, мы можем найти в словах *кликать* и, возможно, *клекот*, т. е. в единицах, смысловое содержание которых

отражает звукоподражание (*клекот*) или стремление привлечь внимание (*кликать*).

Не следует забывать, однако, что смех и улыбка всегда тесно связаны и идут рука об руку, т. е. смех связан не только со звуком, но и с определенной мимикой. Такая двойственная природа определяет то, что формирование языковой репрезентации этого концепта идет своеобразным и в чем-то противоречивым путем. С этой точки зрения любопытно рассмотреть пути развития не только глагола *laugh*, но и глаголов *smile* и *smirk* в английском языке. В частности, глагол *smile* (улыбаться), по данным этимологического словаря, зарегистрирован в XIII в. и, по всей видимости, имеет общегерманское происхождение, поскольку в шведском языке есть сходная форма *smila*, а в датском – *smile*. Ту же основу можно найти в древневерхненемецком (**smīlan* и *smīlenter*) и в средневерхненемецком (*smielen*).

Однако в германских языках к общему корню восходит не только *smile*, но и *smirk* (улыбаться, ухмыляться). Глагол *smirk* сродни древнеанглийскому глаголу *smearcian / smercian*, который сходен с древневерхненемецким *smierōn* (улыбаться), а также, согласно Окфордскому этимологическому словарю, с санскритской лексемой *smeras* (улыбаться) и отдаленно с старославянскими глаголами *smějǫ sę* и *smijati sę* (смеяться). Как известно из словарных толкований этих глаголов, и *smile*, который, предположительно, является заимствованием из скандинавских языков, и *smirk*, который отмечен как исконный, обозначают некую реакцию (улыбку), которая сводится к мимике при отсутствии звука. В связи с этим любопытно взглянуть на русский глагол *смеяться* (т. е. издавать смех в сопровождении соответствующей мимики и звуков), который, согласно этимологическим словарям, восходит к индоевропейской основе *(s)mei-* / **smeyǝ-* (смеяться, смех) и явно родственен английским *smile* и *smirk*.

Интерес представляет тот факт, что в разных языках одна и та же языковая единица, т. е. происходящая от одной и той же древней основы, стала обозначать разные элементы невербального межличностного общения. Можно предположить, что изначально этот концепт развивался как средство коммуникации, а не как выражение эмоций (радости, восторга). До своего современного состояния языковая репрезентация данного концепта прошла долгий и сложный путь формирования. По-видимому, сначала представление было

недифференцированным, смех и улыбка (т. е. и звук, и мимика) служили знаком привлечения внимания, а сами единицы были звукоподражательными. Конечно, это исключительно предположение о возможных путях развития данной смысловой области. Однако очевидно, что она постоянно развивалась, усложнялась и разграничивалась, внутри нее постепенно вычленялись разные аспекты, поэтому языковые единицы не сразу приобрели четкое смысловое содержание. Иными словами, с одной стороны, шло развитие содержательной составляющей данного концепта, с другой – уточнение смысловой нагрузки отдельных языковых единиц.

Сопоставляя данные английского языка с русским, необходимо рассмотреть еще один глагол, обозначающий громкий, интенсивный смех, а именно – *хохотать*. Он обычно приводится как наиболее яркое отличие русской номенклатуры единиц от английской. Мы видим, что в русском языке получило развитие более специализированное значение, которое показывает именно звуковую природу смеха в наивысшей интенсивности, но используется для этого языковая форма, которая восходит к индоевропейской основе **kakk-* (смеяться). В английском языке зафиксирован глагол *cachinnate* с аналогичным значением (несдержанно смеяться), но появился он только в XIX в. как заимствование из латыни от формы *cachinnatum* латинского глагола *cachinnāre* (to laugh immoderately or loudly). Составители словаря [Online Etymology Dictionary] полагают, что это звукоподражательный глагол, и проводят параллель с глаголом на санскрите *kakhati* (смеется), греческим *kakhazein* (громко смеяться), древневерхненемецким *kachazzen*, армянским *haxanc* и даже с английским *cackle*. Тем не менее, в отличие от русского глагола *хохотать*, смысловое содержание которого оказалось очень значимым, глагол *cachinnate* имеет очень низкую частотность и зафиксирован не во всех словарях.

Проанализированные в данной статье отдельные черты концепта «смех / улыбка» показывают, какими путями – возможно, общими для всех культур – развиваются языковые концепты. Подводя итоги нашего небольшого исследования, можно сказать следующее. Концепт «смех / улыбка» прошел длительный процесс формирования, в котором параллельно имело место развитие как содержательной стороны, так и звуковой оболочки языковых единиц. Изначально понятийная сторона носит интегральный характер, недифференцированный по

аспектам (улыбка / смех). По-видимому, это содержание скорее играло роль коммуникативного средства, нежели использовалось для выражения душевного состояния (радости и веселья). Что касается самой формы языковых единиц, то они в основном имеют звукоподражательную природу. В общем, развитие концепта идет по линии усложнения, расширения и специализации, тогда как в связи с дуалистическим характером этого представления судьба языковых единиц в разных языках различна, что мы и попытались показать на примере некоторых английских и русских глаголов, составляющих этот лингвистический концепт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глебкин В. В.* Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 368 с. (Серия «Humanitas»).
- Кубрякова Е. С.* О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык, сознание: Международный межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. С. 67–75.
- Семенов А. В.* Этимологический словарь русского языка. М. : ЮНВЕС, 2003. 704 с.
- Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М. : Академический Проект, 2001. 990 с.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Терра, 2008. Т. 3. 832 с.
- Online Etymology Dictionary. URL : www.etymonline.com
- Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford University Press, Incorporated, 1966. 1040 p.
- Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern : A. Francke AG Verlag, 1959. 3 B. 1183 с.

УДК 81'342

Н. М. Евстафьева

кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории языка, литературы и социолингвистики
Института иностранной филологии Крымского федерального
университета им. В. И. Вернадского; e-mail: nina.krupka@gmail.com

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПРОИЗНОШЕНИИ МОЛОДЫХ ШОТЛАНДЦЕВ

Процессы распространения некоторых произносительных форм в диалектах Англии и уменьшения различий между традиционными территориальными языковыми вариантами, названные диффузией инноваций и выравниванием диалектов, по результатам ряда исследований также затрагивают область Шотландии. К данным формам произношения относятся, в частности, глухой фрикативный /f/, реализуемый вместо межзубного /θ/ (*Th-fronting*), вокализованный /l/ (*L-vocalization*) и /r/ (*derhotization*), а также распространение южнобританских стандартных форм произношения. Результаты исследований, проводимых в шотландском языковом ареале, свидетельствуют, что диффузия инноваций наиболее интенсивно проявляется в речи представителей молодого поколения – жителей наиболее густонаселенных городов, в связи с чем анализ особенностей речи различных молодежных групп в Шотландии становится особенно актуальным.

В статье приводятся результаты исследования особенностей функционирования традиционных региональных языковых форм и произносительных инноваций в речи молодого поколения шотландцев. Зафиксированные ранее ситуативно-стратификационные модели вариативности вышеописанных феноменов произношения проанализированы на материале речи 40 информантов 16–24 лет, проживающих в г. Глазго. В полученном языковом материале выделены случаи реализации фонологических переменных, характеризующих отклонения от стандартного шотландского варианта английского языка (SSE): выявляются количественные показатели реализации южно-британских стандартных (SSBE) форм произношения (вокализованный /r/; реализация /æ/, /ɔi/, /ɪə/, /eɪ/, /əʊ/, /ɛə/, /z:/), а также субстандартных произносительных инноваций (*Th-fronting*, *L-vocalization*).

В ходе исследования выявлены следующие тенденции в произношении молодых жителей г. Глазго: тенденция консерватизма, которая проявляется в реализации стандартных шотландских и сохранении некоторых традиционных диалектных произносительных форм; тенденция распространения элементов южнобританского стандартного произношения и субстандартных инноваций.

Реализация вариантов, относящихся к SSBE, неоднородна в чтении и спонтанной речи, а также в гендерных группах. Вокализация /r/ выше в чтении, чем в спонтанной речи и свидетельствует о скрытом престиже (*covert prestige*) реализации данного варианта, особенно среди представителей женского пола, на что указывал П. Джонстон [Johnston 1985]. В реализации гласных фонем SSBE также прослеживаются признаки ситуативной и гендерной вариативности. Особый интерес

представляет реализация дифтонгов /ɪə/, /eɪ/, /əʊ/, /eə/ вместо традиционных для SSE монофтонгов /ɪr/, /e/, /o/, /er/, поскольку данное явление до сих пор системно не изучалось.

Южнобританские субстандартные инновации, такие как L-вокализация и Th-fronting, на сегодняшний день прочно вошли в произносительный репертуар молодого поколения шотландцев. В результате анализа целевых речевых сегментов в нашем исследовании выявлено преобладание L-вокализации и Th-fronting в речи информантов женского пола, что, в целом, соответствует общему более эмоциональному и неформальному стилю поведения данной группы молодежи.

Тенденция распространения южнобританских стандартных и субстандартных форм произношения активно манифестируется в речевом репертуаре молодых жителей г. Глазго, несмотря на сохранение ряда локальных особенностей, что указывает на схожесть векторов развития англо-английского и англо-шотландского языковых вариантов.

Ключевые слова: шотландский английский; диалекты Великобритании; произношение шотландцев; язык молодежи; выравнивание диалектов; диффузия инноваций; социофонетика.

N. M. Evstafieva

PhD, Language / Literature Theory and Sociolinguistics Department,
Institute of Foreign Philology, associate professor,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University;
e-mail: nina.krupka@gmail.com

YOUTH TRENDS IN SCOTTISH SPEECH: EVIDENCE FROM GLASGOW

Previous sociolinguistic research (Stuart-Smith et al.; Schützler; Lawson et al.) provides evidence that Scotland might be seen as an expanding scene for dialect levelling and innovation diffusion gradually observed in various localities of the British Isles over the last decades. Th-fronting, L-vocalization, are recognized as non-standard innovations in British dialects whereas derhotization and use of Standard Southern British English (SSBE) vowels in speech can be attributed to the widening English continuum.

Assuming that phonetic innovations spread from larger urban areas and taking into account that largest portions of innovations are found in the speech of younger generation this study focuses on speech patterns of 40 Glaswegian videobloggers aged 16–24 y.o. and provides quantitative analysis of Th-fronting, L-vocalization, derhotization, and SSBE vowel use (TRAP, CHOICE, NEAR, FACE, GOAT, SQUARE, NURSE, BIRTH) across this group of speakers.

The results of this study show that while retaining major phonetic features of Standard Scottish English and some Scots dialect lexis, young Glaswegian speakers tend to use SSBE vowels and non-standard innovations, which show various patterns of distribution across gender and register.

Quantitative analysis shows larger proportion of r-vocalisation in reading across both gender groups with stronger tendency for female group, which might be a result of covert prestige as reported by Johnston [Johnston 1985]. SSBE vowels also demonstrate signs of contextual style and gender variation. However, the findings stated above need further detailed statistical testing across wider and accurately stratified social groups. Surprisingly, the speech patterns of younger Glaswegians included reasonable amount of SSBE diphthongs in cases where traditional SSE monophthongs usually occurred (NEAR, FACE, GOAT, SQUARE), which creates perspective for further research in this field.

L-vocalization and Th-fronting appeared in all speakers and seem to be typical features of the Scottish youth. The results of analysis showed higher frequency in the female group, which might be influenced by more emotional and informal style generally observed in this group.

Standard Southern British English spoken forms and non-standard pronunciation innovations are being regularly used by younger generation of Scottish speakers and have become the part of their speech repertoire, also retaining some major Standard Scottish English and spoken Scots features, which indicates that the two varieties of English share similar vectors of change.

Key words: Scottish English; Scots; dialects of the British Isles; sociolinguistics; youth language; dialect levelling; diffusion of innovations.

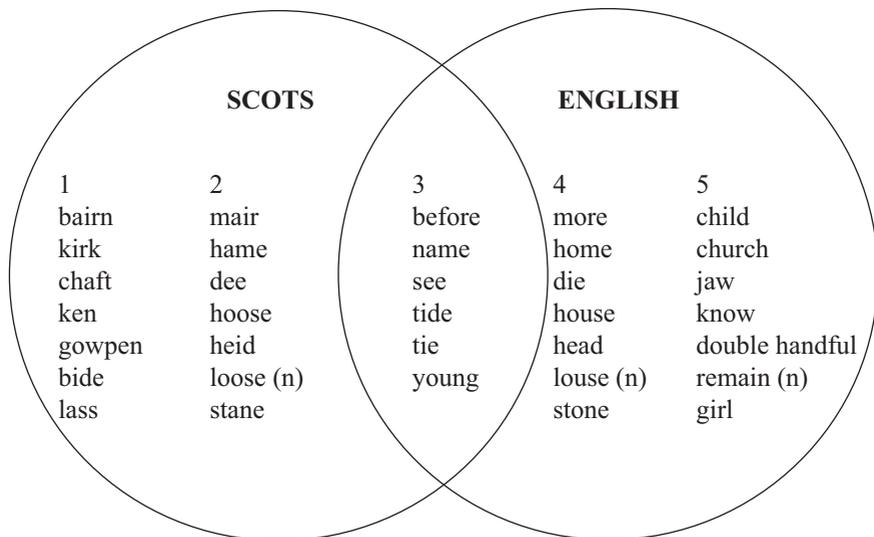
Обусловленность языковых изменений социальными факторами бесспорно является одной из главных аксиом социолингвистики [Labov 1990; Петренко 1998]. В начале XXI в. ученые регистрируют изменения городских и сельских диалектов Великобритании [Britain 2005; Kerswill 2003; Milroy 2002; Trudgill 2013]. Схожие явления наблюдаются в различных диалектах, что дает повод для размышлений относительно системности изменения диалектов и общих механизмов, управляющих ими.

В исследованиях П. Траджилла, П. Керсвилла, Л. Милрой, Д. Бритена рассматривается явление активного расширения области распространения ряда произносительных форм, традиционно использовавшихся в юго-восточной Англии. Д. Бритен называет данный процесс «диффузией инноваций» [Britain 2005]. П. Керсвилл утверждает, что замещение местных форм произношения в городских и сельских территориальных разновидностях английского языка формами, используемыми в более широком географическом масштабе, связано с процессами диффузии (geographical diffusion) и выравнивания (dialect levelling). Суть диффузии состоит в распространении языковых форм в направлении от крупных густонаселенных культурных и экономических центров к периферии, при этом предполагается, что новые,

более подходящие, престижные современные и т. п. языковые формы под действием личных мотивационных факторов перенимаются индивидом непосредственно у собеседника при языковом контакте. Выравнивание, в свою очередь, обусловлено не столько усвоением более престижных форм, сколько регулярной долгосрочной аккомодацией, избеганием локально маркированных форм при общении с собеседниками из других регионов [Kerswill 2003].

Под действием процессов диффузии и выравнивания усиливается сходство между различными британскими диалектами, однако результаты некоторых социолингвистических исследований [Britain 2005; Stuart-Smith 2007] свидетельствуют о том, что не все инновации одинаково успешно встраиваются в речевую практику местных коммуникативных сообществ, и некоторые традиционные консервативные языковые формы продолжают использоваться местными жителями. Исследование особенностей функционирования традиционных региональных языковых форм и произносительных инноваций в речи шотландской молодежи в данной связи представляет особый интерес, поскольку молодые носители языка считаются лидерами языковых инноваций, а их произносительные тенденции могут рассматриваться в качестве указателей перспективного развития фонетической системы языка в целом [цит. по: Безбородова 2011].

В шотландском языковом ареале всегда существовали лингвистические традиции, отличающиеся от английских, что обусловлено независимостью Шотландии до 1707 г., а также наличием гэльского языка и языка скотс [Hughes, Trudgill 1996]. Описывая особенности функционирования английского языка в Шотландии, А. Эйткен составил схему, характеризующую набор речевых альтернатив, находившихся в распоряжении местных жителей во второй половине XX в. [Aitken 1979]. Данная схема состоит из пяти категорий слов, объединяющих лексические системы языка скотс и английского языка: первая и пятая категории содержат лексику, относящуюся исключительно к системе языка скотс (*bairn, kirk*) или английского языка (*child, church*), четвертая и вторая категории представляют собой английские слова (*more, home*) и их производные в языке скотс (*maire, hame*), третья категория включает в себя общее ядро данных близкородственных языков (*before, name*), обуславливающее также общность морфо-синтаксических и фонологических структур.

Модель речевого поведения жителей Шотландии [Aitken 1979, с. 86]

Применяя вышеописанную схему для моделирования речевого поведения шотландцев, А. Эйткен утверждал, что речевой репертуар говорящих на диалектах скотс будет состоять из элементов, относящихся к категориям 1–3; носители шотландского варианта английского языка склонны к использованию категорий 1–5, а в речи говорящих исключительно на английском языке реализуются категории 3–5. Результаты современного исследования шотландского корпуса речи, проведенного Дж. Корбеттом и Дж. Стюарт-Смит, свидетельствуют о том, что современные носители шотландского варианта английского языка все же чаще используют в речи английские слова, чем соответствующие шотландские аналоги [Corbett, Stuart-Smith 2012]. Подобные результаты были также получены при исследовании речи шотландской молодежи [Jones 2012; Евстафьева 2017]. Элементы скотс используются преимущественно для поддержания неформального тона общения, выражения национальной идентичности, а также в некоторых случаях для создания образа маскулинности и поддержания групповой солидарности.

На произносительном уровне консерватизм речи молодого поколения шотландцев проявляется в реализации стандартных шотландских и сохранении некоторых традиционных диалектных произносительных форм. Стандартный шотландский вариант английского языка (далее – SSE) используется представителями образованного среднего класса и является региональной произносительной нормой в Шотландии, которая противопоставляется стандартной произносительной норме юго-востока Англии (далее – SSBE). Данный вариант в наиболее общей форме описывается как литературный английский язык, произносимый с «шотландским акцентом», т. е. при общности грамматической структуры отличается от SSBE набором характерных фонологических признаков.

Согласно результатам стратификационного исследования произношения жителей г. Глазго, типичные дифференциальные признаки SSE в области консонантизма, а именно – реализация фонемы /x/ как велярного фрикативного [x] в топонимах, именах собственных, а также заимствованных словах, содержащих буквосочетание *ch* (*Auchtermuchty*, *loch*, *technical*); реализация фонемы /m/ как лабиально-велярного аппроксиманта [m] (*which*, *white*), а также реализация фонемы /r/ в поствокальной позиции, наиболее выражены в речи представителей среднего класса. В произношении местных жителей также сохраняется традиционная диалектная форма реализации фонемы /θ/ как аспиративного [h] (*think*, *thing*), которая соперничает с распространяющимся южнобританским лабиально-дентальным фрикативным вариантом [f] [Stuart-Smith 2007].

Реализация гласных звуков в SSE также имеет ряд специфичных черт, таких как позиционно и контекстно обусловленная долгота монофтонгов, отсутствие оппозиции между фонемами /æ/–/ɑ:/ (*trap* vs. *bath*), /ɒ/–/ɔ:/ (*lot* vs. *thought*), /ʊ/–/u:/ (*foot* vs. *goose*), /əʊ/–/o:/ (*goat*, *boat*), /eɪ/–/e:/ (*face*, *lace*), монофтонгизация дифтонгов перед /r/ (*near*, *square*), отсутствие реализации /z:/ (*herb*, *term*), разделение дифтонгов /aɪ/ и /ae/ (*price* vs. *prize*). Использование традиционных диалектных форм произношения гласных звуков (*house* /'hus/, *head* /'hid/, *after* /'eftər/, *stone* /'stɛn/, *stand* /'stɔ:n/) неприемлемо в SSE кроме случаев необходимости выражения национальной идентичности и является характерным для молодежи рабочего класса [Macafee 1983]. Традиционные диалектные формы скотс реализуются в ограниченном наборе слов, однако обладают высокой частотой повторения в речи.

Южнобританские субстандартные произносительные инновации, такие как TH-fronting, DH-fronting и L-vocalization, по мнению ряда исследователей, наиболее активно перенимаются подростками, представителями рабочего класса, проживающими в крупных городах [Stuart-Smith 1999; Macafee 1983]. В речи представителей среднего класса данные явления отражаются в несколько меньшем масштабе.

Для исследования южнобританских инноваций в речи молодого поколения шотландцев [Евстафьева 2017] было отобрано 19 юношей и 21 девушка 16–24 лет, разместивших видеозапись на медиа хостинге YouTube, демонстрирующую чтение текста анкеты и ответ на вопросы анонимного молодежного опроса Accent Tag Challenge. Информанты с детства проживали в г. Глазго, на момент создания видеозаписей учились в местных школах, колледжах и университетах. Видеозаписи находились в открытом доступе, и информанты не были осведомлены о проводимом исследовании. Личные данные информантов собраны посредством просмотра видеозаписей, анализа профилей в социальных сетях и дополнительного интервью. В полученном языковом материале выделены случаи реализации 27 согласных и гласных переменных, характеризующих SSE и отклонения от него. Отсегментированные реализации переменных проанализированы в программе Praat. Результаты исследования относительно количества реализации южнобританских субстандартных произносительных инноваций и стандартных форм в речи молодежи г. Глазго приведены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

**Южнобританские стандартные формы произношения
в речи молодежи г. Глазго, 100 % – общее количество реализаций
[Евстафьева 2017]**

Переменные (количество реализаций SSBE ≥ 9%)	Всего, n	SSBE	Чтение, %		Сп. речь, %	
			м	ж	м	ж
Реализация (r) (поствок. п.)	2093	voc	42	41	29	27
TRAP, BATH, PALM, AFTER, STAND	885	æ	11	28	27	31

Переменные (количество реализаций SSBE ≥ 9%)	Всего, n	SSBE	Чтение, %		Сп. речь, %	
			м	ж	м	ж
CHOICE	705	ɔi	73	71	70	71
NEAR	645	ɪə	57	62	34	58
FACE, STAY	778	eɪ	69	56	57	58
GOAT, STONE	803	əʊ – ɔʊ	30	13	34	19
SQUARE	1008	ɛ: – εə	20	9	15	10
NURSE	728	ə: – ɜ:	89	89	86	86
BIRTH	753	ə: – ɜ:	73	67	69	69

Таблица 2

Южнобританские субстандартные произносительные инновации в речи молодежи г. Глазго, 100 % – общее количество реализаций [Евстафьева 2017]

Переменные	Местный диалект	Произносит. инновация	Всего, n	Чтение		Сп. речь, %	
				м	ж	м	ж
L-вокализация (l) [Macafee 1983, с. 38]	После /a/, /o/, /u/: <i>all – a', football – fitba'</i>	После /i/, /ɛ/: <i>milk, well, people</i>	2063	16	24	9	15
Th-fronting (θ) [Corbridge 1998]	[h] – <i>think, something</i>	[f] – <i>think, youth</i>	893	6	9	9	30
		[f]					

Анализ речи молодежи г. Глазго, реализованной в коммуникативной среде видеоблога, выявляет наличие значительного количества

южнобританских стандартных форм и субстандартных произносительных инноваций. Речь информантов реализовывалась в регистре английского языка, элементы скотс использовались крайне редко преимущественно при манифестации национальной идентичности и выражении эмоций. Характерными особенностями произношения молодежи г. Глазго, связанными с отклонением от SSE в направлении южнобританского произносительного стандарта, являлись вокализация /r/ в позиции после гласного, а также использование стандартных английских форм в англо-шотландских оппозициях гласных фонем /æ/–/a/, /ɔi/–/ɔɪ/, /ɪə/–/ɪr/, /eɪ/–/e/, /əʊ/–/o/, /εə/–/er/, /z:/–/zr/ [Wells 1982], что потенциально может быть связано с интернациональным характером коммуникации в видеоблогах и в целом в сети Интернет. Реализация вариантов, относящихся к SSBE, неоднородна в чтении и спонтанной речи, а также в гендерных группах. Вокализация /r/ выше в чтении, чем в спонтанной речи, что согласуется с данными предыдущих исследований [Romaine 1978; Stuart-Smith 2006] и свидетельствует о скрытом престиже реализации данного варианта, в особенности среди представителей женского пола, на что указывал П. Джонстон [Johnston 1985]. В реализации гласных фонем SSBE прослеживаются признаки ситуативной и гендерной вариативности. Особый интерес представляет реализация дифтонгов вместо традиционных для SSE монофтонгов, поскольку данное явление до сих пор системно не изучалось.

Южнобританские субстандартные инновации, такие как L-вокализация и TH-fronting, зарегистрированы в речи жителей центральной Шотландии лишь в конце XX в. [Macafee 1983, с. 38; Corbridge 1998], однако на сегодняшний день данные явления прочно входят в произносительный репертуар молодого поколения шотландцев представителей рабочего класса и в меньшей степени реализуются в произношении представителей среднего класса [Stuart-Smith 2006; Stuart-Smith 2007]. В результате анализа целевых речевых сегментов в нашем исследовании выявлено преобладание L-вокализации и TH-fronting в речи информантов женского пола, что, в целом, соответствует общему более эмоциональному и неформальному стилю поведения данной группы молодежи в просмотренных видеозаписях. Как отмечает У. Лабов, более авангардные формы речевого поведения свойственны девушкам в возрасте от 17 до 19 лет, что объясняется стремлением к самоутверждению наравне с юношами [Labov 1990].

В исследованных образцах чтения молодежи г. Глазго L-вокализация реализована как замена латерального альвеолярного аппроксиманта [l] или веляризованного [ɫ] одним из средне-закрытых вокоидов заднего или средне-заднего ряда с разной степенью лабиализации: [ɤ], [o], [ʊ], [u], а также дифтонгизацией предыдущего гласного [w]. Звонкий лабиодентальный фрикативный [v] реализован в слове *Alabama* [ˈʌvɫəbʌmɫ].

L-вокализация зафиксирована в следующих позициях:

- 1) в конце слова после согласного, например: *people* [ˈpi:pɫw], *couple* [ˈkʌpɫw];
- 2) в конце слова после ударного гласного, например: *well* [ˈweʊ], *ball* [ˈbɔw], *oil* [ˈɔɪʊ], *school* [ˈskɯʊ], *control* [kənˈtɫrɔw];
- 3) в конце слова в безударной позиции, например, *caramel* [ˈkɑrəmtəʊ], *typical* [ˈtɪpɪkəʊ], *animal* [ˈɛnɪməw];
- 4) в конце слова перед согласным, например, *called* [ˈkɔʊd], *smells* [ˈsmɛɤz], *wheeled* [ˈwiʊd], *spelt* [ˈspɛɤt].

Наиболее часто L-вокализация реализовалась в конце слова в позиции после ударного гласного:

Таблица 3

Зависимость L-вокализации от фонетического окружения

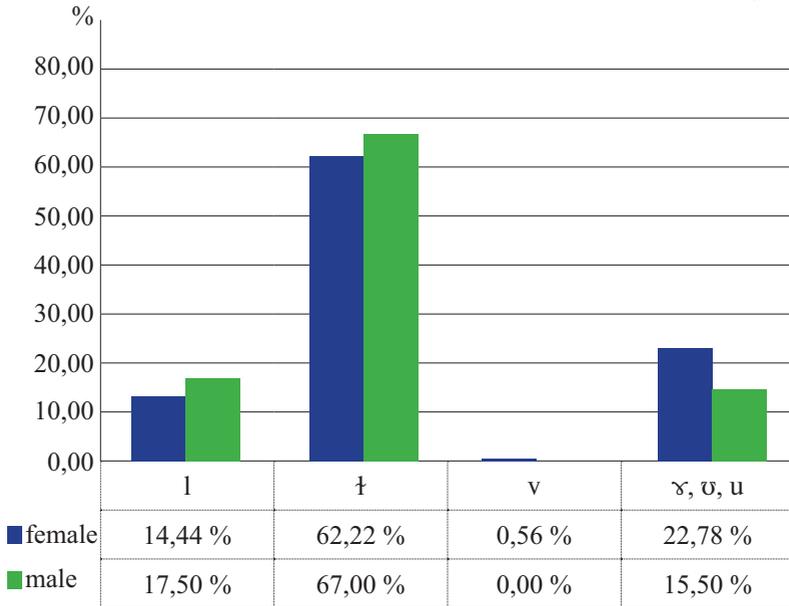
Позиция (в конце слова)	Вокализовано, n раз
После согласного	223
После уд. гласного	651
После безуд. гласного	130
Перед согласным	226

В исследовании Дж. Стюарт-Смит [Stuart-Smith 1997] наиболее часто L-вокализация проявляется в конечной позиции перед согласным. Расхождение в данном случае может быть обусловлено различием состава базы данных, однако оба результата свидетельствуют о том, что L-вокализация в речи шотландцев реализуется, главным образом, в конечной позиции.

Основным вариантом реализации переменной (l) в речи обеих групп информантов является веляризованный [ɫ], что характерно

для стандартного шотландского варианта произношения. Доля L-вокализации в общем объеме реализации переменной (l) в образцах чтения информантов мужского пола составила 16 %, в образцах чтения информантов женского пола – 23 %, средняя величина L-вокализации в речи представителей среднего класса согласно К. Тимминс, Ф. Твиди, Дж. Стюарт-Смит составляет 14 % [Timmins, Tweedie, Stuart-Smith 2004]. Таким образом, L-вокализация характеризуется вариативностью по гендерному признаку.

Схема 2

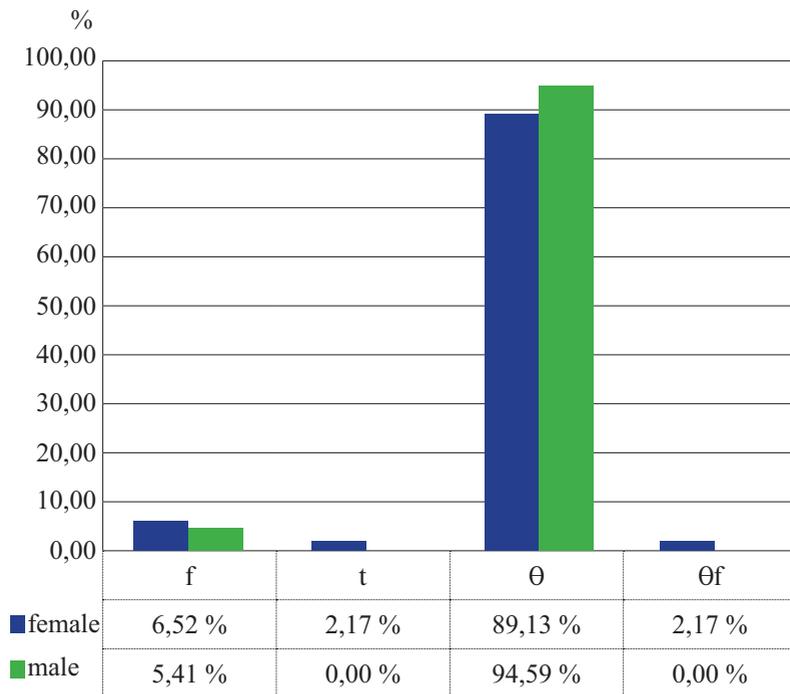
L-вокализация в образцах чтения, N=1230

В список возможных реализаций глухого межзубного фрикативного [θ] вошли варианты произношения, зафиксированные в г. Глазго и описанные Дж. Уэллсом, К. Макейфи и Дж. Стюарт-Смит. Кроме типичной для большинства акцентов английского языка трансформации глухого межзубного [θ] в лабиодентальный фрикативный [f] (TH-fronting) в данный список был включен глухой аспиративный [h]: *think* ['hɪŋk], *something* ['sʌ(m)hm], а также случаи ассимиляции с согласным соседнего слога: *three* ['li:], *something* ['sʌ(m)mm]. В процессе анализа данных был добавлен вариант [θf] и исключен вариант

[h], поскольку не было зарегистрировано случаев его использования в речи информантов. Таким образом, в речи молодежи г. Глазго зафиксированы следующие варианты реализации переменной (θ):

- 1) глухой межзубный фриктивный [θ];
- 2) лабиодентальный фриктивный [f];
- 3) промежуточный вариант произношения, содержащий оба элемента [θf].

Схема 3

Реализация переменной (θ) в образцах чтения, N=488

Кроме того, выявлены редкие случаи элизии в слове *think* ['iŋk], а также зарегистрирован единственный случай использования глухого альвеолярного взрывного [t] в слове *theater* ['ti:ətə].

Вариант [θ] обнаружен в начальной *throw* ['θlɔʊ], срединной *something* ['sʌmθŋ] и конечной *moth* ['mɔθ] позициях. Лабиодентальный фриктивный [f] также зарегистрирован в трех позициях: в начале слова, например, *think* ['fiŋk], в середине слова, как в случае *anything*

[¹ɛnɪfɪŋ], и в конце слова, например, *youth* [¹jʌf]. Наиболее вероятна реализация [f] в начальной и конечной позиции. Промежуточный вариант произношения присутствовал в слове *both* [¹bɔθf].

Данные количественного анализа свидетельствуют о преимущественной реализации стандартного варианта [θ] в речи информантов мужского (95 %) и женского (89 %) пола. Самым многочисленным нестандартным вариантом реализации переменной (θ) является лабиодентальный фрикативный [f].

В реализации переменной (θ) прослеживается тенденция вариативности по гендерному признаку: доля использования нестандартных форм произношения у информантов женского пола составляет 11 %, среди информантов мужского пола данный показатель составляет 5 %.

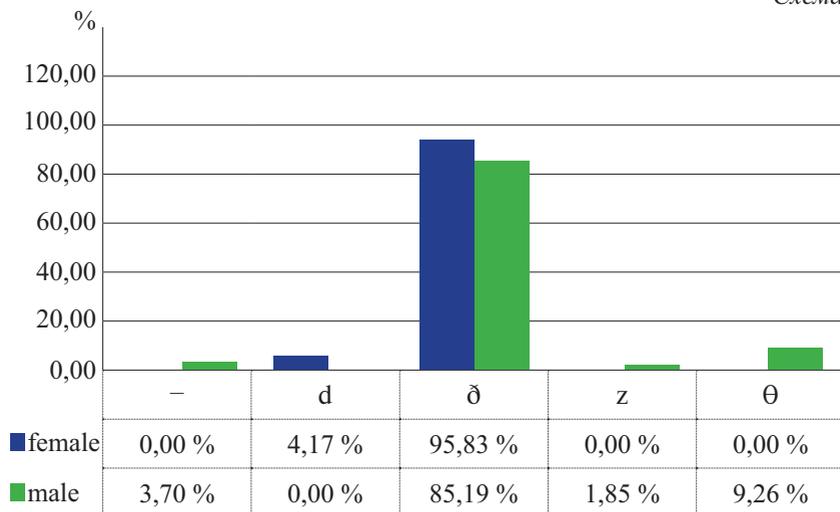
При обработке данных не было обнаружено случаев перехода звонкого межзубного фрикативного [ð] в лабиодентальный [v]. Кроме того, не было отмечено случаев ассимиляции [ð] с переходом в альвеолярный аппроксимант [ɹ], описанных К. Макейфи как характерных черт диалектной речи центральной части равнинной Шотландии [Macafee 1983].

Переменная (ð) реализована в речи молодежи г. Глазго как один из следующих вариантов:

- 1) звонкий межзубный фрикативный [ð];
- 2) глухой межзубный фрикативный [θ];
- 3) дентальный или альвеолярный взрывной [d̥];
- 4) элизия фонемы [-] с произношением последующего гласного или согласного.

Обнаружены малочисленные случаи реализации переменной (ð) как звонкого альвеолярного фрикативного [z]: *clothes* [¹klɔz], *that* [¹zɒʔ], *either* [¹i:zə], *'cause they* [¹kɔz,zeɪ], а также как лабиодентально-фрикативного [f] в слове *with* [wɪf].

Звонкий межзубный фрикативный [ð] зафиксирован в начальной *them* [¹ðem], срединной *otherwise* [¹ʌðə,wɪz] и конечной *with* [¹wɪð] позициях. Глухой межзубный фрикативный [θ] зарегистрирован в конце слова *with* [¹wɪθ]. Дентальный или альвеолярный взрывной [d̥] обнаружен в слове *then* [¹ðen] после слов, заканчивающихся на взрывные согласные [t], [d], [k]: *but then*, *and then*, *back then*, а также в слове *that's* [¹d̥ɛts]. Элизия зафиксирована в часто встречаемых словах *that* [¹ɒt], *the* [ə], *this* [¹ɪs].

Реализация переменной (ð) в образцах чтения, N = 458

Стандартный шотландский произносительный вариант [ð] наиболее часто использовался информантами мужского (85%) и женского (96%) пола. Альтернативные варианты реализованы в образцах чтения в значительно меньшем количестве: наиболее многочисленным вариантом в полном стиле речи информантов мужского пола являлся глухой межзубный фрикативный [θ] (9%), в речи информантов женского пола – дентальный или альвеолярный взрывной [d] (4%).

Таким образом, проведенный анализ языкового материала позволяет утверждать, что тенденция распространения южнобританских стандартных и субстандартных форм произношения активно манифестируется в речевом репертуаре молодых жителей г. Глазго несмотря на сохранение ряда локальных особенностей, что указывает на схожесть векторов развития англо-английского и англо-шотландского языковых вариантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Безбородова М. В. Особенности вокалической составляющей речи молодых британцев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 607. С. 3–53.

- Евстафьева Н. М.* Социолингвистический аспект функционирования английского языка в Шотландии (на материале речи молодежи г. Глазго) : дис. ... канд. филол. наук. Н.-Новгород, 2017. 251 с.
- Петренко А. Д.* Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии : монография. К., 1998. 254 с.
- Aitken A. J.* Scottish Speech: A Historical View with Special Reference to the Standard English of Scotland // A. J. Aitken and Tom McArthur (Eds.). Languages of Scotland. Edinburgh : Chambers 1979. P. 85–119.
- Britain D.* Innovation diffusion: “Estuary English” and local dialect differentiation: the survival of Fenland Englishes // Linguistics. 2005. V. 43. № 5. P. 995–1022.
- Corbett J., Stuart-Smith J.* Standard English in Scotland // Standards of English: Codified standards around the world. 2012. P. 72–95.
- Hughes A., Trudgill P., Watt D.* English accents and dialects: an introduction to social and regional varieties of English in the British Isles. 5th ed. London, New York : Routledge, 2013. 224 p.
- Jones B. E.* “Ye Ken Fine Wha I Mean”: Variation Between YOU KNOW and YE KEN in Scottish Varieties of English : M. A. thesis. The University of New Mexico. Albuquerque, New Mexico, 2012. 105 p.
- Johnston P. A.* The rise and fall of the Morningside / Kelvinside accent // Manfred Görlach (Ed.). Focus on Scotland. Amsterdam : John Benjamins. 1985. P. 37–56.
- Kerswill P.* Dialect levelling and geographical diffusion in British English // D. Britain, J. Cheshire (Eds.). Social Dialectology. Amsterdam : Benjamins, 2003. Pp. 223–243.
- Labov W.* The intersection of sex and social class in the course of linguistic change // Language Variation and Change. 2: 2. 1990. P. 205–254.
- Macafee C.* Glasgow // Varieties of English Around the World. Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing. 1983. 167 p.
- Milroy L.* Introduction: Mobility, contact and language change working with contemporary speech communities // Journal of Sociolinguistics. 2002. V. 6. P. 3–15.
- Romaine S.* Postvocalic /r/ // Scottish English: Sound change in progress. 1978. P. 144–157.
- Stuart-Smith J., Timmins C., Tweedie F.* Talkin’ Jockney’? Variation and change in Glaswegian accent // Journal of Sociolinguistics: 11/2. 2007. P. 221–260.
- Stuart-Smith J., Timmins C.* ‘Tell her to shut her moof’: The role of the lexicon in TH-fronting in Glaswegian // Ch. Kay (Ed.). The Power of Words: Essays in Lexicography, Lexicology and Semantics. 2006. P. 171–183.
- Stuart-Smith J., Lawson E., Scobbie J. M.* Derhoticisation in Scottish English // Advances in sociophonetics. 2014. V. 15. P. 59.

- Stuart-Smith J., Timmins C., Tweedie F.* Conservation and innovation in a traditional dialect: L-vocalization in Glaswegian //English World-Wide. 2006. V. 27. № 1. P. 71–87.
- Wells J. C.* Accents of English 2. The British Isles. Cambridge : Cambridge University Press. 1982. 212 p.

ЭКСПЛИЦИТНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СОМНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель данной статьи – описать лексическое разнообразие средств выражения сомнения / *doubt* в современном английском языке.

Для этого из корпуса английского языка были собраны предложения, содержащие описание ситуации сомнения. Из этих предложений были выбраны лексемы, выражающие значение сомнения / сомнительный / сомневаться, которые были разделены на тематические группы. Были зафиксированы значения *doubt*, репрезентирующие как прямую, так и косвенную номинацию. Такой метод обработки материала выявил много коннотаций, которые не фиксируются в словаре. При этом в центре внимания были только эксплицитные лексические средства выражения сомнения.

Оказалось, что лексемы, составляющие *первую* группу с обобщенным значением *uncertainty*, представляют такие значения, как сомнение – беспокойство, сомнение – тревога ожидания, сомнение – опасение, сомнение – нерешительность, сомнение – дурные предчувствия. *Вторая* тематическая группа лексем с обобщенным значением *disbelief* содержит синонимы *doubt* со значением сомнение – подозрения, сомнение – недоверие, страх, сомнение – опасение, сомнение – возражение, несогласие с чем-то, сомнение – неодобрение, тревога, беспокойство. *Третья* тематическая группа с обобщающим значением *ambiguity* представлена лексемами со значением затруднительное положение, сомнение из-за отсутствия ясности, точности. *Четвертая* тематическая группа синонимов лексемы *doubt* представлена лексемами, репрезентирующими значение сомневаться, колебаться в выборе, пребывать в нерешительности. Здесь выделены лексемы как прямой, так и косвенной номинации: сомнение из-за негативного восприятия объекта.

Оценочные лексемы *leery, fishy, crooked, shady* с отрицательной оценочной характеристикой преобладают в ней. Преобладание в функционально-семантическом поле *doubt* лексем с отрицательной коннотацией – одна из характеристик концепта DOUBT. Кроме четырех групп синонимов *doubt* была собрана группа словосочетаний с косвенной номинацией значения сомнение: *shilly-shally, chop and change* и другие.

Наличие у английского слова *doubt* множества синонимических средств репрезентирует его как сложный конструктор, как явление, в полной мере отражающее особенности менталитета англоязычного социума.

Ключевые слова: сомнение; тематическое разнообразие; значения; отрицательная коннотация; косвенная номинация.

T. P. Zhelonkina

PhD, Associate Professor of the Pedagogical Education Institute,
I. Kant Baltic Federal University; e-mail: zheltoma@mail.ru

EXPLICIT MEANS OF WORDING DOUBT IN MODERN ENGLISH

This paper is aimed at presenting lexically thematic diversity of *doubt* in Modern English. Sentences describing a situation of doubt taken from the British National Corpus and words with the connotation doubt / doubtful / to doubt collected from these sentences were grouped thematically. The words found represented both direct and indirect nomination of the idea *doubt*. It should be said that the research was focused only on the lexical means of presenting the idea of *doubt*.

The **first** group of words – synonyms of doubt under the umbrella name “*uncertainty*” includes: doubt – anxiety, doubt – nervous expectations, doubt – fear, doubt – indecision, doubt – apprehension. The **second** thematic group of synonyms under the name “*disbelief*” covers lexemes with the meaning: doubt – suspicion, doubt – distrust, doubt – misgiving, as well as doubt – objections, doubt – lack of confidence, uneasiness provoked by doubt. The **third** group, the smallest presents meaning – doubt caused by the lack of precision, inexactness. The **fourth** thematic group under the umbrella name *swither* includes the verbs with the neutral connotation -hesitate and adjectives hued negatively with reference to either people with ill fame, or to very risky situations. Adjectives dodgy, shifty, sleepy characterizing people, who are dangerous to deal with, contribute to the meaning people with doubtful reputation. There is also a group of set expressions bearing the meaning of doubt.

Summing up it should be said that the meaning of doubt is a complicated phenomenon being presented by different and multi-tiered means. It demonstrates the specific features of English-speaking culture in detail.

Key words: doubt; means of wording the meaning; thematic diversity; indirect meaning.

В современном мире человек часто оказывается в ситуации необходимости принять решение. Одна из эмоций, которую при этом испытывает человек, это сомнение. Страх ошибиться, колебания при выборе нужного решения составляют сложный комплекс чувств и эмоций, обозначенный лексемой «сомнение» в русском языке и лексемой *doubt* в английском языке. В данной статье предпринимается попытка описать эксплицитные (лексические) средства отображения значений концепта DOUBT в современном английском языке.

Что такое сомнение? Логический словарь дает следующую дефиницию: «Сомнение – это состояние неуверенности, когда требуется решить вопрос об истинности или ложности того или иного суждения о каком-либо предмете, явлении» [Кондаков 1971]. Психологи

определяют сомнение так: «Сомнение – неуверенность в истинности чего-либо, отсутствие твердой веры в кого-либо, во что-либо» [Мещеряков, Зинченко 2006]. Толковый словарь английского языка объясняет слово *doubt* как «uncertainty about the truth, fact, or existence of something; lack of belief in, or conviction about something; an unresolved difficulty, point, etc.», т. е. «Сомнение – это неуверенность относительно истины, факта, или существования чего-либо; отсутствие уверенности или убеждения в чем-либо; неразрешимая трудность, неразрешенный вопрос, и так далее»¹ [Collins 2003].

В процессе мышления и в своей речи человек оперирует смыслами, концептами. «Концепт – это оперативная содержательная единица мышления, единица, или квант, структурированного знания» [Болдырев 2014, с. 39]. По мнению лингвистов, одним из показателей сложности понятия является многообразие значений, наличие синонимических рядов [Степанова, Чернышева 2003].

Содержание концепта DOUBT имеет различные уровни манифестации: в том числе грамматические, лексические и другие. В этой статье будут проанализированы только лексические реализации концепта DOUBT в современном английском языке.

Слово *doubt* уже было предметом исследования. Так, А. Ф. Ильясова и Ф. Р. Тарасова в работе «Лексические средства манифестации сомнения и способы их перевода на русский язык (на материале художественного произведения)» описывают значения синонимов слова *doubt* и варианты их перевода с английского языка на русский [Ильясова, Тарасова 2015]. В своем исследовании Т. Л. Копусь сопоставляет близкие по значению субстантивы *doubt* и *uncertainty* и отмечает их различия в семантическом и синтаксическом функционировании в современном английском языке [Копусь 2011]. Сомнение как категорию субъективной модальности в русском языке на материале современной художественной литературы рассматривает И. Г. Никольская [Никольская 2009].

В данной работе эксплицитные (лексические) средства выражения концепта DOUBT анализируются и классифицируются с использованием примеров из корпуса современного английского языка, и сопоставляются с вариантами толкований слова *doubt* в англо-английских словарях.

---

¹ Перевод авт. – Т. Ж.

Лексема *doubt* употребляется как существительное, как глагол; производные от нее используются как прилагательное и наречие. Значения лексем *doubt*, зафиксированные в словарях, представлены синонимами, которые можно разделить на следующие группы:

- 1) *distrust, apprehension, incredulity* (недоверие, опасение, сомнение);
- 2) *dubiety, demur, wobble, waver* (быть в нерешительности, колебаться);
- 3) *quandary, suspense, obscurity* (затруднительное положение, неизвестность, неясность).

Взятые из корпуса английского языка примеры языковой реализации компонентов лексического наполнения концепта DOUBT обнаруживают богатый синонимический ряд, что позволяет классифицировать материал по тематическим группам иначе.

Рассмотрим группу синонимов с обобщенным значением *disbelief*. В нее входят: *suspicion, distrust, questioning, fear, reservation, cynicism, apprehension, mistrust, disquiet, qualms, incredulity, lack of faith, misbelief, query*. Примеры их текстовых употреблений обнаруживают широкий спектр значений, например:

The forensic results recently released by the Dutch authorities have served to confirm a nagging *suspicion*. The initial inquiry triggered sensational newspaper headlines and aroused widespread *distrust* of the state's public hospital system. An absence of staff and police officers, lighting problems and limited use of security cameras have been identified as some of the factors behind safety *fears*. It has ever since aroused serious *apprehensions* and complaints from the work units and a residential community nearby [BNC].

Использованием лексем *suspicion, distrust, fears, apprehensions* реализуются такие оттенки значения, как сомнение-недоверие; сомнение с оттенком подозрения, опасения; сомнение как предчувствие чего-то опасного. Подобные коннотации не фиксируются в словарных статьях.

Встретились примеры с лексемами этой группы, у которых словарь не фиксирует значение «сомнение». Но именно с таким значением они употреблены в следующих примерах.

It also raises *questions* about controls at the company's head office to enforce common standards across the group. Although people living nearby

hailed the huge investment as long overdue, they have deep **reservations** about the plans for the new school to be built a few hundred metres from the old one [BNC].

Сомнение со значением обеспокоенность – *raises questions*, сомнение со значением неодобрение, т. е. сомнение в правильности, в разумности постройки новой школы рядом со старой – *deep reservations*.

But if so, what according to him is the true significance of the kind of unease or **disquiet** to which he refers? [BNC]

Disquiet – обеспокоенность, т. е. сомнения в правильном понимании сказанного, так как неясно, что подразумевается под словами говорящего.

Entrepreneurs have no **qualms** about destroying traditional ways of life if they can make a profit. The idea was greeted with **incredulity** by people questioned by the Today programme near a crash hotspot in north London [BNC].

Форма множественного числа придает лексеме *qualm* (*qualms*) значение «сомнение, неуверенность». Лексема *incredulity* имеет в следующем предложении значение «недоверие-сомнение», поскольку у женщин возникают сомнения (*queries*) в правильности начисления пенсий из-за проблем с трудовым стажем и сложной системой страховых выплат, ср.:

Women often have complex pension **queries**, because of broken work records and complicated national insurance rules [BNC].

Приведенные примеры иллюстрируют еще одну разновидность «сомнения»: сомнение, вызванное недоверием; сомнение, порождающее вопросы, требующее разъяснения. Интересный случай употребления отрицательной формы, когда отрицание плюс множественное число существительного со значением сомнение (*qualms*) дают в итоге противоположное значение – «не колеблясь, без всякого сомнения».

Таким образом, группа лексем-синонимов *doubt*, включающая слова с обобщенным значением **disbelief** (сомнение в истинности), репрезентирует разновидность коннотаций значения:

- а) сомнения-опасения, подозрения; сомнение как предчувствие опасности;

- б) сомнение-возражение; сомнение-неодобрение, вызывающее беспокойство;
- в) сомнение, порождающее вопросы; сомнение, вызванное нежеланием поверить чему-то.

Вторая группа синонимов концепта DOUBT с обобщенным значением *uncertainty* (неуверенность, нерешительность, сомнение) представлена следующими лексическими единицами: *confusion, dilemma, scepticism, misgiving, suspense, indecision, bewilderment, lack of confidence, hesitancy, perplexity, lack of conviction, irresolution, dubiety*. Ср.:

Much of the information came from the flood of news agency reports, reflecting the general sense of chaos and *confusion* over what was happening. The absence of an Iraqi government was a source of bitterness and *misgivings*. For an hour after the decision was made in Singapore, the crowd in front of city hall was still waiting in *suspense* for the official announcement [BNC].

Коннотированные синонимы лексемы *doubt*, такие как: *confusion* – замешательство, путаница; *misgivings* – опасение, предчувствие чего-то плохого; *suspense* – беспокойство, тревожное ожидание, реализуют также модальное значение, отрицательное отношение к описываемым фактам.

I've often expressed my *bewilderment* at the fact that major orchestras haven't rushed to record his music. The idea of making unnecessary sacrifices at the expense of your looks and leisure time genuinely *perplexes* people. Therefore, in order to relieve his frustrations, the official may look to get his own back by only ruling in favour of this player when there is absolutely no *dubiety* about a challenge or incident involving this problematic performer [BNC].

Еще один вариант реализации значения сомнения представлен использованием в предложениях синонимов, отображающих состояние смущения, замешательства (*bewilderment*); значение быть в тупике, сбивать с толку, приводить в недоумение (*perplex*); состояние нерешительности, колебания, неоднозначности (*dubiety*). При этом отсутствует четко выраженная отрицательная коннотация.

Третью группу синонимов лексемы *doubt* с обобщенным значением *ambiguity* (двусмысленность, неопределенность, неясность)

составляют как прилагательные, так и существительные: *ambiguous*, *quandary*, *imprecision*, *vagueness*, *obscurity*.

Had it been seen abstracted from that context by the US public, there would have been a more *ambiguous* reaction. In a *quandary* he contacted me to see if I could help find someone who could help. The real inadequacy of his account lay not in his descriptive approach but in the *imprecision* of his description. The Dickenses were to move house twice during the first two years of Charles's life, and the novelist later recalled Portsmouth with considerable *vagueness*. Given the extreme *obscurity* of the words used, and the sheer number of them, I have a hard time believing that these were words he came across in the course of his regular reading [BNC].

Оттенок значения сомнение по причине двусмысленности, сомнительности (*ambiguous*); неточности, неясности (*imprecision*); неопределенности (*vagueness*); затруднительного положения (*quandary*); неизвестности, неясности (*obscurity*) сопровождает абстрактные существительные. Коннотация, присущая данному синонимическому ряду, характерна для третьей группы.

Разделение лексических реализаций концепта DOUBT на смысловые группы, в определенной степени, условно, в силу того, что синоним может иметь не одно, а два или три значения, по которым его можно отнести к нескольким группам. И потому провести четкую грань между значениями разных синонимических рядов весьма затруднительно.

Четвертая группа синонимов лексики *doubt* с обобщенным значением *waver* (быть в нерешительности, колебаться между предложенными вариантами) представлена в большей мере прилагательными, нежели существительными или глаголами. Именно эта группа выделяется частеречной вариативностью и прагматической маркированностью синонимических рядов, так как она включает больше оценочных прилагательных, чем глаголов и существительных. Данная тематическая группа синонимов представлена лексемами *waver*, *swither*, *vacillate*, *tentative*, *unsettled*, *questionable*, *dubious*, *suspect*, *unscrupulous*, *disreputable*, *untrustworthy*; *crooked*, *dodgy*, *leery*, *slippery*, *shady*, *fishy*, *shifty*. Ср.:

As a teenager, Arafat became closely involved in the struggle for Palestine and never *wavered* from that commitment. I'd been *swithering* all week, but now the prospect of endless cups of tea, the Sunday papers and a whole

afternoon of Dawson's Creek and the central heating on full blast seemed very appealing. Ask her for an opinion, and she'll give it to you without any hesitation or attempts to *vacillate* [BNC].

Глаголы со значением 'быть в нерешительности, колебаться, затрудняться с выбором' (*waver, swither, vacillate*) не имеют дополнительных коннотаций, кроме значения 'сомнение'.

At first I was a bit *dubious* about going back to Bradford from Otley, but now I think the move is the best thing that we have ever done. Nevertheless, the controversies over literary openness are far from being resolved, and many related issues remain *unsettled*. Make of these judgements what you will but their validity is somewhat *questionable* given such a broad spectrum of views [BNC].

Оценочные прилагательные со значением 'колебаться, сомневаться в правильности своего выбора' (*dubious*), со значением 'нерешенный, неотрегулированный' (*unsettled*), 'неясный, спорный' (*questionable*) – средства отображения ситуации сомнения, представленное в корпусе английского языка. В целом оценочность, в том числе отрицательная оценка, сопровождает узуальное употребление лексических способов выражения сомнения.

The commission system is open to abuse by *unscrupulous* advisers who recommend unsuitable plans because they pay more. All of these things must surely point to him being one of the most thoroughly *disreputable* fellows ever to appear on the British stage, before he even opened his mouth. The first couple of times we meet her she seems to be a scheming, *untrustworthy* person willing to try any ploy to attract the attention of Maximus [BNC].

В приведенных выше предложениях представлены прилагательные с ярко выраженной отрицательной коннотацией: неразборчивый в средствах (*unscrupulous*), имеющий сомнительную репутацию (*disreputable*), ненадежный, такому не следует верить (*untrustworthy*). Такое отображение характеризующей оценки – непрямая форма отображения сомнения.

По мере нарастания отрицательного характеризующего признака в лексемах-синонимах происходит усиление значения 'сомнение' в таких оценочных высказываниях.

Before the practice took hold, some news directors, fearing pranks, were *leery* of airing amateur video [BNC].

Leery – сомневаться скрытно, т. е. не выражая это открыто. В разговорной речи это слово употребляется со значением «пронрыливый, хитрый».

He comes home too late, he gives *fishy* excuses, a strange woman called the other night and hung up when Patty picked up the extension. The first floor of the inn served as a sort of tavern, laden with long tables and many various *shady* or drunk characters, the majority of which laughed as they talked between draughts of ale. Criminals of all hues from drug dealers to *crooked* business people are busy trying to convert hoarded pounds [BNC].

Три лексемы со значением ‘сомнительный, подозрительный’ (*fishy*), ‘ненадежный, пользующийся дурной славой’ (*shady*), ‘с сомнительной репутацией, так как причастен к нарушениям закона’ (*crooked*) являются оценочными характеристиками людей.

Как известно, оценочные характеристики основываются на законах, правилах, моральных установках общества. Субъектом оценочных суждений выступает общество, социум, которое с помощью таких оценочных суждений формирует мораль, норму поведения в обществе, формирует отношение к тому, что с позиции нормы в общественных отношениях является отрицательным, неправильным, отклонением от принятой нормы и, значит, сомнительным [Вольф 2002].

These days it's impossible to avoid the plethora of *slippery* politicians all over our TV screens, PC monitors and radio airwaves [BNC].

Slippery имеет значение ‘скользкий, верткий, ненадежный’, т. е. поддерживать деловые отношения с таким человеком опасно. Как и лексема *shifty* ‘нечестный, изворотливый’ в следующем предложении, ср.:

It seems that the *shifty* fellow had broken into the small museum in the town and in an unguarded moment had filched the treasure map and a few gold coins [BNC].

В отрицательных оценочных характеристиках имеет место соединение нескольких смыслов – кроме обозначения *какой* добавлен еще смысл *почему* и более глубокий смысл *не имей с ним дело*. Такое

«наслоение» смыслов присутствует не только в характеристиках людей, но также в характеристике неодушевленных предметов.

They protect me on the long road between here and Johannesburg, alone with a small child in a **dodgy** car that only miracles keep going [BNC].

Характеристика автомобиля (*dodgy*) – автомобиль, на котором опасно, рискованно ехать, так как он может развалиться / сломаться в любую минуту. Следует отметить, что большинство лексем четвертой группы имеют коннотацию «отрицательная характеристика», с рекомендацией не выраженной явно, но присутствующей как компонент смысла.

Исследуемый материал показал, что кроме языковых (лексических) средств прямой номинации в реализации концепта DOUBT встречаются лексические единицы вторичной номинации – метафоры, идиомы, устойчивые словосочетания со значением ‘сомневаться, колебаться’, ср.: *be in two minds, keep changing your mind, blow hot and cold, chop and change, shilly-shally, sit on the fence, lack confidence in, hum and haw, in limbo*. Их коннотация дает основание включить эту небольшую группу в исследуемый материал. Ср. следующие примеры:

He also studied law at the Bar and **was in two minds** whether to practice or not when he was promoted to the position of assistant principal after qualifying. 'The point here is we cannot **blow hot and cold** on crime. It's either we stand up for law and order and justice, or we buckle under the crime wave. They **chop and change**, depending on which way the stock-market wind is blowing at the time [BNC].

Определенно передает значение сомнения идиома *to be in two minds* – неспособность человека сделать выбор между двумя альтернативами, принять решение. Ситуацию сомнения иллюстрирует идиома *blow hot and cold* – разделять мнение то одной, то другой стороны. Значение ‘время от времени менять свое мнение’ реализуется в идиоме *chop and change*.

Редупликация лежит в основе выражения, в котором реализуется значение ‘быть не в состоянии действовать твердо и решительно’ (*shilly-shally*), ср.:

I think the Conservatives and Liberal Democrats have **shilly-shallied** around this for far too long. They want someone to make all their choices for them, so they just **sit on the fence** and wait to be told what to do [BNC].

Метафора *to sit on the fence* – способ сформулировать нежелание принять решение, стремление занять позицию выжидания, надеясь, что кто-то вместо тебя примет решение.

After the 6 month period is up, we *hum and haw* about whether or not we really want to hire the person so we get extended for another 6 months. At the time of going to press, Sligo Airport is still sitting *in limbo*, as it awaits the decision of the Department of Transport's Aviation Authority [BNC].

Метафоры со значением ‘быть нерешительным’ (*hum and haw*); ‘период неопределенности в ожидании решения’ (*in limbo*) – непрямым способом выражения сомнения.

Подводя итог, следует сказать, что описанный выше материал отражает многообразие лексических реализаций концепта DOUBT. Сложный и многоуровневый конструкт DOUBT может быть репрезентирован с помощью языковых средств как в прямой номинации, так и идиоматично. Эмоция *doubt* не проявляется «в чистом виде». Она тесно связана с нерешительностью, опасением, риском. Такую своеобразную поведенческую модель можно применить к большинству описанных ситуаций. Данное описание эксплицитных средств реализации лексического значения концепта DOUBT не исчерпывает все многообразие его значений. Иллюстративный материал, в котором соединены лингвистические и культурологические знания, имеет целью показать сложность и разнообразие лексической манифестации концепта DOUBT в английском языке и продемонстрировать специфику менталитета английского социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную семантику: курс лекций. Тамбов : Издат. дом ТГУ, 2014. 236 с.
- Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. СПб. : Прайм-Еврознак, 2006. 672 с.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Изд-е 2-е, доп. М.: Едиториал, 2002. 280 с.
- Ильясова А. Ф., Тарасова Ф. Х. Лексические средства манифестации сомнения и способы их перевода на русский язык // Новое слово в науке: перспективы развития : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары : Интерактив плюс, 2015. С. 269–272.
- Кондаков Н. И. Логический словарь. М. : Наука, 1971. 656 с.

- Конусь Т. Л. Национальная специфика семантики субстантивов *doubt, uncertainty* в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2011. № 1 (8). С. 101–105.
- Никольская И. Г. Семантика сомнения и способы ее выражения в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 24 с.
- Новый Большой англо-русский словарь : в 3 т. / Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. и др. ; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М. : Русский язык, 2002. 2496 с.
- Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М. : Академия 2003. 256 с.
- Электронный словарь АBBYY Lingvo 10. Англо-русский словарь, русско-английский словарь.
- BNC – *British National Corpus*. URL : corpus.byu.edu/bnc/ (дата обращения: 20–30 января 2018 г.).
- Chambers 21st Century Dictionary. Edinburgh, 2004. 1654 p.
- Collins English Dictionary : Complete and Unabridged. Glasgow 2003. 1872 p.
- Shorter Oxford English Dictionary : On Historical Principles : in 2 vols. Oxford, 2002. 3750 p.
- The Cassell Concise Dictionary. London, 1997. 1710 p.

УДК 811.113.6

Е. Л. Жильцова

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры германской и кельтской филологии филологического
факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: el-zhilc@yandex.ru

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена анализу особенностей новой лексики шведского языка, включенной в изданный в 2015 г. словарь неологизмов, в который вошли слова, впервые зафиксированные в шведском языке в 2000–2015 гг.

На формирование новой лексики существенное влияние оказали экстралингвистические факторы, поскольку новые слова появляются, главным образом, как отражение новых явлений в разных областях жизни современных шведов. Поэтому наибольшее количество новой лексики зафиксировано в тех тематических группах, которые имеют отношение к самым актуальным сферам жизни современного шведского общества: информационным технологиям, экологии и здоровому образу жизни, проблемам гендерного равенства.

Происхождение новой лексики двояко: она может быть образована с помощью языковых средств шведского языка или быть заимствованной. Среди новых заимствований по-прежнему преобладают английские, однако наблюдается резкое увеличение числа заимствований из языков стран Ближнего и Среднего Востока, что связано с большим наплывом иммигрантов и беженцев из этих регионов.

Способы образования новых слов с помощью средств шведского языка весьма разнообразны, но самым распространенным остается основообразование. Среди композитов встречаются как нецельнозначные, значение которых складывается из значений составляющих их компонентов, так и цельнозначные, семантика которых не сводится к сумме значений компонентов. Среди сложных слов встречается много эпонимов, первым компонентом которых является имя собственное. Эпонимы всегда существовали в шведском языке, однако в последние полтора десятилетия их количество сильно возросло. В рассматриваемый период в шведском языке появилась и совершенно новая группа композитов – ретронимы, новые слова для обозначения устаревающих предметов и явлений, что помогает отличить их от приходящих им на смену более современных (*fasttelefon* – стационарный телефон, в отличие от мобильного).

Еще один распространенный способ образования новой лексики в шведском языке – деривация. Неологизмы образуются с помощью словообразовательных средств шведского языка как от шведских, так и от иноязычных основ. Набор шведских словообразовательных аффиксов за последние полтора – два десятилетия не изменился, но изменилась их продуктивность. Так, очень большую словообразовательную активность демонстрирует глагольный суффикс *-a*, потеснивший бывший очень продуктивным в XX в. суффикс *-era*. То же самое можно сказать о суффиксе

существительных *-o*, который приходит на смену очень популярному в предыдущий период суффиксу *-is*. Среди префиксов самым продуктивным оказался давно существующий в шведском языке отрицательный префикс *-o*. Он стал присоединяться к большому числу употребительных прилагательных и даже существительных, с которыми раньше не использовались. В качестве усилительных префиксов в рассматриваемый период использовались, главным образом, *ap-* и *tok-*, пришедшие на смену бывшим популярными во второй половине прошлого века *sten-*, *kanon-* и *skit-*. В целом можно отметить, что в рассматриваемый период суффиксальное словообразование было более характерно для существительных и глаголов, а префиксальное – для прилагательных.

В разговорном шведском языке существуют также такие способы словообразования, как стяжение и усечение, посредством которых более краткие формы слов образуются от уже имеющихся в языке.

Ключевые слова: шведский язык; лексика; неологизм; тематическая группа; заимствование; основосложение; композит; метафора; деривация; аффикс.

E. L. Zhiltsova

PhD in Philology, Associate Professor,
German and Celtic Philology Department,
Lomonosov Moscow State University; e-mail: el-zhilc@yandex.ru

NEW TRENDS OF VOCABULARY DEVELOPMENT IN MODERN SWEDISH

The article is dedicated to analyzing the peculiarities of the new Swedish lexical units that were included into the Dictionary of Neologisms, published in 2015, and were first observed in Swedish in the period from 2000 to 2015.

Extralinguistic factors have influenced the formation of new lexical units due to the fact that new words appear primarily as a reflection of new phenomena in different areas of life of modern Swedes. That is the reason why most of the new words were spotted in the thematic groups that are dedicated to the most important topics in the life of the modern Swedish society, such as IT, eco-friendly and healthy lifestyle, gender equality problems.

The origin of the new vocabulary is double-natured. On the one hand, it can be created with the linguistic means of the Swedish language, on the other hand, it can be loaned from another language. English loanwords dominate among the new ones, but there is a sharp increase in the number of loanwords from the languages of the Middle East due to the influx of immigrants and refugees from the region.

The ways of forming new words with linguistic means of the Swedish language are quite diverse, but the most widespread one is the compounding. Among the compound words there are ones whose meaning is derived from the meanings of their components and the ones whose meaning is not derived from the meaning of their components. Among the compound words there are many eponyms, the first part of which is a proper noun. Eponyms have always existed in Swedish, but in the last

fifteen years the number of them has increased. During the observed period another new group of compound words appeared in Swedish that is called “retronyms”. Those are the new words that help differentiate between obsolete objects and phenomena and the newer ones that are replacing them (for instance, “*fasttelefon*” a landline telephone as opposed to a mobile phone).

Another common way of forming new words in Swedish is derivation. Neologisms are formed with the means of word formation of the Swedish language both from Swedish stems and stems of other languages. The set of Swedish word-formational affixes has not changed in the last two decades, but their productivity has altered. The verb suffix “-a” has partially replaced “-era” which was a very productive suffix in the 20th century. The same can be said about the noun suffix “-o” that is replacing “-is” that was quite popular in the previous period. Among the prefixes the most productive one turned out to be the already existing “o-” that has begun to be used with many adjectives and even some nouns with which it was not used before. “Ap-” and “tok-” were mainly used as empathic prefixes during the observed period. They replaced “sten-”, “kanon-”, and “skit-” that were popular during the second half of the 20th century. In general, during the observed period word formation with suffixes was more characteristic for nouns and verbs, and word formation with prefixes was more common for adjectives.

In spoken Swedish there are also such ways of word formation as contraction and apocope, that are used to form shorter words from already existing ones.

Key words: the Swedish language; lexis; neologism; thematic group; loanword; compounding; compound word; metaphor; derivation; affix.

Каждый год в шведском языке, как и в других языках, появляются тысячи новых слов. Списки таких слов ежегодно публикует на своем сайте Шведский языковой совет (Språkrådet) [Institut för språk ...]. В 2015 г. на основе этих списков был издан словарь шведских неологизмов «Новые слова в шведском языке» [Agazzi 2015]. В него вошли более двух тысяч слов, впервые зафиксированных в шведском языке с 2000 по 2015 гг. Это, главным образом, лексика из периодических изданий и Интернета, а также, частично, из произведений новейшей шведской художественной литературы. Все слова, представленные в списках Шведского языкового совета, естественно, в словарь не вошли. Критериями отбора стали частотность слова и его общепупотребительность [Agazzi 2015, с. 10–11].

Новая лексика, представленная в словаре, послужила материалом для настоящей статьи. На то, какие именно слова появились в шведском языке в 2000–2015 гг., оказали влияние многие экстралингвистические факторы, а именно те процессы, которые происходили в этот период в шведском обществе. Ведь новые слова обычно появляются

для обозначения новых реалий в окружающем мире, в общественно-политической, социальной и культурной жизни людей. В зависимости от того, к какой сфере деятельности относятся шведские неологизмы, их можно разделить на несколько тематических групп.

Самая многочисленная группа – слова, связанные с Интернетом, информационными технологиями и мобильной связью. В этом нет ничего удивительного. Известно, насколько быстро и интенсивно развивается данная сфера современного общества в последние два десятилетия, играя всё более существенную роль в повседневной жизни. Для обозначения постоянно появляющихся новых реалий, естественно, начинают использоваться новые слова.

Большинство слов данной тематической группы – это композиты, в качестве первых компонентов которых используются уже имеющиеся в шведском языке слова, относящиеся к области информационных технологий. Наиболее частотные среди них *nät* «сеть, Интернет», *mobil* «мобильный» и *e-* – сокращение прилагательного *elektronisk* «электронный»: *nätjournalistik* «интернет-журналистика», *nätbokhandel* «книжный интернет-магазин», *nätdeklarera* «подавать налоговую декларацию по Интернету»; *mobilbank* «мобильный банк», *mobilsurfa* «сидеть в мобильном телефоне»; *e-bok* «электронная книга», *e-faktura* «электронный счет», *e-tjänst* «услуга, предоставляемая в электронном виде».

Всего в словаре зафиксировано более 30 слов с первым компонентом *nät-*, около 20 – с *mobil-* и более 10 – с *e-*.

Для шведов всегда были очень важны проблемы экологии, а в последние два десятилетия – связанные с ними проблемы изменения климата. Поэтому лексика, связанная с охраной окружающей среды, также достаточно многочисленна.

Наиболее частотны в этой тематической группе сложные слова с первым компонентом *klimat* «климат», обозначающие новые понятия, связанные с климатом. Таких слов насчитывается более трех десятков, что свидетельствует о повышенном интересе шведского общества к проблемам климата. Вот лишь несколько примеров: *klimat-hot* «угроза ухудшения климата», *klimatkompetens* «компетентность в вопросах климата», *klimatturism* «туристические поездки в места с хорошим климатом», *klimatvänlig* «благоприятный для климата».

Разумеется, группа слов, связанных с охраной окружающей среды, не ограничивается только лексикой, имеющей отношение к климату.

Тематика ее намного шире. Так, например, уже прочно вошло в обиход существительное *morotsaktivism* – название ставшего в последние годы очень популярным в Швеции общественного движения, оказывающего поддержку магазинам, кафе и ресторанам, торгующим экологически чистой продукцией.

К рассматриваемой тематической группе весьма тесно примыкают слова, связанные с проблемами здорового питания. Шведы очень внимательно относятся к своему здоровью, стараются придерживаться здорового образа жизни, в том числе, есть здоровую пищу. В связи с этим в последнее время появилось множество новых диет и систем питания, что немедленно нашло отражение в лексике, в частности в сложных существительных с последним компонентом *kost* «пища»: *stenålderskost* «пища каменного века», включающая мясо, рыбу, ягоды, дикорастущие овощи, фрукты и грибы, т. е. пищу, которую предположительно ели люди в каменном веке, и *råkost* «вегетарианская сырая пища», которую можно нагревать не больше, чем до 42 градусов.

Еще одна достаточно обширная тематическая группа лексики, о которой необходимо упомянуть, – это слова, имеющие отношение к равенству полов и гендерной проблематике в целом. Как известно, в последние десятилетия в Европе и, в частности, в Швеции в этой области появилось очень много нового, и это отразилось в новой лексике.

Большинство слов гендерной тематики составляют композиты с первыми компонентами *genus* «(грамматический) род» и *homo-* «гомо-»: *genusbudgetering* «распределение бюджета с учетом интересов обоих полов», *genuskompetens* «компетентность в вопросах гендера»; *homoäktenskap* «однополоый брак», *homooption* «усыновление ребенка гомосексуальной парой».

К этой же группе относится и единственное представленное в словаре и уже весьма употребительное новое шведское местоимение. Это нейтральное в гендерном отношении личное местоимение 3-го лица единственного числа *hen*, которое может относиться к лицам обоего пола вместо местоимений мужского рода *han* «он» и женского рода *hon* «она».

Есть, конечно, и ряд других, достаточно обширных тематических групп новой лексики, но те, о которых было сказано выше, наиболее показательны с точки зрения отражения изменений, происходящих в жизни шведского общества в течение последних полутора десятков лет.

По своему происхождению неологизмы делятся на две группы. Это слова, образованные с помощью лексических средств шведского языка и заимствования. Последние достаточно многочисленны и пришли в шведский язык, главным образом, из английского. Такие слова, как *blogg* «блог», *najs* «милый, приятный», *lajk* «лайк» и целый ряд других быстро вошли в обиход и стали широкоупотребительными. В отдельных случаях морфемы, из которых состоят заимствованные слова, заимствуются из разных языков. Так, в существительном *fashionista* «человек, пристально следящий за модой» корень *fashion* «мода» заимствован из английского языка, а суффикс *-ista* – из итальянского.

По сравнению с предшествующим периодом увеличилось количество заимствований из восточных языков. Это также вызвано экстралингвистическими причинами – большим притоком иммигрантов, а в последние годы и беженцев из стран Ближнего и Среднего Востока. В разговорный вариант шведского языка уже довольно прочно вошли такие слова, как *giss* «девушка», заимствованное из турецкого языка, и *keff* «плохой», заимствованное из арабского.

Несмотря на довольно существенный объем заимствований, большая часть новых слов всё же образуется при помощи лексических средств шведского языка, т. е. путем словообразования.

Как показывает материал словаря, наиболее продуктивным способом словообразования в шведском языке остается основосложение, что демонстрируют и приведенные выше примеры, абсолютное большинство которых – композиты.

Наряду с нецельнозначными [Маслова-Лашанская 2011, с. 172; Берков 1994, с. 140], или, как их еще называют, нелексикализованными [Malmgren 1994, с. 24] сложными словами, значение которых представляет собой сумму значений их компонентов (например, *nätbedrägeri* «мошенничество в Интернете»: *nät* «Интернет» + *bedrägeri* «мошенничество»), среди новых шведских композитов много и цельнозначных, семантика которых не сводится к сумме значений их частей [Маслова-Лашанская 2011, с. 172].

Для таких слов характерен метафорический перенос названия в одном из компонентов. Так, в приведенном выше примере *morotsaktivism* *morot* как отдельное слово имеет конкретное значение «морковь». Будучи же частью композита, этот компонент, становясь

метафорой, обобщенно обозначает все природные, экологически чистые продукты, буквально «такие, как морковь».

В существительном *curlingföräldrar* «родители, чрезмерно опекающие своих детей» (букв. «расчищающие им дорогу») первый компонент при самостоятельном употреблении обозначает вид спорта «кёрлинг». В рамках сложного слова данная лексема приобретает значение «защищающий, чрезмерно опекающий». Метафорический перенос здесь основан на сходстве действий и целей спортсменов и родителей. Последние готовят «гладкую» дорогу для своих детей так же, как кёрлингисты для своего камня.

Среди новых шведских композитов также немало эпонимов – слов, в состав которых в качестве первого компонента входят имена собственные. Такие слова начали широко распространяться в шведском языке примерно с 80-х гг. прошлого века. В последние полтора – два десятилетия композиты данного типа стали еще более популярны. В качестве первых компонентов эпонимов могут выступать имена людей и животных, топонимы, названия организаций и торговых марок: *pompekunskap* «не очень важная, но любопытная, интересная информация» (*Pompe* имя любимой собаки Карла XII, *kunskap* «знание»), *bullerby syndromet* «пристрастие к шведской деревенской идиллии» (*Bullerby* – название деревни в одной из повестей Астрид Линдгрэн), *IKEA-monarki* «народная монархия»; так шведы стали называть свою монархию, поскольку многие члены королевского дома покупают мебель и аксессуары в ИКЕА, который в Швеции считается народным магазином.

Также в последние два десятилетия в шведском языке появилось много сложных слов, которые получили название ретронимы. Это новые слова, которые обозначают старые, известные предметы или явления, для того чтобы отличить их от приходящих им на смену новых вариантов этих же предметов и явлений. В качестве второго компонента ретронима всегда используется исходная лексема [Савицкая 2017, с. 66], а первый компонент указывает на отличительную черту старого предмета по сравнению с его новым вариантом: *naturgräs* «естественная трава» в отличие от искусственной (*konstgräs*); *fasttelefon* «стационарный телефон» в отличие от мобильного (*mobiletelefon*); *tjock-tv* «"толстый" телевизор», т. е. телевизор старого образца в отличие от современных плоских (*platt-tv*).

Как способ образования новых слов также распространена деривация, при которой новые слова образуются посредством шведских словообразовательных элементов, как от шведских, так и от иноязычных основ.

Так от заимствованных из английского языка существительных *blogg* «блог», *google* «Гугл» и *lajk* «лайк» образованы глаголы *blogga* «вести блог», *googla* «смотреть в Гугле, гуглить», *lajka* «ставить лайки, лайкать» и существительные *bloggare* «блоггер», *lajkare* «тот, кто ставит много лайков» и *googling* «поиск информации в Гугле».

Как видно из примеров, все имеющиеся там глаголы образованы с помощью суффикса *-a*. Этот суффикс в последние два десятилетия демонстрирует очень большую продуктивность, вытесняя почти все другие глагольные суффиксы, в том числе и бывший ранее продуктивным суффикс *-era*. Причем посредством суффикса *-a* образуются новые глаголы не только от иноязычных, но и от шведских основ: *dygn* «сутки» – *dygna* «бодрствовать целые сутки», *vård* «хозяин» – *vårda* «вести какое-либо мероприятие или программу», *tårt/a* «торт» – *tårta* «бросать торт в кого-либо в знак протеста».

Еще один словообразовательный элемент, представленный в примерах, – это суффикс существительных *-are*. Традиционно этот суффикс в шведском словообразовании считается суффиксом деятеля, с помощью которого *nomina agentis* образуются от глагольных основ. Если посмотреть на приведенные выше примеры *bloggare* и *lajkare*, то трудно сказать, от какой основы они образованы – от глагольной или от именной. Скорее всего процессы образования глаголов *blogga* и *lajka* и имен деятеля шли параллельно, и те, и другие были образованы от соответствующих заимствованных существительных. То, что с помощью суффикса *-are* существительные теперь могут образовываться от именных основ, демонстрирует ряд примеров неологизмов, образованных от шведских лексем, в частности слово *förortare* «человек, живущий в пригороде большого города» от шведского существительного *förort* «пригород».

Еще один суффикс существительного со значением лица, суффикс *-o*, стал в последние два десятилетия весьма продуктивным, придя на смену очень популярному в XX в. суффиксу *-is*. С его помощью образуются существительные от именных основ, чаще от основ прилагательных: *fet* «жирный» – *fetto* «толстяк», *hygglig* «приятный,

любезный» – *hygglo* «приятный, любезный человек». Кроме того, с этим суффиксом, как и ранее с суффиксом *-is*, образуются сокращенные разговорные формы слов, как простых, так и сложных: *favorit* – *favvo* «фаворит», *melodifestival* – *mello* «песенный фестиваль». В отличие от существительных с суффиксом *-are*, которые являются стилистически нейтральными, слова с суффиксом *-o*, как и с суффиксом *-is*, относятся к разговорному стилю речи.

Если же говорить о самом суффиксе *-is*, то с ним в словаре зафиксировано только три слова, что свидетельствует о существенном снижении его продуктивности. Это существительные *snackis* «актуальная тема для разговора» (от глагола *snacka* «болтать»), *förväntis* «человек или событие, от которого многого ждут» (от глагола *förvänta* «ожидать») и *funkis*, которое вошло в словарь как сокращение субстантивированного причастия *funktionshindrad* «человек с серьезными нарушениями различных функций», т. е. инвалид. Следует отметить, что с последней трети XX в. и по сей день существительное *funkis* является официально принятым обозначением стиля в искусстве, т. е. сокращением термина *funktionalism* «функционализм». Таким образом, эти два слова в современном шведском языке, оба представляющие собой сокращения, имеют разное происхождение и являются омонимами.

В отличие от существительных и глаголов, новые прилагательные, образованные суффиксальным способом, весьма немногочисленны. Большинство из них образованы посредством самого частотного в шведском языке, но, судя по материалам словаря, несколько утрачивающего свою продуктивность суффикса *-ig*: *satsig* «тот, кто прилагает много сил, чтобы достичь цели, целеустремленный» (от глагола *satsa* «вкладывать, делать ставку»), *ägig* «лучший» (от глагола *äga*, в его новом значении «быть лучшим», на которое указывает словарь). Кроме *-ig*, ряд новых прилагательных образованы от глагольных основ с помощью суффикса *-bar*, обозначающего возможность осуществления глагольного действия, например, *googlebar* «который можно найти в Сети, погуглить».

Вместе с тем большое количество новых прилагательных образуется посредством префиксации. И здесь нужно прежде всего сказать о давно существующем в шведском языке отрицательном префиксе *o-*. С его помощью до последнего времени образовывалось не очень

большое количество слов, однако в последние два десятилетия этот словообразовательный элемент демонстрирует всплеск продуктивности, присоединяясь ко многим очень распространенным прилагательным, с которыми он раньше не употреблялся. При этом префикс меняет семантику прилагательного на негативную, указывая на отсутствие соответствующего признака: *obra* «нехороший», *ofast* «непостоянный» (о работе), *ofestlig* «несмешной», *oglad* «невеселый», *okul* «неприятный», *omysig* «неуютный», *oskojig* «незабавный», – и это далеко не полный перечень новых прилагательных с данным префиксом. Префикс *o-* присоединяется и к существительным, хотя и значительно реже, например, *orädsla* «отсутствие страха».

Кроме того, к прилагательным могут присоединяться усилительные префиксы. Большинство из них в самостоятельном употреблении имеют собственное лексическое значение и являются полнозначными словами, но, используясь в качестве первого компонента прилагательного, они утрачивают это значение, выполняя только усилительную функцию, и поэтому считаются префиксами [Kotsinas 2003, с. 8]. Усилительные префиксы быстро сменяют друг друга, так как при частом употреблении выражаемая ими экспрессивность стирается. Так, в разные десятилетия XX в. были популярны усилительные первые компоненты *jätte-*, *sten-*, *kanon-*, *skit-* и ряд других [Kotsinas 2003, с. 9]. В последние же годы их место заняли усилительные префиксы *ap-* и *tok-*, присоединяющиеся к качественным прилагательным различной семантики: *apbra* «очень хороший», *apfin* «очень красивый», *apsnygg* «очень симпатичный», *apskön* «невероятно прекрасный», *aptrist* «безумно скучный», *aptrött* «жутко уставший»; *tokbillig* «безумно дешевый», *tokdyr* «безумно дорогой», *tokjobbig* «очень трудный», *tokkär* «влюбленный до безумия». Любопытно, что, как показывают примеры, *ap-* и *tok-* не взаимозаменяемы, и присоединяются в качестве усилительных префиксов к разным прилагательным.

Помимо основосложения и деривации, довольно часто новые слова образуются от уже существующих в языке путем усечения. Чаще всего усечению подвергается вторая часть сложного слова. Среди усеченных слов встречаются как глаголы, так и существительные: *frontalkrocka* – *fronta* «совершать лобовое столкновение», *transa* – *transvestit* «трансвестит». В этом случае нельзя говорить об

образовании нового слова в полном смысле, а только о краткой, усеченной форме уже имеющегося. Похожий процесс происходит при стяжении слов, которое также встречается в новой лексике, обычно в сложных существительных. При этом в середине слова выпадает один или несколько слогов: *hemester* «отпуск, проведенный дома» (от *hemsemester*, букв. 'домашний отпуск'), *fristester* «отпуск, когда человек совершенно свободен и не связан с работой ни по почте, ни по мобильному телефону» (от *fristester*, букв. 'свободный отпуск').

Как усеченные, так и стяженные формы слов, в отличие от полных, используются исключительно в разговорной речи.

Таким образом, можно выделить некоторые новые тенденции в развитии словарного состава современного шведского языка.

Многие появившиеся за последние полтора десятка лет неологизмы относятся к тематическим группам лексики, отражающей наиболее активные процессы в жизни современного шведского общества. Это прежде всего лексика, относящаяся к таким областям, как информационные технологии и электронные средства связи, экология и здоровый образ жизни, взаимоотношения между полами.

В шведский язык по-прежнему заимствуется довольно много новых слов. Как и раньше, это, главным образом, слова из английского языка. Однако в рассматриваемый период существенно увеличилось количество заимствований из восточных языков, многие из которых стали активно употребляться в разговорной речи.

Новые слова в шведском языке образуются разными способами, основным из которых является основосложение. Среди сложных слов в последнее время появилось достаточно большое количество цельнозначных композитов и эпонимов, придающих языку особую образность.

Состав словообразовательных аффиксов за последние полтора десятилетия не претерпел существенных изменений, однако изменилась их продуктивность. Наиболее продуктивными стали глагольный суффикс *-a*, суффикс существительного *-o* и префиксы *o-* и *ap-*. Суффиксальное словообразование в шведском языке характерно в большей степени для существительных и глаголов, а префиксальное – для прилагательных.

Для разговорной речи также продуктивны такие способы словообразования, как стяжение и усечение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берков В. П.* Норвежская лексикология. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 184 с.
- Маслова-Лашанская С. С.* Лексикология шведского языка. СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2011. 232 с.
- Савицкая А. В.* Традиционное и новое в современном шведском словообразовании // Романо-германистика : сборник статей по материалам XLVI Междунар. филол. конф. СПб. : ВВМ, 2017. С. 62–68.
- Agazzi B.* Nyord i svenskan. Stockholm: Morfem, 2015. 303 s.
- Institutet för språk och folkminnen: [сайт]. URL : sprakradet.se/nyord.
- Kotsinas U.-B.* Språkets uppkomlingar // Språkvård. Stockholm, 2003. № 3. S. 4–10.
- Malmgren S.-G.* Svensk lexikologi. Lund : Studentlitteratur, 1994. 150 s.

С. А. Жилюк

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры немецкого языка факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: s.a.jiluck@gmail.com

ЗАИМСТВОВАНИЕ АНГЛИЙСКИХ ГЛАГОЛОВ С ПРЕФИКСАМИ И ЧАСТИЦАМИ В НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Заимствования составляют обширный пласт немецкой лексики, формировавшийся на протяжении многих столетий. Современный немецкий язык, активно заимствующий лексику английского языка, позволяет взглянуть на заимствования не в диахронии, а в синхронии. Целью статьи является изучение механизмов заимствования в современный немецкий язык английских глаголов с префиксом. Материалом для исследования послужили статьи различных немецкоязычных СМИ, собранные в Мангеймском корпусе.

Заимствования привлекают внимание ученых-лингвистов на протяжении уже двух веков, однако лишь недавно исследователи обратились к изучению феномена гибридного словообразования – соединения в одной лексеме словообразовательных элементов из нескольких языков. Большинство работ на эту тему сосредоточены вокруг гибридного словосложения существительных, наиболее распространенного вида гибридного словообразования. При этом недостаточно изученным вопросом остается гибридное словообразование глаголов. Объектом изучения выступают заимствованные глаголы, которые в языке-доноре имеют префиксы или частицы (*to download > downloaden, to source out > outsourcen*).

Исследованные тексты и словари немецкого языка, в частности Duden Online, свидетельствуют об отсутствии единого мнения о том, как употреблять данные глаголы в личных формах – следует ли писать их слитно (*Ich downloade, Du hast downlodet / gedownloadet, Er outsourct, Wir haben outsourct / geoutsourct*) или раздельно, как если бы в их состав входил полупрефикс (*Ich loade down, Du hast downgeloadet, Er sourct out, Wir haben outgesourct*).

Проведенный анализ показывает, что указанные глаголы по-разному функционируют в немецком языке. Например, глагол *outsourcen* проявляет тенденцию к переводу префикса *out-* полупрефиксом *aus-* по аналогии с рядом других заимствованных глаголов (*ausknocken, auschecken, auspowern*). Это справедливо и по отношению к глаголу *downloaden*, который чаще всего переводится на немецкий язык посредством калькирования обеих морфем – *herunterladen*. При этом было бы неправильно отрицать использование всех трех глаголов с иностранными префиксами, которые в немецком языке нередко функционируют как полупрефиксы.

При заимствовании данные глаголы проходят несколько ступеней ассимиляции: грамматическую (получают соответствующие окончания личных форм и образуют второе причастие), а затем – морфологическую: образованные от английских наречий или частиц начальные словообразовательные элементы этих глаголов

носители немецкого языка переосмысливают как отделяемые приставки. Вместе с тем сохраняются колебания в написании этих лексем. Всё это подтверждает гипотезу о том, что в немецком языке функционирует промежуточная словообразовательная система (или подсистема), дополняющая сложившиеся эндогенную и экзогенную системы. Именно эта промежуточная система (подсистема) облегчает проникновение иностранных слов в немецкий язык, обеспечивает их ассимиляцию. Только после прохождения через эту систему (подсистему) заимствование подвергается лексической ассимиляции, и его словообразовательные элементы калькируются полностью или частично на язык-реципиент.

Ключевые слова: заимствование; заимствованный префикс; полупрефикс; отделяемая приставка; словообразовательная система.

S. A. Zhiliuk

PhD (Philology), senior lecturer, St. Petersburg State University,
Faculty of Foreign Languages, Chair for German language;
e-mail: s.a.jiluck@gmail.com

ENGLISH PREFIXAL AND PHRASAL VERBS IN GERMAN LANGUAGE

The investigation of foreign words in the frames of word-formation studies have been ignored for a long time. Foreign words however had been penetrating into German since more than two millennia, which means that German possesses nowadays a lot of foreign and loaned lexis. A glance into textbooks and studies on word-formation confirm that foreign word-formation became research object first 50 years ago. F. Seiler dedicated his research to the development of German culture and its reflection in foreign words which had penetrated into German. W. Fleischer and I. Barz paid their attention to the foreign word-formation in the modern German initiating further studies conducted by P. O. Müller, H. H. Munske, S. Michel, P. Eisenberg and others in Germany. In Russia it was M. D. Stepanova who launched studies of foreign word-formation in German. Later on E. V. Rozen, T. V. Ponomaryova, S. M. Pankratova and other Russian experts in this field developed her ideas. Nevertheless the foreign word-formation is still underinvestigated as the research focuses around noun formation while adjectives and verbs has not been covered yet.

The present article aims to close this gap and focuses on the English verbs with prefixes used in German. Prefixion is the wide-spread way of word-formation by German verbs. There is a few German verbs which derive from the English ones with prefix or particles: (*to download* > *downloaden*, *to source out* > *outsourcen*). These particular verbs make the core object of the current study.

We have investigated mass-media texts gathered in Mannheim corpus DeReKo with search tool COSMAS II. The modern German texts display variability in use of the verbs: *Ich downloade* / *Ich laode down*, *Du hast downgeloadet*, *Wir uploaden* / *Er hat upgeloadet*, *Er sourct out* / *Wir haben outgesourct*. The first elements in these verbs are considered either a prefix or a verb particle, especially in participle II form.

Sometimes the native-speakers replace an English element with a German one (*outsourcen – aussourcen*, following the model *to check out – auschecken, to be out of power – auspowern*).

The study confirms that a loaned verb goes through a number of integration stages. Morphological integration identify initial word elements as verb particles (like English particles and prepositions by phrasal verbs, these elements derive from adverbs). The verb particles tend to convert into prefixes within German. This mechanism confirms that German has a hybrid word-formation system which facilitate integration of a foreign word into recipient language.

Key words: foreign word-formation; loaned prefix; verb particle; morphology integration; hybrid word-formation.

Иностранные и заимствованные лексемы занимают большую часть словаря немецкого языка, причем в повседневной речи носители немецкого языка прибегают к иностранным словам не реже, чем носители русского. Проникновение значительного количества заимствований в немецкий язык неоднократно привлекало внимание ученых, прежде всего радетелей чистоты языка. Попытки «освободить» немецкий язык как от действительно заимствованных, так и мнимых иностранных слов предпринимались уже в XVII в. Однако, как показывает история, вслед за каждой попыткой «пурификации» языка имела место новая волна заимствований [Polenz 1994].

Со временем лингвисты обратили внимание на то, что заимствования представляют ценный источник по истории немецкой культуры. Они открывают новые возможности для понимания внутренних механизмов языка, например механизмов формирования лексического состава. Со второй половины XX в. они становятся полноправными объектами изучения специалистов по немецкому языку как у нас в стране, так и за рубежом, прежде всего в самой Германии. Интерес к заимствованным лексемам сформировала, в частности, монография Ф. Зайлера «Развитие немецкой культуры в зеркале немецких заимствований» [Seiler 2014], к сожалению, не переведенная на русский язык и через сто лет после своего издания.

Несмотря на многочисленные исследования, посвященные заимствованиям, до сих пор нет однозначного ответа на вопрос: как иностранная лексема встраивается в систему языка и получает грамматические характеристики и семантические значения, благодаря которым она функционирует в речи носителя. Вопрос вхождения заимствования в язык занимал умы исследователей уже в первой

половине XX в., в частности на него пытались ответить Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева; позднее проблеме интеграции заимствований в систему языка посвящали свои работы П. Айзенберг, Х. Х. Мунске и П. О. Мюллер. Несмотря на то, что каждый из них по-своему отвечал на поставленный вопрос, можно говорить об устоявшейся схеме, согласно которой иностранное слово должно последовательно преодолеть несколько стадий:

- 1) фонетическую ассимиляцию;
- 2) орфографическую ассимиляцию;
- 3) грамматическую ассимиляцию [Зиндер, Строева 1957].

Немецкие исследователи называют включение лексемы или морфемы из ее состава в словообразовательную систему языка-реципиента не грамматической, а морфологической ассимиляцией [Eisenberg 2001; Munske 1983; Nübling 2013]. При этом наблюдения свидетельствуют о том, что не всегда этапы располагаются в указанной последовательности; более того, не всегда иностранная лексема проходит все эти этапы. Ярким примером подобной «неправильной» ассимиляции может служить лексема *ausgesourct*, которая, согласно словарю Duden Online, сохраняет фонетические особенности языка-донора, но при этом прошла этап морфологической ассимиляции.

Сами носители немецкого языка сталкиваются с проблемой подобных слов: *outsourcen*, *downloaden*, *uploaden*, поскольку словари не дают однозначного ответа, как употреблять их в речи. Например, словарь Duden Online рекомендует писать так: *ich downloade*, *ich habe downgeloadet*. Таким образом, встает вопрос классификации начальных элементов указанных лексем – являются ли они префиксами или полупрефиксами?

Ответ на этот вопрос стал одной из задач нашего исследования, **целью которого является выявление закономерностей заимствования сложных слов, действующих в современном немецком языке.** Мы решили сосредоточиться на трех названных выше лексемах с префиксами / полупрефиксами, так как данный частный случай может продемонстрировать механизмы, действующие в немецком языке.

Вместе с тем мы поставили перед собой задачу показать, какие возможности открывает перед исследователями «волна англицизмов», захлестнувшая немецкий язык начала XXI в. [Freese 1999; Gossmann 2003].

Материалом для исследования послужили тексты различных СМИ Германии регионального и федерального уровня и ряд интернет-ресурсов. При поиске случаев употребления интересующих нас лексем мы использовали поисковый инструмент COSMAS II, который облегчает работу с текстами, содержащимися в Мангеймском корпусе (DeReKo). Кроме того, мы обращались к некоторым интернет-ресурсам, на которых ведется обсуждение правописания и употребления рассматриваемых лексем.

При изучении лексем *outsourcen*, *downloaden*, *uploaden* возникает основополагающий вопрос: являются ли они иностранными или заимствованными и частично ассимилированными лексемами? Для ответа на него стоит сказать несколько слов о заимствованиях вообще.

Заимствование – это языковой процесс, необходимый для пополнения лексического состава языка, позволяющий обозначать и выражать (а иногда и изобретать) новые реалии. Едва ли можно представить язык, который бы совершенно ничего не заимствовал [Ярцева 1969, с. 48]. Немецкий язык в силу географического положения страны по-настоящему никогда не был изолирован и впитывал различные новшества, а вместе с ними и новые лексемы. Постепенное накопление заимствованных и иностранных лексем в языке привело к тому, что повторяющиеся частотные морфемы стали переосмысливаться как возможные самостоятельные лексемы и начали соединяться с другими корнями или с другими аффиксами. Таким образом, в немецком языке возникло явление, получившее в современной лингвистике название «гибридное словообразование» (*hybride Wortbildung*). К изучению гибридного словообразования у существительных неоднократно обращались С. М. Панкратова [Панкратова 2008], Т. В. Пономарева [Пономарева 2001, 2006], Е. В. Розен [Розен 2000], В. С. Унагаев [Унагаев 2011]. Весомый вклад в изучение этого феномена внесли немецкие лингвисты В. Фляйшер, И. Барц [Fleischer, Barz 2012], Х. Х. Мунске [Munske 1988, 2009], П. О. Мюллер [Müller 2014] и другие. Следует отметить, что на данный момент наиболее полно освещена проблема гибридного словообразования и, прежде всего, словосложения у существительных, на которые приходится большая доля случаев проявления гибридизации в немецком языке. Практически без ограничений соединяются друг с другом эндогенные и экзогенные именные основы, образуя сложные существительные;

активно употребляются заимствованные из греческого и латинского языков префиксы.

По сравнению с существительными гибридное словообразование других частей речи (а это явление встречается у прилагательных и у глаголов) изучено мало. Это объясняется незначительным количеством случаев гибридизации прилагательных и глаголов, причем некоторые гибридные глаголы происходят от именных основ [Коротких 1980; Розен 2000].

Одной из трудностей при изучении гибридного словообразования является отнесение глаголов, образованных по схеме «заимствованная основа + суффикс *-(e)n*», к гибридным или иностранным. По-прежнему нет однозначного ответа на вопрос, какой статус имеет суффикс *-(e)n* – является ли он грамматическим, как утверждала М. Д. Степанова [Степанова 2007, с. 274], или это словообразовательный суффикс с ограниченной дистрибуцией [Fleischer, Barz 2012, с. 428–429]. Во втором случае значительно расширяется состав гибридных лексем немецкого языка: к ним следует относить и лексемы типа *klicken, checken, containern*, прошедшие грамматическую ассимиляцию. При этом для таких глаголов грамматическая ассимиляция является «само собой разумеющимся», нулевым этапом, без которого существование заимствованного глагола в немецком языке невозможно (этим немецкий глагол отличается от именных частей речи, которые могут не сразу включаться в немецкую систему склонения и длительное время сохраняют несколько параллельных форм). Мы относим подобные глаголы к заимствованным гибридным глаголам, прошедшим первый этап ассимиляции.

Основным способом словообразования немецкого глагола является префиксация, причем ее сравнивают с процессами гибридного словосложения, характерного для именных частей речи [Fleischer 2012; Duden Grammatik]. Причина заключается в том, что большинство немецких префиксов и полупрефиксов образованы от самостоятельных лексем и сохраняют понятное для носителя языка значение.

С заимствованными гибридными глаголами соединяются четыре немецких префикса: *ent-*, *miss-*, *ver-*, *zer-*, но встречаются они с различной степенью частотности. Редкими префиксами являются префиксы *miss-* и *zer-* (*missinterpretieren* – калька с английского глагола *to misinterpret* и *zerbomben* – разбомбить или разгромить,

«расстрелять» – в футболе: *Ronaldinho und Zlatan bitte Real zerbomben* [Austrian Soccer Board]). Более частотными являются префиксы *ent-* и *ver-* (*entkriminalisieren, entmilitarisieren, verbürokratisieren, versurfen*).

Модель «немецкий префикс + заимствованная основа» не так распространена в немецком языке, как случаи соединения заимствованной основы с немецкими полупрефиксами. Данные элементы, которые в немецкой лексикологии получили название глагольных частиц (*Verbpartikeln*), занимают переходное положение в морфологии и отчасти схожи с конфиксами. Большинство из них утратили взаимосвязь с теми лексемами, от которых они некогда произошли, и теперь не воспринимаются как элементы сложного слова. При этом об их полном превращении в связанные морфемы говорить еще рано, поскольку их семантика еще слишком прозрачна для носителей языка.

Функция глагольных полупрефиксов аналогична семантической функции префиксов, и так же как и префиксы, полупрефиксы могут обладать несколькими значениями, хотя при гибридном словообразовании они тяготеют к реализации лишь наиболее очевидного значения, восходящего к соответствующему предлогу. Например, полупрефикс *ab-*, для которого словарь указывает 7 различных значений [Словарь словообразовательных элементов ... 1979, с. 35–38], реализует только одно пространственное значение, связанное с отдалением, увеличением расстояния: *abmarschieren, abtransportieren*. Наиболее полно свои значения раскрывают частотные полупрефиксы немецкого языка, а именно: *auf-, aus-, ein-, nach-*. Например, полупрефикс *aus-* восходит к соответствующему предлогу, обладающему значением направленности изнутри наружу, проявляющемуся в таких примерах, как *ausmanövrieren, ausquartieren*, где *aus-* соединяется с глаголами движения из арго военных. Наиболее часто полупрефикс *aus-* реализует значение завершенности действия, например, *ausbalancieren, ausdiskutieren, ausprobieren, aussortieren*. С этим значением отчасти связано другое значение этого полупрефикса – оснащение и покрытие чем-либо, например, *ausbetonieren, ausfitten, auszementieren*.

Сегодня можно уже утверждать, что полупрефикс *aus-* используется для калькирования английских фразовых глаголов с частицей *out*, например, *ausknocken (to knock out), auschecken (to check out), ausloggen (to log out), aussourcen (to source out)*. В перечисленных

заимствованных глаголах полупрефикс реализует значение удаления, как и породивший его предлог. Такое разложение иностранной лексемы на морфемы и частичное калькирование возможно благодаря тому, что многие немцы владеют английским языком, и что элементы *aus* и *out* имеют синонимичные значения. Любопытно отметить и еще один глагол, образованный в немецком языке по схожей модели – *auspowern*. Однако его значение («выбиться из сил») соответствует не значению английского глагола *to overpower* («быть сильнее кого-либо»), а выражению *to be out of power*. Таким образом, глагол *auspowern* возникает не как калька, а как самостоятельный немецкий глагол, образованный из заимствованных словообразовательных элементов по правилам немецкого языка.

Вероятно, представление носителей немецкого языка о делимости английских слов приводит к расщеплению в немецком языке лексем *downloaden*, *uploaden*, *outsourcen* на префикс / полупрефикс и основу. Как мы уже отмечали, материалы современных немецкоязычных СМИ свидетельствуют о различных тенденциях к употреблению этих глаголов, однако в случае с лексемами *downloaden* и *uploaden* можно говорить о тяготении к отделению начального элемента в форме второго причастия (Partizip II): *downgeloadet* – 110, *gedownloadet* – 42; *upgeloadet* – 30, *uploadet* – 4, *geuploadet* – 5 (4 из источника Wiki-Forum). Форма первого лица единственного числа колеблется в написании: *Ich downloade Musik / Ich loade Musik down, Ich uploade meine Fotos*. К какому виду морфем относить элементы *down-*, *up-* и *out-* (в глаголе *outsourcen*)? С одной стороны, эти словообразовательные элементы сохранили значения тех лексем, от которых они произошли в немецком языке, и не употребляются в немецкой речи в переносном значении. Кроме того, носители языка, хотя и колеблются при их написании, предпочитают раздельное написание в форме второго причастия. Иными словами, данные словообразовательные элементы обладают чертами, присущими полупрефиксам, причем полупрефиксам с пространственным значением [Eichinger 1989, с. 250]. Это косвенно подтверждает наличие более употребительной параллельной формы к глаголу *downloaden* – *herunterladen* (более 10 000 употреблений). Чаще всего гибридные глаголы образуются от заимствованных основ с помощью полупрефиксов, имеющих значение направления (*heranspazieren*,

herausinterpretieren, herbeiorganisieren) и образованных от наречий. Это именно та модель, по которой образованы глаголы *downloaden, uploaden, outsourcen* с той лишь разницей, что вместо немецкого наречия места / направления в них использованы аналогичные английские элементы.

При этом есть несколько причин усомниться в правильности такой классификации. Во-первых, глаголы, будучи употребленными в первом лице единственного числа, пишутся слитно, как если бы рассматриваемые элементы были префиксами. Во-вторых, мы не можем с уверенностью утверждать, что носители немецкого языка распознают значение, которое имеют эти словообразовательные элементы в английском языке: всё же степень владения английским языком в Германии не так велика, чтобы среднестатистический носитель со школьными знаниями разбирался в нюансах английской лексикологии и морфологии. И, наконец, частотная параллельная форма не присуща глаголу *uploaden*: она существует (*hinaufladen*), но употребляется крайне редко (всего 20 случаев в DeReKo).

Видимо, приходится признать, что в случае с этими глаголами, равно как и в случае с глаголом *outsourcen / aussourcen* речь идет о пограничном случае, т. е. мы наблюдаем незавершившийся процесс перехода полупрефикса в префикс, что, безусловно, не может не вызвать интерес не только лексикологов, но и историков языка, изучающих причины возникновения полупрефиксов.

Предполагается, что в немецком языке полупрефиксы возникли вследствие изменения порядка слов при распаде единого индоевропейского языка, когда началась эволюция структуры предложения. Вероятно, ядро предложения в этот период можно описать по схеме S-O-v, где S – это субъект, O – объект и v – глагол, причем между объектом и глаголом возникают послелогии, позднее эволюционировавшие в наречия. Если в общегерманском праязыке, где структура предложения уже изменилась на современную (S-v-O), лексемы, обозначающие пространственные отношения, еще являлись самостоятельными, то в немецком языке они превращаются в добавочный элемент грамматической формы [Калинина 2006, с. 50–51]. Полупрефиксы – это реликты перехода от одной структуры предложения к другой. С одной стороны, их эволюция в префиксы отражает новый структурный тип предложения с глаголом на втором месте; с другой стороны, многие

полупрефиксы сохраняют свою наречную природу и потенциал к правовалентному присоединению. Английский язык также отражает эту двойственность, так как в английских фразовых глаголах сохраняется система частиц, употребляемых после глагола (послелогов). Примерами могут служить приведенные выше глаголы с *out-*: *to knock out*, *to check out*, *to source out*. Как мы видим, при заимствовании в немецкий язык послелого переосмысливаются как полупрефиксы, но в речи нередко сохраняют свое расположение после глагола (*Ich knocke aus*, *Er checkt aus*, *Wir haben ausgesourct*).

Таким образом, при изучении глаголов типа *downloaden*, *uploaden*, *outsourcen* мы имеем дело с переходом от английской словообразовательной системы (наречия зафиксировались при глаголах в качестве послелогов) к словообразовательной системе немецкого языка, где наречия прошли путь от самостоятельных лексем к префиксам и полупрефиксам. Причем этот переход можно наблюдать не в диахронии, исследуя комплекс исторических источников, часто не сохраняющих живую речь носителей, а в синхронии, «здесь и сейчас».

При проникновении в немецкий язык рассматриваемые заимствованные элементы (или их кальки) переосмысливаются в соответствии с тем положением, которое они занимают в языке-доноре. При этом даже те элементы, которые входят в немецкий язык в качестве составной части лексемы, воспринимаются как отделяемые. Это происходит под влиянием структуры немецкого языка, в рамках которой существуют омонимичные полупрефиксы и самостоятельные лексемы. Таким образом, префиксы *down-*, *up-* и *out-* мыслятся в контексте существования в английском языке фразовых глаголов, где они употребляются как послелогов. Их положение в качестве послелогов переосмысливается в соответствии со структурой немецкого языка – они превращаются в полупрефиксы. Однако в рассмотренных материалах можно наблюдать колебания в употреблении данных элементов: слитное и раздельное написание в личных формах (*Ich downloade* / *Ich loade down*, *er uploadet*, *wir outsourcen*) и раздельное написание в форме второго причастия (*Ich habe downgeloadet*, *er upgeloadet*, *wir haben outgesourct* / *outsourct*). Это свидетельствует о том, что все-таки данные словообразовательные элементы еще не окончательно встроились в систему немецкого словообразования, что подтверждает нашу гипотезу о существовании промежуточной

гибридной системы (или подсистемы) словообразования наравне с собственно эндогенной и экзогенной словообразовательными системами [Жилюк 2014].

Таким образом, гибридная словообразовательная система, или подсистема, является вспомогательным механизмом, облегчающим ассимиляцию иностранного слова в языке-реципиенте. Иностранные глаголы, проникающие в немецкий язык, сначала классифицируются как лексемы, относящиеся именно к этой системе, и интегрируются в систему спряжения. После первичной грамматической ассимиляции происходит ассимиляция морфологическая, в ходе которой заимствованный глагол расчленяется на морфемы; на данном этапе возможно отнесение начального элемента к отделяемым приставкам. Наконец, глагол проходит лексическую ассимиляцию, при которой его отделяемая приставка может быть заменена немецкой с синонимичным значением.

Наблюдения за развитием заимствованных лексем в немецком языке позволяет уточнить устоявшееся в науке представление об этапах ассимиляции иностранной лексики в языке-реципиенте, расчленив грамматический этап ассимиляции на собственно грамматический и морфологический, а также дополнительно выделить лексический этап ассимиляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жилюк С. А.* Экзогенное словообразование как особая система словообразования в немецком языке // Вестник Волгоградского университета. Серия 2: Языкознание, 2014. С. 60–68.
- Зиндер Л. Р., Строева Т. В.* Современный немецкий язык. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1957. 420 с.
- Калинина Е. Э.* К вопросу о генезисе отделяемых приставок // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки, 2006. С. 47–51.
- Панкратова С. М.* Системность в развитии словарного состава современного немецкого языка // «...За каждым словом стоит целый мир» : сборник научных статей. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. С. 7–14.
- Пономарева Т. В.* Проявление тенденции к интернационализации в немецком словосложении // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2001. С. 25–31.

- Пономарева Т. В.* Проявление тенденции к интернационализации лексики в немецком именном словопроизводстве // Материалы XXXV Международной филологической конференции. Лексикология и фразеология (немецко-романский цикл). В. 2, ч. 2. СПб., 2006. С. 47–54.
- Розен Е. В.* На пороге XXI века. Новые слова и словосочетания в немецком языке. М. : Менеджер, 2000. 192 с.
- Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / Зуев А. Н., Молчанова И. Д., Мурашов Р. З. и др. ; под рук. и с предисл. М. Д. Степановой. М. : Русский язык, 1979. 537 с.
- Степанова М. Д.* Теоретические основы словообразования в немецком языке. М. : Высшая школа, 1984. 264 с.
- Степанова М. Д.* Словообразование современного немецкого языка. М. : КомКнига, 2007. 378 с.
- Степанова М. Д.* Лексические и словообразовательные средства организации текста: на материале художественной литературы // Лингвистические проблемы текста : сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1983. Вып. 217. С. 107–114.
- Унагаев В. С.* Словообразование в лексике авиации и космоса (на материале немецкоязычной прессы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2011. Вып. 1. С. 140–146.
- Ярцева В. Н.* Развитие национального литературного английского языка. М., 1969. 268 с.
- Austrian Soccer Board. URL : www.austriansoccerboard.at/topic/42131-acmilan/?page=148 (дата обращения: 20.09.2017).
- Cosmas II. URL : www.ids-mannheim.de/cosmas2/ (дата обращения: 20.09.2017)
- Duden Grammatik. 7., völlig neu erarbeiteten und erweiterten Auflage. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich : Bibliogr. Inst. & F. A. Brockhaus AG, 2006. 1343 с.
- Duden. URL : www.duden.de/ (дата обращения: 20.09.2017).
- Eichinger L. M.* Raum und Zeit im Verbwortschatz des Deutschen. Tübingen : Narr, 1989. 436 S.
- Eisenberg P.* Die grammatische Integration von Fremdwörtern. Was fängt das Deutsche mit seinen Latinismen und Anglizismen an? // Stickel G. (Hrsg.). Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz. Aktueller lexikalischer Wandel. Institut für Deutsche Sprache Jahrbuch 200. Berlin / New York : De Gruyter, 2001. S. 61–76.
- Finanztip. URL : www.finanztip.de/blog/zwei-monate-schnelles-telekom-surfengeschenkt/ (дата обращения: 20.09.2017).
- Fleischer W., Barz I.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Berlin / Boston : de Gruyter, 2012. 484 S.

- Freese P.* Political Correctness: Zum Umgang mit der Sprache in einer globalisierten Welt // Paderborner Universitätsreden. Paderborn : Druckwerkstatt Niesel und Partner GbR, 1999. 24 S.
- Gosmann K.* Pidgin im Reiseprospekt – die Sprache der TUI in den FreeWorld-Katalogen // Denglisch. Nein, danke! Zabel H. (Hrsg.). Paderborn : IBF-Verlag, 2003.
- Merriam-Webster Dictionary. URL : www.merriam-webster.com/dictionary (дата обращения: 20.05.2018).
- Munske H. H.* Was sind eigentlich ‘hybride’ Wortbildungen // Müller P. O. (Hrsg.) Studien zur Fremdwortbildung. Hildesheim, Zürich, New York : Georg Olms Verlag, 2009.
- Müller P. O.* Foreign word-formation in German / Müller P. O., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer F. (eds.) Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe. Berlin / Boston : de Gruyter, 2014. 545 S.
- Nübling D.* Historische Sprachwissenschaft des Deutschen. Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwechsels. Tübingen : Narr, 2013.
- Polenz P.* Deutsche Sprachgeschichte von Spätmittelalter bis zur Gegenwart. 4 Bd. Berlin / New York : de Gruyter, 1994.
- Seiler F.* Die Entwicklung der deutschen Kultur im Spiegel des deutschen Lehnworts. 4 Bd. 4. Aufl. Vero Verlag, 2014.

УДК 81'34

Л. М. Карпова, Е. А. Калашникова

Карпова Л. М., кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой фонетики немецкого языка МГЛУ;
e-mail: larissa-karpova@yandex.ru

Калашникова Е. А., кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики немецкого языка МГЛУ;
e-mail: elk99@mail.ru

К ВОПРОСУ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ОРФОЭПИЧЕСКОЙ НОРМЫ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Процесс кодификации устной немецкой речи, как известно, берет свое начало в XIX в. Проблеме соотношения орфоэпической нормы и ее варьирования посвящены многочисленные фонетические исследования, самые фундаментальные из которых легли в основу словарей произношения в период с XIX по XXI вв. Первые издания словарей основывались на моноцентрическом подходе к определению устной нормы. Однако эмпирические исследования устной немецкой речи выявляют существенные различия между кодифицированными нормами произношения и их реализацией в различных сферах общения. В актуальной на сегодняшний день кодификации немецкого произношения прослеживается полицентрический взгляд на орфоэпическую норму, определивший ее либерализацию. Примером современного подхода к кодификации устной речи служит изданный в 2009 г. словарь немецкого произношения *Deutsches Aussprachewörterbuch*, при подготовке которого анализировался массивный корпус записей речи дикторов новостей и участников ток-шоу. Особенностью новой кодификации стало выделение и подробное описание трех вариантов орфоэпической нормы в зависимости от степени артикуляционной четкости. Произошла кодификация явлений, которые до этого считались узусом.

Ключевые слова: орфоэпическая норма; фоностистика; кодификация произношения.

L. M. Karpova, E. A. Kalashnikova

Karpova L. M., PhD. (Philology), Head of Department of Phonetics
of the German Language, Faculty of the German Language, MSLU;
e-mail: larissa-karpova@yandex.ru

Kalashnikova E. A., PhD. (Philology), Associate Professor,
Department of Phonetics of the German Language,
Faculty of the German Language, MSLU; e-mail: elk99@mail.ru

ON THE ISSUE OF THE LIBERALIZATION OF THE ORTHOEPIC NORM OF THE GERMAN LANGUAGE

The process of codification of oral German speech, as is well known, dates back to the 19th century. Numerous phonetic studies are devoted to the problem of the

correlation between the orthoepic norm and its variation, the most fundamental of these studies have formed the basis of pronunciation dictionaries from the 19th to the 21st centuries. The first editions of dictionaries were based on a monocentric approach to the definition of the oral norm. However, empirical studies of oral German speech reveal significant differences between the codified norms of pronunciation and their implementation in various fields of communication. In today's codification of German pronunciation there is a polycentric view on the orthoepic norm that determined its liberalization. One of the examples of modern approach to the codification of oral speech is the German pronunciation dictionary *Deutsches Aussprachewörterbuch* that was published in 2009; for that to prepare a massive corpus of speech recordings of news announcers and talk show participants had been analyzed. A feature of the new codification was the allocation and detailed description of three options of the orthoepic norm, depending on the degree of articulation clarity. There was a codification of the phenomena that were previously considered *usus*.

Key words: orthoepic norm; phonostilistics; pronunciation codification.

Проблема соотношения орфоэпической нормы и ее варьирования находится на повестке дня фонетических исследований уже более ста лет.

Процесс кодификации устной немецкой речи, как известно, берет свое начало в XIX в. Так, еще в 1803 г. Й. В. Гете в своей работе «*Regeln für Schauspieler*», указывает на необходимость владения актерами «чистым произношением», которое не «оскорбляет слух зрителей» [Goethe 1982, с. 252].

С объединением Германии в 1871 г. и введением единой орфографической нормы вопрос о выборе основы произношения стал еще актуальнее.

Существовали три точки зрения на эту проблему. Первую точку зрения высказал председатель Германского союза по сохранению и нормированию языка (*der Deutsche Sprachverein*) Карл Эрбе. В качестве основы орфоэпической нормы предлагался швабский произносительный вариант. Однако эта концепция не получила поддержки ввиду отсутствия в то время в Германии столичного центра, играющего основную культурно-политическую роль.

Вильгельм Фиетор, представитель другого направления, предложил рассматривать в качестве основы орфоэпической нормы произношение образованных слоев населения независимо от региональной принадлежности.

Для осуществления данной цели ученым был проведен крупномасштабный эксперимент, состоящий в анкетировании предполагаемых носителей по всей объединенной Германии (Прусской монархии).

В проводимом эксперименте В. Фиетора интересовало не просто произношение отдельных звуков, принятое в данной местности, но и соответствующая артикуляционная база (степень энергичности артикуляции), темп речи, акцентуация. В разных условиях – при чтении вслух и бытовом диалоге.

На основе проведенных исследований был составлен первый немецкий словарь произношения с транскрипцией, содержащий свыше четырех тысяч единиц. Это был первый системный научно обоснованный справочник по немецкому произношению [Viëtor 1885].

Однако концепция В. Фиетера не получила статус обязательной нормы. Предпочтение было отдано третьему варианту – речи, звучащей со сцены нижненемецких театров.

Данный вариант произношения получил признание благодаря немецкому лингвисту Теодору Зибсу, под руководством которого был осуществлен соответствующий проект, инспирированный в ходе опроса театральных деятелей большинства областей Германии. Проект снискал также поддержку немецких филологов, деятелей культуры, школьных учителей. Результатом этой работы стал изданный Теодором Зибсом в 1898 г. труд «Deutsche Bühnenaussprache». Он представлял собой полный свод правил немецкой фонетики [Siebs 1898].

В этом же году Германский Театральный союз (der Deutsche Bühnenverein) на своем итоговом заседании официально рекомендовал этот труд в качестве руководства по немецкому произношению. Отметим, что только в издании 1908 г. появилось приложение, содержащее транскрипцию.

Сам Т. Зибс считал своей основной заслугой фиксацию существующей нормы, а не конструирование новой. Следует отметить, что транскрипция слов давалась в условиях их изолированного произношения, с наибольшей четкостью, в расчете на удаленного слушателя.

В начале XX в. возросло число сторонников расширения сферы использования руководства Т.Зибса на литературу и школьное образование, что нашло свое отражение в вышедшем в 1922 г. 13-м издании, заглавие которого теперь звучало как «Deutsche Bühnenaussprache. Hochsprache» [Siebs 1922].

Со временем стали назревать неизбежные противоречия между зафиксированной (кодифицированной) и реально употребляемой нормами.

Несколько лет спустя, после Второй мировой войны, Германский комитет по теории и культуре устной речи (*der Deutsche Ausschuss für Sprechkunde und Sprecherziehung*) решил отразить в дальнейших изданиях произошедшие со временем изменения произносительной нормы. Была образована рабочая группа из фонетистов университетов Йены и Галле. Были детально разработаны предложения по модификации звуков. Однако значительной переработке словарь подвергся лишь ко времени 19-го издания, но и здесь бóльшая часть противоречий не нашла разрешения.

По новому пути, отличающемуся от подхода Т. Зибса, пошла группа ученых во главе с Гансом Крехом, чьи исследования по орфоэпии легли в основу новой концепции. Была поставлена цель создать словарь общеупотребительного немецкого произношения. Предполагалось значительно расширить словарный фонд, представить транскрипцию по результатам экспериментальных исследований, заменить «театральную» основу нормы на речь профессиональных дикторов с учетом ситуативного и, по возможности, эмоционального контекстов, обусловленных коартикуляционно и стилистически.

Во главу угла ставились связность и естественность высказываний. Экспериментальным корпусом исследований стали радиопередачи. В качестве основных текстов были выбраны новости, чтение вслух материалов научной и научно-популярной направленности, чтение прозы, стихов, а также радиопьесы. Таким образом, образовалась довольно широкая выборка различных реализаций литературного произношения.

Полученные результаты были соотнесены с различными формами коммуникации и жанрами. Тем самым были заложены начальные предпосылки системных исследований фоностилистических дифференциаций.

Новая норма была зафиксирована в «*Wörterbuch der deutschen Sprache*» (WDA) в 1964 г.; авторами стали Э.-М. Крех, Э. Шток и др.

В 1982 г. вышло уже расширенное издание WDA – «*Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache*» (GWDA). В обоих словарях были подробно описаны звуковые модификации, свойственные слитной речи. Главным редактором GWDA стала Урсула Штётцер [GWDA 1982].

Еще до появления первого издания WDA в 1962 г. в издательстве DUDEN под редакцией Макса Мангольда вышел словарь

произношения. Его отличало большое количество словарных единиц, снабженных транскрипцией. Хотя за основу была взята сценическая речь, были также учтены особенности влияния СМИ на произношение, в частности появилось большое количество заимствованных слов [Duden 1962].

Последователи Конрада Дудена, не имея собственных результатов эмпирических исследований, опирались на соответствующие материалы WDA. В последних изданиях словаря они отказались рассматривать сценическое произношение в качестве основы орфоэпической нормы, выделив его в отдельную категорию. Вместо «*Bühnenaussprache*» появилось понятие «*Standardaussprache*» – литературное произношение, которое используется во всех ситуациях общения [Duden 1990].

Примером современного подхода к кодификации устной речи и, соответственно, либерализации нормы служит изданный в 2009 г. словарь немецкого произношения «*Deutsches Aussprachewörterbuch*» (DAWB), который изначально задумывался как продолжение словаря GWDA. Его основными авторами являются представители известной фонетической школы Университета им. Мартина Лютера (г. Галле): Еберхардт Шток, Урсула Хиршфельд, Эва-Мария Крех и др. [DAWB 2009].

Каковы же были предпосылки последней кодификации произношения?

Примерно с середины 80-х гг. XX в. немецкий язык получает статус полицентрического языка. Это означает, что немецкий литературный язык и, соответственно, орфоэпическая норма имеют несколько «равноправных» центров не только на территории Германии, но и в немецкоговорящих странах, где немецкий язык имеет статус государственного языка, а именно – в Австрии и Швейцарии. Это так называемые национальные варианты немецкого языка – *Varietäten*. Данный подход явился одной из предпосылок разработки новой кодификации. Подробное описание произносительной нормы австрийского и швейцарского немецкого – характерная особенность нового словаря.

Необходимость новой кодификации была обусловлена в том числе тем, что в языке в достаточно большом объеме произошли фонетические изменения, реализации которых носили спорный характер.

Как известно, произносительная норма характеризуется отсутствием диалектальных и региональных вариантов, тем не менее она не представляет собой единую неизменяемую систему, а реализуется в зависимости от сферы употребления и ситуации общения (от торжественной речи в актовом зале до частной беседы). Непринужденная ситуация общения в ток-шоу по сравнению с чтением новостей способствует вариативности таких просодических характеристик, как темп, паузы, мелодические рисунки, что в свою очередь влияет на четкость произношения.

Таким образом, учет фоностилистических различий в произносительной норме обеспечивает связь употребительной нормы с кодификацией.

Экспериментальный корпус исследования, проводимого непосредственно для проекта, составили записи дикторов новостей и участников ток-шоу. Оба жанра относятся к публичной речи. Разница данных жанров устной речи определяется одним из ведущих экстралингвистических факторов, а именно – степенью подготовки речи (чтение и спонтанная речь), а также обстановкой – официальной и неофициальной.

В проекте приняли участие 1600 аудиторов, относящихся к разным возрастным и социальным группам, задача которых заключалась в том, чтобы определить наиболее естественные и адекватные произносительные реализации в предложенных ситуациях общения. Проведенный анализ представляет собой актуальное социофонетическое исследование.

Изменения, которые были зафиксированы аудиторами, оказались настолько значительными, что потребовалась разработка новой концепции кодификации произношения и создания принципиально нового словаря произношения.

Особенностью новой кодификации стало выделение и подробное описание трех вариантов орфоэпической нормы. За основу выделения была принята артикуляционная четкость, которая выражается в частотности употребления и разнообразии модификаций звуков, а также в вариативности интонационного оформления фраз. В новом словаре для каждого варианта произносительной нормы выявлены и подробно описаны типичные фонетические маркеры, такие как твердый приступ гласных, редукция гласных, придыхание, виды

ассимиляций согласных, фонетические явления фрикатизации, фортизации, ленизации, употребление аллофонов согласного «г», вокализация согласного «г».

Были внесены также изменения в транскрипцию. Так, в результате проведения тщательного спектрального анализа дифтонгов были зафиксированы их реализации, отличные от привычной звуковой записи: [aɛ]; [ɔœ]; [aɔ].

В заключение подчеркнем, что первые издания словарей произношения основывались на моноцентрическом подходе к кодификации устной речи. Учет звуковых модификаций в трех вариантах современной произносительной нормы являет собой яркую иллюстрацию полицентрического подхода, предполагающего антропоцентричность, которая в конечном счете является решающим фактором, обуславливающим либерализацию орфоэпической нормы немецкого языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- DAWB: Krech E.-M. et al. Deutsches Aussprachewörterbuch. Mit Beiträgen von Walter Haas, Ingrid Hove, Peter Wiesinger. Unter Mitarbeit von Ines Bose, Uwe Hollmach, Baldur Neuber. Berlin u.a. : Verlag Walter de Gruyter, 2009. 1076 s.
- Duden: Der große Duden. Bd. 6: Duden Aussprachewörterbuch. Bearb. v. Max Mangold. Mannheim u.a. : Bibliographisches Institut, 1962. 827 S.
- Duden: Der große Duden. Bd. 6: Duden Aussprachewörterbuch. Wörterbuch der deutschen Standardaussprache. Bearb. v. Max Mangold in Zusammenarbeit mit der Dudenredaktion. 3., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim u.a. : Bibliographisches Institut, 1990. 798 S.
- Goethe J. W. von.* Goethes Werke: Hamburger Ausgabe in 14 Bänden. Bd. 12: Schriften zur Kunst. Schriften zur Literatur. Maximen und Reflexionen. Hrsg. Von Erich Tunz. 10. Auflage. München : C.H. Beck, 1982. 805 S.
- GWDA: Krech E.-M. et al. (Hg.) Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig : Bibliographisches Institut, 1982. 599 S.
- Siels Th.* Deutsche Bühnenaussprache. Bonn : Verlag von Albert Ah, 1898. 264 S.
- Siels Th.* Deutsche Bühnenaussprache – Hochsprache. Bonn : Verlag von Albert Ahn, 1922. 261 S.
- Viëtor W.* Die Aussprache der in dem Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung zum Gebrauch in den preußischen Schulen enthaltenen Wörter. Heilbronn : Verlag von Gebr. Henninger, 1885. 404 S.
- WDA: Krech H. et al. (Hg.) Wörterbuch der deutschen Aussprache. Leipzig : Bibliographisches Institut, 1964. 549 S.

УДК 811.11

М. М. Кондратенко

кандидат филологических наук, доцент;
доцент кафедры теории языка и немецкого языка
факультета иностранных языков Ярославского государственного
педагогического университета им. К. Д. Ушинского;
e-mail: mmkondratenko@gmail.com

ЛЕКСИКА НАРОДНОЙ ДЕМОНОЛОГИИ В ЮЖНОНЕМЕЦКИХ ГОВОРАХ¹

В статье обобщаются исследования в области наименований персонажей немецкой народной демонологии в лексике и фразеологии восточнофранкских и среднебаварских говоров, а также их роли в традиционной культуре Баварии и альпийской Австрии. Выбор именно диалектных данных обусловлен тем, что исследование в рамках языкового микроузла, который представляет собой группа говоров, позволяет более точно стратифицировать этнолингвистические явления и тем самым повысить системность и достоверность выводов. Лексический и фразеологический материал, представленный картотекой Баварского словаря в части восточнофранкских говоров, а также данные диалектных словарей и монографий, посвященных традиционной культуре изучаемого региона, показали, что персонажи низшей мифологии в этом регионе амбиваленты и могут, в зависимости от соблюдения или нарушения людьми традиционных предписаний, оказывать положительное или негативное воздействие на их жизнь. Одно из центральных мест в народной мифологии юго-восточного ареала немецких говоров занимает Перхта / Берхта, в образе которой синтезируются различные народные представления об устройстве мира и о необходимых действиях и правилах для поддержания надлежущего жизненного порядка. Этот южнонемецкий по происхождению персонаж низшей мифологии очень значим и заимствовался в соседние славянские языки. Собранный материал позволил выделить центральную (альпийскую) зону его бытования, включающую максимальный набор существенных признаков, и периферийные зоны, где эти признаки редуцируются. Наряду со специфическими образами данные южнонемецких диалектов представляют в традиционной культуре жителей этого региона также древние архетипы, общие со славянами и балтами.

Ключевые слова: этнолингвистика; немецкая диалектология; мифология; диалект и традиционная культура; семантическая реконструкция.

---

¹ Статья выполнена в рамках научного проекта «Лексика народной мифологии Баварии как источник сопоставительных славяно-германских этнолингвистических исследований», реализуемого в исследовательском центре «Немецкий язык в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе» университета г. Регенсбург (Германия) при поддержке Германской службы академических обменов (DAAD).

M. M. Kondratenko

Ph.D. (Philology), Associate Professor at the German Department,
Yaroslavl State Pedagogical University named after Ushinsky;
e-mail: mmkondratenko@gmail.com

LEXICON OF NATIONAL DEMONOLOGY IN THE SOUTH GERMAN DIALECTS

The article represents the experience of generalization of research in the field names of the characters of German folk demonology in the vocabulary and phraseology of the upper German dialects, as well as their role in the traditional culture of Bavaria and Alpine Austria. The lexical and phraseological material presented by a card file of the Bavarian dictionary also data of the dialect dictionaries and monographs devoted to the traditional culture of the studied region have showed that characters of the lowest mythology of an ambivalent also can, depending on observance or violation by people of traditional prescriptions, to make positive or negative impact on their life. One of the central places in national mythology of a southeast area of the German dialects is occupied by Perkhta / Berkhta in whose image various national ideas of a peace arrangement and of necessary actions and rules for maintenance of the correct vital device are synthesized. This South German by origin the character of the lowest mythology very much we mean and it was borrowed in the next Slavic languages. Collected material has allowed to allocate the central (Alpine) area of his existing including the maximum set of essential signs and peripheral where these signs are reduced. Along with specific images, data of the Upper German dialects represent in the traditional culture of inhabitants of this region also ancient archetypes, the general with Slavs and Balts.

Key words: ethnoлингuistics; German dialectology; mythology; dialect and traditional culture; semantic reconstruction.

Наименования персонажей низшей мифологии – один из важнейших пластов лексики, представляющих благодаря символической составляющей своей семантики традиционную духовную культуру народа. В этом отношении словарный состав говоров является бесценным источником сведений об особенностях этой культуры. Чтобы получить более достоверную картину традиционных для этнографической группы нравов и обычаев, целесообразно проводить исследование на основании материалов, предоставляемых определенным диалектным микроузлом, а не совокупностью диалектов национального языка. Это позволяет воспроизвести реально существующую (или существовавшую ранее) систему народных представлений о внутреннем и внешнем мире человека. Таковыми микроузлами можно считать некоторые южнонемецкие говоры, например

средневосточнофранкские (район Нюрнберг-Эрланген-Ансбах в северной части Баварии) и среднебаварские (распространенные в южной части этой административной единицы Германии, а также в Австрии, в частности в регионе Зальцкаммергут).

Названия персонажей низшей мифологии, к которым относятся демони́мы, можно отнести к одной из следующих групп: демонические существа (Perchta, Teufel / Перхта, дьявол), антропоморфные (мужские – Waldmann, Wassermann / водяной; женские – Waldweibchen / лесная женщина), антропозооморфные (Werwolf / оборотень), существа-духи (Wilde Jagd), устрашающие образы (Feuermänchen / огненный человечек), зооморфные существа (Hund / собака, Katze / кошка).

Одним из самых распространенных персонажей низшей мифологии на территории юго-восточного массива верхненемецких диалектов (восточнофранкских и среднебаварских) является Perchta (Перхта). Показателем важности этого образа может служить факт заимствования как самой демонической фигуры в народную культуру южных и западных славян, так и ее обозначения в соседние славянские диалекты, чешские и словенские. Для нижненемецкой диалектной области Перхта не характерна, что подтверждается отсутствием подобного заимствования в польских и лужицких говорах. По данным немецких диалектологов, Перхта и связанный с ней круг представлений относятся к ареалу, охватывающему баварскую, швабскую, тюрингскую, эльзасскую зоны, а также территории Австрии и Швейцарии [Andree-Eysn 1905, с. 4].

В восточнофранкских говорах мы встречаем такие обозначения этого мифологического персонажа, как *Eiserne Berta* – «железная Берта» (что касается вариантов произношения, то чередование глухого и звонкого *p/b* являются обычной фонетической характеристикой этих говоров). В роли характерного внешнего признака, положенного в основу наименования (как и для *Kettenberta* «цепная Берта»), выступают железные цепи; кроме того, ей приписывают железный нос и одеяние из гороховой или другой соломы [Strassner 1964, с. 351, 353]. Перхта появляется перед людьми обычно в сопровождении своей свиты (*das wilde Heer, wilde Jagd*).

Считается, что Перхта – это образ, свойственный прежде всего немецкоязычному альпийскому региону, совпадающему с территорией среднебаварских говоров. Поэтому для полного представления

о культе этого мифологического персонажа необходимо обратиться к материалу, восходящему к народным традициям альпийской части Австрии, где Перхта является одним из центральных образов рождественского цикла праздников. Для крестьян горных окрестностей Зальцбурга день 1 января был исключительно датой церковного календаря. Старый год для них заканчивался в Рождество, а новый начинался 6 января, в так называемый высший, главный день (*der oberste Tag*) или день Перхты (*Perchtentag*); ночь накануне получала наименование *Percht-* или *unheimliche Nacht* (ночь Перхты или «страшная» ночь). Этимология имени *Perchta* / Перхта до сих пор остается не до конца выясненной. Одна из первых авторитетных точек зрения принадлежит Якобу Гримму, который усматривал связь между названным выше персонажем и древней богиней света (*Perahtha*), которая под влиянием христианства трансформировалась в демонический образ [Grimm 1854, с. 250]. Поскольку появление Берты / Перхты относится главным образом к периоду зимнего солнцеворота, к началу увеличения светлого времени суток и к приближению весны, то такое объяснение происхождения представляется заслуживающим внимания. Имя *Perchta* в любом случае является древним, поскольку в форме *Giperchtemnacht* оно зафиксировано в одном из глоссариев, относящихся к самому концу первого тысячелетия новой эры, и приведено в баварском словаре Шмеллера [Schmeller 1872, с. 269].

В альпийской зоне Перхту отличает дуализм форм ее проявления и функциональная амбивалентность, что подчеркивается в системе обрядности, проявляющейся в шествиях людей, переодетых в Перхт, в рождественский период. Выделяются две разновидности Перхт: «безобразная» Перхта (*Schiahperchta*, производное от глагола *scheuchen* – пугать, прогонять) и «прекрасная» Перхта (*schöne Perchta*). В начале рождественского цикла является более страшный персонаж, затем, к концу святок, ей на смену-приходит положительный. К *Schiahperchten* относятся Крампусы (*Krampusse*, *Kramperln*) и другие злые демоны (черты и пр.). Их функции в системе народных представлений подчеркивают характерные внешние признаки, а именно сочетание трех цветов: черного, белого и красного. Как правило, «безобразные» Перхты одеты в черное с белыми деталями и демонстрируют красный язык. Эти цвета символизируют смерть, рождение нового и жизнь, соответственно [Zerling, Schweiger 2005,

с. 27]. Характерным признаком крампуса являются настоящие рога горного козла, которые не только ассоциируются с чертом, но и являются знаком силы и плодородия.

На смену «злым, безобразным» Перхтам приходят «прекрасные». Одна из разновидностей последних – трестерпер (*Tresterer*, от глагола *trestern* – топать). Своим танцем они прогоняют злые силы в темноту, откуда эти силы пришли. Для их облика также характерно сочетание черного, белого и красного: черные кожаные брюки, белые чулки и высокая конструкция на голове (превышающая рост человека) ярко-красного цвета. Эта конструкция, кроме того, украшается серебряными цепочками, часами, монетами.

Другим видом «хороших» Перхт являются «зеркальные» Перхты (*Spiegelperchten*). Зеркало в их головном уборе, по народным представлениям, олицетворяет жизненную правду, чистоту и борьбу со злом. Обращение к истории обозначения зеркала в немецком языке позволяет увидеть два варианта семантической мотивации его наименования: *speculum* из латинского языка и *skuggwa* из готского. Если в первом случае мы сталкиваемся с производным от глагола со значением *смотреть*, то во втором семантической основой обозначения является понятие «тень»: двн. *scû-kar* «Schattenbehälter» (хранилище теней) [Kluge 1910, с. 433], т. е. здесь наблюдается важный признак потустороннего мира, населенного злыми силами. В зеркале зло может увидеть себя. Зеркальное отображение и тень как символы потустороннего мира и демонических сил известны не только немецкой традиционной культуре. В новгородских говорах русского языка отмечен такой персонаж, как *тень* в функции, аналогичной действиям южнонемецкой ведьмы: «тень наваливается, руки за голову загнет и ноги в кресты, как прижмет (во сне)» [Словарь русских народных говоров 2011, с. 41].

Противодействие злых и добрых сил проявляется также в том, что в шествиях «безобразных» Перхт отмечены случаи появления дополнительных участников, не входивших в их заранее подготовленный состав. Таким произвольно присоединившимся людям, переодетым аналогично другим участникам процессии, грозит избиение, поскольку их считают посланниками дьявола. Спутником «прекрасной» Перхты является женщина-подмастерье (*Gesellin*), которую изображает переодетый молодой человек. Также в свите присутствуют два

персонажа (*Lustigmacher*), которые наносят женщинам и девушкам, к которым они дружелюбно настроены, шуточные удары коровьим хвостом, набитым песком, или мешком из холста с паклей внутри [Andree-Eysn 2005, с. 12, 21]. Они могут кидать женщинам привязанную к шнуру куклу, изображающую ребенка. Шествие «прекрасных» Перхт часто сопровождают «безобразные», злые. При этом «прекрасные» ведут себя спокойно, а злые – шумят, используя колокольчики, пастушьи рожки, свистки и пр. Хорошие Перхты не требуют себе даров, но хозяин дома, мимо которого проходит шествие, обычно их угощает. Если предшествующие танцы злых Перхт исполняются только молодыми людьми, то в роли добрых выступают и более старшие, уже женатые мужчины.

Другим источником информации о народных представлениях, связанных с Перхтой, являются устные предания. В «реальной жизни» Перхту сопровождает ее свита (*die wilde Jagd*), в которую входят ведьмы, летящие на метлах, звери без головы, дети, умершие некрещеными, и другие персонажи. Перхта может быть как злой, так и доброй силой.

Если она зла, то противодействовать ей может собака с двумя светлыми пятнами над глазами (дополнительные два «глаза»). Согласно легенде, Перхта погналась за одним парнем, встретившим ее на мосту, и преследовала его до самого дома. При этом, когда тот нашел убежище в родных стенах, она крикнула: «Если бы у тебя не было этой собаки, я бы разорвала тебя». Другой человек нашел спасение от Перхты благодаря тому, что перевязал длинные рубашки некрещеных детей, следующих за Перхтой в ее свите, чтобы им было удобнее бежать [Rumpf 1991, с. 24, 26].

Перхта могла появиться в канун Нового года и жестоко наказывать девушек, если те не закончили прясть или не вывели весь мусор из углов дома (распороть им животы и набить их мотками пряжи) [Rumpf 1991, с. 27].

С другой стороны, Перхта могла и щедро одарить за оказанную услугу. Так, согласно устной традиции, старая женщина с длинным носом однажды попросила молодого человека выковать ей гвоздь для ее повозки. В качестве платы она дала ему щепки, которые у него дома неожиданно превратились в золото [Rumpf 1991, с. 24–30].

Таким образом, традиции маскарадных процессий в австрийских Альпах и устное народное творчество раскрывают характер отношения

людей к Перхте: это мифологическое существо, которое может навредить и принести пользу. Поэтому его нужно прогнать или задобрить для увеличения плодородия, повышения урожайности, совершив определенные магические действия (к ним относятся, в частности, звон колокольчиков или украшение костюмов предполагаемыми дарами). При этом Перхта может быть как мужского, так и женского пола. Так, швейцарским вариантом *P(B)erchta* является *Berchtold*.

По мере удаления от «эпицентра» представлений о Перхте, ее образ частично сохраняет черты, отмеченные для австрийских Альп, а частично утрачивает.

В восточнофранкских немецких говорах мы встречаем различные обозначения Перхты и ее прототипов, которые позволяют определить характер ее восприятия в этой этнографической зоне. Здесь Перхта также контролирует прядения и может поощрять прилежных детей, одаряя их яблоками, орехами, сладостями.

Во Франконии представлены такие персонажи, активизирующиеся во время рождественского цикла, как *di a°ld Berta (die alte Berta)*, *Hullafraa*, *Hullaberta*, *Hollerberta*, *Fra Holle (Frau Holle)*, *Hulimaa (Hollemann)*¹. Первое наименование *di a°ld Berta* мотивировано тем, что Берта / Перхта имеет вид старой женщины. Лексемы с корнем *hull/holl*, по-видимому, восходят к глаголу *verhüllen* (закрывать, закутывать), *Hülle* в данном регионе – головной платок. Здесь также можно отметить тот факт, что персонаж с данным набором функций бывает как женским, так и мужским (*Hulimaa*).

Берта появляется не только во время святочного периода, но и в другие маркированные даты народного календаря: дни св. Андрея, Мартина, Томаса: *Andreasbädda (Andreasberta)*, *di Märtesberta (Martinsberta)*, *Damas Berta (Thomasberta)*.

Название этого персонажа может быть мотивировано разными реалемами: *Schlotberta (Schlot* – камин, печная труба; сходная мотивация у мужского персонажа, «сажевого» Мартина *Roußmärtl*,

¹ Наименование в скобках является литературным эквивалентом диалектного наименования. Здесь и далее в тексте демонологическая лексика восточнофранкских говоров приводится по данным картотеки «Восточнофранкского словаря», составной части Баварского атласа, находящейся в отделении Баварской академии наук в г. Эрланген: Archiv von schriftlichen Belegen zum Wortschatz der Mundarten Bayerisch-Frankens. Bayerische Akademie der Wissenschaften, Ostrfränkisches Wörterbuch. Erlangen.

который появляется на день св. Томаса 21 декабря), *di Struhberta* (*die Strohberta* – «соломенная» Берта) названа по характерному атрибуту ее одежды, соломе. Из другой атрибутики Берты / Перхты заслуживает внимание наличие колокольчиков, метлы, ухвата; последнее сближает ее с ведьмой. Название *Will Berta* (*Wilde Berta*) связано с местом обитания, в данном случае – лесом. У мужских представителей этого образа (*Eisapetter*, *Hullepäater*, *Ruprecht*, *Nikolaus*) обычными характерными для них предметами являются палка, которой они наказывают непослушных детей, и мешок, в котором они их уносят.

У соседних словенцев заимствованная Перхта также следит за прядением у женщин. В пятницу третьей недели адвента она, по преданию, как-то приказала под угрозой смерти одной женщине спрясть двенадцать мотков пряжи до полуночи [Schmidt 1889, с. 418]. Однако черты устрашающего образа, контролирующего домашнюю работу, здесь чаще стираются. В словенских говорах мы встречаем *pehtra-baba* «демон-женщина, забирающая детей» [Pleteršnik 1894–1895, т. II, с. 19], *pernahti* (из *berchtemnacht*) «рождественская ночь» [Pleteršnik 1894–1895, т. II, с. 25], а также *kvatrna baba* «колдунья» [Pleteršnik 1894–1895, т. I, с. 493; Bezlaj, с. 116], представляющая собой заимствование из немецкого *Quatemberca* (один из вариантов Перхты, появляющийся в пятницу после третьей недели адвента). Отмечен этот образ *P(B)erchta* также в чешских и моравских говорах в значении «ряженный персонаж в рождественский и масленичный периоды» [Валенцова 2016, с. 468].

Среди персонажей, обычно сопутствующих Берте, отметим «огненного человечка» *Feiermennla* (*Feuermännlein*) (наказывающего детей, если они слишком далеко уходят от дома); также его называют огненным чертиком *Feuerteufela* (*Feuerteufellein*); ночную сову – *Nachteule* (которой пугают детей, долго не укладывающихся спать); черного человека *schwarzn Mann*, появляющегося вечером. Вечером также могут явиться ночная женщина *Nochtfrau* (*Nachtfrau*), серый человечек или человек темноты: *as grau Männla* (*das graue Männlein*), *Dunkelma°nn* (*Dunkelmann*).

К числу других женских устрашающих образов можно отнести «мучную» женщину *Mörfrala* (*Mehlfraulein*), названную, очевидно, из-за бледности ее лица или белых одеяний. Эту версию подтверждает наличие «белой» женщины – *Weiß Fra* (*Weiße Frau*) (кроме нее,

в народной мифологии Средней Франконии отмечена и «черная» – *Schwarze Frau*).

Подобные демонические существа нередко имеют зооморфную природу. В качестве пугающих животных могут выступать медведь: *Bärmaotter (Bärmutter)* «медвежья мать», *de Schdrohbeä (Strohbar)* «соломенный медведь», *da erbasbea (Erbsenbar)* «гороховый медведь», отметим здесь использование в качестве атрибута соломы (гороховой), характерной для убранства Перхты); *Pelzibär, Pozibär (Pelz, мех, является также неотъемлемой частью одеяния святочных персонажей)*; кроме этого, упоминаемая выше сова: *Huaöil (Huheule): däi Noachtöuil ho(u)ld däich (die Nachteule holt dich* «ночная сова заберет тебя» – так пугают непослушных детей); лиса: *willa Füchs (Wilde Füchse); Holzfuchs, Waldfuchs* (лиса из леса), детям могут сказать: «*ruhig oda der Hennaufuchs kummt*» («*ruhig oder der Hennenfuchs kommt*») – веди себя спокойно, иначе лиса заберет); лесная (*di Holzkaotz (die Holzkatze)* или черная (*schwarze Katze*) кошка, мучной / белый кот: *Mahlkozer (Mehlkatzer)*; ночной ворон (*Nachtrabn*).

В качестве устрашающих персонажей могут выступать некоторые исторические личности, например живший в Баварии в XVIII в. и ставший народным героем разбойник Маттиас Клостермайер (*Matthias Klostermaur*). В говорах Франконии выражение *bayerischer Hiasl* (баварский Хиазль; Хиазль – уменьшительное от Маттиас) приобрело значение мифологического персонажа, наделенного демонической силой (это выражение используется также для обозначении жителя Франконии, который одевается как баварец).

Для говоров юго-восточной Германии характерны многочисленные обозначения ведьм. Это сила, враждебная человеку, о чем свидетельствуют следующие высказывания: *dan höbe die Hexe in dar Kur gehött (den haben die Hexen in der Kur gehabt)* «ведьмы взяли его в оборот»; *deä wärd von a Häx gedrosselt (der wird von einer Hexe gedrosselt)* «его задушила ведьма». Кроме того, ведьмы могут садиться ночью на грудь спящему и давить на него, что вызывает кошмары во сне: *die Hex hot mi drückt (die Hexe hat mich gedrückt)*.

Среди ведьм выделяются определенные разновидности: *Kellahexe (Kellerhexe)* «подвальная ведьма» и *Kellermännla (Kellermännlein)* «подвальный человечек», *Schloathex (Schlothexe)* «печная ведьма», *Waldhexe* «лесная ведьма», *Wasserhex* «водная ведьма». Воздействие

ведьм на жизнь человека может носить различный характер. Так, в говорах Средней Франконии существует понятие *Hexenei* (ведьмино яйцо) «куриное яйцо, в котором отсутствует желток».

Период активизации ведьм может приходиться на святочную неделю, благодаря чему этот период времени получает в восточно-франкских говорах название *Häxennächt*, *Hägänächt* (*Hexennächte*) «ночи ведьм». Против вредоносного воздействия ведьм существуют различные средства, в том числе растительного происхождения. Это может быть, в частности, ветка омелы, закрепленная на двери дома. Распознать ведьму также можно, имея при себе четырехлистный клевер [Marzell 1963, с. 26, 52].

Для зоны юго-восточных немецких диалектов существуют ряд особенностей образа дьявола, черта. С одной стороны, ему приписываются определенные внешние признаки, например, рога. Отсюда черт в говорах Франконии рогатый человечек: *Hörlasma*^o (*Hörnleinsmann*). Ему, кроме того, приписывают наличие хвоста: *ein Männlein mit Schwanz*. С другой стороны, этот персонаж предстает в рассказах просто как маленький человечек, *der kleine Mann*, синоним к *Teufel* (черт, дьявол), *forma homunculi*, образ, искусственно создаваемый человеком. После встречи с ним люди затруднялись, согласно различным рассказам информантов, определить его облик [Ilk 2017, с. 169].

Система представителей южнонемецкой низшей мифологии включает в себя и другие образы. Это целый ряд персонажей, характеризующихся определенной средой обитания. Среди них можно выделить женский образ *Kornfrala* (*Kornfraulein*) «хлебной матушки», существа, обитающего в поле, где выращивают злаки, и наносящего вред людям, особенно летом; есть и мужской вариант с аналогичной вредоносной функцией – *Krautspöbl*, *Krautspöpel*, *Kornmännla* (*Kornmännlein*) «хлебный человечек». В лесу обитает *Holzfrala* (*Holzfraulein*) «деревянная / лесная женщина», в водоемах – «водяная женщина», «водяная нимфа» *Wassefraa* (*Wasserfrau*), *Hockefräle* (*Hakenfräulein*), *Wossernix* (*Wossernixe*), а также мужские персонажи – «водяной мужчина» *Wassermo* (*Wassermann*), *Heglmo* (*Häkelmann*), «водяной черт» *Wasserteufel*.

Широко распространенным образом народной мифологии является лесная женщина – *Waldfräla* (*Waldfräulein*), *Moosweibla* (*Moosweiblein*). Она, как и альпийская *Waldweibl*, представляет собой

абсолютную реальность жизни для людей из горной местности, о чем свидетельствуют многочисленные рассказы, посвященные встрече с этим существом. К людям лесная женщина (*Waldweibl*) выходит в качестве грациозной длинноволосой и сладкоголосой соблазнительницы и одновременно носительницы тайн и запретов, связанных с потусторонним миром. Лесные женщины могут обольстить работающих в лесу дровосеков, они даже выходят за них замуж (если мужчина опутает их специальным поясом). В таком случае человек сохраняет власть над лесной женщиной, пока та не найдет спрятанный пояс, заставлявший ее подчиниться воле человека. После чего она покидает мужа, высказывая сожаление, что ей не загадали определенную загадку, а именно:

Warum schreien die Gänse in der Nacht, und warum hat die Nuss in der Mitte einen Kreuz? – Почему гуси кричат ночью и почему в серединке ореха крест?

Другим запретом для мужчины в подобном браке были вопросы о странном поведении необычной супруги. Обычно странности объяснялись знанием секретов потусторонней жизни. Так, вышедшая замуж лесная женщина печалилась о смерти свекрови и радовалась смерти собственного ребенка, что было неестественно в глазах окружающих. Причиной было знание ею того, что свекровь из-за практикуемого при жизни колдовства попала к дьяволу, а ребенка приняли ангелы [Ilk 2017, с. 383]. Лесные женщины могут заботиться о людях, работающих в лесу. Они садятся на пни, на которых вырублены три креста, и разводят огонь для крестьян, чтобы те могли согреть свою еду [Österreichischer Volkskundeatlas 1981, с. 80].

Таким образом, система традиционных верований носителей верхненемецких говоров содержит универсальные дуалистические противопоставления «темных» и «светлых» сил. Как правило, эти силы амбиваленты и могут, в зависимости от соблюдения или нарушения людьми традиционных предписаний, оказывать положительное или негативное воздействие на их жизнь. Одно из центральных мест в народной мифологии юго-восточного ареала немецких говоров занимает Перхта / Берхта, в образе которой синтезируются различные народные представления об устройстве мира и о необходимых действиях и правилах для поддержания необходимого жизненного устройства.

Этот субъект низшей мифологии очень значим и заимствовался в соседние славянские языки. Собранный материал позволил выделить центральную альпийскую зону его распространения с максимальным набором признаков и периферийные, где эти признаки редуцируются. Наряду со специфическими образами данные южнонемецких диалектов представляют в традиционной культуре жителей этого региона древние архетипы, известные также славянам (образ зеркала как тени реального мира и входа в потусторонний мир) и балтами («ржаная матушка»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валенцова М. М.* Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект. М. : Индрик, 2016. 616 с.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 44. СПб. : Наука, 2011. 352 с.
- Andree-Eysn M.* Die Perchten im Salzburgischen. Braunschweig, 1905. 28 S.
- Archiv von schriftlichen Belegen zum Wortschatz der Mundarten Bayerisch-Frankens. Bayerische Akademie der Wissenschaften, Ostrfränkisches Wörterbuch. Erlangen, 2015.
- Bezlaj F.* Etimološki slovar slovenskega jezika. Druga knjiga K-O. Ljubljana : Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 1982. 294 S.
- Grimm J.* Deutsche Mythologie. Erster Band. Göttingen, 1854. 612 S.
- Ilk A.-J.* Die Unsterblichkeit der Wildfrauen. Schriften zur Literatur und Sprache in Oberösterreich, Band 21. Linz : Adalbert-Stifter-Institut des Landes Oberösterreich, 2017. 684 S.
- Kluge F.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 7-e Auflage. Straßburg : Verlag Karl J. Trübner, 1910. 519 S.
- Marzell H.* Zauberpflanzen. Hexentränke. Brauchtum und Aberglaube. Stuttgart: W. Keller&Co, 1963. 88 S.
- Österreichischer Volkskundatlas. Kommentar. 6. Lieferung/3. Teil. Sagen von den Wildleuten. Wien, 1981.
- Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. B. I–II. Ljubljana, 1894–1895. 987 S.
- Rumpf M.* Perchten: populäre Glaubensgestalten zwischen Mythos und Katechese. Würzburg : Königshausen und Neumann, 1991. 280 S.
- Schmeller J. A.* Bayerisches Wörterbuch. Bd. I. München, 1872. 722 S.
- Schmidt J.* Perchtenglaube bei den Slovenen. In: Zeitschrift für Volkskunde. Bd. I. Leipzig, 1889. S. 413–425
- Strassner E.* Berchtengestalten in Ostfranken. Jahrbuch für fränkische Landesforschung, Bd. 24. Erlangen, 1964. S. 345–399.
- Zerling C., Schweiger C.* Masken im Alpenraum. Perchten, Tresterer, Wilde Leut' .... Graz-Stuttgart : Leopold Stocker Verlag, 2005. 160 S.

УДК 81-114

О. А. Кострова

доктор филологических наук, профессор;
профессор кафедры немецкого языка факультета иностранных языков
Самарского государственного социально-педагогического университета;
e-mail: Olga.kostrova@pgsga.ru

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ Е. В. ГУЛЫГИ В САМАРСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

Монография Е. В. Гулыги 1971 г. до сих пор остается единственным сводным трудом по теории сложноподчиненного предложения (далее – СПП) в современном немецком языке. В монографии содержится много продуктивных идей и новых для того времени понятий, которые развиваются в ряде работ автора и в диссертациях аспирантов автора. Развитие происходит в рамках лингвистической прагматики и когнитивной лингвистики, включая теорию речевых актов и связанные с ней теории дискурса и видов речи, а также теорию эвиденциальности.

Чрезвычайно актуальна сформулированная Е. В. Гулыгой идея об открытом характере системы гипотаксиса и ее проницаемости со стороны лексических и морфологических явлений. Развивая эту идею, мы пришли к понятию продолженной синтаксической формы (далее – ПСФ), объединяющему разнотипные синтаксические единицы, включая единицу гиперсинтаксического уровня – цепочку предложений. СПП получает статус репрезентанта ПСФ как наиболее характерная единица этой формы [Кострова 1991]. Данное понятие получило развитие в самарской лингвистической школе на материале немецкого и английского языков с учетом различных функциональных стилей и жанров. Концентрация на определенном семантическом типе придаточного позволила детализировать функции этого типа, а в ряде случаев значительно расширить границы исследования.

На материале немецкого языка уточнен периферийный фрагмент ПСФ с семантикой причинности [Карышева 2004]. На материале английской художественной и научной речи изучено функционирование ПСФ с семантикой условия [Евстафияди 2005], что подтвердило универсальный характер ПСФ как метаязыкового понятия и высветило специфику английского языка.

Предлагаемая Е. В. Гулыгой структурно-семантическая классификация СПП дополнена анализом в русле современных тенденций. Е. В. Гулыга, следуя традиции своего времени, описывает функционирование СПП в художественной литературе, не разграничивая видов речи. Принятый сегодня дифференцированный подход, различающий собственно авторскую (объективированную) речь и речь персонажей (персонализированную речь), позволяет исследовать их функционирование с учетом этого разграничения. Частотный анализ *объективированного и персонализированного видов речи* показывает неравномерность употребления в них разных семантических типов предложений. Для объективированной речи характерны СПП с придаточными времени, для персонализированной речи – СПП с придаточными причинной группы [Кострова 1992]. С помощью когнитивно-прагматического

метода анализа СПП с придаточными времени в английском языке выявлена их разная частотность в авторской и персонажной речи [Собчакова 2008]. Эти выводы уточняют положение Е. В. Гулыги о центральном месте в системе сложного предложения СПП с придаточными времени.

Референциально-прагматический подход к СПП с придаточными субъектными [Аmineva 2005] позволил разграничить их функции в художественных, научных и публицистических текстах. Функционально-прагматический аспект СПП с придаточными атрибутивными проанализирован на материале немецкой региональной и локальной прессы [Суворина 2006], что позволило, с одной стороны, показать возможности контаминации в этом типе СПП разных смыслов, а с другой стороны, уточнить его функционирование в разных жанрах.

Межкатегориальные связи СПП с придаточными объектными, рассматриваются в монографии [Гундарева, Кострова 2002] и в статьях [Кострова 2017]. Проведен анализ этого типа СПП с позиций категории эвиденциальности [Kostrova 2014]. Введенное Е. В. Гулыгой понятие степени идиоматичности СПП дает ключ к моделированию их внутренней структуры [Кострова 2017]. Категория «кондициональность» осмыслена как синтаксический концепт [Бурдаева 2014].

В статье дается анализ перечисленных работ в аспекте соотношения «старого» и нового.

Ключевые слова: продолженная синтаксическая форма (ПСФ); типы придаточных; межкатегориальное взаимодействие; референциально- и когнитивно-прагматические подходы; объективирующая и персонализирующая модальность.

O. A. Kostrova

Dr. phil. habil., Professor, German Department,
Faculty of Foreign Languages, Samara State University of Social Sciences
and Humanities; e-mail: Olga.kostrova@pgsga.ru

DEVELOPMENT OF THE THEORY OF COMPOUND SENTENCES AT SAMARA LINGUISTIC SCHOOL

The monograph of Elena V. Gulyga, published in 1971, remains the only summary framework across theoretical subfield of compound sentences in contemporary German. The monograph includes a lot of innovative ideas and notions. My scholars and I developed them, situating in contemporary paradigm across subfields of linguistic pragmatics and cognitive linguistics that encompass speech act and discourse theories and the theory of evidentiality.

Gulyga's contribution concerning the open character of hypotaxis system, which is transparent for lexical and morphological phenomena, became a leading theoretical framework for contemporary investigating compound sentences. Developing this contribution, I offered the notion of prolonged syntactic form (PSF) that combines syntactic entities of various levels encompassing a hypersyntactical unit – a chain of sentences [Kostrova 1992]. The compound sentence as the most typical unit of PSF became the state of its representation [Kostrova 1991]. The wider development of

this notion was carried out in Samara linguistic school with distinguishing different functional stiles and genres in German and English. Focusing on some semantic type of a clause my scholars and I could find out their more detailed functions and sometimes broaden investigating limits.

The research of PSF with causal semantics in German shed light on the structure of its peripheral segment [Karysheva 2004]. Empirical studies of PSF structures having conditional semantics and their functions in English fiction and scientific texts explored universal character of PSF as a metalinguistic notion and showed various modes of their using in English [Evstafiadi 2005].

E.V.Gulyga offered the classification of compound sentences from a structural and semantic point of view. Following the tradition, she did not take in account different kinds of speech in fiction. Her classification was enriched with an approach, which differences some modes of speech: one of the author and one of a figure. The first one is objective and the second one is subjective. This approach shows that frequency of different semantic types of clauses varies in objective and subjective speech. In objective speech, there are temporal clauses preferred, in subjective speech – causal clauses [Kostrova 1992]. English temporal clauses also vary their frequency in these kinds of speech [Sobchakova 2008]. These findings correct Gulyga's proposition about the central role of temporal clauses within the hypotactic system.

Compound sentences with subject clauses were analyzed in the framework of referential and pragmatic approach. This research showed functional variety of descriptive subjects in fiction, scientific and media texts [Amineva 2005]. Pragmatic functioning of attributive clauses in German regional and local newspapers was reflected in [Suvorina 2006]. It demonstrated on the one hand interaction and convergence possibilities of these clauses and on the other hand their variety in different genres.

Investigation of object clauses addresses to their interaction with a wide range of morphological and lexical categories [Gundareva, Kostrova 2002; Kostrova 2017]. The previously unexplored area concerning the intersection of German object clauses and eventuality was discovered in [Kostrova 2014].

The notion of idiomatic degree in compound sentences inherited from Gulyga's monograph opens the key to modeling their internal structure. That is showed in [Kostrova 2017]. The category of conditionality is regarded as a syntactic concept [Burdaeva 2014].

In the paper, I analyze the listed works in the framework of relation between "old" and new.

Key words: prolonged syntactic form (PSF); types of clauses; intersection of categories; referential, cognitive and pragmatic approach; objective and subjective modes of speech.

Проблема соотношения в научном исследовании «старого» и нового знания не утрачивает своей актуальности, поскольку новое всегда основывается на известном. Возвращаясь с этих позиций к трудам

своих предшественников, мы получаем возможность переосмыслить собственные работы и работы своих учеников, соизмеряя их с результатами, достигнутыми ранее.

Монография Е. В. Гулыги 1971 г. до сих пор остается единственным сводным трудом по теории сложноподчиненного предложения (СПП) в современном немецком языке. Уникальность монографии по достоинству оценена Б. А. Абрамовым в рецензии, впервые напечатанной в 1973 г. и не утратившей актуальности и поныне. Б. А. Абрамов определяет вклад Е. В. Гулыги в развитие не только теории СПП, но и общей теории синтаксиса [Абрамов 2003, с. 162]. Новое знание отражено Е. В. Гулыгой [Гулыга 1971, с. 131] в таблице, представляющей гипотаксис как сложноорганизованную систему, в которой выявляются связи разных структурно-семантических типов моделей СПП и показывается открытый характер системы. Плодотворность заложенных в монографии идей прошла проверку временем; многие из них получили дальнейшую разработку в многочисленных специальных исследованиях. В нашу задачу входит анализ исследований, проведенных на базе Самарского педагогического университета, в аспекте соотношения «старого» и нового. Наша цель состоит в том, чтобы показать продуктивность некоторых идей и понятий, заложенных в книге Е. В. Гулыги, и возможность их развития в русле современных тенденций.

Развивая идею об открытом характере системы гипотаксиса и ее проницаемости со стороны лексических и морфологических явлений, мы пришли к понятию продолженной синтаксической формы, объединяющему разноструктурные синтаксические единицы [Кострова 1991]. Е. В. Гулыга определяет СПП как высшее звено в синтаксической иерархии, рассматривая его функциональную синонимию с членом предложения (глава V) и со сложносочиненным предложением (глава VII). В главе VI описывается возможность самостоятельного функционирования обстоятельственных придаточных предложений, что снижает их статус по сравнению с цельной конструкцией. Мы объединяем функциональные синонимы СПП в единое понятие продолженной синтаксической формы (ПСФ), включая в эту форму, кроме того, единицу гиперсинтаксического уровня – цепочку предложений. СПП получает статус репрезентанта ПСФ как наиболее характерная единица этой формы, а ПСФ определяется как промежуточное

звено между простым предложением и сверхфразовым единством [Кострова 1991]. Тем самым уточняется соотношение между синтаксисом и гиперсинтаксисом. Ср. примеры, дополняющие приводимые Е. В. Гулыгой синонимы СПП:

Er studierte auch Tropenmedizin [...]. **Daher** war er zu diesem Kongress nach Bahia gefahren (*A. Seghers*).

Ich brauchte sie. Mit ihr war alles einfach (*V. Braun*) → ...weil mit ihr alles einfach war.

Ausfallstunden bestätigen? Das bedeutete ja Leistungskritik (*V. Braun*) → Wenn man Ausfallstunden bestätigte, bedeutete das Leistungskritik.

Представляется, что понятие ПСФ имеет в европейских языках универсальный характер; во всяком случае оно подтверждается на материале семантического отношения условия в английском языке [Евстафиади 2011].

В основе моделирования СПП в монографии Е. В. Гулыги лежат понятия потенциальной автосемантии и синсемантии элементарных предложений, формирующие *семантические ядра* сложного комплекса. Структура семантического ядра позволяет различить два основных и один промежуточный тип СПП в системе немецкого языка [Гулыга 1971, с. 91]. Выделенные типы СПП совмещают функционально различные сложные комплексы. Наиболее прозрачным в плане соотношения структурно-семантических и функциональных особенностей оказывается первый тип, точнее, его союзная серия, в которую входят СПП с обстоятельственными придаточными. При относительном подчинении функциональная картина размывается, поскольку СПП с придаточными одного функционального типа попадают в разные структурно-семантические типы и разные серии в этих типах. Это относится, например, к СПП с придаточными субъектными и определительными. Примечательно, что эти функциональные типы отсутствуют в систематизирующей таблице, о которой речь шла выше. Мы вернемся к этому вопросу далее.

Развитие теории СПП не остается в стороне от новых направлений лингвистических исследований. Особенно продуктивными оказались здесь теория речевых актов и связанные с ней теории дискурса и видов речи, а также теория эвиденциальности, лингвистическая прагматика и когнитивная лингвистика.

Теория речевых актов и последовавшее за ней разграничение речевых регистров привело к различению видов речи, создаваемых в дисситуативном и конситуативном регистрах [Žerebkov 1989]. В художественном тексте эти виды речи различаются по модальности. Дисситуативный регистр формирует *объективированную речь*, прототипом которой является авторское повествование от третьего лица, не содержащее авторских отступлений субъективного характера. Прототипическая ситуация конситуативного регистра – это непосредственное общение в диалоге. В художественном тексте оно моделируется в виде речи персонажей, вступающих в диалог друг с другом или с самими собой. Такая речь характеризуется *персонализированной модальностью*. Понятие персонализированной модальности отличается от понятия субъективной модальности более широким спектром выразительных средств и смещением акцента с предположительно-оценочного на аргументативно-оценочный. Типичным языковым средством, «включающим» персонализацию, являются личные местоимения первого и второго лица.

Исследование функционирования СПП с учетом разграничения *объективированного и персонализированного видов речи* показывает неравномерность употребления в них разных семантических типов предложений. Для объективированной речи характерны СПП с придаточными времени, для персонализированной речи – СПП с придаточными причинной группы. Количественный анализ, проведенный нами на материале 2852 предложений, показал, что в объективированной речи процент СПП с временными придаточными относительно СПП с придаточными причинной группы составляет 81,6 %, тогда как в персонализированной речи сопоставимой величины достигает процент употребительности СПП причинной группы относительно СПП с придаточными времени: 82,8 % [Кострова 1991, с. 5]. Эти данные уточняют результат, полученный Е. В. Гулыгой на материале художественных текстов, недифференцированных по видам речи, согласно которому «центральным блоком является блок временных предложений» [Гулыга 1971, с. 130]. Этот вывод оказывается верным только для функционирования СПП в объективированной речи, тогда как в персонализированной речи более частотными становятся СПП с придаточными причинной группы.

Выявленные различия подтверждаются на материале функционирования СПП с придаточными времени в английском языке.

Н. М. Собчакова дифференцирует функциональную семантику этих СПП: в объективированной авторской речи они служат темпоральному упорядочиванию повествования, в персонализированной речи персонажей они выполняют рефлексивную или гипотетическую функцию [Собчакова 2008, с. 101–103].

Дифференциация материала исследования по видам речи позволила использовать другой принцип классификации и моделирования СПП, в основе которого лежит способ представления информации. Каким образом говорящий передает свое знание, зависит от коммуникативного регистра, в котором протекает коммуникация и в котором формируется тот или иной вид речи. Прототипичные способы оформления взаимосвязанных квантов информации реализуются в *когнитивно-прагматических ситуациях*. Когнитивно-прагматические ситуации отражают процесс познания и его репрезентацию в определенном коммуникативном регистре [Кострова, Собчакова 2011, с. 90–95].

В дисситуативном регистре типичны ситуации темпоральной упорядоченности, которые позволяют построить упорядоченный во временном плане повествовательный текст. Эти ситуации оформляются СПП с придаточными времени, не только передающими глобальные временные связи, но и способствующими членению текста на отдельные эпизоды. Не случайно эти СПП нередко открывают главу или абзац.

В конситуативном регистре СПП с придаточными времени используются для передачи другого типа ситуаций, а именно – ситуаций воспоминания и планирования, связанных с личным опытом говорящего. Более типичны в этом коммуникативном регистре аргументирующие ситуации, которые передаются СПП с придаточными причинной группы. В этих ситуациях выражается заинтересованность говорящего в исполнении каких-либо действий.

Дифференциация сфер употребления СПП может быть проведена и с других позиций, в частности в аспекте аутентичной и неаутентичной речи. Специальное исследование показало стабильность вариантности СПП и эквивалентных структур в художественных текстах аутентичной речи и динамичность этой вариантности в прототипической неаутентичной речи. В процессе изучения иностранного языка репертуар языковых средств расширяется по мере формирования навыков на неродном языке [Бурдаева 2002].

Моделируя СПП, Е. В. Гулыга выделяет *постоянные элементы модели*, отличающие сложное предложение от простого, сложноподчиненное от сложносочиненного, характеризующие серии и варианты модели [Гулыга 1971, с. 72]. В совокупности это минимум две предикативные линии, союзные слова, расположение постоянных элементов в придаточном предложении, лексико-грамматические индексы, к которым в главном предложении относятся модальные слова, глаголы определенной семантики и наклонение глагола, а в придаточном предложении корреляты и модальные глаголы *sollen* и *mögen*. Вариативность моделей зависит от коммуникативного задания и выражается позицией придаточного предложения относительно главного [Гулыга 1971, с. 72–85]. Многообразии факторов, выступающих в качестве постоянных элементов моделей, а также многообразии систематизированных таким образом типов СПП делают приведенную в монографии систему моделей во многих отношениях непревзойденной.

Однако среди приведенных постоянных элементов отсутствует категория подлежащего. Возможно, учет этой категории на материале СПП как такового не дает результатов. Тем не менее для отдельных типов СПП *семантика подлежащего* и соотношение подлежащего с дополнением, выраженным придаточным предложением, становится решающим фактором, определяющим специфику типа. Специфика СПП с придаточными объектными состоит в том, что межсубъектные отношения главного и придаточного предложений в совокупности с операторами связи и семантикой предиката главного предложения формируют разновидность персонализирующей модальности – модальность косвенности. Основной характеристикой субъекта главного предложения, которую можно отнести к постоянным элементам этой модели, является его *антропоцентричность*. Именно это свойство подлежащего в сочетании с глаголами речи или мысли обеспечивает возможность опосредованного представления информации придаточного предложения [Гундарева 2002, с. 5–7].

Последующие исследования СПП с придаточными объектными привели к необходимости учета *дискурсивных параметров*, что позволило определить роль этого типа СПП в качестве основного средства выражения *категории эвиденциальности*. Субъект главного предложения рассматривается в таком случае как номинатор лица, которое является либо источником информации придаточного предложения,

либо медиатором, передающим информацию, полученную из другого источника [Kostrova 2014, с. 314–315].

В связи с возрастанием внимания к истинности информации, переданной косвенным путем, проведено исследование пересказанной речи в художественном тексте. Исследование показало разную *степень ответственности* за истинность информации при выражении субъекта главного предложения СПП с придаточным объектным первым или третьим лицом. Первое лицо является источником авторизированной (и в этом смысле надежной) информации. Третье лицо передает инферированную информацию, усвоенную из другого источника; истинность такой информации может подвергаться сомнению, что выражается модальными словами со значением предположения или сослагательным наклонением глагола-сказуемого в придаточном предложении [Кострова 2017, с. 19], ср. пример, заимствованный из указанной работы:

Wahrscheinlich wollte sie sagen, dass sie schlimmer dran sei als Mina (M. Walser).

При описании относительного подчинения в СПП с придаточными субъектными и определительными Е. В. Гулыга основное внимание уделяет их соотносительности с соответствующими членами простого предложения и возможностям замены придаточного на функциональный синоним. При этом характеристика самого придаточного предложения остается в тени, а тип СПП не внесен в систематизирующую таблицу. В диссертационных исследованиях самарской лингвистической школы этот пробел восполняется.

Функционирование СПП с придаточными субъектными рассматривается в *референциально-прагматическом аспекте*. Анализ референции придаточного показывает, что оно представляет собой своего рода дескрипцию ситуации, т. е. дескриптивный субъект, описывающий реальный или вероятный факт, группу лиц или понятий, объединенных определенным признаком, обстоятельства совершения действия, сравниваемое с чем-либо состоянием. Прагматический аспект проявляется при сравнении функционирования СПП в художественном и научном текстах [Аминева 2005, с. 5]. Расширение материала исследования способствует уточнению его результатов.

СПП с придаточными определительными анализируются в составе поля атрибутивности на материале реализации этого поля

в немецких газетах разного уровня. Способствуя *созданию плотности информации*, придаточное атрибутивное контаминирует разные семантические оттенки, а именно – значения времени и места, причины, цели, уступки, условия и следствия [Суворина 2006, с. 10].

Отметим еще одно понятие, используемое Е. В. Гулыгой в классификации СПП и позволяющее определить степень связанности главного и придаточного предложений, – *синтаксический идиоматизм* [Гулыга 1971, с. 93–95]. Мы дифференцировали это понятие, введя концептуальную *оппозицию структурно-семантической простоты и семантико-синтаксического усложнения*. Структурно-семантическая простота предполагает моносубъектность главного и придаточного и отсутствие в них гетерогенного начала (противительных союзов, логических и эмоционально-оценочных частиц). Структурно-семантическое усложнение, напротив, характеризуется полисубъектностью СПП и элементами синсемантии элементарных предложений, которые отсылают либо к предтексту, либо к пресуппозиции говорящего [Кострова 1992, с. 79–80]. Выделенная оппозиция служит основой концептуального разграничения СПП, представляющих либо *разложимый*, либо *неразложимый формат знания* о гиперситуации [Кострова 2017а, с. 132–133]. В рамках когнитивного подхода кондициональность осмыслена как синтаксический концепт [Бурдаева 2014].

Оценивая перспективы дальнейшего исследования СПП, отметим следующее. Имеющиеся данные позволяют утверждать, что в объективированном повествовании превалируют СПП, передающие темпорально-упорядоченный формат знания, при непосредственном общении возрастает значимость мотивационной сферы, что влечет за собой высокую частотность СПП с придаточными причинного типа. В пересказанной речи на передний план выдвигаются СПП с придаточными объектными. В научном дискурсе преобладает тенденция к аргументации, что выражается в специфической перспективации СПП не только с придаточными причиной группы, но и с придаточными субъектно-объектной и атрибутивной сфер [Kostrova 2013]. В публицистическом дискурсе релевантна информативная плотность, передаваемая СПП с придаточными определительными. Представляется, что на основе структурно-семантической систематизации СПП, блестяще обоснованной Е. В. Гулыгой, назрела необходимость их теоретического осмысления как особого формата знания, способствующего организации дискурсивных практик разного типа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамов Б. А.* Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке : рецензия на одноименную книгу Е. В. Гулыга (М., 1971) // Б. А. Абрамов. Избранные работы по немецкой грамматике и общим проблемам языкознания. М. : Кругъ, 2003. С. 162–175.
- Аминева Т. А.* Сложноподчиненное предложение с придаточным субъектным в референциально-прагматическом аспекте (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 19 с.
- Бурдаева Т. В.* Вариантность сложноподчиненного предложения и эквивалентных ему структур (на материале современного немецкого языка как родного и иностранного) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2002. 17 с.
- Бурдаева Т. В.* Синтаксический концепт «кондициональность» в немецком языке (на материале сложноподчиненных предложений с условными придаточными) // Самарский научный вестник. Самара : ПГСГА, 2014. № 1 (6). С. 33–36.
- Гулыга Е. В.* Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М. : Высшая школа, 1971. 206 с.
- Гундарева Е. С.* Сложноподчиненное предложение с придаточным объектным в единстве синтаксиса и прагматики (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2002. 23 с.
- Евстафиади О. В.* Продолженная синтаксическая форма с семантикой условия в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2011. 24 с.
- Кострова О. А.* Продолженная синтаксическая форма как промежуточное звено между простым предложением и сверхфразовым единством (на материале современного немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. : Ин-т яз-я АН СССР, 1991. 32 с.
- Кострова О. А.* Продолженная синтаксическая форма в контактной коммуникации. Самара : Изд-во Сарат. ун-та, Самар. филиал, 1992. 144 с.
- Кострова О. А.* Эвиденциальные смыслы в пересказываемой художественной речи // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 1. С. 14–23.
- Кострова О. А.* Субкатегоризация обстоятельственных сложных предложений // Когнитивные исследования языка. Вып. XXX: Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований. Москва – Тамбов – Белгород, 2017а. С. 132–135.
- Кострова О. А., Собчакова Н. М.* Сложноподчиненные предложения с придаточными времени в немецком и английском языках : монография. Самара : ПГСГА, 2010. 172 с.

- Собчакова Н. М.* Когнитивно-прагматическое варьирование сложноподчиненного предложения с придаточным времени в авторской и моделируемой прямой речи : учеб.-метод. пособие. Оренбург : Изд. Центр ОГАУ, 2008. 123 с.
- Суворина Е. В.* Сложноподчиненные предложения с придаточным определительным в когнитивно-прагматическом аспекте (на материале немецких газет) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 23 с.
- Braun V.* Das ungezwungne Leben Kasts. Berlin : Aufbau, 1975. 141 S.
- Kostrova O.* Komplexe Sätze im deutschen wissenschaftlichen Text aus der Sicht der Perspektivierung // Haasteena näkökulma, Perspektivet som utmaning, Point of view as schallenge, Perspektivität als Herausforderung / VAKKI Publikationen 2. Vaasa, 2013. S. 140–151.
- Kostrova O. A.* Kinds of evidentiality in German complement clauses // P. Suihkonnen, L. I. Whaley (Ed.). On Diversity and Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamin Publishing Company, 2014. P. 311–338.
- Seghers A.* Überfahrt: Eine Liebesgeschichte. Berlin : Aufbau, 1973. 176 S.
- Walser M.* Ein springender Brunnen: Roman. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1998. 415 S.
- Žerebkov V. A.* Deutsche Stilgrammatik. Moskau : Vysšaja škola, 1989. 224 S.

УДК 81-372

Н. А. Крупнова

кандидат филологических наук;
доцент кафедры иностранных языков и культур историко-филологического факультета Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского; e-mail: krupnova.n.a@yandex.ru

СЛОВА СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ И СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Слова субъективной оценки, служащие для выражения отношения говорящего к предмету или явлению окружающей действительности, – явление, широко распространенное в русском и немецком языках. По своей словообразовательной структуре это могут быть как простые, так и сложные слова. Русский язык, как известно, обладает широким спектром средств выражения **разнообразных эмоциональных отношений**, причем не только нежных, уменьшительно-ласкательных, но и множества других, передающих мельчайшие нюансы коннотаций. Предметом анализа стали эмоционально-оценочные композиты в составе глагольных гнезд и средства выражения субъективной оценки, присущие им. В немецком языке категория диминутивности и средства ее реализации не так широко представлены, как в русском. В последнем в качестве предмета анализа используются слова субъективной оценки, как простые, так и сложные по своей структуре, и эмоционально-оценочные средства реализации этой оценки. Таким образом, цель данной статьи – сравнить и проанализировать эмоционально-оценочные средства русского языка в составе глагольных гнезд у композитов с эмоционально-оценочными ресурсами простых и сложных слов немецкого языка. В составе глагольных гнезд русского языка было выявлено всего 13 композитов с эмоционально-оценочным значением. Это такие слова, как *черномазенький, паровозишко (паровозик), самогоночка, червоточинка, самоварчик (самоварец, самоварище), полушажок, лупоглазенький, самолюбище, самолетик, наигостеприимнейший*. Их доля от общего количества образования малорегулярными и малопродуктивными. Своим образованием они обязаны сложной производящей основе, к которой добавляются на последующих ступенях словообразовательные суффиксы и префиксы субъективной оценки. В русском языке – это *-ишк-*; *-еньк-*; *-чик-* и др.; приставка – *наи-*. В немецком языке в качестве эмоционально-оценочных средств выступают суффиксы *-chen*, *-lein*, приставки: *ver-*; *fehl-*; *miss-*; *un-* и др., а также части сложного слова, например: *Zwerg*; *Riese*; *Klein*-и др. Последние образования наиболее популярны и продуктивны в качестве средств субъективной оценки. Семантическая структура эмоционально окрашенных композитов в обоих языках в большинстве своем имеет одно лексико-семантическое значение, исключение составляет композит *червоточинка*. Его производящая база – *червоточина* – имеет в своем семантическом составе три лексико-семантических варианта, которые связаны между собой особым замкнутым радиально-цепочечным типом полисемии.

Основная среда употребления рассматриваемых нами единиц – это бытовая сфера, язык повседневного общения, в который данные образования привносят разные оттенки чувств, эмоций, мнений.

Ключевые слова: эмоционально-оценочные средства; аффиксы субъективной оценки; композиты; моносеманты; диминутивность; эмоционально-оценочные коннотации; проекция сем; тип полисемии; семантическая структура слова.

N. A. Krupnova

PhD, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Cultures of the History and Philology Faculty;
Arzamas Branch of the Nizhny Novgorod State University
named after N.I. Lobachevsky; e-mail: krupnova.n.a@yandex.ru

WORDS OF SUBJECTIVE ASSESSMENT AND METHODS OF ITS EXPRESSION IN THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES

The words of subjective assessment, serving to express the speaker's attitude to the object or the phenomenon of the surrounding reality, is a widespread phenomenon in Russian and German. In their word-building structure, these can be either simple or complex words. The Russian language, as it is known, has a wide range of means of expressing various emotional attitudes, not only tender, caressing, but also many others, conveying the numerous and the smallest nuances of connotations of the speaker to the object. The framework of the article does not allow us to consider the diversity of emotional and evaluative means that prevail in the Russian language, so the subject of the analysis is only emotional-evaluative composites in the composition of verbal nests and the means of expression of subjective evaluation inherent in them. In German, the category of diminutivity and its means of implementation are not as widely represented as in Russian. In this language, the words of subjective evaluation, both simple and complex in structure, and emotional-evaluative means of realizing this evaluation are used as the subject of analysis. Thus, the purpose of this article is to compare, contrast and analyze emotionally-evaluative means of the Russian language in the verbal nests for composites with emotional-evaluative resources of the German language, which can be found both in simple and complex words. In verbal nests of the Russian language, only 13 composites with an emotionally estimated value were identified. These are such words as *chernomazenkiy, parovozishko (parovozik), samogonochka, chervotochinka, samovarchik (samovarec, samovarishche), polushazhok, lupoglazeni, samolyubishche, samoletik, naigostepriimnejshij*. Their share of the total number, according to our calculations, is only 0.16%, which makes it possible to recognize the formations as sporadic and unproductive. Their formation is explained by a complex production stem, to which the derivational suffixes and prefixes of subjective evaluation are added at subsequent levels. In the Russian language - this are *-ishk-, -enk-, -chik-* and others; the prefix is *nai-*. In German, the suffixes *-chen, -lein*, prefixes *ver-, fehl-, miss-, un-*, and others, as well as parts of a complex word, for example: *Zwerg-, Riese-, Klein-* and others are used as emotional-evaluative means. The latter

formations are the most popular and productive as means of subjective evaluation. The semantic structure of emotionally loaded composites in both languages has, for the most part, one lexical-semantic meaning, the exception being the composite *chervotochinka*. Its producing base – *chervotochina* – has in its semantic composition three lexical-semantic variants, which are connected by a special closed radial-chain type of polysemy.

The main medium where the units are used can be considered as an everyday sphere, the language of everyday communication, into which the given formations bring different shades of feelings, emotions, opinions.

Key words: emotional and evaluative means; affixes of subjective evaluation; composites; monosemant; diminutivity; emotional-evaluative connotations; the projection of semes; type of polysemy; semantic structure of a word.

В русском и в немецком языках слова субъективной оценки – явление широко распространенное. Но эмоционально-оценочные средства, служащие для выражения отношения говорящего к предмету или явлению окружающей действительности, в составе двух языков представлены по-разному. Это и стало исходной точкой нашего исследования и анализа. Всем известно, насколько богат и идеально приспособлен русский язык для выражения огромного спектра *разнообразных эмоций*, передающих многочисленные и мельчайшие нюансы отношения говорящего к предмету высказывания. Эта область языкознания достаточно хорошо изучена – [Русская грамматика 1980; Степанова, Чернышева 1953; Чурилова 2005]. В данной статье рассмотрим те эмоционально-оценочные средства русского языка, которые присущи композитам в составе глагольных гнезд. В немецком языке категория диминутивности и средства ее реализации не так широко представлены, как в русском. Поэтому объектом анализа в немецком языке являются слова субъективной оценки, как простые, так и сложные по своей структуре, и эмоционально-оценочные средства реализации этой оценки. Таким образом, цель данной статьи – сравнить и проанализировать эмоционально-оценочные средства русского языка в составе глагольных гнезд у композитов с эмоционально-оценочными ресурсами немецкого языка, имеющими место как в составе простых, так и сложных слов.

В составе глагольных гнезд русского языка нами выявлено всего 13 композитов с эмоционально-оценочным значением. Это такие слова, как *черномазенький* [Тихонов 1985, т. 2, с. 546], *паровозишко* (*паровозик*) [Тихонов 1985, т. 2, с. 253], *самогоночка* [Тихонов 1985,

т. 2, с. 364], *червоточинка* [Тихонов 1985, т. 2, с. 523], *самоварчик* (*самоварец, самоварище*) [Тихонов 1985, т. 2, с. 359], *полушажок* [Тихонов 1985, т. 2, с. 247], *лупоглазенький* [Тихонов 1985, т. 1, с. 674], *самолюбище* [Тихонов 1985, т. 2, с. 371], *самолетик* [Тихонов 1985, т. 2, с. 367], *наигостеприимнейший* [Тихонов 1985, т. 1, с. 246]. В современном русском языке 556 глагольных гнезд, в них насчитывается 7125 композитов. Среди этого числа – 4428 существительных, 2518 прилагательных, 180 глаголов и 161 наречие. 13 эмоционально-оценочных композитов составляют, по нашим подсчетам, приблизительно 0,16% от общего количества номинаций. Такое небольшое число композитов с эмоционально-оценочным значением легко объяснить. На наш взгляд, причина заключается в сфере употребления слов со сложными основами. Слова субъективной оценки чаще всего используются людьми в повседневной речи, имеют бытовую область функционирования, т. е. характерны для разговорной речи [Земская 1973]. Композиты же, напротив, в большинстве своем активны в научном стиле, а именно в области терминологии. Но, несмотря на свой книжный характер, определенное количество композитов все-таки вошло в повседневную речь, благодаря чему они получили возможность сочетаться с суффиксами субъективной оценки.

Под эмоционально окрашенными композитами в составе русских глагольных гнезд мы понимаем слова со сложными основами, имеющими в своем составе аффиксы субъективной оценки. С точки зрения словообразования, данные единицы следует отнести к производно-сложным аффиксальным словам, образованным от сложных на последующих ступенях словообразования [Чурилова 2005]. Основными способами их образования, как показал анализ, являются суффиксация и префиксация, в процессе которых к сложной производящей основе происходит добавление префиксов и суффиксов субъективной оценки. В языке эмоционально-окрашенные суффиксы подразделяются, как известно, на две большие противоположные группы: 1. Мелиоративные, т. е. выражающие одобрение, восхищение, ласкательность и имеющие значение положительной оценки. Сюда относятся, например, такие суффиксы: *-ик-*, *-ец-*, *-ишк-*, *-к-*, *-еньк-* и др. 2. Пейоративные, т. е. выражающие неодобрение, презрение, пренебрежение и имеющие значение отрицательной, «уничижительной» оценки. Это *-ищ-*, *-ин-*, *-овищ-*, *-енция-* и др. [Русская грамматика 1980].

Суффиксы первой группы представлены в следующих словах:

- чик- (самовар-**чик**, самогон-**чик**);
- ец- (самовар-**ец**);
- ишк- (самовар-**ишк**-о, паровоз-**ишк**-о);
- к- (самогоноч-**к**-а, червоточин-**к**-а);
- ик- (паровоз-**ик**, самолет-**ик**);
- ок- (полушаж-**ок**);
- еньк- (лупоглаз-**еньк**-ий, черномаз-**еньк**-ий).

Некоторые из приведенных примеров демонстрируют чередование согласных на морфемном шве – на границе основы и суффикса [Русская грамматика 1980]. Так, например, заднеязычный [г] чередуется с шипящим [ж] в слове *полушажок* – *полушаг*.

Суффиксы второй группы представлены единичным экземпляром, а именно суффиксом **-ищ-** в словах *самовар-ищ-е*, *самолюб-ищ-е*.

Приставочный способ образования эмоционально окрашенных композитов в составе глагольных гнезд представлен лишь словообразовательным типом с приставкой **наи-**, обозначающей высшую степень проявления признака, названного мотивирующим словом [Русская грамматика 1980], например: *наигостеприимнейший*.

Производно-сложный характер рассматриваемых нами композитов, их тесная взаимосвязь с производящей основой определяют особенности анализа их семантической структуры. В частности, за основу анализа мы берем исходные, мотивирующие слова, выступающие в качестве производящей базы композитов с эмоционально-оценочным значением, и рассматриваем особенности их лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) и семообразования, которые в полной мере будут характерны и для производных от них единиц.

Семантическая структура эмоционально окрашенных композитов в большинстве своем имеет одно лексико-семантическое значение, исключение составляет композит *червоточинка*. Его производящая база – *червоточина* – имеет в своем семантическом составе три ЛСВ, которые связаны между собой особым замкнутым радиально-цепочечным типом полисемии. Рассмотрим это слово более подробно.

Червоточина входит в состав словообразовательного гнезда (далее СГ) с вершинами *точить I (делать острым)* и *червь*. В словаре зафиксированы такие значения данной лексемы:

1. Отверстие, проточенное в чем-либо червями (личинками насекомых).
2. Повреждение, порча чего-либо червями (личинками насекомых).
3. *перен.* Изъян, несовершенство у кого-либо или в чем-либо, грозящее в дальнейшем гибелью, упадком и т. д. [Словарь русского языка 1981, т. 4, с. 147].

Второй ЛСВ появился на базе первого в результате метонимического переноса на основе общности внешнего семантического признака «поврежденный, испорченный». Третий ЛСВ появился на базе второго ЛСВ и на базе первого ЛСВ в результате метафорического переноса на основе общности внутреннего признака «связанный с губительными изменениями». Графически это показано на схеме 1.

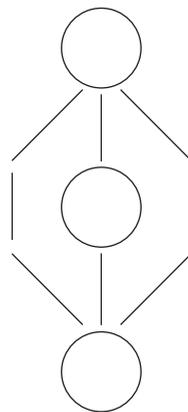
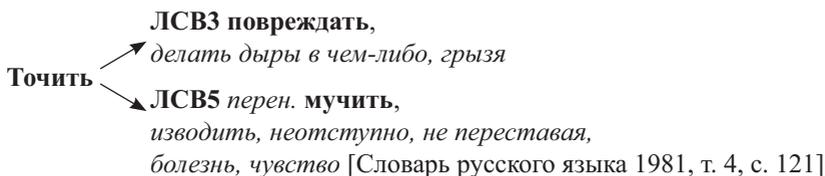
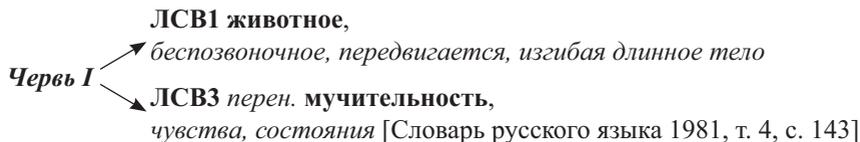
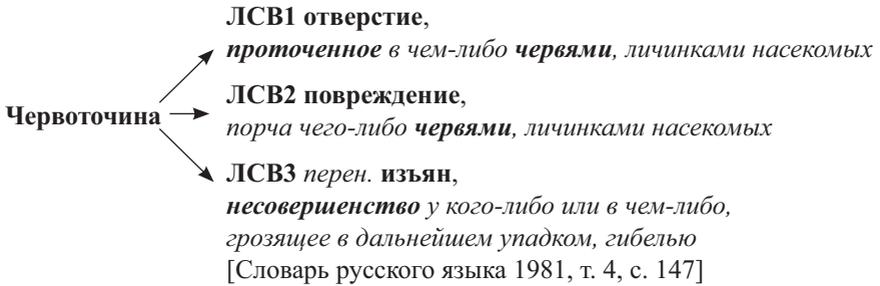

Схема 1

Механизм сеообразования данного композита также своеобразен. При образовании его семантической структуры обе вершины СГ спроецировались двумя ЛСВ своей эпидигмы. Глагольная вершина *точить* имеет 6 ЛСВ, а субстантивная *червь* – 3

ЛСВ в своих смысловых структурах. *Точить* проецируется ЛСВ 3, 5 на ЛСВ производного. Субстантивная вершина реализуется в ЛСВ композита своими ЛСВ 1, 3. Рассмотрим семную структуру единиц, составляющих фрагмент аллигатуры, исходя из их дефиниций, данных в Малом академическом словаре. При подаче материала гиперсема обозначена жирным шрифтом, гипосемы – светлым курсивом, а спроецированные семы – жирным курсивом:

Третье значение глагольной вершины спроецировано непосредственно на ЛСВ 1, 2 композита на гипер- и гипосемном уровне; семная связь при проекции на ЛСВ1 гиперо – гиперо-гипонимическая: **повреждать – отверстие, проточенное**; и гиперо-гиперонимическая – на ЛСВ 2: **повреждать – повреждение**. ЛСВ 5 глагольной вершины спроецирован на ЛСВ 3 композита опосредованно через гиперсему **изъян** и гипосему **несовершенство**, сопровождающиеся чаще всего *мучениями*; семная связь гиперо – гиперо-гипонимическая: **мучить – изъян, несовершенство**. Субстантивная вершина проецируется ЛСВ1 непосредственно на ЛСВ 1, 2 производного; семная связь – гиперо-гипонимическая: **животное – червями, червями**; и ЛСВ 3 опосредованно, метафорически на ЛСВ3 композита через гиперсему **изъян**, сопровождающийся *мучениями*; семная связь – гиперо-гиперонимическая: **мучительность – изъян**.

Итак, механизм семообразования данного композита построен на проекции обеих вершин СГ двумя своими значениями на семантическую структуру производного. Проекция осуществляется одним значением обеих вершин непосредственно на два значения композита, а другим значением также обеих вершин – опосредованно – на ЛСВ3 производного. Проекция двух значений второй вершины происходит на двух уровнях одновременно: гиперо- и гипосемном. Рассмотренные нами сложные проекционные связи в семантической структуре композита *червоточина* в полной мере распространяются и на его производный *червоточинка*.

В немецком языке категория уменьшительности (диминутивности) и средства ее реализации не так широко представлены, как в русском. Как известно, диминутивность – особое языковое значение,

связанное, прежде всего с указанием на уменьшение размера объекта, и, как правило, выражающееся путем прибавления определенного аффикса к именной основе. О. С. Ахманова под диминутивом понимает обобщенное значение малого объема, размера, обычно выражающееся посредством уменьшительных аффиксов [Ахманова 1966]. В. А. Кузьменкова, в свою очередь, определяет диминутив как «грамматическую конструкцию», при помощи которой передается широкий спектр модальных смыслов [Кузьменкова 2007].

Категория диминутивности начала изучаться в немецком языке с XVII в. Долгое время, вплоть до начала XX в., существовало мнение, что диминутивность – чисто германское явление. В 1901 г. немецкий исследователь А. Польцин в своей диссертации обосновал положение о том, что диминутивность нехарактерна для германских языков вообще, что модели образования уменьшительных существительных были заимствованы в древневерхненемецкий период из латинского. Это заимствование, по его мнению, продолжалось вплоть до средневерхненемецкого, а затем заимствованные формы из церковной литературы, где они часто употреблялись, проникли в разговорный язык, и, прижившись на этой почве, стали продуктивными. Позже точку зрения А. Польцина поддержали А. Бах, Ф. Верде [Polzin 1901]. Ф. Верде доказывал, что уменьшительность не является германским явлением, исходя из ее географического распределения, количественного нарастания диминутивов во времени, а также принимая во внимание факт, что диминутивы не употреблялись в диалектах [Верде 1955]. Таким образом, небольшой исторический экскурс наглядно объяснил нам наличие ограниченного количества средств субъективной оценки в немецком языке.

В немецком языке под диминутивами чаще всего понимают уменьшительные формы существительных, образованные путем аффиксации, то есть по своей словообразовательной структуре это чаще всего аффиксальные образования, к производящей основе которых добавлены эмоционально-оценочные суффиксы или префиксы. Самыми распространенными и практически единственными уменьшительно-ласкательными суффиксами литературного немецкого языка являются *-chen*, *-lein*, например: *das Äpfelchen*, *das Blüschchen*, *das Büchlein*, *das Bildchen* и др. Эти суффиксы всегда дают существительное среднего рода, не важно, какой род был у исходного существительного. Они не

изменяются во множественном числе (*das Mäuschen – die Mäuschen*) и обычно добавляют умлаут в корень слова там, где это возможно. С некоторыми существительными всегда используется только *-chen*, с другими только *-lein*, и со многими можно использовать оба. Определенных правил здесь нет. Есть слова, основная форма которых исторически вышла из употребления, и уменьшительная форма больше не имеет уменьшительного значения, например, *девочка = das Mädchen*, *сказка = das Märchen*. Суффикс *-chen* имеет преимущественное распространение в нижненемецких и в большей части средненемецких диалектах; *-lein* – в южных и среднеюжных диалектах Германии, однако в литературном языке, где долгое время отдавали предпочтение суффиксу *-lein*, сейчас употребительны оба суффикса. Словообразовательные значения этих суффиксов широки и разнообразны. К ним относятся:

- 1) «уменьшительность, малость» (*das Dörfchen, das Städtchen*);
- 2) «эмоциональность-ласкательность» с положительной коннотацией (*das Küsschen*);
- 3) «эмоциональность-пренебрежительность, выражение нерасположения» с отрицательной коннотацией (*das Bürschchen, das Filmchen, das Kavalierlein*) [Fleischer 1974].

Знак оценки в коннотации зависит, как правило, от контекста и от отношения говорящего к предмету. В доказательство сказанному хочется привести отрывок из стихотворения Зеппа Остеррайхера «*Lischen und die Maus*», изобилующего диминутивами, благодаря которым авторская позиция наиболее ярко выражена:

Sprach die Maus zum *Lieschen*:
 “Wasch dir deine *Füsschen*!
 Meine *Pfötchen*, liebes *Mädchen*,
 Alle Tage putze ich.
 Aber deine *kleine Beine*
 Sind doch gar zu schmutzig!” [Миллер 1997].

Диминутивный характер носят в немецком языке также суффиксы:

- *-elchen*, например: *Dingelchen, Krügelchen, Ringelchen, Tüchelchen* и др.;
- *-(e)l*, например: *Kindel, Mäd(e)l (Mädchen), Büschel, Bündel, Bändel, Gürtel, Ränz(e)l* и др.;

- *-i*, например: *Bubi, Vati, Schlawfi, Sohni, Omi, Opi, Schwesti, Brudi, Tanti, Pappi, Mamma, Schatzi, Kussi, Jungi, Zimmi, Alki, Wolfi, Hüнди, Püppi, Mausi, Hausi, Buschi* и др.;
- *-erl*, например: *Fleckerl, Häuserl* и др.;
- *-le*, например: *Dichterle, Trämle (Tram)* и др.;
- *-eken*, например: *Stinneken* и др.;
- *-ette*, например: *Stifelette, Operette, Zigarette* и др.;
- *-ila*, например: *Mamila* и др. [Uday Hattim Mahmud AL Sallawi 2011].

Следует отметить, что вышеназванные суффиксы употребляются гораздо реже и часто имеют территориальное ограничение. Например, среди диалектных вариантов, в том числе в австрийском национальном варианте, встречаются суффиксы *-le, -li, -ke, -erl*: *Spassken, Spassle, Spassli, Sakerl, Hunderl*. В то время как суффиксы *-chen, -lein* наиболее распространены и являются продуктивными средствами деривации в немецком языке, хотя территориальная распространенность для них также характерна. Это отмечает и Е. Доналис, говоря о следующих тенденциях в словообразовании на современном этапе развития немецкого языка: «С помощью суффикса *-chen* образуют новые слова чаще представители северных ареалов Германии, тогда как суффикс *-lein* для выражения значения диминутивности предпочитается жителями южных территорий страны» [Duden 1995]. Следует отметить, что суффикс *-chen* может добавляться к словам и на последующих ступенях деривации, например, слово *das Bild* на первой ступени деривации образует форму множественного числа с помощью суффикса *-er*, а на второй ступени, добавляя суффикс *-chen*, получает диминутивное значение *das Bilderchen* (маленькая фотография). Подобную тенденцию мы можем наблюдать в словах *Blätterchen, Eierchen, Liederchen*. В следующих примерах диминутивный суффикс добавляется к сложному слову на второй ступени деривации: *Bürgermeister – Bürgermeisterlein* (мэришко), *Cocktailkleid – Cocktailkleidchen* (коктейльное платье), *Edelstein – Edelsteinchen* (благородный камешек), *Bühnenbild – Bühnenbildchen* (маленькие декорации).

Роль эмоционально-оценочных средств в немецком языке могут также выполнять части сложного слова. Словосложение, как известно, в немецком языке один из продуктивных способов словообразования и композиты, как результат этого процесса, широко распространены

в немецком языке. Например, значение увеличения несут такие части сложного слова, как *Riesen-*, *Giga-*, *Mega-*, ср.: *Riesenerfolg* (огромный успех), *Riesentanne* (елка-великан), *Megaparty* (вечеринка с большим количеством участников) и др.

Таким образом, на примере двух языков, русского и немецкого, мы попытались рассмотреть средства выражения эмоционально-оценочного значения и проанализировать слова субъективной оценки. Но даже такой беглый, на наш взгляд, обзор, позволил выявить ряд закономерностей. Основная среда употребления рассматриваемых нами единиц – это бытовая сфера, язык повседневного общения, в который данные образования приносят разные оттенки чувств, эмоций, делая его живым и непосредственным. По своей словообразовательной сути, это всегда производные суффиксального, префиксального, префиксально-суффиксального способов словообразований или словосложения. В русском языке наиболее распространенными и продуктивными являются суффиксы *-чик-*, *-ишк-*, *-еньк-* и др.; и приставка *нау-*; в немецком *-chen* и *-lein*. Композиты с эмоционально-оценочным значением малопродуктивны в русском языке, зато в немецком языке данные образования широко распространены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
- Верде Ф. Немецкая диалектография : пер. с нем. М. : Наука, 1955. 312 с.
- Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М. : Просвещение, 1973. 307 с.
- Кузьменкова В. А. Диминутив как средство выражения имплицитных смыслов высказывания // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2007. Вып. 34. С. 38–45.
- Миллер Е.Н. Большой универсальный учебник немецкого языка. Ульяновск : изд-во СЧП «Язык и литература», 1997. 648 с.
- Русская грамматика. Ч. I. М. : Наука, 1980. 641 с.
- Словарь русского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1981. Т. 4. 702с.
- Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. 376 с.
- Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М. : Русский язык, 1985. Т. 1. 843 с.; Т. 2. 886 с.
- Чурилова Н.А. Композиты в составе русских глагольных гнезд: механизмы слово- и семообразования : дис. ... канд. филол. наук. Арзамас, 2005. 185 с.

Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Hg. und bearbeitet von Günther Drosdowski in Zusammenarbeit mit Peter Eisenberg, Hermann Gelhaus, Helmut Henne, Horst Sitta und Hans Wellmann (= Duden Bd. 4), Mannheim – Leipzig – Wien – Zürich : Dudenverlag, 1995. 526 c.

Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig : VEB Bibliogr. Inst., 1974. 361 c.

Polzin A. Studien zur Geschichte des Deminutivums im Deutschen. Strassburg : Albert Muller Verlag, 1901. 198 S.

Uday Hattim Mahmud AL Sallawi. Die Diminution im Deutschen und im Arabischen // Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie. Bagdad / Irak, 2011. 150 S.

УДК 811.111'37

Е. В. Ларцева

кандидат филологических наук,
доцент кафедры германской филологии департамента
«Филологический факультет» Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;
e-mail: ekalarceva@yandex.ru

ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ АМЕРИКАНИЗМОВ В РОМАНАХ Н. ХОРНБИ

В статье представлены результаты идеографического анализа американизмов в шести романах британского писателя Ника Хорнби: «High Fidelity» (1995), «About a Boy» (1998), «How to Be Good» (2001), «A Long Way Down» (2005), «Slam» (2007), «Juliet, Naked» (2009). Под американизмами понимаются лексические единицы, специфичные для американского варианта английского языка и заимствуемые в другой язык или вариант языка (в нашем случае – в британский вариант английского языка). При поиске американизмов в романах Н. Хорнби использовалось совмещение дедуктивной методики, основанной на обращении к исходным спискам американизмов в словарях, научных статьях и монографиях, а также к современным метаязыковым комментариям носителей британского варианта английского языка, и индуктивной методики, предполагающей фокусирование на тексте. Американские заимствования представляют яркую черту романов Н. Хорнби. Их использование полифункционально: они имеют функции лингвоэтнической идентификации говорящего (указание на американскую принадлежность героя); языковой мимикирии (стремление героя-британца «подстроиться» под собеседника-американца); стимулирования метаязыковой рефлексии (реакция британца на использование собеседником американизма); идентификации авторской эмпатии (описание автором ситуации с позиции героя-американца); усиления экспрессии (использование слова из американского варианта языка в британском тексте служит отсылкой к более неформальной, жаргонизированной культуре); эмблемы социальной группы (указание на принадлежность говорящего к определенной возрастной группе или субкультуре); культурной отсылки (к реалиям американской материальной культуры, социальной жизни или духовной культуры, как правило, массовой). Предлагаемая идеографическая классификация американизмов содержит пять базовых, наиболее крупных объединений, именуемых тематическими разделами: «Социум и культура», «Человек», «Быт», «Бытие (Жизнь в общих чертах)», «Труд». Тематические разделы обладают внутренней иерархической структурой, подразделяясь на более мелкие объединения – тематические группы и подгруппы. При анализе внутренней организации тематических разделов и групп (подгрупп) учитываются следующие параметры: логика заполнения тематической группы / раздела конкретными идеограммами, относительная заполненность группы / раздела (количество представленных единиц), симметричность / асимметричность заполнения логически однотипных

или «парных» подгрупп (например, положительная vs. отрицательная рациональная и эмоциональная оценка), степень детализации того или иного смысла или группы смыслов в американских заимствованиях в романах Н. Хорнби. Составление идеографической классификации позволяет выявить смысловые зоны лексической системы языка-реципиента (британского варианта английского языка), востребующие американские заимствования, а также определить тематические сферы языка-донора (американского варианта), которые являются самыми разработанными с точки зрения детализации того или иного смысла. Обнаружено, что американские заимствования преобладают в лексике следующих сфер: «Коммуникация», «Физическая культура, спорт», «Интеллект, мир интересов и увлечений человека», «Рациональная и эмоциональная оценка», «Нормы (антинормы) общественной жизни», «Психоземotionalный мир человека». В то же время есть идеографические области, в которых американизмы единичны. В них используется почти исключительно лексические единицы британского варианта английского языка. Вполне ожидаемо, что сюда относятся слова со значением семейных связей, лексика родства и т. п.

Ключевые слова: идеографическая классификация; американизм; британский вариант; американский вариант; Ник Хорнби.

E. V. Lartseva

PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Germanic Philology, Philological Faculty, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; e-mail: ekalarceva@yandex.ru

IDEOGRAPHIC DESCRIPTION OF AMERICANISMS IN THE NOVELS BY N. HORNBY

The article presents the results of ideographic analysis of Americanisms in six novels by the British writer Nick Hornby: «High Fidelity» (1995), «About a Boy» (1998), «How to Be Good» (2001), «A Long Way Down» (2005), «Slam» (2007), «Juliet, Naked» (2009). Americanisms are lexical units specific to American English and borrowed into another language or another variant of a language (in our case – British English). While selecting Americanisms in Nick Hornby's novels the author used two methods: deduction, the essence of which is turning to the original lists of Americanisms in dictionaries, scientific articles, studies and contemporary metalinguistic comments of British English speakers, and induction, based on focusing on the text. American borrowings constitute a distinctive feature of Nick Hornby's novels. They are used in various functions: those of linguistic and ethnical identification (pointing to the American identity of a character), linguistic mimicry (the desire of a British character to adjust to the interlocutor's manner of speaking), stimulation of metalinguistic reflection (the reaction of a British character to the use of an American word), identification of the author's point of view (the description of a situation from the point of view of an American character), intensification of expression (the use of an American word in a British context serves as a reference to a more informal,

jargonized culture), social group emblem (identifying the speaker as a member of a particular age group or subculture) and cultural reference (to the realia of American material culture, social life and spiritual culture, often mass culture). The suggested ideographic classification contains five basic unities, named «thematic areas»: «Society and culture», «Human», «Domestic life», «Human existence (life in general)», «Work». Thematic areas have inner hierarchical structure and are further divided into smaller units – thematic groups and subgroups. Within the analysis of thematic areas and groups (subgroups) the following parameters were taken into account: the way specific ideograms are organized in a thematic group / subgroup, the number of units in a thematic group / area, symmetry / asymmetry of logically similar or correlative subgroups (for example, positive vs negative rational and emotional assessment), the degree of specification of a certain meaning or a group of meanings of American borrowings in the novels by N. Hornby. The author reveals semantic zones of the lexical system of the receiving language (British English) requiring American borrowings and thematic spheres of the donor-language (American English), which are the most developed in terms of a detailed representation of a certain meaning or a group of meanings. It is revealed that American borrowings prevail in such spheres as «Communication», «Physical culture, sport (Skateboarding)», «Intellect, the world of interests and hobbies of a person», «Rational and emotional assessment», «Norms (anti-norms) of social life», «Psycho-emotional world of a person». At the same time there are spheres which are characterized by sporadic examples of Americanisms with a predominant use of British English vocabulary. Predictably, these are lexico-semantic groups containing words denoting family relations, relationship terms etc.

Key words: ideographic description; Americanism; British English; American English; Nick Hornby.

Принципы идеографической классификации и возможности ее использования в практике этнолингвистических или лингвокультурологических исследований анализируются в трудах таких ученых, как Л. Г. Бабенко [Бабенко 2007], Е. Л. Березович [Березович 2007, с. 19–33], Ю. Н. Караулов [Караулов 1976], В. В. Липина [Липина], В. В. Морковкин [Морковкин 1970], В. Н. Телия [Телия 1996, с. 154–176], А. А. Уфимцева [Уфимцева 1962, с. 17–73] и др. Значимость идеографической классификации, в основе которой лежит проблема «соотнесения мира и его языковой картины (образа)» [Телия 1996, с. 158], состоит в том, что она дает наглядное представление о структурировании действительности сознанием человека. По замечанию Л. Г. Бабенко, сам принцип понятийного расположения лексики в идеографических словарях способствует выявлению лексического варианта языковой картины мира [Бабенко 2007, с. 475].

Цель статьи – выявить идеографическое своеобразие американизмов в шести романах британского писателя Ника Хорнби «High Fidelity» (1995), «About a Boy» (1998), «How to Be Good» (2001), «A Long Way Down» (2005), «Slam» (2007), «Juliet, Naked» (2009) и представить обзор тематических групп (подгрупп), содержащих наибольшее количество американизмов. Под американизмами понимаются лексические единицы, специфичные для американского варианта английского языка и заимствуемые в другой язык или вариант языка (в нашем случае – в британский вариант английского языка). При поиске американизмов в романах Н. Хорнби использовалось совмещение дедуктивной методики, основанной на обращении к исходным спискам американизмов в словарях, научных статьях и монографиях, а также к современным метаязыковым комментариям носителей британского варианта английского языка, и индуктивной методики, предполагающей фокусирование на тексте. В указанных романах обнаружено 135 таких слов и выражений.

Американские заимствования составляют яркую черту романов Н. Хорнби. Их использование полифункционально: они имеют функции лингвоэтнической идентификации говорящего (указание на американскую принадлежность героя); языковой мимики (стремление героя-британца «подстроиться» под собеседника-американца); стимулирования метаязыковой рефлексии (реакция британца на использование собеседником американизма); идентификации авторской эмпатии (описание автором ситуации с позиции героя-американца); усиления экспрессии (использование слова из американского варианта языка в британском тексте служит отсылкой к более неформальной, жаргонизированной культуре); эмблемы социальной группы (указание на принадлежность говорящего к определенной возрастной группе или субкультуре); культурной отсылки (к реалиям американской материальной культуры, социальной жизни или духовной культуры, как правило, массовой).

Безусловно, предлагаемая классификация не может дать исчерпывающего представления обо всех социально-культурных сферах, в которых осуществляются контакты британского и американского вариантов английского языка, поскольку она ограничена рамками художественного мира писателя. Вместе с тем составление идеографической классификации, наблюдение над ее членением и наполненностью

групп позволяют глубже понять причины и механизмы заимствования американизмов в британский вариант английского языка; дают возможность выявить зоны варианта-реципиента, которые наиболее проницаемы для заимствований, а также предметные сферы, в которых американские заимствования оказываются востребованными или необходимыми; помогают определить значимость участков действительности, концептуализируемых тем или иным вариантом английского языка.

Составленная нами идеографическая классификация американизмов в романах Н. Хорнби содержит пять базовых, наиболее крупных объединений, которые мы будем именовать тематическими разделами: «Социум и культура», «Человек», «Быт», «Бытие (Жизнь в общих чертах)», «Труд». Эти тематические разделы представляют собой «суперкатегории, репрезентирующие лексическими средствами основные фрагменты мира» [Бабенко 2007, с. 475]. Тематические разделы обладают внутренней иерархической структурой, подразделяясь на более мелкие объединения, – тематические группы и подгруппы. Членение раздела на группы и подгруппы «отражает структуру представлений о соответствующем фрагменте действительности» [Березович 2007, с. 24].

При последующем анализе внутренней организации тематических разделов и групп (подгрупп) наиболее существенным для нас будет учет следующих параметров: логика заполнения тематической группы / раздела конкретными идеограммами; относительная заполненность группы / раздела (количество единиц, представленных в составе группы / раздела); симметричность / асимметричность заполнения логически однотипных или «парных» подгрупп (например, *положительная vs. отрицательная рациональная и эмоциональная оценка*); степень детализации того или иного смысла или группы смыслов в американских заимствованиях в романах Н. Хорнби.

Наиболее обширной и разнообразной тематической группой раздела «Социум и культура» (в состав ее входит 30 американизмов) является группа «**Коммуникация**». В ее рамках выделяются две подгруппы: «Средства связи» и «Язык как орудие коммуникации». Первая подгруппа содержит одну единицу – *cell* (= *cell phone*) ‘сотовый телефон’, – которая употребляется в романах Н. Хорнби в речи героев-американцев и в речи автора (в остальных случаях используется британский аналог *mobile phone*). Отметим, что брит. *mobile*

phone и амер. *cell* (= *cell phone*) функционируют как стилистические синонимы, поскольку слово *cell* (= *cell phone*), в отличие от британского аналога, имеет помету «разговорное» [Rundell 2002, с. 217; Wehmeier 2005, с. 236; Turnbull 2010, с. 233]. Подгруппа «Язык как орудие коммуникации» содержит 29 единиц и членится на более мелкие объединения: «Элементы языка и речи» («Фатические выражения и обращения» – 8 единиц; «Междометия, речевые интенсификаторы» – 11 единиц; «Бранная лексика» – 5 единиц) и «Обозначения речевых действий» – 5 единиц. Такое разнообразие заимствований, принадлежащих сфере неформального речевого общения (в частности, различных неформальных обращений и фатических выражений: *guys* ‘ребята, люди (используется при дружеском обращении к лицам мужского и женского пола)’; *man* ‘парень; «мужик», «чувак» (обращение к лицу мужского пола)’; *pardner* ‘парень, друг; «чувак» (дружеское обращение к человеку мужского пола)’; *kiddo* ‘малыш (обращение к ребенку независимо от пола)’; *dude* ‘парень, старик; «чувак» (фамильярное или дружеское обращение к лицу мужского пола)’; *howdy* ‘привет! здорово!’; *get real* ‘посмотри хорошенько, посмотри на вещи трезво; «продери глаза»’; *yo* ‘эй! привет! (для привлечения внимания или приветствия)’), вполне закономерно: оно отражает тенденцию современного английского языка (в том числе его британского варианта) к colloquialization, которая связывается с процессом американизации. Американская речевая культура демонстрирует наибольшую свободу и раскованность, характеризуется высоким уровнем экспрессивности, что подтверждается, в частности, объемом группы американских междометий в нашей классификации. Последние активно заимствуются в британский вариант английского языка, обогащают сферу выражения эмоций; процесс заимствования подобной лексики демонстрирует потребность британского варианта в новых средствах выражения экспрессии. В числе прочих заимствуются слова, обозначающие тонкие оттенки коммуникативного поведения людей. Например, междометие *doh* используется как комментарий собственного глупого поступка или высказывания говорящего:

- And where did I go the first time I went abroad?
- I don't know. Grenoble.
- Doh, said Marcus scornfully [Hornby 2000, с. 193].

- А куда я первый раз в жизни поехал за границу?
- Не знаю. В Гренобль.
- У, черт, – сердито фыркнул Маркус [Хорнби 2004, с. 234].

В отличие от него, междометие *der* употребляется в качестве комментария глупого поступка или высказывания другого человека:

My mum and dad are always going on about how soulless those places are, and I'm like, Der. That's the point [Hornby 2010, с. 145].

Мама с папой все время начинают занудствовать: мол, какие эти места бездушные. А я им тогда отвечаю: ну, ясен пень. В том и смысл [Хорнби 2013, с. 187].

Вторая по заполненности группа того же раздела – «**Физическая культура, спорт (скейтбординг)**» (20 единиц). Слова, составляющие данную группу, носят узкоспециальный характер, а потому не фиксируются в словарях общей лексики. В специальных же словарях отсутствует зона помет, ограничивающих сферу их употребления территориально. Тем не менее мы включаем данные лексемы в список американизмов, поскольку они сохраняют прочную связь с американской культурой (так, в романе «Слэм» кумиром шестнадцатилетнего Сэма становится знаменитый американский скейтбордист Тони Хоук) и имеют узкую сферу употребления (в результате возникает необходимость их комментирования для читателя). Примечательно, что все они встречаются только в речи британского подростка Сэма, занимающегося скейтбордингом (роман «Слэм»), и представляют собой необходимые заимствования, так как связаны с видом спорта, пришедшим из США (скейтбординг зародился в Калифорнии) вместе с наименованиями различных трюков, спортивных сооружений и специального снаряжения. Такие американизмы, как *deck* 'специальная доска с роликами, предназначенная для катания и выполнения различных трюков, скейтборд; «доска»'; *half-pipe* 'сооружение, представляющее собой по форме полутрубу, используемое в скейтбординге, рампа U-формы; «хафпайп»'; *ramp* 'сооружение из металла или дерева с плоским дном и закругленными вверх стенками, используемое в скейтбординге; «рампа»', являются названиями, импортированными из американского варианта английского языка в британский вместе с обозначаемыми ими предметами. Отметим также, что лексемы данной группы принадлежат по большей части жаргону, который

заменяет в сфере скейтбординга – «неформального» экстремального вида спорта – профессиональную терминологию.

Примечательно, что в тематической группе «**Нормы (антинормы) общественной жизни**» представлены исключительно обозначения асоциального поведения человека (8 единиц). Группа делится на подгруппы, описывающие «картину мира социальной среды субкультуры» [Мокиенко, Никитина 1999, с. 81]: «Пьянство и наркомания» (*blasted* ‘опьяненный спиртными напитками или одурманенный наркотиками; «обкуренный»’; *munchies* ‘приступ голода, вызванный употреблением марихуаны’), «Проституция» (*hooker, ho* ‘проститутка’), «Разбой, воровство, драка» (*boost* ‘воровать (обычно товары, выставленные на прилавках в магазинах)’; *gangsta* ‘гангстер’; *kick one’s ass* ‘сильно побить, избить; «надрать кому-либо задницу»’; *nail one’s ass to a tree* ‘убить, лишить жизни кого-л.; «замочить»’).

Наиболее представительная группа раздела «Человек» – «**Интеллект, мир интересов и увлечений человека**» (11 единиц). Примечательно, что в характеристике интеллекта и увлечений человека «отрицательный» сектор (где представлены слова, обозначающие негативно оцениваемые качества: глупость, несообразительность, чудаковатость, старомодность, фанатичность) значительно перевешивает сектор «положительный» (содержащий всего одно заимствование – *smart* ‘смышленный, сообразительный, находчивый’). Такая неравномерность иллюстрирует закон преимущественной номинации негативных явлений, проявляющийся в разных языках по отношению к лексике, характеризующей человека. Показательно также, что в сфере обозначений ментальных действий ряд лексем номинируют обман, нередко преследующий негативные цели в межличностных отношениях (поэтому данная подгруппа пересекается с подгруппой «Межличностные отношения»): *sucker (sb into doing sth)* ‘обмануть, обвести вокруг пальца, одурачить; «наколоть»’, *stack the deck* ‘подтасовывать, исказить факты’.

Следующая по наполненности группа – «**Рациональная и эмоциональная оценка**» (10 единиц) – также представлена экспрессивной лексикой. В основном это отрицательные характеристики того или иного предмета, человека, явления, ситуации: *low-rent* ‘заурядный, ничем не выдающийся (о человеке); «второсортный»’; *sb / sth sucks* ‘мерзость (о чем-то крайне неприятном, непригодном для чего-

либо; «полный отстой», «полное дерьмо» ('вызывать сильное отвращение' – *suck*); *sorry-ass* 'глупый; «дурацкий», «идиотский»'; *long-ass* 'чересчур длинный; «по-идиотски» длинный»; *grungy* 'запущенный, неопрятный, грязный (о месте, городе)'; *like a pickle in a Big Mac* 'о возникновении неприятной, затруднительной ситуации'. «Положительный» сектор включает четыре единицы: *awesome* 'потрясающий, фантастический'; *totally awesome* 'отличный, престижный, достойный уважения; «невероятно крутой»'; *kinda cool* 'отлично, престижно, достойно уважения; «круто», дословно «типа круто» и *cool dad-dio* 'преуспевающий человек; «крутой чувак»'.

Весьма детально разработана группа «**Психозэмоциональный мир человека**» (7 единиц). Она включает в основном экспрессивную лексику, которая характеризует эмоциональное состояние человека (*psyched* 'находящийся в приподнятом настроении, взволнованный, возбужденный'; *pissed* 'злой, сердитый, недовольный'; *blow away* 'приводить в восторг, впечатлять') или номинирует рассеянность, странность и психическую неполноценность человека (*spaced-out* 'несобранный, рассеянный', *wacko* 'сумасшедший, ненормальный человек; «псих»', *flaky* 'странный, чудной; «чокнутый»'). Большое количество экспрессивных единиц объясняется тем, что «экспрессивная лексика всегда склонна к "самозаражению", проявляющемуся в постоянном увеличении количества номинативных единиц на единицу смысла [Березович 2007, с. 25], в частности, смысла 'сумасшедший, чудаковатый'. В нашем случае эти «множащиеся» экспрессивы заимствуются другим национальным вариантом языка, обогащая сферу описания человеческой психики.

Таким образом, обнаружилось, что американские заимствования преобладают в лексике следующих сфер: «Коммуникация», «Физическая культура, спорт (скейтбординг)», «Интеллект, мир интересов и увлечений человека», «Психозэмоциональный мир человека», «Рациональная и эмоциональная оценка», «Нормы (антинормы) общественной жизни». Для обозначения понятий и явлений, которые относятся к сферам «Семья», «Анатомия / физиология, внешность человека, позы», «Время», «Пространство», «Общие свойства тел и веществ», «Отношение к результатам деятельности», в романах Н. Хорнби, напротив, используется преимущественно лексика британского английского языка. Так, например, группа «**Семья**»

содержит американизмы, которые употребляются только в речи героев-американцев, а следовательно, не являются полноценными заимствованиями: *mom* ‘мама (в семейном общении и в разговоре детей о родной матери)’ (американский аналог британского слова *tit*, имеющий разговорный характер и функционирующий, в частности, как обращение), прилагательное *mom-and-pop*, словарное значение которого (‘семейный (о небольшом магазине или каком-либо мелком предприятии, управляемом семейной парой)’ (см., например, [Turnbull 2010, с. 989]) не совпадает с контекстным (‘материнский и отеческий (о заботе, попечении)’).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабенко Л. Г. Идеографическое описание русской лексики как способ выявления базовых категорий и ключевых концептов [Электронный ресурс] // Русский язык: Исторические судьбы и современность. Материалы III Международного конгресса исследователей русского языка. М., 2007. С. 475. URL : www.philol.msu.ru/~rlc2007/pdf/16.pdf
- Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007. 600 с.
- Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М. : Наука, 1976. 356 с.
- Литина В. В. Региональный диалектный идеографический словарь: принципы построения и семантическая структура (на материале бытовой лексики говоров Среднего Урала) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 384 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Фразеология в контексте субкультуры (фразеология в жаргоне и жаргон во фразеологии) // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 80–85.
- Морковкин В. В. Идеографические словари. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. 71 с.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. 288 с.
- Хорнби Н. Долгое падение / пер. с англ. А. Ю. Степанова. СПб. : Амфора, 2013. 319 с.
- Хорнби Н. Мой мальчик / пер. с англ. К. Х. Чумаковой. М. : Иностранка, 2004. 335 с.
- Hornby N. About a Boy. London : Penguin Books, 2000. 278 p.

- Hornby N.* A Long Way Down. London : Penguin Books, 2010. 257 p.
- Rundell M.* (ed.) Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Education, 2002. 1692 p.
- Turnbull J.* (ed.) Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 8th ed. Oxford : OUP, 2010. 1952 p.
- Wehmeier S.* (ed.) Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. 7th ed. Oxford: OUP, 2005. 1780 p.

ВОЗМОЖНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ КЛИТИК В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются некоторые случаи употребления клитик в стандартном немецком языке, разговорной речи и диалектах. Среди всех частей речи современного немецкого языка наиболее часто клитические формы имеют определенный и неопределенный артикль, а также личное местоимение. В современном немецком языке проявляется тенденция к сокращению служебных слов. Данная тенденция характерна для разговорной речи и диалектов, которые часто являются более инновационными, чем стандартный немецкий язык, служащий языковым эталоном. В этой связи мы обращаемся к рассмотрению возможностей употребления клитик в стандартном немецком языке, разговорной речи и диалектах.

Под клитикой понимается часть соединения двух слов, не имеющая ударения. Клитика может выступать в предложении только с опорным словом, с которым они образуют прочное фонетическое единство.

Цель данного исследования – рассмотреть возможности употребления клитик в современном немецком языке. В ходе исследования применялись следующие методы: описательный метод и метод текстового анализа. Материалом исследования служат тексты современной немецкоязычной художественной литературы.

В современном немецком языке речь идет о существовании некоторого смешения стандартного языка и диалекта. Клитические явления, широко употребляющиеся в разговорной речи, диалогах, в большом количестве встречаются в диалектах немецкого языка. При этом они, как правило, являются особенностью не какого-то одного, а нескольких диалектов, и одновременно находят применение в разговорном языке. Таким образом, граница между стандартными, разговорными и диалектными слияниями не является четкой.

В данной статье рассматриваются клитические формы определенного и неопределенного артиклей, а также клитические формы личных местоимений в современном немецком языке.

Употребление клитик в разных формах немецкого языка неодинаково. Стандартный язык, которому свойственна кодификация языковых средств, допускает ограниченное число клитических явлений, в разговорной немецкой речи имеется больше возможностей для их образования. Клитические формы артикля характерны как для немецкой разговорной речи и диалектов, так и для стандартного языка. Некоторые виды клитических форм определенного артикля характерны для современного стандартного языка, они являются нормой и отличаются высокой степенью грамматикализации. Что касается клитических форм неопределенного артикля и личных местоимений, то они характерны, скорее, для разговорной речи

и диалектов, чем для стандартного немецкого языка. В письменной речи употребление клитических форм личных местоимений избегается.

В случае клитизации личных местоимений речь идет о личных местоимениях, занимающих постпозицию после глаголов. При этом в качестве возможной основы для них выступают по большей части глаголы. В предложениях с обратным порядком слов, где сказуемое занимает первое или второе место, личное местоимение может присоединяться к глаголам.

В связи с клитизацией языковых единиц, а именно – определенного и неопределенного артиклей, а также личных местоимений можно утверждать, что в диалектах и разговорном немецком языке наблюдается сильная тенденция к синтезу.

Данная тенденция к синтезу приводит языковые элементы, располагающиеся рядом друг с другом, к единству, что ведет к их дальнейшей грамматикализации и морфологизации.

Клитика занимает значимое место в проведении границы между аналитическим и синтетическим строем языка. По стремлению языка к клитическим сращениям можно определить, к какому способу выражения имеет тенденцию тот или иной язык. В случае устойчивого возникновения грамматикализированных клитик можно говорить о более сильном стремлении языка к синтезу.

Ключевые слова: клитическая форма; клитизация; артикль; личное местоимение; разговорная речь; диалект; грамматикализация.

O. V. Mironova

Senior Lecturer at the Department of Second foreign language, MSLU;
e-mail: olgamironowa@mail.ru

THE POSSIBILITY OF THE USE OF CLITICS IN MODERN GERMAN

The article focuses on some cases of the use of clitics in the standard German language, spoken speech and dialects. Among all parts of modern German language, the most common are clitic forms of definite and indefinite article, as well as personal pronoun. In the modern German language there is a tendency to reduce the auxiliary words. This trend is typical for spoken language and dialects, which are often more innovative than the standard German language, which serves as a reference language. In this regard, we turn to the consideration of the use of clitic in the standard German language, spoken speech and dialects of German.

Under the clitic is understood part of the connection of two words that has no stress. Clitics can serve in the sentence only with the reference word with which they form a solid phonetic unity. The purpose of this study is to consider the possibility of using clitic in modern German. In the course of the study the following methods were used: descriptive method, text analysis method. The material of the study is the texts of modern German fiction.

In the modern German language we are talking about the existence of a mixture of standard language and dialect. The clitic phenomena widely used in spoken speech, dialogues, in abundance are found in dialects of the German language. At the same

time, they are usually not a feature of a single dialect, but several dialects, and at the same time find their application in the spoken language. Thus, the boundary between standard, spoken and dialect fusion forms is not clearly distinguishable.

This article discusses the clitic forms of definite and indefinite articles, as well as the clitic forms of personal pronouns in the modern German language. The use of clitics in different forms of the German language is not the same. The standard language, which is characterized by the codification of language means, allows a limited number of clitic phenomena, in the spoken German speech, there are more opportunities for their formation. The clitic forms of the article are typical for German spoken speech and dialects, as well as for the standard language. Some types of clitic forms of a certain article are typical for modern standard language, they are the norm and have a high degree of grammaticalization. As for clitical forms of indefinite article and personal pronouns, they are rather characteristic for spoken language and dialects than standard German language. In writing the use of clitical forms of personal pronouns is avoided.

In the case of clitization of personal pronouns it comes to personal pronouns, which take the postposition after verbs. However, as a possible basis for them are for the most part verbs. In sentences with the inverse word order, where the predicate takes first or second place, the personal pronoun can join verbs. In connection with the clitization of language units, namely, definite and indefinite articles, as well as personal pronouns, it can be argued that in dialects and spoken German there is a strong tendency to synthesis.

The tendency to synthesize leads to the unity of the language elements located next to each other, which leads to their further grammaticalization and morphology. Kritika occupies a significant place in the conduct of the boundaries between analytical and synthetic system of language. By the tendency of the language to the clitic forms, it is possible to determine to what method of expression this or that language tends. In the case of the sustained occurrence of grammaticalized clitics, we can talk about the tendency of the language to synthesis.

Key words: clitical form; clitization; article; personal pronouns, spoken speech; dialect; grammaticalization.

Введение

Поскольку стандартный немецкий язык, который фигурирует в новостях по радио и телевидению, обладает престижем, он так или иначе оказывает влияние на разговорный язык. Можно предположить, что он сдерживает образование многочисленных клитических форм в разговорном языке, так как стандартный язык характеризуется относительно низкой тенденцией к клитизации. Дialectы, выступающие преимущественно в устной форме, показывают сложную и комбинированную систему клитик.

В настоящее время прослеживается тенденция к поддержанию и более широкому употреблению диалекта в неформальном устном общении и художественной литературе, которое проявляется в использовании лингвистических явлений, характерных скорее для обиходно-разговорных языков и диалектов. В этой связи мы обращаемся к рассмотрению таких языковых единиц, как клитические формы артиклей и личных местоимений.

Образование клитических форм артикля и личного местоимения

Слитное написание предлога и артикля существовало еще в древневерхненемецком периоде, поэтому клитическая форма артикля является результатом исторического развития. Клитические формы определенного артикля особенно наглядно проявляются в сочетании с предлогами. Некоторые формы слияния определенного артикля с предлогами являются нормированными и интегрированы в письменную речь, например: *im, zum, zur, am, beim, vom*, их можно отнести к грамматикализованным клитическим соединениям [Duden 2009, с. 293]. В этом случае клитическая форма артикля со временем приняла функцию полного артикля, вытеснив самостоятельную форму. Можно заметить, что в современном литературном немецком языке наиболее подвержены клитизации формы определенного артикля *dem* и *das*.

Некоторые клитики не меняются на свою полную форму, так как их замена может привести к неграмматическим выражениям. Многие слияния встречаются в устойчивых сочетаниях, например: *etwas übers Herz bringen, sich aufs Ohr legen, jmdn. hinters Licht führen*. Конструкции с обязательными слияниями представляют собой результат процесса грамматикализации.

Обязательными являются слияния при образовании превосходной степени (*am höchsten*), перед понятиями, единственными в своем роде: *das Leben im Kosmos*, перед именами собственными, которые употребляются с артиклем: *im Sudan (*in dem) Sudan, am Kongo (*an dem Kongo)*, перед субстантивированными инфинитивами, выражающими процесс действия, события: *das kommt vom Rauchen* [Himmelman 1997, с. 12].

Между полной и клитической формой возникает расхождение, они становятся в оппозицию друг к другу. Можно сказать, что клитический

артикуль, освобождаясь от дейксиса и десемантизируясь, приобретает общий характер, свойственный категории флексий.

Безусловно, прежде всего, бросается в глаза то, что в современном немецком языке клитики являются одним из показателей разговорного стиля. Разговорный язык может происходить как из диалекта, так и из литературного языка. Таким образом, диалекты активно участвуют в обогащении немецких языковых форм, поэтому стираются четкие границы между различными стилями: обнаруживается, что в современном немецком языке не всегда существует чистый стандартный язык или не всегда чистые диалекты.

Диалекты возникают в форме разговорного языка. Поэтому некоторые слова, имеющие свое начало в диалекте, могут вливаться в разговорный язык. То же самое может происходить и с диалектами. Еще В. М. Жирмунский отмечал, что для диалектов характерна интеграция, т. е. диалекты вступают во взаимодействие, частично сближаясь в процессе речевого общения. Некоторые языковые единицы являются особенностью не какого-либо одного диалекта, а нескольких диалектов, и одновременно активно употребляются в разговорной речи [Жирмунский 1956, с. 11]. Это наблюдение касается клитик. Клитики, встречающиеся в диалекте, находят свое применение в разговорном языке, а некоторые клитики закрепляются в норме.

Oder die, die mich für'n Background haben wollten [Dorn 2005, с. 187].

Ihr Sohn muss echt was auf'm Kasten gehabt haben, wenn er das hier alles kapiert hat [Lind 2006 б, с. 202].

Kein Platz mehr für's Schattenboxen [Dorn 2005, с. 161].

Диалекты, обладая большей динамичностью по сравнению со стандартным языком, стремятся к упрощению и изменению [Исакова 2014, с. 79]. Выступая преимущественно в устной форме, они показывают сложную и комбинированную систему клитик. В диалектах соединяется больше предлогов, чем в стандартном и даже разговорном немецком языке.

Mit'n Direktor wa ja auma was, sagte er ungefragt. Dat weißich vonne Vorzimmamaus, wat die Olle vom Echtwein is [Lind 2005, с. 115].

“Wolln Se vielleicht erst noch ne kleene Runde durch'n Tierpark renn?” [Lind 2006 б, с. 492].

Tja, jetzt werdense staunen, die Gutermann also die Tochter is gerade so schön in Rage, der Professor liecht aufen Rasen und hält sich mit der einen Hand dat Auge und mit der andern de Eier, und wo jetz die Mutter und übern Kopp und dem Vatter auch [Lind 2006 б, с. 702].

Интересно отметить, что в рурском диалекте формы единственного числа артикля женского рода и множественного числа в винительном и дательном падежах совпадают, так как для выражения направления и положения используется одна и та же форма:

Ja, die Zauberin au nich lang gefackelt, Rapunzel en Pagenschnitt verpasst und inne Wüste geschickt [Domke 2006, с. 32].

Nur inne Fantasie oder im Heft [Domke 2006, с. 85].

Und wie se aber mit ihm drinliegt und er sich grade ausziehn will, klatscht se ihn volle Kanne anne Wand [Domke 2006, с. 16].

Am wenigsten bei die, die sich selber schon weiter oben aufe Gehaltsliste gesehen haben [Domke 2006, с. 16].

Auch vonne Krankenkasse, sachte der Wolf. Die hab ich vonne Krankenkasse?! [Domke 2006, с. 85].

Во множественном числе имеется только клитическая форма в винительном падеже – *-e*, в некоторых диалектах клитизации определенного артикля в дательном падеже множественного числа (*den > n*) не существует, несмотря на то, что эта форма фонетически была бы приемлемой:

Nicht die Sprache vonne Dichters und Denkers? [Bonhorst 1994, с. 54].

Klah, der hat inne fuffzizer Jahre jelernt" Berliner Redensarten und Sprüche [Novak 2012, с. 83].

Соединения предлога и определенного артикля, например, в рурском диалекте образуют почти полную парадигму, т. е. каждая форма определенного артикля, которая возникает после предлога, может иметь клитическую форму.

Анализ клитических соединений показывает, что на возможность их образования влияет звуковой аспект. При сонорных конечных звуках предлога (гласные, назальные, сонорные звуки) вероятность слияния предлога с артиклем возрастает. Ярко выраженный согласный звук предлога (фрикативные, аффрикаты, взрывные согласные) имеет меньше вероятности соединиться с артиклем [Нюблинг 2005].

В разговорной речи и в диалектах распространены также редуцированные формы неопределенного артикля в слиянии с предлогом. В разговорной речи редуцированные формы неопределенного артикля ('n, 'nen, 'nem, 'ne, 'ner) имеют способность присоединяться практически к каждому члену класса предлогов. В официальной, письменной речи они могут быть заменены на свою полную форму без изменения в значении. В диалектах они также составляют полные парадигмы и часто образуют неделимые соединения.

Mit'nem diabolischen Lächeln drin [Lind 2006a], с. 114].

An diesem Mittwoch stand Erwin wieder hinter der Ecke, zwar noch mit'ner Schnuppeneese, aber ansonsten in alter Frische [Novak 2011, с. 26].

Nach'ner Woche macht sich die Frau für den Arztbesuch fertich [Novak 2011, с. 26].

Wat is' dir denn für'ne Laus über de Leber jelloffen?, fragte Sylvie [Novak 2011, с. 84].

Kann sein, dass er in 'nem Cybercafé is ... der surft so gänn im Indernäd! [Lind 2006, с. 243].

В таблице 1 представлены соединения определенного и неопределенного артикля с предлогами в рурском диалекте.

Таблица 1

Соединения определенного и неопределенного артикля с предлогами в рурском диалекте

		Ед.ч.		Мн.ч.	
		Направление	Положение	Направление	Положение
<i>In +</i> опред. артикль	М.р.	in=n / i=m	in=n / i=m	inn=e	inn=e
	Ж.р.	inn=e	inn=e		
	С.р.	in=n / i=m	in=n / i=m		
<i>für +</i> неопред. артикль	М.р.	für=n		für=ne	
	Ж.р.	für=ne			
	С.р.	für=n			

В диалектах клитические соединения неопределенного артикля с предлогом являются более прочными, неразрывными, а значит,

более грамматикализованными. В диалектных формах слияния в первой морфеме выражается падеж, обозначение определенности / неопределенности показано в самом конце всего соединения, и возникшие формы свидетельствуют, что предлоги получают окончания и становятся «флективными».

Для разговорной немецкой речи и диалектов характерно также наличие клитических личных местоимений (местоименных клитик). В письменной интерпретации разговорной речи часто содержатся клитические личные местоимения, но они исключены из официальной письменной речи.

Клитические личные местоимения немецкого языка можно определить как редуцированные личные местоимения, которые примыкают к спрягаемому глаголу, когда он занимает первое или второе место в предложении при условии, что личное местоимение занимает место после него.

Употребление клитических форм личных местоимений свидетельствует о беглости речи говорящих на немецком языке. Например, человек, изучающий немецкий язык, во фразе «Kannst du dir das vorstellen?» произнесет *kannst* и *du* отдельно, а носитель языка скорее произнесет данные слова слитно *kannstu* или *kannste*, сокращая личное местоимение [Wiese 2012, с. 17].

При условии отсутствия акцента местоимение с начальным гласным образует с впереди стоящим словом фонологическое единство. Граница между спрягаемым глаголом и местоимением может возникнуть только при фразовом ударении на основании контраста.

Клитические формы местоимений, примыкающие к глаголу в качестве окончания, часто считаются признаком диалекта. В диалектах личное местоимение, следуя за глаголом, может вступать в прочное соединение с глаголом. Такие соединения могут достигать высокой степени грамматикализации и образовывать парадигмы, особенно в диалектах. В грамматическом справочнике рурского диалекта зафиксированы формы слияний глаголов со всеми личными местоимениями, за исключением формы первого лица ед. ч. *ich* [Boschmann 2013, с. 91].

Как показывают проанализированные тексты, не только в диалектах, но и в современном разговорном немецком языке довольно часто подвергается клитизации местоимение второго лица ед. ч., соединяясь

с наиболее употребительными глаголами: *haste, sagste, kannst* (*hast du, sagst du, kannst du*).

Haste was, biste was [Hammesfahr 1989, с. 152].

Siehste! [Gier 2004, с. 227].

Was machste noch hier? [Lenz 2015, с. 14].

В рурском диалекте личное местоимение *du* редуцируется до формы *se*, и даже *ze*:

Musse ma hingehn", sagte Matthäus. Da kannze die Olle vom Echtwein besichtigen [Lind 2006a], с. 113].

Kennze doch [Bonhorst 1994, с. 16].

Рассматривая местоимения *sie* (ед. ч. и мн. ч.) и *Sie* (вежливая форма) в диалектах, можно заметить, что почти для всех позиций, в которых возможна клитизация, эти местоимения получают клитические формы. При этом окончание глагола может как редуцироваться, так и сохраняться:

Wollnse en Beispiel? [Bonhorst 1994, с. 27].

Hamse recht [Bonhorst 1994, с. 30].

Иногда личные местоимения присоединяются к глаголу без образования ассимиляции:

Ei sollisch de Klempnä gloi widder abbestelle?! [Lind 2006, с. 65].

Nee, musser doch wissen, der Gatte! Nich hier einfach Kopp inn Sand stecken un Toleranz heucheln! [Lind 2006, с. 115].

В баварском диалекте и в разговорной речи также наблюдается редуцированная форма личного местоимения *Sie*, которая графически отделена от глагола, но в речи, очевидно, неотделима паузой:

Kommen S' [Lind 2006, с. 317].

Warten S' bitte ein Moment [Lind H., 2006, с. 416].

Если местоимение начинается с согласного, например, в форме *hamwa* (*ham=wa*), полная форма которого *haben wir*, происходит ассимиляция [v] → [m]. Первое лицо мн. ч. также оказывается потенциальным кандидатом для клитической формы.

В формах первого лица мн. ч. происходит редукция, при которой [viɛ] становится [vɛ]: *wir* = *wa*.

Wennde ausgetrunken has, könnwa gehn, sagte Matthäus ohne Überleitung [Lind 2005, с. 191].

Deswegen hamwa gleich 'n Platz am Kapit'ns-Tisch [Lind 2006, с. 402].

В следующем примере личное местоимение *wir* сливается с конечным согласным глагола *n*, вследствие чего образуется звук *m*:

Wollemer danze? fragte er mich und ich schüttelte den Kopf [Lind 2005, с. 299].

Прагматические особенности клитик тесно связаны с акцентированием личных местоимений. Клитические формы, как и полные формы личных местоимений, не несут ударения. Однако, в определенных ситуациях, если личные местоимения выполняют действительную функцию, употребление их клитических форм невозможно. Акцентированной полной форме принадлежит действительная функция, которая служит для установления отношения между говорящими.

Kennen wir uns? Du kennst MICH net, aber ich kenne DICH! [Lind 2006, с. 222]

Mei, **du** hosd's hoid leicht... [Helle 2011, с. 14].

Ненормированные диалекты немецкого языка характеризуются большим спектром клитических форм местоимений. В некоторых диалектах сохранились исторические формы, которые являются обязательными, а значит, грамматикализованными.

Galera, hani gmacht, weisch... (...*habe ich gesagt*...) [Lenz 2015, с. 14].

Auso, wi gseit, ig i ds Maison, es Kafı Fertig bschtöut, frogtmi (*fragt mich*) d Regula, obis chöng zahle [Lenz 2015, с. 6].

Guet, är hetmer (*er hat mir*) di Wohnig gmischlet... [Lenz 2015, с. 9].

Gracias Quiper, heter gseit (*hat er gesagt*) [Lenz 2015, с. 8].

I hanere d Hang gnoh... (*Ich habe ihr die Hand genommen*...) [Lenz 2015, с. 7].

Und wennden amne Kolleg versprichsch, du heigschim (*du zahlst ihm*) denn und denn der Chole, wo d nim schwach bisch... [Lenz 2015, с. 9].

Nei, sei der Paco, nei, heigne (*er habe ihn*) scho lang nümm gseh, sicher meh aus e Wuche [Lenz 2015, с. 10].

Заключение

Можно сделать вывод, что в результате частой совместной встречаемости некоторые служебные, а также знаменательные части речи имеют способность соединяться. Клитики образуют переходную область между синтаксисом и морфологией, между аналитическим и синтетическим способами выражения.

С одной стороны, при выражении грамматических категорий современный немецкий язык демонстрирует аналитическое поведение. С другой стороны, достаточно частые случаи клитизации служебных слов свидетельствуют о противоположной тенденции, т. е. о стремлении к синтезу. Поскольку в современном немецком языке клитики встречаются достаточно часто, можно утверждать, что в нем наблюдается также развитие средств синтеза. Такая тенденция приводит языковые элементы, располагающиеся рядом друг с другом, к единству, что ведет к их дальнейшей грамматикализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Жирмунский В. М.* Немечкая диалектология. Л. : АН СССР, Институт Языкознания, 1956. 635 с.
- Исакова Л. Д.* Вопросы территориальной вариативности языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 4 (690). Опережая время. С. 73–82. (Языкознание).
- Bonhorst R.* Dr. Antonia Cervinski-Querenburg “Daaf ich Sie die Foote küssen?” Ruhrdeutsch mit der bekannten Sprachforscherin. Band 2. Essen : Verlag Henselowsky Boschmann, 1994. 79 S.
- Boschmann W.* Lexikon der Ruhrgebietsprache. Bottrop : Verlag Henselowsky Boschmann, 2013. 127 S.
- Domke S.* Wie sieht den die Omma aus?! Bottrop : Verlag Henselowsky Boschmann, 2006. 118 S.
- Dorn T.* Die Brut. 2. Auflage. München : Wilhelm Goldmann Verlag, 2005. 413 S.
- Duden.* Die Grammatik. 8. überarbeitete Auflage. Mannheim / Zürich : Dudenverlag, 2009. 1343 S.
- Himmelman N. P.* Deiktikon, Artikel, Nominalphrase. Zur Emergenz syntaktischer Struktur. Tübingen : Niemeyer, 1997. 330 S.
- Lenz P.* Der Goalie bin ig. Edition spoken script. Luzern : Der gesunde Menschenversand, 2013. 200 S.
- Lind H.* Karlas Umweg. Berlin : Ullstein Buchverlage, 2005. 443 S.
- Lind H.* Mord an Bord. Berlin : Ullstein Buchverlage, 2006 a. 425 S.

- Lind H.* Hochglanzweiber. Berlin : Ullstein Buchverlage, 2006. 883 S.
- Novak D.* Een Schnäpperkin lost de Zunge: Vergnügliches vom Stammtisch rund um die Berliner Redensarten und Sprüche. Berlin : hnb-Verlag, 2011. 110 S.
- Novak D.* Scharf jeschnitten und spitz jequatscht: Plaudereien beim Friseur rund um die Berliner Redensarten und Sprüche. Berlin : hnb-Verlag, 2012. 110 S.
- Nübling D.* Von in die über in'n und ins bis im. Die Klitisierung von Präposition und Artikel als "Grammatikalisierungsbaustelle" Linguistik. Impulse & Tendenzen: Grammatikalisierung im Deutschen. Berlin: Walter de Gruyter, 2005. S. 105–132.
- Wiese H.* Kiezdeutsch: Ein neuer Dialekt entsteht. München : Verlag C. H. Beck, 2012. 280 S.

Д. Б. Никуличева

доктор филологических наук, профессор;
главный научный сотрудник сектора германских языков
Института языкознания РАН; профессор кафедры скандинавских,
нидерландского и финского языков переводческого факультета МГЛУ;
e-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

**К РАЗРАБОТКЕ ПРОЕКТА
АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ ДАТСКОГО ЯЗЫКА¹**

Статья посвящена разработке коллективного проекта антропоцентрической грамматики датского языка. В силу сочетания ряда внутривидовых и социально-культурных факторов (с одной стороны, сверхактивные тенденции к анализу строя языка, и, с другой стороны, малочисленность, компактность и моноэтничность языкового коллектива) в этом германском языке сложилась особо благоприятная ситуация для грамматической детализации субъективных смыслов, характеризующих отношения между участниками коммуникации и объективной реальностью.

В качестве теоретического основания используется теория коммуникативной типологии языков датского профессора П. Дурст-Андерсена, характеризующая датский язык как язык, система грамматических категорий которого приоритетно ориентирована на адресата. Идейной основой обсуждаемого проекта служит также важное теоретическое понятие категориальной конвергенции, сформулированное М. Л. Котиним, понимаемое как функциональная взаимосвязанность единиц, выражающих глагольные категории аспектуальности, темпоральности и модальности.

Особенность предлагаемого в статье антропоцентрического подхода к осмыслению глагольных категорий состоит в том, что метонимическое проецирование темпоральных событий производится не на априорно заданную прямую линию, а на те области ментального пространства, которые экспериментально выявляются в ходе психолингвистического исследования представлений о биографическом времени носителями датской языковой культуры.

На основании выявленной пространственной структуры оппозиций датских глагольных форм утверждается, что двойственность значений каждой из видовременных форм в датском языке структурно обусловлена и связана с актуализацией ее принадлежности к одной из двух когнитивных плоскостей, на пересечении которых она находится. К таковым относятся: когнитивный план пережитой реальности, когнитивный план непережитой реальности, когнитивный план прогностичности и когнитивный план ирреальности. В результате выстраивается единая пространственная структура парадигмы форм датского глагола, непротиворечиво объединяющая все семантические варианты представленных в ней форм. Многозначность каждой из этих форм определяется смыслом тех когнитивных планов, на

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00146.

пересечении которых данная форма находится в выявленной пространственной структуре темпоральных оппозиций. Эта структура задает определенные позиции для возможных функционально-семантических вариантов употребления каждой из существующих форм.

В антропоцентрическом ракурсе также будет исследована предложная ориентация во времени и в пространстве, а также описаны грамматические средства, обслуживающие межличностную коммуникацию. В частности, исследуются императивные конструкции, противопоставляющие градацию ожидаемого волеизъявления адресата в ответ на императивное побуждение, а также анализируются средства передачи субъективной и объективной модальности как системно противопоставляющие эпистемическую ответственность 1-го, 2-го или 3-го лица.

В заключение планируется рассмотреть те синтаксические структуры датского предложения, которые специализируются на передаче прагматических смыслов, описать потенциал прагмасемантического варьирования в рамках позиции синтаксических наречий и соотнести позиционную структуру датского предложения с задачами обслуживания межличностной коммуникации.

Результатом планируемого коллективного труда должно стать целостное рассмотрение и систематизация грамматических категорий и грамматического варьирования в датском языке под углом восприятия мира и коммуникативной ситуации с позиции носителя такого языка, грамматическая система которого приоритетно ориентирована на адресата.

Ключевые слова: датский язык; антропоцентрическая грамматика; категориальная конвергенция; ментальные пространства; пространственная структура темпоральных оппозиций; когнитивные планы пережитой и непережитой реальности, прогностичности и ирреальности; предложная ориентация во времени и в пространстве; градация императивного побуждения; эпистемическая ответственность 1-го, 2-го и 3-го лица.

D. B. Nikulicheva

Dr. Phil., Professor; Senior researcher at the Department of Germanic Languages, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences;
Professor of the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish languages of the MSLU Faculty of Translation; e-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

OUTLINES OF THE PROJECT

“ANTHROPOCENTRIC GRAMMAR OF THE DANISH LANGUAGE”

The article describes some basic principles of the collective project “Anthropocentric grammar of the Danish language”. Due to the combination of such intra-structural factors as the development of analytical language patterns and such socio-cultural factors as the small number, compactness and monoethnicity of the population, a particularly favorable situation has developed in this Germanic language for grammatical differentiation of subjective meanings that characterize the relationship between communication participants and objective reality.

As a theoretical basis, the theory of the communicative typology of languages by the Danish professor P. Durst-Andersen will be used where Danish is characterized as a language with the system of grammatical categories oriented towards the addressee. Another important theoretical basis of the project is the concept of categorical convergence, formulated by M. L. Kotin, understood as a functional interconnectedness of units expressing the verbal categories of aspect, tense and modality.

The specifics of the anthropocentric approach proposed in the article for understanding verbal categories is determined by the fact that the metonymic projection of temporal events is made not on an a priori given straight time line, but on those mental spaces that are experimentally revealed in the course of a psycholinguistic study of internal representations of biographical time by the native speakers of the Danish language.

The revealed spatial structure of the Danish temporal oppositions explains the duality of the meanings of each of temporal forms in the Danish language as structurally conditioned and related to the actualization of its belonging to one of the two cognitive plans at the intersection of which it is located. These include cognitive plans of 1) experience-based reality, 2) not experienced reality, 3) prognostic reality, and 4) irreality.

As a result, a general spatial structure of the Danish verb paradigm is formed, consistently integrating all the semantic variants of the forms represented in it. The ambiguity of each of these forms is determined by the meaning of those cognitive plans at the intersection of which this form is located in the revealed spatial structure of temporal oppositions. This structure allocates certain positions for possible functional-semantic variants for each of the existing forms.

The anthropocentric perspective forms the foundation for the studies of prepositional orientation in time and space, as well as grammatical tools serving interpersonal communication. In particular, the system of Danish imperative constructions will be analyzed as reflecting the gradation of the addressee's expected response to imperative motivation, and the means of subjective and objective modality, reflecting the epistemic responsibility of the 1st, 2nd or 3rd person, will be considered.

Finally, it is planned to consider those Danish sentence structures that carry pragmatic meanings, and to describe the potential for pragmasemantic variation within the position of the sentential adverbs, and relate the topological structure of the Danish sentence to the task of serving interpersonal communication.

The expected result of the research will be a holistic and systemic examination of grammatical categories and grammatical variations in the Danish language as perceived by the speaker of a language where the grammatical system is oriented towards the addressee.

Key words: the Danish language; anthropocentric grammar; categorial convergence; mental spaces; spatial structure of temporal oppositions; cognitive plans of the experience-based and not experienced reality, prognostic reality and irreality; prepositional orientation in time and space; gradation of imperative motivation structures; epistemic responsibility of the 1st, 2nd and 3rd person.

В русле интеграции классических и новейших подходов к анализу грамматических явлений в секторе германских языков ИЯЗ РАН была издана коллективная монография, объединенная темой «Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе» [Грамматические категории ... 2017]. Исследование, проведенное на материале множества германских языков, выявило круг перспективных проблем. Учет полученных данных позволил поставить новую задачу: силами исследовательского коллектива создать целостную антропоцентрическую грамматику отдельного германского языка, построенную на единых теоретических основаниях.

Датский язык представляет собой интереснейший языковой материал для подобного исследования. В силу сочетания ряда внутриструктурных и социально-культурных факторов (с одной стороны, сверхактивные тенденции к анализации строя языка, и, с другой стороны, малочисленность, компактность и моноэтничность языкового коллектива) в этом языке сложилась особо благоприятная ситуация для грамматического нюансирования субъективных смыслов, характеризующих отношения между участниками коммуникации и объективной реальностью.

В качестве общего теоретического основания будет использоваться теория коммуникативной типологии языков датского профессора П. Дурст-Андерсена [Durst-Andersen 2011a; Durst-Andersen 2011b]. Планируется описать и систематизировать те грамматические особенности датского языка, которые позволяют характеризовать датский язык как язык, система грамматических категорий которого приоритетно ориентирована на слушающего. Согласно теории Дурст-Андерсена, языки, ориентированные на слушающего, нацелены на постоянное сопоставление говорящим *своего восприятия* ситуации или своего воспоминания о ситуации *с восприятием и воспоминанием слушающего*. Для языков этого типа характерна нюансированная система грамматических времен и противопоставление определенного и неопределенного артикля. Внимание говорящего приоритетно направлено на ту новую «информацию», которую он представляет «второму лицу».

Идейной основой обсуждаемого проекта служит также важное теоретическое понятие *категориальной конвергенции*, сформулированное М. Л. Котиным [Kotin 2010; Котин 2017], и понимаемое как

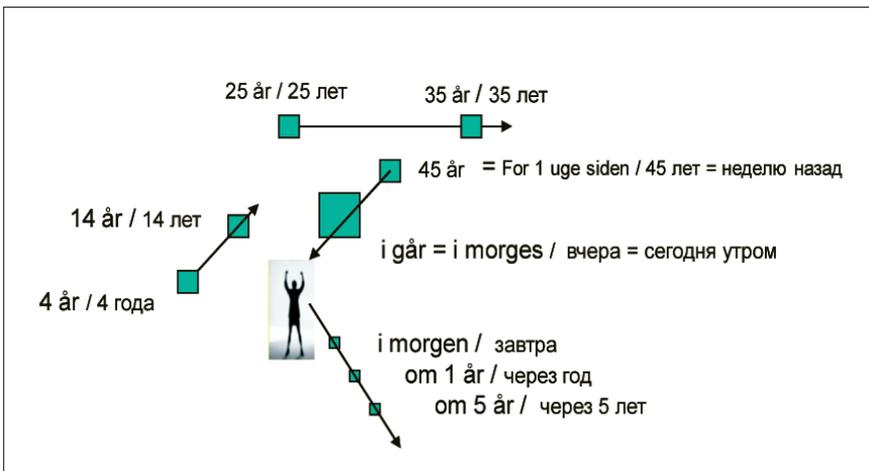
функциональная взаимосвязанность единиц, выражающих глагольные категории аспектуальности, темпоральности и модальности. Автор исходит из того, что истоки функциональной корреляции грамматических форм, относящихся к разным категориальным доменам, заложены в особенностях человеческого восприятия. С опорой на исследования Э. Лайсс [Leiss 1992] он доказывает, что «глагольный вид, и в целом аспектуальность, представляющие собой противопоставление “внутренней” (имперфективной) и “внешней” (перфективной) перспективы, из которых говорящий кодифицирует высказывание, помещая себя, таким образом, либо *внутри* описываемого события, либо *вне* его, являются прототипической категориальной функцией человеческого языка. Темпоральная функция развивается из аспектуальной несколько позднее на основе ее метонимического переосмысления и перенесения пункта отнесения на воображаемую временную ось, которую впервые описал Х. Райхенбах в 1947 г. [Reichenbach 1947, с. 71–78]. Ещё позднее на базе темпоральной функции развивается модальная в ее сначала деонтическом, а затем эпистемическом прочтении» [Котин 2017, с. 12].

Акцент в нашем исследовании будет сделан на изучение категориальных конвергенций в датском языке между такими антропоцентрированными грамматическими смыслами, как модальность, темпоральность, референция, аппроксимация.

Особенность предлагаемого нами антропоцентрического подхода к осмыслению глагольных категорий состоит в том, что метонимическое проецирование темпоральных событий производится не на априорно заданную прямую линию (временную ось Х. Райхенбаха), а на те области ментального пространства, которые экспериментально выявляются в ходе психолингвистического исследования представлений о биографическом времени носителями определенной языковой культуры. То есть отправным моментом создания антропоцентрической грамматики определенного языка для нас служит *исследование перцептивных основ грамматической категоризации в данной лингвокультуре*. Этот эксперимент применительно к английскому языку был нами описан в: [Никуличева 2007]. В общем виде он сводился к тому, что информантов просили вспомнить определенные повторяющиеся нейтральные события, начиная с раннего детства до недавнего прошлого, затем описать их в настоящем и представить применительно

к будущему. Использование пяти градуированных параметров (вертикальное или горизонтальное смещение представляемых картинок, их удаленность и размер, а также включенность наблюдателя в визуальное представление – внутренняя перспектива или же его невключенность – внешняя перспектива) дало возможность сравнить особенности внутренней визуализации времени носителями разных языков и выявить некоторые значимые межъязыковые различия. Приведем графическую обработку наиболее ярких экспериментальных данных (см. схему 1).

Схема 1

Типичный пример диссоциированного восприятия времени в датской культуре, женщина, 50 лет

Важно отметить, что векторы прошедшего и предпрошедшего в датском эксперименте оказываются направленными *перпендикулярно* относительно друг друга. В приведенном примере – это далекая «линия детства» (4–14 лет) и перпендикулярная ей «линия взрослого прошлого» (25–35 лет), идущая горизонтально вправо. Третья линия образуется *актуальным прошлым*. Она расположена прямо по центру и направлена в сторону наблюдателя. При этом визуализация представления датчан о *будущем* существенно отличалась от представлений американцев. Это сложно передать в плоскостном рисунке, но для носителей датского языка характерно, что даже события близкого

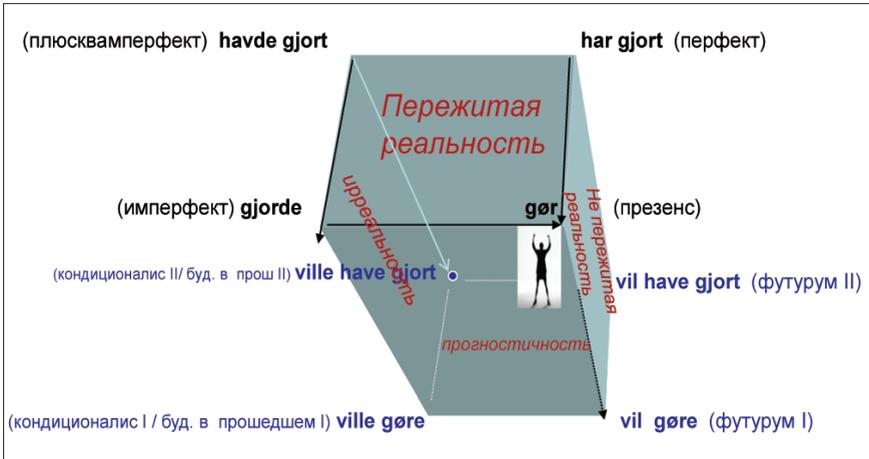
будущего представляются как более *отдаленные*, нежели самые далекие события реально пережитого прошлого. Типично также то, что чем дальше в будущем мыслится событие, тем *ниже уровня глаз* оно располагается.

Именно представление событий как некоторых *внешних темпоральных объектов* создает когнитивные предпосылки для их противопоставления по *дистанцированности в ментальном пространстве говорящего*. Причем, как видно из эксперимента, эта дистанцированность происходит по разным пространственным векторам.

Сказанное служит экспериментальным подтверждением того теоретического взгляда на темпоральную систему датского языка, который был сформулирован в недавней академической грамматике датского языка Эриком Хансеном и Ларсом Хельтофтом: «Претерит в датском языке обозначает не событие в прошлом, он представляет мир, *расположенный на расстоянии от мира речевой ситуации* (выделено авт. – Д. Н.). Разница между презенсом и претеритом, таким образом, является разницей между «формой близости» (*nærhedsform*) и «формой отдаления» (*afstandsform*). Таким образом, значение отдаления в претерите может трактоваться как расстояние до мира, который рассматривается как воображаемый, гипотетический, либо как мир, который рассматривается как реальный, фактический, но отстоящий во времени» [Hansen, Heltoft 2011, с. 648]. На этом основании авторы приходят к заключению, что темпус в датском языке не является словоизменяемой глагольной категорией времени в строгом смысле слова («*tempus i dansk er ikke nogen klar temporal bøjningskategori*») в отличие от латыни или древнедатского языка, где формы времени и наклонения противопоставлялись грамматически. А далее следует принципиальный для результатов нашего исследования вывод о том, что датская темпоральная система организована *не в соответствии с линейными представлениями о времени* [Hansen, Heltoft 2011, с. 649].

Существующий в датском языке набор форм финитного глагола выстраивается в пространственную структуру, соответствующую пространственным особенностям организации темпоральных представлений, выявленных в ходе эксперимента (см. схему 2).

Те картинки, которые располагаются прямо перед наблюдателем по линии слева направо, образуют линию «обозримого прошлого», соответствующую форме имперфекта, перпендикулярная по отношению

Когнитивные планы датской темпоральной системы

к этой линии «линия детства» образует перцептивную и когнитивную основу для предпрошедшего, выражаемого формой плюсквамперфекта. А линия, на которой расположены недавние события, актуальные для настоящего, лежит в той же плоскости, что и прошлое, но перпендикулярна ей и направлена прямо к наблюдателю. Она образует когнитивную и перцептивную основу для форм перфекта. Эти три линии вместе образуют основу того плана объективной реальности, который является базовым для датской темпоральной системы. Этот план «пережитых событий» (*de oplevede begivenheder*) отмечался датским лингвистом Пером Дурстом-Андерсеном, относящим в своей теории языковых супертипов датский к тем языкам, которые *tager sit udgangspunkt i afsenderens erindring om oplevelsen af situationen* «исходят из воспоминаний говорящего о пережитой ситуации» [Durst-Andersen 2006].

Важные наблюдения относительно другого скандинавского языка – шведского, были опубликованы в новой книге Е. М. Чекалиной, где на широком спектре грамматических категорий шведского языка доказывается, что функционально-семантическое варьирование в употреблении форм перфекта и претерита, футурального презенса и конструкции *kommer att* с инфинитивом, аналитического пассива

с *bli* и синтетического пассива на *-s*, определенного или неопределенного артикля при обобщенной референции класса денотатов, а также ряд других случаев грамматического варьирования, определяются установкой говорящего – представить информацию либо как *субъективный*, либо как *объективный* взгляд на вещи [Чекалина 2017, с. 8–31].

Задача нашего проекта будет, в частности, состоять в том, чтобы исследовать, достаточным ли для объяснения функционально-семантического варьирования грамматических форм в датском языке будет только лишь противопоставление субъективного и объективного взгляда говорящего на мир, или же в рамках этого субъективного взгляда системно противопоставленными оказываются также *пережитая реальность* и *конструируемый мир*.

Стоит особо подчеркнуть, что в описанном эксперименте датские испытуемые, по сравнению с русскими и американскими, сталкивались с большими трудностями при визуализации воображаемых событий. «Многие из опрошенных датчан заявляли, «что они не могут представить того, чего не пережили» (*at de ikke kunne se det, som de ikke havde oplevet*), «может быть, только почувствовать это» (*måske kun føle det*), «что будущее нечетко» (*fremtiden står uklar*), что «картинка лишь проблескивает» (*billederne glimter*), «будто помехи в телевизоре» (*de var som sne i fjernsynet*) [Никуличева 2008, с. 98].

В этой связи любопытно сравнить, как Толковый словарь датского языка определяет понятие: «близкий к реальности» *virkelighedsnær* – «*som ligger tæt opad den faktiske virkelighed*» [PNDO, с. 1336]. Особый интерес представляет использование в этом определении непереводаемого на русский язык пространственного наречия *opad*, что создает смысл «тот, который близок к фактической действительности, *расположенной сверху*», что полностью соответствует полученным экспериментальным данным о том, как носители датского языка локализируют события, относящиеся к плану «пережитой реальности». Именно в этой области «близких к реальности» предположений локализируются *модальные сказуемые с глаголами måtte, kunne, skulle и инфинитивом I / II*, каждое из которых передает особый оттенок недоверности.

В соответствии с пространственной идеей близости / удаленности от плана реальности, категории ирреальности перцептивно

локализованы на максимальном удалении от наблюдателя и от плоскости реальности соответственно. В качестве иллюстрации можно указать на пространственное дистанцирование ситуации ирреального предположения в прошлом. На схеме 2 оно выражено стрелкой, направленной от формы ирреалиса *havde gjort* к форме кондиционалиса II *ville have gjort*. Это противоречащие реальному положению дел альтернативные допущения относительно развития событий прошлого:

Måske *ville* det *have været* bedre, hvis jeg havde *ventet* et par år, siger Sofia Coppola. В. Т. 23-2-91 I. Scharbau.

‘Возможно, было бы лучше, если бы я пару лет подождала сниматься <в фильме у отца>, – говорит София Коппола (*ordnet.dk/korpusdk_en/concordance/context*).

Тем самым идея о *межкатегориальной конвергенции* находит убедительное подтверждение как в рамках проведенного нами перцептивного эксперимента, так и в теоретических взглядах, высказывавшихся датскими грамматистами. Исходя из выявленной в ходе эксперимента пространственной структуры оппозиций датских глагольных форм, мы утверждаем, что *двойственность значений каждой из видо-временных форм в датском языке структурно обусловлена и связана с актуализацией ее принадлежности к одной из двух когнитивных плоскостей, на пересечении которых она находится.*

В результате может быть выстроена единая пространственная структура парадигмы форм датского глагола, непротиворечиво объединяющая все семантические варианты представленных в ней форм. Многозначность каждой из этих форм определяется смыслом тех когнитивных планов, на пересечении которых данная форма находится в выявленной пространственной структуре темпоральных оппозиций. Эта структура задает определенные позиции для возможных функционально-семантических вариантов употребления каждой из существующих форм. Выявление и систематизация всех этих вариантов на материале данных датского корпуса и датских грамматических источников составит важную часть обсуждаемого проекта.

Коротко рассмотрим другие направления совместного проекта.

Антропоцентрический ракурс в рассмотрении предложной ориентации во времени и в пространстве. В качестве примера можно

привести взаимосвязь рассмотренной выше пространственной ориентации датских темпоральных форм со специфическими датскими особенностями использования пространственных предлогов для выражения временных смыслов. Например, только фронтальным расположением событий пережитого прошлого и их смещением в сторону от наблюдателя, выявленным в ходе нашего перцептивного эксперимента, можно объяснить использование предлога *siden* с его первичным значением расположения сбоку для обозначения смысла «тому назад» (*for et par år siden* ‘пару лет тому назад’), как и целого ряда других, на первый взгляд, парадоксальных употреблений датских предлогов, обозначающих локализацию во времени [Никуличева 2017, с. 60–61].

Особого внимания заслуживают аналитические наречно-предложные сочетания пространственной локализации. Предварительные наблюдения свидетельствуют о том, что такие сочетания используются, в первую очередь, для детализации пространственной ориентации в пережитом, а не в воображаемом мире. Так, проверка по датскому корпусу *korpus.dk* предиката *kom*til mig* дает многочисленные примеры предложных комплексов, уточняющих маршрут перемещения субъекта с учетом топографических особенностей конкретного пространства: (1) *kom hen til, ud til, ind til, frem til* и др., но не дает ни одного примера предложного комплекса, если имеется в виду локализация в воображаемом пространстве: (2) *jeg kom til mig selv* ‘я пришел в себя’, *en tanke pludselig kom til mig* ‘мне внезапно пришла мысль’, *Herrens ord kom til mig* ‘Слово Господа пришло ко мне’.

Показательно в этом плане сравнение переводов двух стихов из Нового Завета:

Men Jesus **gik ud til** Oliebjerget. Ved daggry var han atter på tempelpladsen; hele folket **kom hen til ham**, og han satte sig ned og underviste dem (*Johannesevangeliet 8-1,2*).

Иисус же пошел на гору Елеонскую. А утром опять пришел в храм, а весь народ шел к нему; Он сел и учил их.

В этом стихе речь идет о конкретном пространстве в Иерусалиме. Иисус в датском переводе не просто «пошел на гору», но вышел из (**ud**) <стен города> и пошел к (**til**) Масличной горе, а утром народ стал приходить к (**hen til**) нему на храмовую площадь’. Эта, на

взгляд носителя русского языка, избыточная семантическая детализация уточняет не только конкретный процесс «шли по направлению» (*hen*), но и его результат «пришли к» (*til*).

Kom til mig, alle I, som slider jer trætte og bærer tunge byrder og jeg vil give jer hvile (*Matthæusevangeliet 11–28*).

Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас.

Здесь Иисус говорит о Царствии Божиим. Отсутствие уточняющего пространственного наречия в датском переводе находится в полном соответствии с тем, что речь идет о ментальном пространстве веры, где пространственная детализация маршрута заведомо невозможна.

Следующим кругом проблем, которые будут рассмотрены в рамках проекта, станет *исследование и систематизация в антропоцентрическом ракурсе грамматических средств, обслуживающих межличностную коммуникацию*. Описывая датский язык как ориентированный на слушателя, Дурст-Андерсен подчеркивает, что он нацелен на постоянное сопоставление говорящим своего восприятия ситуации или своего воспоминания о ситуации с восприятием и воспоминанием слушающего. Результатом является своеобразное «чтение мыслей» адресата отправителем информации, выражаемое грамматическими средствами.

Так, наблюдая за *функционированием императива* в современном датском языке, можно сделать вывод о формировании аналитических императивных комплексов – живом процессе, продолжающем тенденции аналитического формообразования в индикативе и конъюнктиве и одновременно реализующем характерную для датского языка семиотическую тенденцию к усилению грамматической выраженности отношений между участниками коммуникации. В результате выстраивается особая парадигма аналитических комплексов, противопоставляющих релевантные для датской языковой культуры коммуникативные смыслы: градацию ожидаемого волеизъявления субъекта в ответ на императивное побуждение – от его предполагаемой заинтересованности *Kom bare...* к ожидаемому отсутствию возражений *Kom lige..*, сомнению *Kom nu...* и нежеланию *Kom så...* [Никуличева 2012].

В датском языке сложилась особо благоприятная ситуация для *грамматического нюансирования субъективных смыслов, характеризующих отношения между участниками коммуникации*. Роль таких аналитических показателей берут на себя модальные частицы, выстраиваясь в целостную систему оппозиций, что и удалось продемонстрировать Э. Б. Крыловой в ее докторской диссертации.

В этой связи стоит отметить системное сопоставление *функционирования модальных частиц nok, vel vist* (как специфически датского явления, развившегося как средство выражения субъективного эпистемического речательства) Э. Б. Крылова убедительно показала, что везде, где речь идет о прагмасемантике достоверности высказывания, в датском языке развивается категория эпистемической ответственности, возлагаемой посредством использования соответствующей частицы либо на говорящего (*nok*), либо разделяемой со слушающим (*vel*), либо относимой ко внешней ситуации (*vist*). Это подтверждает и анализ всей системы датских частиц проблематической и афирмативной модальности [Крылова 2012, с. 10–19].

Особый интерес представляет сопоставление средств передачи *субъективной и объективной модальности* противопоставляющих *эпистемическую ответственность 1-го, 2-го или 3-го лица*.

Det var nok halvtolv eller tolv ‘Было скорее всего полдвенадцатого или двенадцать’ – субъективное умозаключение 1-го л. *Det må forresten have været senere end 12, tror jeg. For jeg synes jeg kan huske, at jeg hørte pressen kl. 12.* ‘Впрочем это, должно быть, было после 12, я думаю, потому что я помню, я, кажется, слушал новости в двенадцать’ – объективно обусловленное умозаключение 1-го л.

I Rom har man vel også været optaget af disse problemer ‘В Риме, наверно, тоже были озабочены этими проблемами.’ – 1-е л. предлагает 2-му л. принять свое субъективное предположение. *Og i Rom kan de have hørt om det store Egypten.* ‘А в Риме они, вероятно слышали о великом Египте’ – 1-е л. предлагает 2-му л. принять объективную возможность.

Точно также использование частицы *vist* предполагает отсылку к внешним обстоятельствам ситуации, припоминаемой говорящим: *Fruen har vist været syg eller skrantet, eller sådsn noget...* ‘Госпожа, кажется, больна или хворает, или что-то такое’, а использование *skulle* + *Inf* – к пересказываемой информации, полученной от 3-го лица:

Og efter at have nævnt de ansvarlige ministre *skulle* kongen *have sagt*: “Nu kan jeg vel sove så længe, som jeg gider.”

А после назначения ответственных министров король, говорят, сказал: «Теперь я, наверно, смогу спать столько, сколько пожелаю» [Крылова 2012, с. 35–36].

Рассмотрение проявления человеческого фактора в грамматике будет неполным без обращения к категориям *референции*, *неопределенности* и *аппроксимации*, анализируемым в исследованиях А. А. Немцевой [Немцева 2015; Немцева 2017]. Здесь также важными дистинкциями описания будут категории адресата и адресанта, регистрируемой и конструируемой реальности и категория отдаления.

В заключение планируется рассмотреть те *синтаксические структуры датского предложения, которые специализируются на передаче прагматических смыслов*, описать потенциал прагмасемантического варьирования в рамках позиции сентенциальных наречий и соотнести позиционную структуру датского предложения с задачами обслуживания межличностной коммуникации.

В результате обсуждаемого коллективного труда ожидается комплексное рассмотрение и систематизация грамматических категорий и грамматического варьирования в датском языке под единым углом восприятия мира и коммуникативной ситуации с позиции носителя этого языка, как языка, грамматическая система которого приоритетно ориентирована на адресата.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Котин М. Л. Коррелирующие категориальные сигналы в синхронии, диахронии и типологии // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе. Коллективная монография / отв. ред. Д. Б. Никуличева. М. : Канцлер, 2017. С. 9–16.
- Крылова Э. Б. Система и функции модальных частиц в датском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012. 44 с.
- Немцева А. А. Функционально-семантические особенности неопределенного местоимения *nogen* в датском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 21 с.
- Немцева А. А. Прагматические особенности высказываний с датским неопределенным местоимением *noget* // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе : колл. монография / отв. ред. Д. Б. Никуличева. М. : Канцлер, 2017. С. 174–180.

- Никуличева Д. Б.* Эксперимент по выявлению перцептивных основ грамматической категоризации времени (на материале сопоставления русского и английского языков) // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 91–105.
- Никуличева Д. Б.* О перцептивных основах категоризации видо-временных значений в английском и датском языках // Германистика. Скандинавистика. Историческая поэтика : сб. ст. к юбилею О. А. Смирницкой. М. : Издательский центр МГУ, 2008. С. 76–103.
- Никуличева Д. Б.* О некоторых парадоксах датских темпоральных предложений и их перцептивном объяснении // Скандинавская филология. Scandinavica. Т. XV, Вып. 1 / под ред. Е. В. Красновой и И. М. Михайловой. СПб. : Изд. СПбГУ, 2017. С. 54–68.
- Чекалина Е. М.* Семантические аспекты шведской грамматики: системно-функциональный и сопоставительно-типологический анализ. М. : МАКС Пресс, 2017. 196 с.
- Durst-Andersen P.* Bag om sproget. Det kulturmentale univers i sprog og kommunikation. Kbh. : Hans Reitzels Forlag, 2011a. 200 s.
- Durst-Andersen P.* Linguistic Supertypes. A Cognitive-semiotic Theory of Human Communication. Berlin : Mouton de Gruyter, 2011b. 314 s.
- Hansen E., Heltoft L.* Grammatik over det danske sprog. Bd. 1–3. Kbh. : Hans Reitzels Forlag, 2011. 1842 s.
- Kotin M. L.* Zur referenziellen Identität von Tempus- und Modusformen // Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht / Катны А. / Сocka А. (Hg.). Frankfurt a.M., 2010. S. 29–38.
- Krylova E. B.* Danske modalpartikler som indikatorer på afsenders forskellige kommunikationsstrategier // Globe: A Journal of Language, Culture and Communication, an interdisciplinary peer-reviewed journal. Aalborg University, 2016, Special Issue. S. 187–195.
- Leiss E.* Die Verbalkategorien des Deutschen. Berlin-N. Y., 1992. 334 p.
- Politikens Nudansk Ordbog (PNDO).* Kbh. : Politikens Forlag, 1992. 1252 s.
- Reichenbach H.* Elements of Symbolic Logic. N.Y., 1947.

УДК 81-13

А. С. Ноздрина

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО (У) МИД России;
e-mail: nozdrina@list.ru

ГРАММАТИКА Е. И. ШЕНДЕЛЬС В НОВОМ ФОРМАТЕ ВОСПРИЯТИЯ. НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ФОРМ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ (DER KONJUNKTIV)

В статье предпринимается попытка привлечь внимание преподавателей, работающих со студентами на неязыковых специальностях и со студентами, начинающими изучать немецкий язык, к ставшему классическим труду Е. И. Шендельс «Deutsche Grammatik: Morphologie, Syntax, Text». Анализ большого количества современных немецких грамматических справочников и пособий показал, что попытки упростить подачу теории приводят к размытости изложения, неполному освещению грамматической темы и к отсутствию логического построения. Потребность в упорядочении теоретического материала для студентов и в максимально доступном изложении теории, с одной стороны, требования к теоретической грамотности – с другой, а также необходимость адаптации изложения теории к современным особенностям восприятия вновь обращает нас к теории Е. И. Шендельс.

В рамках статьи предпринимается попытка показать возможные варианты адаптации цитируемого труда по двум направлениям на примере изучения темы «сослагательное наклонение» (der Konjunktiv):

- 1) адаптация текста параграфов для групп нелингвистических специальностей и для групп, начинающих изучать язык «с нуля»;
- 2) адаптация подачи классического текста учебника под потребности и особенности восприятия информации современными студентами.

Представляется необходимым также сделать акцент и на том, что созданный Е. И. Шендельс для лингвистического факультета труд может и должен быть использован более широким кругом обучающихся. В таком случае необходимо использовать теорию в упрощенном, но, тем не менее, полном варианте, а способы упрощения подачи материала предлагаются в аннотируемой статье, где освещается попытка изменить форму, но не содержание изучаемой грамматической темы.

В контексте смещения акцентов в современном мире на видео-вербальные способы получение информации и использование видео-вербальной опоры при изучении нового материала нами также предлагаются возможные пути решения этой проблемы.

Выбор темы «сослагательное наклонение» (der Konjunktiv) в качестве примера решения вышеозначенных задач не случаен: данная тема часто вызывает сложности у обучающихся, а предлагаемый в современных грамматиках теоретический подход (деление форм на Konjunktiv I и Konjunktiv II) с последующим перечислением случаев употребления не имеет системного характера и нацелен лишь

на простое запоминание. Теория Е. И. Шендельс, наоборот, исходит из значения и случаев употребления согласительного наклонения. Это отображено в делении на «четыре области применения конъюнктива» – «Vier Anwendungsbereiche des Konjunktivs», что отвечает современным требованиям к изучению иностранного языка – изучение единиц всех уровней языка в рамках конкретной коммуникативной ситуации, т. е. обучение с коммуникативной направленностью.

В статье предлагаются различные виды заданий по работе с темой: представление в виде предлагаемых нами таблиц для самостоятельного и совместного с преподавателем анализа, задания для аналитической работы: анализ примеров и их значений, деление на большие смысловые группы случаев употребления с последующим анализом грамматических форм с точки зрения морфологии. Также возможно использование таблиц как формы промежуточного и итогового контроля.

Теория, изложенная профессором Е. И. Шендельс, системно и четко излагает грамматический строй немецкого языка, поэтому он непременно должен быть использован при подаче грамматического материала, если преподаватель преследует цель системной подачи нормативной грамматики. Ввиду прозрачности изложения необходимо сделать доступным фундаментальный труд профессора Е. И. Шендельс, дающий исчерпывающие знания современным студентам начального этапа обучения.

Ключевые слова: грамматика немецкого языка; нормативная грамматика; согласительное наклонение; восприятие информации; видео-вербальная парадигма; значение; форма; морфология; нелингвистическая специальность; системное изложение; аналитическая работа обучающихся.

A. S. Nosdrina

PhD (Philology), Senior Lecturer at the Chair of the German Language, MGIMO University; e-mail: nozdrina@list.ru

E. I. SHENDELS' GRAMMAR IN A NEW FORMAT OF PERCEPTION. THE CASE OF CONJUNCTIVE MOOD FORMS (DER KONJUNKTIV)

The article attempts to attract the attention of teachers working with students in non-linguistic departments and those who start to learn German, to the classical work of E. I. Shendels "Deutsche Grammatik: Morphologie, Syntax, Text". An analysis of a large number of modern German grammar guides and manuals has shown that attempts to simplify the presentation of the theory causes the lack of focus, incomplete topic expansion and lack of a logical construction. The need for logical organization of the theoretical material for students, for a transparent presentation of the theory, on the one hand, the requirements for theoretical literacy, on the other hand, as well as the need to adapt the theory's presentation to contemporary perceptual features once again turns us to the theory of E. I. Shendels.

In this article we make an attempt to show different adaptation versions of the work under analysis in two directions through the example of "The Conjunctive Mood" (der Konjunktiv) topic:

- 1) paragraph adaptation for groups of non-linguistic departments and those who are learning the language “from scratch”;
- 2) adaptation of the classical text presentation to the needs and features of data perception by modern students.

It is also essential to emphasize that E. I. Shendels' textbook for the linguistic department can be and must be used by a wider array of students. In this case it is important to use the theory in a simplified, but non-abridged, version. We offer the ways of such simplification in the annotated article, where we demonstrate an attempt to change the form but not the contents of the grammatical topic.

In the modern world, the emphasis is shifting towards the video-verbal means of information uptake and use of video-verbal support when learning the new material, so we are also offering possible remedies.

There is a good reason why we have chosen Subjunctive mood (der Konjunktiv) to exemplify the ways of addressing this problem. This grammatical topic often presents difficulties to the students, and the modern theoretical approach (Konjunktiv I and Konjunktiv 2 division) is not systematic and aimed at mere memorization. E. I. Shendels' theory, quite on the contrary, proceeds from the meaning and occurrence of the Subjunctive mood. This can be seen in division into “four spheres of the Subjunctive mood occurrence” – “Vier Anwendungsbereiche des Konjunktivs” – which meets modern requirements to foreign language acquisition, that is studying linguistic units at every level within a certain communicative situation (communicative approach).

The article offers different types of tasks within this topic: presentation in the form of tables for an independent analysis and a joint task with the teacher, tasks for analytical work: analysis of examples and their meanings, division of occurrence cases into large semantic groups with subsequent analysis of grammatical forms from the point view of morphology. It is also possible to use the tables as a form of intermediate and final control.

The theory of Professor E. I. Shendels gives an exceptionally profound, systematic and clear presentation of the German language grammatical system, so it must certainly be used by the teachers if they pursue a goal of the prescriptive grammar systematic presentation to their students. In view of its clarity, theoretical and terminological literacy and transparency of the presentation, it is necessary to make available the fundamental textbook of Professor E. I. Shendels to modern students of the initial stage of education.

Key words: German Language grammar; prescriptive grammar; subjunctive mood; data perception; video-verbal paradigm; meaning; form; morphology; non-linguistic departments; systematic presentation; students' analytic work.

В настоящее время при наличии множества новых методик и большого разнообразия в способах подачи грамматического материала все же возникает, по ряду причин, потребность возврата к классическому изложению нормативной грамматики. В результате анализа современных грамматик можно сделать вывод о том,

что несмотря на оригинальность, простоту подачи они имеют существенные недостатки.

Простота подачи материала в современных грамматиках часто имеет свою негативную сторону. Идя по пути упрощения в объяснении теоретического материала, часто возникает проблема теоретической и терминологической неграмотности, бессистемности, и, как следствие, у обучающегося отсутствует полное, а главное – комплексное представление об изучаемом явлении как о системе, полностью интегрированной в общую систему языка, т. е. в какой «системе координат» находится изучаемое явление, какие формы оно имеет.

Представление о языке как о системе является неоспоримым, исключительно важным при его изучении: необходимо понимание того факта, что каждый компонент языка «существует не изолированно, а лишь в противопоставлении другим компонентам системы». Поэтому он рассматривается, исходя из его роли в составе языковой системы, т. е. в свете его значимости» [ЛЭС, с. 452]. Комплексное восприятие изучаемого языка (и отдельных компонентов системы, таких как, например, система падежей, система временных форм, наклонений) обеспечивает прозрачность представления и облегчает восприятие ее обучающимися.

Еще одна проблема, возникающая в грамматиках, идущих по пути упрощения, – упрощение или замена лингвистических терминов: отказываясь от лингвистической терминологии мы часто, наоборот, усложняем и процесс объяснения (используя описательные конструкции) и процесс обсуждения и понимания изучаемого явления; сталкиваемся с тем, что студенту часто трудно грамотно сформулировать и задать вопрос, касающийся изучаемого материала.

Следуя известному тезису, согласно которому «всё новое – это хорошо забытое старое», мы предлагаем при изучении некоторых грамматических тем вернуться к истокам: уже давно существующей и проверенной теории Е. И. Шендельс. При этом хотелось бы акцентировать внимание на трех важных аспектах:

Во-первых, теория, изложенная Е. И. Шендельс, исключительно глубоко, а главное, системно и четко излагает грамматический строй немецкого языка, поэтому непременно должна быть использована при подаче грамматического материала, если преподаватель преследует цель системной подачи информации.

Во-вторых, тот факт, что теория Е. И. Шендельс является исключительно глубоким исследованием, не должен вводить в заблуждение преподавателей, работающих в группах студентов, с уровнем владения языком А1–А2, в группах с лингвистической специальностью: не стоит рассматривать данную теорию как чересчур сложную или излишне теоретизированную. Наоборот, системный подход призван способствовать пониманию и усвоению информации и помочь сориентироваться в такой системе координат, как живой иностранный язык.

Целесообразным было бы просто в таком случае изменить форму подачи, что и предлагается нами в рамках этой статьи. В рассматриваемой ситуации хотелось бы обратить внимание на деятельностный подход, разработанный еще А. Н. Леонтьевым и С. Л. Рубинштейном, а также на важность самостоятельной работы, которой уделяет внимание И. А. Зимняя, отмечая, что «самостоятельная работа есть следствие правильно организованной его учебной деятельности на уроке, что мотивирует самостоятельное ее расширение, углубление и продолжение в свободное время» [Зимняя 2010, с. 114]. Также, И. А. Зимняя обращает внимание на то, что отличительной чертой самостоятельной работы является то, что в ее основе всегда лежит новый материал, новые познавательные задачи [там же, с. 115].

Следуя за классиками психологии, методики и педагогики, мы предлагаем использовать самостоятельную работу при изучении грамматической темы путем самостоятельного анализа, не забывая при этом, что подобный анализ требует грамотного руководства со стороны преподавателя в аудитории. Как отмечает в своих методических работах М. С. Омельченко, «студентам важно научиться самостоятельно добывать материал, критически осмысливать получаемую информацию, уметь делать выводы, аргументировать их, решать возникшие проблемы. Самостоятельная работа с информацией на иностранном языке становится актуальной. Важное значение приобретает проблема профессиональной подготовки специалистов, обладающих высоким творческим потенциалом. Сегодня уровень профессионализма определяется не только объемом знаний и умений, но и творческим подходом к делу» [Омельченко 2006, с. 68]. С этой целью в статье представлены таблицы для практического использования на занятиях.

В-третьих, небольшое количество часов, отведенное на изучение темы, обозначенной в названии данной статьи, в группах

нелингвистической специальности, наоборот, должно подталкивать к изучению сложных тем комплексно и системно. Задачей данной статьи является попытка некоторого упрощения не самой теории, а ее подачи, при этом преследуются три цели:

– возобновить интерес преподавателей и обучающихся к фундаментальному труду профессора Е. И. Шендельс, дающему исчерпывающие знания, ввиду его четкости, прозрачности описания, теоретической и терминологической грамотности.

– приблизить уже изложенный Е. И. Шендельс грамматический материал, вернее, форму подачи, к актуальным особенностям восприятия информации современными студентами (опора на видеовизуальные принципы восприятия) поскольку очевидным становится тот факт, что современные обучающиеся обладают новыми особенностями восприятия информации, а именно – с помощью визуальных средств.

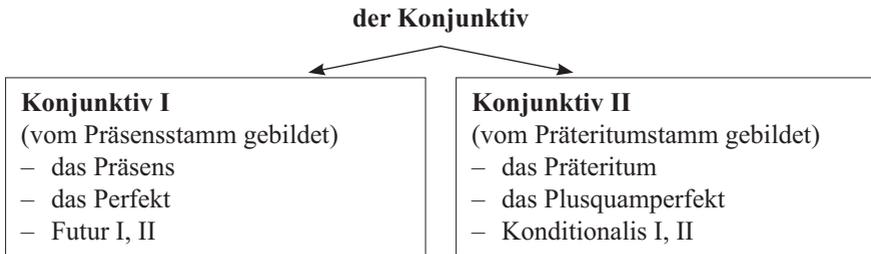
– сделать возможным использования фундаментальной теории на нелингвистических специальностях, поскольку начальный уровень подготовки обучающихся (А1–А2) не позволяет представить текст учебника Е. И. Шендельс «Немецкая грамматика: морфология, синтаксис, текст» в оригинале. Используемые в учебнике принципы изложения грамматического материала соответствуют тем задачам, которые и сегодня ставятся перед настоящими и будущими преподавателями: необходимо так представить грамматику немецкого языка, чтобы она помогала обучающемуся говорить на языке. В грамматике Е. И. Шендельс есть яркие примеры, подтверждающие правильность теоретических положений. Она исходила из значения отдельных высказываний и целого текста, тогда еще только начинающего разрабатываться. Таков и конъюнктив, данный в статье в таблицах, построение которых исходит из значения высказывания.

Мы предлагаем рассмотреть адаптацию теории на примере темы «конъюнктив – сослагательное наклонение».

Теория Е. И. Шендельс предполагает *деление всех случаев употребления конъюктива на четыре «области применения конъюктива» (vier Anwendungsbereiche des Konjunktivs)*. Она привлекательна и с содержательной точки зрения (способ группировки всех значений сослагательного наклонения чрезвычайно удобен в использовании).

Не стоит пренебрегать и объяснением самого термина *Konjunktiv*, от лат. *conjunctivus* – ‘abhängig, hypothetisch’), что раскрывает его основное значение – значение предположения. Также в процессе ознакомления с формообразованием, спряжением глаголов, образованием и использованием временных форм, безусловно, необходимо представить и классическое подразделение форм конъюнктива на две группы: Konjunktiv I и Konjunktiv II, однако только для ознакомления (см. схему 1).

Схема 1

Следует подчеркнуть, что распространенное в большинстве учебников и учебных пособий деление форм на Konjunktiv I и Konjunktiv II носит чисто теоретический характер и не позволяет определить значение той или иной формы, поскольку:

- в основе деления лежит грамматический принцип, не учитывающий значение перечисляемых грамматических форм;
- простое перечисление «списком» случаев употребления форм Konjunktiv I или форм Konjunktiv II не имеет системного характера и, как следствие, плохо запоминается;
- под один конкретный случай употребления / коммуникативную ситуацию могут подходить одна, две или несколько форм из всего списка форм Konjunktiv I или Konjunktiv II.

И в этом случае трудно провести разграничение форм Konjunktiv I и форм Konjunktiv II между собой, объяснить студентам, какая именно форма необходима, какое значение имеет или же возможно употребление одновременно и форм Konjunktiv I и Konjunktiv II (например, для выражения нереального сравнения возможно употребление всех форм, включая кондиционалис, а для выражения нереального желания, возможны только две временные формы: Präteritum и Plusquamperfekt Konjunktiv, лишь в некоторых случаях Konditionalis I и практически

никогда II). Кроме того, необходимо отдельно пояснять, чем отличаются друг от друга перечисленные формы Konjunktiv I и Konjunktiv II, выражающие одно значение, почему они не синонимичны и как правильно различать случаи их употребления.

Мы же предлагаем кардинально изменить принцип логического построения и использовать два принципа: первый, изложенный Е. И. Шендельс, согласно которому следует идти не от грамматической формы (Konjunktiv I, Konjunktiv II), а от конкретных примеров, значений и случаев употребления; согласно второму принципу – излагать имеющуюся теорию, с целью упорядочения информации, в форме таблиц, соответствующих каждой из четырех областей применения конъюнктива, т. е. исходя из конкретной коммуникативной ситуации.

Так как текст цитируемой теории написан на немецком языке, мы оставляем содержание предлагаемых нами таблиц также на немецком языке без перевода.

Первая область применения – *der erste Anwendungsbereich*.

Для простоты описания системы времен удобно вводить понятие *объективного времени* (настоящее, прошедшее и будущее) и *грамматической временной формы* (Präsens, Präteritum, Perfekt, Plusquamperfekt, Futur I, Futur II).

Такое разграничение необходимо предлагать при работе в группах лингвистической специальности, где студенты часто путают понятие объективного времени и грамматической формы и часто ставят знак «равно» между, например, понятием «прошлого» и «прошедшего времени» (прошлое = претеритум или прошлое = перфект и т. п.).

В процессе ознакомления с новой темой студенты отталкиваются от анализируемых примеров, соответственно читают таблицу *справа налево*, приходя через анализ к одному из значений конъюнктива. Такая форма подачи предоставляет преподавателю большой спектр возможностей работы с материалом: различные виды и способы самостоятельного или совместного заполнения таблицы, опроса по ней. Впоследствии таблицей можно пользоваться как справочным материалом.

Также в подготовительной части, непосредственно перед работой, целесообразно ввести понятие *absolute zeitliche Bedeutung* и *relative zeitliche Bedeutung* [Schendels 1988, с. 48–49]. В первую очередь это понятие актуально для студентов, изучавших как первый иностранный

Таблица 1

Der erste Anwendungsbereich des Konjunktivs

Bedeutung	Zeitform	objektive Zeit*	Beispiele
I. Der irrealer (unerfüllbare oder unerfüllte) Wunsch	Präteritum Plusquam.	Gegenwart Vergangenheit	1. Wäre jetzt Sommer! = Wenn jetzt Sommer wäre! Hätte ich jetzt Zeit! 2. Hätte ich damals Zeit gehabt! = Wenn ich damals Zeit gehabt hätte!
II. Die irrealer (unerfüllbare oder unerfüllte) Bedingung	Präteritum / Kond. I Plusquam. / Kond. II	Gegenwart, Zukunft Vergangenheit	1. Mit dem Flugzeug kämen wir jetzt (morgen) schneller an.= Mit dem Flugzeug würden wir schneller ankommen. 2. Mit dem Flugzeug wären wir damals schneller angekommen. = Würden wir damals schneller angekommen sein.
III. Die irrealer (unerfüllbare oder unerfüllte) Möglichkeit Часто содержится глагол <i>können</i> (emotional gefärbt, die erstaunte Frage)	Präteritum Plusquam.	Gegenwart Vergangenheit	1. Er könnte jetzt lauter sprechen. 2. Er hätte damals lauter sprechen können . Dies wäre Ihre Schwester?! Dies wäre die beste Antwort?! (Kaum zu glauben)
IV. Eine unterbrochene Handlung	Plusquam.	Vergangenheit	1. Beinahe (fast, um ein Haar) hätte ich mich verspätet. (das Fehlen der Verneinung!)

Bedeutung	Zeitform	objektive Zeit*	Beispiele
V. Eine Verneinung in den negativen Attributsätzen und Modalsätzen	Präteritum Plusquam.	Gegenwart Vergangenheit	1. Es gibt keine Aufgabe, die er nicht erfüllte . Er ist zu gewissenhaft, als dass er diese Aufgabe vergessen könnte . 2. Es gab keine Aufgabe, die er nicht erfüllt hätte . Er verließ den Saal, ohne dass es jemand bemerkte hätte . (relative zeitliche Bedeutung!)
VI. Eine nicht kategorische höfliche Aussage, eine betont höfliche Aufforderung	Präteritum Präteritum Plusquam.	Gegenwart Gegenwart Vergangenheit zur Gegenwart auch möglich	1. Ich wäre anderer Meinung. Mein Rat wäre anders. 2. Dürfte ich Sie um eine Zeitung bitten? Würden Sie bitte hier auf mich warten. 3. Ich hätte gern (am liebsten) selbst mit ihm gesprochen.
VII. Die Feststellung (die Konstatierung) Ein Ergebnis Der entgegengesetzte Sinn (ironisch)	Präteritum Präteritum Präteritum	Gegenwart Gegenwart Gegenwart	1. Endlich wären wir an Ort und Stelle! 2. Die Sache wäre erledigt. 3. Da hätten wir die Bescherung!

* Этот термин введен в таблицу Л. А. Ноздриной. Содержание всех остальных разделов предлагаемой таблицы цитируется по учебнику Е. И. Шендельс.

английский язык, поскольку понятие *relative zeitliche Bedeutung* коррелирует с понятием согласования времен, позволяет провести параллели. Самостоятельное употребление времен и употребление временных форм только во взаимосвязи с другими временными формами также позволяет выделять различные случаи употребления конъюнктива. Такой принцип деления позволяет проводить короткий опрос на знание изучаемого явления (например: назовите случаи самостоятельного и относительного употребления времен, см. табл. 1).

Жирным шрифтом в примерах выделены так называемые маркеры времени, позволяющие определить, какое объективное время представлено в данном предложении.

После разбора и анализа таблицы студентами обязательно **выводится заключение**: в **первой области применения конъюнктива** возможны только две временные формы (Präteritum Konjunktiv для объективного настоящего и Plusquamperfekt Konjunktiv для объективного прошедшего времени, а также особые формы Konditionalis I и реже Konditionalis II).

В пятой строке предложения с *ohne dass* могут вводиться на усмотрение преподавателя, в зависимости от предполагаемого объема часов для изучения темы, поскольку в первой области применения это единственный случай относительного употребления времен. Предложения данного типа могут изучаться отдельно, вводить их в первую таблицу не обязательно.

Во второй области применения конъюнктива – der zweite Anwendungsbereich возможно расположение содержания таблицы и в обратном порядке. В таком случае информация представлена в порядке ее интерпретации (см. табл. 2).

После разбора и анализа таблицы студенты записывают **вывод**: во второй области применения конъюнктива возможно употребление только одной временной формы – Präsens Konjunktiv.

В третьей области применения конъюнктива – der dritte Anwendungsbereich – рассматривается только одно значение, а именно – нереальное сравнение. Предложения этого типа рассматриваются отдельно, так как имеют свою особенность. Временные формы конъюнктива выступают в относительном употреблении (*relative zeitliche Bedeutung*), а не в самостоятельном (*absolute zeitliche Bedeutung*), как в первых двух областях применения [Schendels 1988, с. 48].

Der zweite Anwendungsbereich des Konjunktivs

Beispiele	Zeitformen	Kommunikative Situation / Gebrauch	Bedeutung
I. 1. A B sei eine Gerade. ABC sei ein Dreieck. 2. Mein Name sei Gantenbein (Max Frisch)	Präsens Konjunktiv	Wissenschaft in der schönen Literatur	eine realisierbare Annahme
II. Man Sorge für die genaue Dosierung jeder Arznei. (imperativisch)	Präsens Konjunktiv	Dokumente	eine Anweisung
III. Jeder Autor, und sei er noch so groß, wünscht, dass sein Werk gelobt werde. Formeln (oft konjunktionsartig) gebraucht: <i>Wie dem auch sei, er tut es.</i>	Präsens Konjunktiv	in den Konzessivsätzen	eine Einräumung
IV. Möge diese Arbeit zu weiteren Forschungen Anlass geben! (optativ) Es lebe unsere Heimat! Es gedeihe unsere Universität!	Präsens Konjunktiv	Poesie, emotional gefärbte Publizistik (gehoben) Losungen	ein erfüllbarer Wunsch
V. Der Redner stieg auf das Podium, damit man ihn besser sehe und höre	Präsens Konjunktiv (Präteritum auch möglich)	in den Finalsätzen	eine Absicht (steht dem Wunsch sehr nahe)

Поскольку *третья* область применения конъюнктива содержит лишь одно значение, ее можно представить следующим образом (см. табл. 3):

Таблица 3

**Der dritte Anwendungsbereich
Der irrealer Vergleich**

die Gleichzeitigkeit	Präsens / Präteritum Konj. <i>Er tat, als höre / hörte er nichts.</i>
die Vorzeitigkeit	Perfekt / Plusquamperfekt Konj. <i>Er tat, als habe / hätte er damals nichts gehört.</i>
die Nachzeitigkeit	Konditionalis I / Futur I Konj. <i>Er tat, als würde / werde er bald gehen.</i>

Таблица 4

**Der vierte Anwendungsbereich
Die indirekte Rede**

die Gleichzeitigkeit	Präsens / Präteritum Konj. <i>Das Mädchen sagte, dass sie Anna heiße / hieße.</i>
die Vorzeitigkeit	Perfekt / Plusquamperfekt Konj. <i>Das Mädchen sagte, dass sie vor kurzem ihr Abitur gemacht habe / hätte.</i>
die Nachzeitigkeit	Konditionalis I / Futur I Konj. <i>Das Mädchen sagte, dass sie bald arbeiten würde / werde.</i>

В третьей области применения речь идет о сравнительных придаточных предложениях с союзами *als, als ob, als wenn, wie wenn* [Schendels 1988, с. 92]. Временные формы конъюнктива имеют относительное временное значение (*relativer Zeitgebrauch*), т. е. употребляются в зависимости от того, какое объективное время отражено в главном предложении (настоящее, прошедшее или будущее), в каком соотношении находятся между собой действия, описанные в главном и придаточном предложениях, в каких временных плоскостях они расположены. Вместе с приведенными примерами хорошо

запоминаются устойчивые выражения: *Er tut...* – он делает вид, *Es ist ihm...* – у него такое чувство...

Четвертая область применения конъюнктива (*der vierte Anwendungsbereich*) – косвенная речь – по принципу употребления временных форм (*relative zeitliche Bedeutung*) совпадает с третьей областью применения, поэтому и предлагаемая таблица выглядит идентично (см. табл. 4).

Таким образом, основной акцент необходимо сделать на максимальной системности в подаче материала, структурировании информации, а также на самостоятельной аналитической работе студентов, после чего попросить сделать обобщение, смысл которого должен сводиться к тезису:

Die zeitliche Bedeutung des Konjunktivs kann relativ und absolut sein. In Bezug auf die Zeit vereinigen sich einzelne Formen in synonymische Gruppen: Präteritum, Präsens, Futur I, Konditionalis I können Gegenwart, Zukunft oder Gleichzeitigkeit, bzw. Nachzeitigkeit bezeichnen; Plusquamperfekt, Perfekt, Konditionalis II, Futur II können Vergangenheit oder Vorzeitigkeit bezeichnen. [Schendels 1988, с. 87].

Таблицы третьей и четвертой областей применения также сохраняют принцип продвижения по изучаемому материалу «от значения – к грамматической форме». Возникают понятия *Gleichzeitigkeit*, *Vorzeitigkeit*, *Nachzeitigkeit*, а понятие *objektive Zeit* уходит на второй план и является вспомогательным: анализируется соотношение действий главного и придаточного предложений в трех плоскостях объективного времени и их взаимодействие. После этого обучающимися формулируется вывод о закономерностях употребления форм конъюнктива.

По окончании изучения темы, а также в качестве текущего контроля по таблицам удобно не только осуществлять контрольный опрос теории, но и проводить анализ примеров.

В контексте всегда актуальной дискуссии о смене парадигм необходимо упомянуть и труды О. Л. Каменской, предвосхитившей еще в 90-е гг. XX в. смену парадигмы на видео-вербальную вследствие развития новых технологий [Каменская 1995, т. 1, с. 43–47]. В настоящее время такая смена предполагает новый формат восприятия информации современными обучающимися и означает поиск новых

подходов в изучении иностранного языка. В связи с этим возрастает потребность именно в изменении формы подачи теории, а не в изменении ее содержания. В рамках данной статьи предполагается идти не по пути упрощения содержания, а сделать доступными формы его подачи для студентов, ориентированных на получение и запоминание информации с помощью визуальных средств ввиду развития новых технологий.

В психологии в 60–70-е гг. XX в. были выделены и описаны различные типы восприятия человеком информации (визуалы, аудиалы, кинестетики). Дальнейшим развитием этой теории в рамках педагогики занимался М. Гриндер.

Можно сделать предположение о том, что в настоящее время происходит смещение в восприятии информации в сторону визуального восприятия, и число «визуалов» увеличивается вместе с возрастающим влиянием технических средств и увеличивающегося потока получаемой через технические средства информации. Как справедливо было отмечено М. Гриндером, «с возрастанием объема материала возрастает необходимость в визуализации» [Гриндер 1991, с. 16].

Таким образом, подача материала в виде таблицы при большой вариативности ее использования отвечает современным требованиям к восприятию информации и дает возможность:

- самостоятельной работы обучающегося (о дополнительных возможностях использования самостоятельной работы см.: [Ноздрина 2017, с. 23–28]);
- переноса акцента на аналитическую работу обучающихся в процессе изучения грамматического теоретического материала, в процессе которой студенты легче усваивают логику изучаемого правила;
- различного представления теории, в том числе с использованием видеовизуальных, технических средств – презентаций в различных компьютерных программах с постепенным заполнением ячеек таблицы после их совместного обсуждения;
- осуществление текущего контроля пройденного материала путем заполнения недостающих колонок таблицы (в качестве раздаточного материала, например: вписать значение, определить временную форму, вписать пример, определить объективное время или определить временную грамматическую форму).

Однако основной идеей предложенной статьи является идея возврата при изучении сослагательного наклонения (Konjunktiv) к теории Е. И. Шендельс, предлагающей не отталкиваться от чисто грамматической формы (Konjunktiv I, Konjunktiv II), а исходить из значения, из коммуникативной ситуации, выстраивать логику, отталкиваясь от смысла употребляемого предложения, группируя формы конъюктива на четыре области применения, а также сделать доступной теорию для студентов, только начинающих изучать немецкий язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гриндер М.* Исправление школьного конвейера. Пермь : ППИ, 1991. с. 38.
- Каменская О. Л.* О новой парадигме в лингвистике // Лингвистика на исходе XX века: итоги в перспективе. Тезисы междунар. конф. Т. 1. М., 1995. С. 43–47.
- Леонтьев А. Н.* О некоторых психологических вопросах сознательности учения // Хрестоматия по педагогической психологии : учеб. пособие для студ. ; сост. и вступ. Очерки А. Красило и А. Новгородцевой. М. : Международная педагогическая академия, 1995. С. 65–72.
- Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. 683 с.
- Ноздрина А. С.* Активный словарь: творческие задания на текстовом уровне // Педагогические науки. М. : Спутник +, 2017. № 2. С. 23–28.
- Омельченко М. С.* Современные тенденции в обучении иностранным языкам в неязыковом вузе // Проблемы, пути совершенствования и перспективы преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах. Брянск, 2006. С. 66–69.
- Зимняя И. А.* Педагогическая психология : учебник для вузов. 3-е изд., перераб. М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : НПО 'МОДЭК', 2010. 448 с.
- Schendels E.* Deutsche Grammatik: Morphologie, Syntax, Text. / Шендельс Е.И. Практическая грамматика немецкого языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 3-е изд., испр. М. : Высшая школа, 1988. 416 с.

УДК 811

А. В. Пискарёва

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: n-piskarjowa@mail.ru

**ТИПЫ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ
В СЛОВАРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ
(на материале Немецко-русского и русско-немецкого словаря
лингвистических терминов А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского)**

В статье рассматриваются типы когнитивных метафор, представленные в Словаре лингвистических терминов А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. Обращение к этой теме обусловлено утверждением Дж. Лакоффа и М. Джонсона, что значение слов зависит от нашего понимания, а также опыта восприятия окружающего мира. Изучение концептуальных (когнитивных) метафор в языке науки позволяет понять, какое влияние оказывают особенности человеческого мышления на накопление знания о языке. В статье мы используем термин «когнитивная метафора», понимая под ним как когнитивный процесс, так и его результат и аргументируя это дискуссионностью понятия «концепт» (следовательно, и понятия «концептуальная метафора»). Изучение когнитивных метафор в языке науки не является новым, а имеет богатую традицию как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Наша статья содержит описание типов когнитивных метафор, представленных в терминологическом словаре как особом жанре научного текста. «Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов с английскими эквивалентами» А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, второе издание которого вышло в 2006 г., рассматривается нами в качестве среза современной лингвистической мысли в России и Германии. На основе этого материала мы попытались определить, какие когнитивные метафоры в настоящее время активны в исследовании языковых явлений. Следствием использования для поиска метафорических единиц именно терминологического словаря является получение для анализа таких метафор, которые воспринимаются вне контекста, имеют в целом употребление, а также в большинстве своем являются старшимися. Количество терминов-метафор, отобранных нами из Словаря А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, оказалось небольшим – всего 5 % от 5600 единиц для русского и приблизительно столько же для немецкого языка. Однако это может быть объяснено стремлением лингвистов и философов на протяжении нескольких десятилетий создать термины, содержащие прямую связь между понятием и значением слова. Несмотря на небольшой процент терминов-метафор в рассмотренном нами терминологическом словаре, мы считаем выделение на их основе когнитивных метафор очень важным, так как словарные единицы употребляются всей научной общественностью, а значит, и когнитивные метафоры на их основе будут отражать особенности категоризации языка и речи не отдельными исследователями, а языковедами в целом.

Мы выделили следующие когнитивные метафоры: ЯЗЫК – ЭТО ПРОСТРАНСТВО, ЯЗЫК – ЭТО СТРУКТУРА, ЯЗЫК – ЭТО СИСТЕМА, ЯЗЫК – ЭТО ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, ОТНОШЕНИЯ В ЯЗЫКЕ – ЭТО РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ЯЗЫК – ЭТО МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ, ЯЗЫК – ЭТО СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ЯЗЫК – ЭТО ДВИЖЕНИЕ, ЯЗЫК – ЭТО КОНТЕЙНЕР, ЯЗЫК – ЭТО БОГАТСТВО.

Таким образом, типы когнитивной метафоры, выделенные нами на основе Словаря лингвистических терминов А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, показывают многообразие метафорической категоризации языка и речи и связанных с ними понятий. Дальнейшее исследование в этом направлении позволит объединить выделенные когнитивные метафоры в более крупные группы, а также собрать количественные данные об их частотности в языке лингвистики как области научного знания.

Ключевые слова: термин-метафора; лингвистическая терминология; когнитивная метафора; словарь лингвистических терминов; категоризация.

A. V. Piskareva

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: n-piskarjowa@mail.ru

**TYPES OF COGNITIVE METAPHOR
IN THE DICTIONARY OF LINGUISTIC TERMS
(on the example of the German-Russian and Russian-German dictionary
of linguistic terms by A. Baranov and D. Dobrovolsky)**

The article deals with the types of cognitive metaphor presented in the dictionary of linguistic terms by A. Baranov and D. Dobrovolsky. The appeal to this topic is due to the statement of J. Lakoff and M. Johnson that the meaning of words depends on our understanding and perception of the world around us. The study of conceptual (cognitive) metaphors in the language of science makes it possible to understand the influence of the features of human thinking on the accumulation of knowledge about language. In the article we use the term “cognitive metaphor”, under which we mean the cognitive process, and its result since the notion “concept” is controversial (hence, the notion “conceptual metaphor” as well). The study of cognitive metaphors in the language of science is not new, but has a rich tradition, both in Russian and in foreign linguistics. Our article contains a description of the types of cognitive metaphor presented in the terminological dictionary. “The German-Russian and Russian-German Dictionary of Linguistic Terms with English Equivalents” by A. Baranov and D. Dobrovolsky, whose second edition was published in 2006, is considered by us as a cutting edge of modern linguistic thought in Russia and Germany. Based on this material, we tried to determine what cognitive metaphors are currently active in the study of linguistic phenomena. In the terminological dictionary, we find such metaphors that are perceived outside the context, have universal use, and also in the majority of cases have an erased metaphorical meaning. The number of terms-

metaphors selected by us from the dictionary of A. Baranov and D. Dobrovolsky is small: only 5% of 5,600 units for Russian and about the same amount for German. However, this can be explained by the long-term desire of linguists to create terms containing a direct connection between concept and meaning. Despite the small percentage of metaphorical terms, we believe it is important to establish cognitive metaphors based on them, since vocabulary units are used by the entire scientific community. Hence, cognitive metaphors based on them will reflect the features of the categorization of language and speech not by individual researchers, but linguists in general.

We singled out the following cognitive metaphors: LANGUAGE IS SPACE, LANGUAGE IS STRUCTURE, LANGUAGE IS SYSTEM, LANGUAGE IS LIVING ORGANISM, RELATIONSHIPS IN LANGUAGE ARE RELATED RELATIONS, LANGUAGE IS MATERIAL OBJECT, LANGUAGE IS MEANS OF INFLUENCE, LANGUAGE IS MOVEMENT, LANGUAGE IS CONTAINER, LANGUAGE IS WEALTH.

Thus, the types of cognitive metaphor we identified on the basis of the dictionary of the linguistic terms of A. Baranov and D. Dobrovolsky show the diversity of the metaphorical categorization of language and speech. Further research in this direction will allow us to unite the selected cognitive metaphors into larger groups, and also to collect quantitative data on their frequency in the linguistic discourse.

Key words: the term-metaphor; linguistic terminology; cognitive metaphor; dictionary of linguistic terms; categorization.

Когнитивная теория метафоры, предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, ориентирована на изучение осмысления и категоризации окружающего мира. Критикуя объективизм и субъективизм, авторы книги «Метафоры, которыми мы живем» затрагивают проблему лексического значения. Они утверждают, что слова нельзя воспринимать как объекты со строго закрепленными значениями, с другой стороны, значения слов не могут быть безграничной игрой воображения, их обуславливает наш опыт восприятия мира и связанное с ним понимание [Лакофф, Джонсон 2008]. Поэтому «нет единственной точки зрения, которая позволила бы получить абсолютную истину о мире» [Лакофф, Джонсон 2008, с. 216]. Концептуальные метафоры отражают представление о мире, обусловленное культурой и особенностями мышления человека как познающего субъекта.

Термин «концептуальная метафора» связан с понятием концепта. Однако определений концепта очень много, и каждый ученый вкладывает в него что-то свое, поэтому понимание этого термина осложняется, а, следовательно, и понимание концептуальных метафор. Некоторые авторы, например М. А. Елизарьева, отказываются использовать

понятие концепта вовсе [Елизарьева 2017]. Как отмечает Л. В. Кульчицкая, в отечественной лингвистике сформировалась тенденция синонимичного использования терминов «концептуальная» и «когнитивная метафора», заданная таким классиками, как Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия, Е. О. Опарина [Кульчицкая 2012]. Дж. Лакофф иначе понимает эти термины. В зависимости от особенностей метафорического переосмысления концепта (например, СЧАСТЬЕ, ВРЕМЯ, СПОР) он выделяет структурные, ориентационные, онтологические метафоры. Когнитивной метафорой он считает процесс, происходящий в человеческом мозге [Лакофф, Джонсон 2008]. Однако так как такой процесс невозможно представить себе в отрыве от его результата, т. е. самой метафоры, и в связи с тем, что понятие концепта в современной лингвистике несколько размыто, мы считаем уместным использование термина «когнитивная метафора» в том числе и для описания структурирования понятийных областей.

Когнитивная (концептуальная) метафора в языке исследовалась неоднократно. Накопленный материал позволяет делать обобщающие выводы о ее функционировании в зависимости от сферы употребления. В частности, А. А. Зеленьева сравнивает «репертуар» концептуальных метафор для различных видов дискурса. Автор анализирует различия в употреблении 13 групп метафор [Зеленьева 2014]. В зарубежной лингвистике эта тема также популярна. Исследуя когнитивную метафору на примере русской и немецкой лингвистической терминологии, мы ознакомились с работами на немецком языке, посвященными проблемам функционирования метафоры в научном дискурсе, влияния метафоры на мышление и ее участия в создании новых знаний [Drewer 2003; Goschler 2008; Goschler 2007; Jäkel 2003; Kertesz 2004].

Исследование концептуальных метафор в языке науки имеет большее значение, так как такие метафоры создаются, в основном, осознанно, специально для фиксирования нового знания. Хосе Ортега-и-Гассет наглядно показывает, почему ученый использует метафоры для выражения отсутствовавшего ранее понятия. «Поскольку совершенно новое слово ничего не говорило бы носителям языка, он (ученый) вынужден пользоваться существующим лексиконом, в котором за каждым словом уже закреплено значение. Чтобы быть понятым, ученый выбирает, такое слово, значение которого способно навести на новое понятие. Термин приобретает новое значение через посредство и при

помощи старого, которое за ним сохраняется. Это и есть метафора» [Ортега-и-Гассет 1990, с. 69].

Для того чтобы распознать метафору, довольно часто требуется контекст. Если посмотреть на примеры, иллюстрирующие когнитивные модели, описанные Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, легко заметить, что все они представляют собой предложение, а возникновению метафорического смысла часто способствует значение глагола. Когда мы обращаемся к терминологии, поиск когнитивных метафор значительно усложняется. Встает проблема определения границ терминологии, соотношения терминов и нетерминов. Как отмечает Г. Г. Бондарчук, достижением когнитивно-дискурсивного подхода к изучению терминологии является представление этого соотношения как фигуры и фона [Бондарчук 2014]. Следовательно, термины и вводящая их нетерминологическая лексика рассматриваются как единое целое. Таким образом, возрастает роль контекста при исследовании терминов. Изучать метафорические термины непосредственно в научных текстах предложила в своей монографии «Термин и метафора» Л. М. Алексеева [Алексеева 1998]. В некоторых случаях здесь идет речь об окказиональных терминах-метафорах, применяющихся только в конкретных работах.

Стремление лингвистов и философов убрать метафоры из терминологического аппарата науки описывается В. А. Татаринным, им же упоминается и признание важности метафорических терминов [Татариннов 2006, 1995]. Однако терминологические словари, в частности, Словарь лингвистических терминов А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [Баранов, Добровольский 2006], фиксируют термины-метафоры, возникшие задолго до спора о допустимости метафоры в науке.

В Лингвистическом терминологическом словаре в большинстве своем представлены метафоры, которые воспринимаются вне контекста, так как их метафорическое значение стерлось, и закрепилась связь с конкретным понятием. Исследование таких терминологических единиц представляется нам перспективным потому, что на их основе можно восстановить когнитивные модели, которые лежат в основе понимания сущности языка. Изучение этих моделей позволяет определить, как современное состояние научного знания о языке обусловлено когнитивными особенностями человека.

В статье мы рассматриваем лингвистические термины-метафоры, вошедшие в «Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов с английскими эквивалентами» А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского.

Первое издание Словаря вышло в 1993 г. и, как отмечается в предисловии, имело большой успех. Второе издание, вышедшее в 2006 г., было несколько изменено и расширено. Эти факты, а именно – высокая оценка Словаря лингвистическим сообществом и двукратная переработка представленного в нем материала, позволяют нам считать, что данный словарь можно рассматривать в качестве определенного актуального среза современной лингвистической мысли в России и Германии.

Используя данные Словаря, мы попытались определить, какие когнитивные метафоры в исследовании языковых явлений активны в настоящее время.

В Словаре представлено 5600 русских и 5600 немецких лингвистических терминов. Из них количество терминов-метафор в обоих языках практически одинаково и составляет, если округлить до целого числа, 5 %. Следует отметить, что мы не учитывали термины-метафоры, заимствованные или созданные на основе латинских и греческих корней.

На основании полученных данных мы выделили 10 когнитивных метафор.

Как для русского языка, так и для немецкого самое большое количество примеров иллюстрируют когнитивную метафору ЯЗЫК – ПРОСТРАНСТВО, которую можно разделить на 5 более конкретных метафор.

1. ЯЗЫК – ОГРАНИЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

- рус.:* граница между словами, кольцевая рифма, логический круг, глагольная рамка, преграда, языковой барьер;
нем.: Aussagerahmen, verbaler Rahmen, Grenzsignal, Sprachbarriere.

2. ЯЗЫК – ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ

- рус.:* ядерная составляющая, слоговое ядро, парадигматическая ось, языковой центр, смысловой центр, центр слога;
нем.: Achsenstellung, Sprachzentrum, Kernkonstituente, Nebenbedeutung.

3. ЯЗЫК – ЛАНДШАФТ

рус.: языковой ландшафт, семантическое пространство, семантическое поле, лексическое поле, символическое поле, концептуальное поле, теория волн;

нем.: lexikalisches Feld, Transformationsfeld, Bedeutungsfeld, assoziatives Feld, sprachliches Feld, Sprachlandschaft, Silbengipfel, Wellentheorie, Erfahrungshorizont.

4. ЯЗЫК – ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ВЕРХА И НИЗА

рус.: глубина предложения, глубинная грамматика, глубинный синтаксис, понижение квантора, понижение тона, подъем отрицания, подъем предиката;

нем.: Satztiefe, Tiefengrammatik, Tiefenstruktur, Tiefenkasus, Tiefenton, Hebung, Hochton, Negationserhebung, Prädikatshebung, Quantorensenkung.

5. РЕЧЬ – ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

рус.: речевая цепочка, знаковая цепочка, линейное строение языка, предтональный, постпозиция, посттональный, постударный.

нем.: Redekette, Lautkette, Topikkette, linearer Sprachbau.

Другая когнитивная метафора ЯЗЫК – СТРУКТУРА, со всей очевидностью, прочно закрепилась в лингвистике благодаря структурализму и предвещавшим его работам Ф. де Соссюра.

рус.: концептуальная структура, лексическая структура, лингвистический конструкт, макросегмент, модульное строение языка;

нем.: konzeptuelle Struktur, Sprachbau, Makrosegment, Bedeutungsstruktur.

Чаще всего любая структура входит в какую-либо систему, однако мы решили выделить когнитивную метафору ЯЗЫК – СИСТЕМА отдельно и включили в ее состав такие метафоры, как *слой, схема, план*, также указывающие на сложное взаимообусловленное строение, например:

рус.: концептуальная система, слой языка, субъектно-предикатная схема, синтаксическая схема, ступень, уровень;

нем.: Begriffssystem, semantisches Netz, konzeptuelles Netzwerk, Satzplan, Satz schemata, Sprachschicht, Ausdrucksebene, Syntagmatische Ebene, Ablautstufe.

Третьей крупной когнитивной метафорой является метафора **ЯЗЫК – ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ**, в ее составе можно выделить две более мелкие метафоры.

1. ЯЗЫК – РАСТЕНИЕ

рус.: языковая ветвь, дерево зависимостей, разветвление значения, теория родословного дерева, корень, корневая морфема;

нем.: Abhängigkeitsbaum, Baumdiagramm, Baumgraph, Sprachzweig, Verzweigungsregel, Stammbaumtheorie.

Метафорическое сравнение языка с растительным миром восходит, безусловно, к натуралистическому направлению А. Шлейхера.

2. ЯЗЫК – ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ ОРГАНИЗМА

рус.: порождающая способность, правила порождения, мертвый язык, языковая окаменелость;

нем.: Bedeutungsentwicklung, tote Sprache, sprachliche Versteinerung.

Когнитивная метафора **ОТНОШЕНИЯ В ЯЗЫКЕ – РОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ** характеризует язык как субъект, обладающий не только какой-либо активностью, но и социальными отношениями.

рус.: дочерний язык, дочерний узел, материнский узел, праязык, родной язык;

нем.: Mutterknoten, Tochterknoten, Schwesteradjektion, Muttersprache.

В рассмотренных нами примерах язык представляется и как материальный объект, обладающий всевозможными характерными свойствами, что позволяет говорить о метафоре **ЯЗЫК – МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ**.

рус.: твердое небо, твердый приступ, тонкий согласный, референциально непрозрачный, референциально прозрачный, очищение языка, размер, свёрнутое придаточное предложение, сжатая информация;

нем.: Metrum, Versmaß, Dauer, Sprachreinigung, Informationskompression, Dehnungsaugment, Bedeutungserweiterung.

Многие примеры показывают, что язык как материальный объект метафорически наделяется также цветом, поэтому можно выделить когнитивную метафору ЯЗЫК – ЦВЕТ, входящую в когнитивную метафору ЯЗЫК – МАТЕРИАЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ.

- рус.:* оттенок значения, светлые гласные, стилистическая окраска, фигура контраста;
нем.: helle Vokale, Stilfärbung, expressive Nullfärbung.

На наш взгляд, отдельно следует рассматривать когнитивную метафору ЯЗЫК – СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ, в которой отражена способность языка влиять на что-либо. На основании примеров не представляется возможным определить, следует ли отнести эту метафору к представлению языка как действующего живого организма или действующего неодушевленного материально объекта или механизма.

- рус.:* ударная рифма, ударный слог, силовое ударение, сильное склонение, сильный приступ, слабое склонение, слабоударный слог, сила тона;
нем.: Systemzwang, starker Konsonant, fester Einsatz, starkes Verb, starke Deklination, Druckakzent, Tonstärke, Schlagreim, Auslautverhärtung.

Когнитивная модель ЯЗЫК – ДВИЖЕНИЕ также метафорически отражает активность языка, а именно – перемещение в пространстве.

- рус.:* коммуникативный ход, коммуникативный шаг, теория следов, центробежный, центростремительный;
нем.: Spurentheorie, zentripital, zentrifugal.

В анализируемом Словаре мы нашли и когнитивную метафору ЯЗЫК – КОНТЕЙНЕР:

- рус.:* полная ассимиляция, полногласие, полнозначный глагол, полный падеж, пустой морф;
нем.: Bedeutungsentleerung, Bedeutungsumfang, Vollverb, Vollkasus, Vollsynonym.

Когнитивная метафора ЯЗЫК – БОГАТСТВО, на наш взгляд, очень интересна, так как в дополнение к представлению языка как отдельно

существующего живого организма или материального объекта указывает на человека как субъекта, который языком обладает.

рус.: запас слов, прирост информации, приращение;

нем.: aktiver Wortschatz, Wortbestand, Informationsgewinn, Argumentvererbung.

На основании приведенных примеров можно сделать вывод, что представленные в статье когнитивные метафоры можно выделить как на основе русскоязычного, так и на основе немецкоязычного материала. Незначительная разница просматривается только в примерах, наполняющих эти когнитивные метафоры.

Таким образом, метафорическое осмысление языка применяется для того, чтобы отобразить его сложную многогранную сущность, а именно – нематериальные свойства, не поддающиеся описанию другим способом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева Л. М.* Термин и метафора. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. 250 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов с английскими эквивалентами. М. : Аст-пресс школа, 2006. 490 с.
- Бондарчук Г. Г.* Некоторые вопросы теоретического изучения и преподавания современной терминологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 1 (687). Фонетика: проблемы и перспективы. С. 21–32. (Языкознание).
- Елизарьева М. А.* Лексическое и семантическое калькирование как фактор формирования языковой картины мира: на примере немецко-чешского языкового контакта : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 227 с.
- Зеленяева А. А.* Концептуальная метафора в различных видах дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 17 (703). Анализ дискурса и стилистика: проблемы и решения. С. 129–139. (Языкознание).
- Кульчицкая Л. В.* Понятия «когнитивная» и «концептуальная» метафора в отечественной лингвистике раннекогнитивного периода // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Вып. 11. С. 85–90
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ., под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.
- Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры (к 200-летию со дня рождения Канта) // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 68–81.

- Татаринов В. А.* Общее терминоведение: энциклопедический словарь / Российское терминологическое общество РоссТерм. М. : Московский Лицей, 2006. 528 с.
- Татаринов В. А.* История отечественного терминоведения : в 3 т. Т. 2. Направления и методы терминологических исследований: Очерк и хрестоматия. М. : Московский лицей, 1995. Кн. 1. 334 с.
- Drewer P.* Die kognitive Metapher als Werkzeug des Denkens. Zur Rolle der Analogie bei der Gewinnung und Vermittlung wissenschaftlicher Erkenntnisse. Tübingen : Gunter Narr, 2003. 422 S.
- Goschler J.* Metaphern für das Gehirn. Eine kognitiv-linguistische Untersuchung. Berlin : Frank u. Timme, 2008. 243 S.
- Goschler J.* Metaphors in Cognitive and Neurosciences. Which impact have metaphors on scientific theories and models? [Электронный ресурс]. 2007. URL : www.metaphorik.de/sites/www.metaphorik.de/files/journal-pdf/12_2007_goschler.pdf
- Jäkel O.* Wie Metaphern Wissen schaffen. Die kognitive Metaphertheorie und ihre Anwendung in Modell-Analysen der Diskursbereiche Geistestätigkeit, Wirtschaft, Wissenschaft und Religion. Hamburg : Dr. Kovac., 2003. 87 S.
- Kertész A.* Die kognitive Metaphertheorie als metalinguistisches Unterfangen // Sprachtheorie und germanistische Linguistik. 2004. S. 39–60.

ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИКИ НАУЧНОГО ТЕРМИНА «ИНТРОВЕРТ / ИНТРОВЕРСИЯ» В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ БРИТАНЦЕВ

В статье исследуется изменение семантики понятия «интроверт / интроверсия» в процессе концептуализации данного научного термина обыденным сознанием носителей британской культуры. Обыденные и научные представления индивидов о мире не совпадают, но находятся в постоянном и тесном взаимодействии. В ходе использования широкими массами носителей языка научное понятие приобретает дополнительные смыслы, оценочные и ассоциативные компоненты, которые формируются под воздействием культурно-этнических доминант. Задача данной работы – проследить изменение семантического содержания научного термина «интроверт» путем сопоставления ментального образа, представленного одноименной лексемой, в лексикографических источниках (толковых, энциклопедических и специализированных словарях) и в британском национальном корпусе. Понятие интроверсии было впервые введено в научный оборот К. Г. Юнгом, т. е. начало употребления английского слова *introvert* как психологического термина зафиксировано в 1920-х гг. Цель исследования – определить, какие из элементарных единиц знания в структуре данного концепта были восприняты носителями британской лингвокультуры как значимые для повседневной жизни. Материалом исследования послужили данные толковых, энциклопедических и специальных англоязычных словарей, а также данные британского национального корпуса. Методы исследования – компонентный анализ значения термина «интроверт», представленного в лексикографических источниках в совокупности с изучением контекста употребления лексемы интроверт в корпусе текстов британского варианта английского языка. На первом этапе исследования были проанализированы дефиниции терминов *introvert*, *introversion*, *introverted* в англоязычных лексикографических источниках разного типа и выявлен инвариантный компонент их семантической структуры: направленность на собственные мысли и чувства, а также отсутствие желания взаимодействовать с внешним миром. Анализ дефиниций выявил, что в научной картине мира отрицательные эмоции интроверта связаны с взаимодействием с любыми внешними факторами, в то время как в толковых словарях, более близких обыденному сознанию, интроверт предстает как человек, избегающий общения с другими людьми. Исследование словарных дефиниций и энциклопедических статей выявило такие характеристики интроверта как застенчивость, сдержанность, созерцательность, скрытность, осторожность и замкнутость. Компонентный анализ на базе тех же лексикографических источников дополнил этот список такими содержательными элементами как неуверенность в себе, беспокойство, тревожность, робость,

чувства неловкости и стыда при общении с окружающими. Таким образом, анализ лексикографических источников указывает на то, что в представлении британцев отношения интроверта с окружающими сопряжены с такими отрицательными эмоциями, как волнение, страх, смущение и стыд, что позволяет предположить, что в обыденном сознании носителей данной лингвокультуры образ интроверта имеет негативно окрашенные ассоциации. Предположение подтвердилось в ходе второго этапа исследования, который заключался в анализе данных британского национального корпуса (BNC), где были представлены практически все элементы, выделенные в ходе компонентного анализа словарных дефиниций. Однако согласно данным корпуса, в обыденном сознании концепт *introverted* охватывает значительно более широкий диапазон эмоционально окрашенных черт, приписываемых интровертам, чем представлено в лексикографических источниках. К положительно оцениваемым свойствам интроверта можно отнести независимость, самодостаточность, мечтательность, склонность к умственной деятельности, отсутствие конфликтности; к отрицательным – эгоцентризм, равнодушие, неумение выстраивать отношения с окружающими, подверженность подавленному настроению и навязчивым идеям. В целом в эмоционально окрашенном компоненте семантической структуры лексемы *introverted* преобладает отрицательная оценка. Она проявляется не только в негативных коннотациях перечисленных компонентов, но и в ассоциативных связях, представляющих интроверсию как нездоровое свойство. Результаты исследования указывают на высокую ценность человеческого общения для представителей британской культуры. На вербальном уровне это отражается в появлении отрицательных коннотаций в семантической структуре изначально нейтрального термина «интроверт».

Ключевые слова: семантика; термин; обыденное сознание; научное сознание; интроверсия.

О. В. Попова

Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU; e-mail: caf.sprachwiss@yandex.ru

SEMANTIC CHANGE IN THE SCIENTIFIC TERM INTROVERT / INTROVERSION IN BRITISH EVERYDAY THINKING

The article studies change of meaning of the terms 'introvert', 'introverted' and 'introversion' in British everyday thinking as opposed to the way these lexical units function as scientific terms. Research of lexicographic data combined with the study of data from the British National Corpus (BNC) confirms that the semantic structure of scientific terms 'introvert' and 'introversion' acquires additional evaluative and associative components in the process of wider usage by the bearers of British culture. The article is aimed at revealing which elementary units in the semantic structure of the word 'introverted' are perceived as central by ordinary speakers of British English. The studied data included definitions of the terms 'introversion', 'introvert', 'introverted' as presented in various types of English language dictionaries and encyclopedias,

as well as examples of their usage found in the British National Corpus (BNC). The applied methods included componential analysis of dictionary entries combined with contextual study of the corpus data. The first stage of research focused on analyzing definitions of words 'introversion', 'introvert', 'introverted' in English language dictionaries so as to reveal common elements in their semantic structure and determine the difference in the understanding of the notion by specialists and non-specialists in psychology. The study has shown that ordinary native speakers of British English tend to define introverts through their relations with other people, whereas the science of psychology defines introversion through an individual's attitude to the external world of things. In the mind of an ordinary speaker, an introvert's interaction with other people involves negative feelings of anxiety, embarrassment and fear, which indicates to the term developing negative associations in everyday thinking. These findings are confirmed by the corpus data. According to BNC data in everyday British English the adjective 'introverted' is used to denote a wider range of referents than it is recorded in dictionaries: it may be applied to people and groups of people, as well as to personal qualities and emotional states. In psychology introversion is seen as a stable pattern of behaviour and attitudes to the outer world based on the peculiarities of the individual's nervous system, while in everyday thinking it is seen as a quality which may develop under the influence of certain tragic circumstances. In psychology the term is neutral, while in everyday usage it is associated with an unhealthy condition, and introverts themselves are perceived as strange, selfish people lacking communicative skills. Results of the study emphasize the importance of human interactions and ability to communicate with other people as one of the key values of British culture.

Key words: semantics; term; everyday thinking; scientific thinking; introversion.

Важнейшая задача современного антропоцентрического языковедения – изучение образов обыденного сознания, которые представлены вербальными единицами национальных языков. Такого рода исследования особенно значимы в области лингвокультурологии, поскольку особенности той или иной лингвокультуры определяются компонентами обыденного сознания, реализующими в ней специфические способы категоризации мира [Корнилов 2000].

Известно, что обыденные и научные представления индивидов о мире не совпадают, но, тем не менее, находятся в постоянном и тесном взаимодействии. Научная и языковая картина мира как модели взаимодействующих сфер сознания принципиально не тождественны. Это конструкторы, представляющие два разных вида сознания (научного и обыденного). Но они моделируются на основе одного национального языка [Караулов 1976], в котором возможны переходы отдельных научных понятий в область обыденного знания. И поэтому

как содержание, так и особенности функционирования научных терминов могут претерпевать значительные изменения. При этом научное понятие в ходе использования широкими массами носителей языка и соответствующей культуры, «обрастает» новыми смыслами, эмоционально-оценочными и ассоциативными компонентами. А поскольку смыслы формируются под влиянием культурно-этнических доминант, лингвисты говорят об особом типе концепта – лингвокультурологическом.

В данном исследовании мы сопоставим языковую репрезентацию научного и обыденного сознания на основе анализа лексемы *интроверт*, основываясь на анализе лексикографических источников (толковых, энциклопедических и специализированных словарях) и британского национального корпуса. Цель сопоставления – определить, какие из элементарных единиц знания в структуре *научного понятия* были восприняты носителями британской лингвокультуры как значимые для *повседневной* жизни. Материал исследования – словари различного типа [Encyclopedia Britannica URL; Longman Dictionary of English Language and Culture 2005; Macmillan English Dictionary for Advanced Learners 2009; Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 1998; Oxford English Living Dictionaries URL; The Cambridge Dictionary of Psychology 2009], а также данные британского национального корпуса (*corpus.byu.edu/bnc*).

Понятие интроверсии было впервые введено в научный оборот К. Г. Юнгом в работе «Psychologische Typen», опубликованной на немецком языке в 1921 г. и вскоре переведенной на английский язык [Jung 1921]. Термин, составленный из латинских элементов *intro* – ‘внутри’ и *verto* – ‘поворачивать, направлять’ использовался Юнгом в качестве названия одного из двух описанных им типов личности, различающихся между собой отношением к объектам внешнего мира. Таким образом, начало употребления английского слова *introvert* как психологического термина относится к 1920-х гг., хотя глагол *introvert* в значении «turn upon itself» фиксируется в английских источниках с XVII в. В английском языке для описания человека данного типа может использоваться как существительное *introvert*, так и прилагательное *introverted*.

Согласно данным всех рассмотренных словарей, инвариантным компонентом семантической структуры терминов «интроверт /

интроверсия» применительно к личности выступает (1) **направленность на собственные мысли и чувства**, а также (2) **отсутствие желания взаимодействовать с внешним миром**. Примечательно, что в специализированном словаре и в дефинициях толкового словаря, маркированных как психологический термин, внешний мир, не вызывающий интереса у интроверта, представлен как мир **объектов** (external things, external world of things and actions). Однако в дефинициях словарей, более близких к обыденному сознанию, *интроверт* предстает незаинтересованным во взаимодействии с другими **людьми** (other people, others). И в том, и в другом случае **эмоции интроверта в отношении внешних факторов представляются скорее отрицательными**. Исследование словарных дефиниций и энциклопедических статей выявляет следующие характеристики интроверта: *shy* (застенчивый), *withdrawing / withdrawn* (замкнутый), *contemplative* (созерцательный, задумчивый), *reserved* (скрытный), *careful* (осторожный), *reticent* (сдержанный). Компонентный анализ на базе тех же лексикографических источников дополняет этот список следующими содержательными элементами: *nervous* (нервный), *afraid* (испуганный), *embarrassed* (смущенный), *lacking self-confidence* (неуверенный в себе), *timid* (робкий); *quiet* (тихий); *excited* (взволнованный), *worried* (обеспокоенный), *anxious* (тревожный); *frightened* (испуганный); *awkward* (неловкий), *ashamed* (испытывающий стыд).

Из анализа выделенных семантических компонентов следует, что отношения между интровертом и внешним миром определяются такими эмоциями, как волнение (*nervous, worried, excited, anxious*), страх (*afraid, frightened*), смущение (*embarrassed, awkward*) и стыд (*ashamed*). Таким образом, даже первичный анализ семантической структуры слова *introverted* по лексикографическим источникам позволяет предположить, что в обыденном сознании носителей языка, скорее всего, **его понятийное содержание связывается с негативными ассоциациями**.

С целью изучения характера вербальных репрезентаций образа «интроверт» в обыденном сознании обратимся к Британскому национальному корпусу (далее – BNC). Этот корпус образцов разнообразных жанров письменного и разговорного английского языка в его британском варианте был создан в начале 1980-х – начале 1990-х гг. при участии издательства Оксфордского университета и отражает представления об

интроверсии и интровертах у того поколения носителей языка, которое создавало соответствующие тексты. В количественном отношении наиболее частотна в корпусе лексема *introverted* (82 примера использования на 67 единиц текста). Это может указывать на то, что обыденным сознанием прилагательное *introverted* было усвоено лучше, чем существительные *introvert* и *introversion* (33 и 17 примеров на 15 и 15 единиц текста соответственно). Поскольку нас интересует именно обыденное сознание, ограничимся исследованием концепта с именем *introverted*.

Среди примеров предикативного использования прилагательного *introverted* особый интерес представляет сочетаемость лексемы с глаголами *become / grow*. В психологической науке интроверсия связывается, во-первых, с врожденными свойствами нервной системы с точки зрения возбудимости и интенсивности реакции на стимул, во-вторых, с направленностью интересов личности на субъективный внутренний мир. Другими словами, интроверсия предстает как относительно **стабильный постоянный признак**. Примеры из корпуса показывают, что с точки зрения наивного носителя языка интровертом можно стать **под воздействием внешних**, обычно трагических обстоятельств, таких как личное горе или расставание с близким человеком:

Grief hit me... then I became introverted; Matthew... became more introverted after the split; Raskolnikov has been growing increasingly moody and suspicious and introverted.

По данным онлайн-версии Оксфордского словаря, носителем признака «*introverted*» могут быть люди или группы людей, что подтверждается данными корпуса. Данные корпуса также включают не зафиксированные в лексикографических источниках сочетания прилагательного *introverted* с названиями свойств личности и эмоциональных состояний и реакций (*introverted quality / qualities, idealism, individualism, obsession, response*), поведения (*stance, behaviour*), абстрактными существительными (*soul, music, tradition, darkness*).

Содержание термина *introverted* применительно к личности, представленное в лексикографических источниках, отражено и в данных корпуса, где обнаруживаются практически все элементы, выделенные в ходе компонентного анализа словарных дефиниций: *shy, quiet, awkward, withdrawn, reserved, retiring*. Однако, как и следовало ожидать, в обыденном сознании концепт «*introverted*» охватывает

значительно более широкий диапазон эмоционально окрашенных черт, приписываемых интровертам.

Согласно данным корпуса, лица, обладающие признаком *introverted*, одновременно характеризуются со следующих позиций:

- независимость / самодостаточность: *self-sufficient, self-catering, independent, bohemian* ;
- склонность к умственной деятельности и мечтам: *thoughtful, scholarly, dreamy, highly creative, skeptical, melancholic, dream-scape excursions; scholars, mystics and sorcerers*;
- миролюбие: *peaceful, quiet, put-upon, mellow*;
- трудности в налаживании дружеских и любовных отношений: *single, lonely, socially inept*;
- эгоцентризм / недружелюбие: *self-centred, insular, aloof, sour, frigid, dour, taken up with his own good times, the world centers around me*;
- негативные чувства в отношении окружающих: *sulky, moody, suspicious, skeptical, radical, impatient*;
- непонимание со стороны окружающих; подверженность меланхолии, депрессии и навязчивым идеям: *strange, his mind's not right, melancholic, depressed, depressive, obsessed with his own game, obsessive*.

В отношении обществ, стран и организаций, концепт «*introverted*» ассоциируется с такими признаками, как клановость (*clannish*), консерватизм и отсталость (*conservative, backward*), протекционизм (*protectionist*), плановость экономики (*economically planned*), монополизм (*a monopoly situation*).

В целом можно заключить, что в эмоционально окрашенном компоненте семантической структуры лексемы *introverted* преобладает отрицательная оценка. Она проявляется не только в негативных коннотациях перечисленных компонентов, но и в ассоциативных связях, представляющих интроверсию как нездоровое свойство, например, *incurably introverted, introverted individualism* как противоположность *healthy individualism*.

Исследование показало, что содержание термина «интроверт / интроверсия» в научной картине мира и в обыденном сознании британцев не совпадает. Англоязычная психологическая наука рассматривает интроверсию как **отношение к жизни со стороны индивида**.

Оно проявляется в сосредоточенности на собственных мыслях и чувствах. Это обусловлено повышенной возбудимостью нервной системы, вследствие которой индивид стремится к сокращению количества стимулов со стороны внешних объектов для сохранения душевного равновесия. Интроверсией также называется одна из сторон спектра измерения личности, противопоставленная экстраверсии. В качестве научного термина понятие «интроверсия/интроверт» нейтрально и описывает вариант нормы. Анализ толковых словарей выявил, что в обыденном сознании британцев в рамках отношений «человек – внешний мир» на первый план выходит отношение не к предметам, а к людям. Интроверт – это человек, отгораживающийся от *окружающих* по причине испытываемых им в ходе общения отрицательных эмоций: страха, смущения, стыда.

Особенности функционирования понятия «интроверт / интроверсия» в британском национальном корпусе указывают на то, что общение с окружающими воспринимается носителями данной культуры как нечто положительное. Люди, избегающие общения, представляются британцам эгоцентричными, странными, равнодушными, не умеющими ладить с другими, сосредоточенными на собственных проблемах. Закрытость и страх перед связями с внешним миром воспринимается как отрицательное качество как для отдельных лиц, так и для сообществ людей, стран и организаций. Интроверсия в обыденном сознании британцев ассоциируется с чем-то нездоровым, ненормальным, что противоречит научному пониманию данного термина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М. : Наука, 1976. 368 с.
- Корнилов О. А.* Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов : дис. ... д-ра культурологии. М., 2000. 460 с.
- Юнг К. Г.* Психологические типы / пер. с нем. С. Лорие, перераб. и доп. В. В. Зеленским ; под общ. ред. В. В. Зеленского. СПб. : Азбука, 2001. 736 с.
- British National Corpus. URL : corpus.byu.edu/bnc/ (дата обращения 02.01.2018).
- Encyclopedia Britannica. URL : www.britannica.com/ (дата обращения 02.01.2018).
- Jung C. G.* Psychologische Typen. Zurich : Rascher Verlag, 1921.
- Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELС). 2005. 1620 с.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Publishers, 2009. 1748 с.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (OALD) / A. S. Hornby.
Oxford University Press, 1998. 1428 с.

Oxford English Living Dictionaries (OELD). URL : en.oxforddictionaries.com/
(дата обращения 02.01.2018).

The Cambridge Dictionary of Psychology (CDP). Cambridge University Press,
2009. 609 с.

ЭСКАПИЗМ КАК СРЕДСТВО САМОПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ В НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Явление эскапизма связано с развитием средств массовой информации и коммуникации, возрастанием их роли в жизни человека и усилением влияния на психику. В то же время склонность к эскапизму зачастую присуща молодежи, в частности подросткам, которые находят различные пути и средства ухода от реальности. Этими процессами обусловлена актуальность темы представленной статьи.

Одной из важнейших характеристик современной немецкой литературы для подростков является отражение актуальных процессов, происходящих в обществе. В связи с этой особенностью в статье предпринимается попытка проследить отражение эскапизма в произведениях, предназначенных для подростков. Особый акцент делается на многогранности средств изображения эскапизма в связи с многообразием путей ухода от реальности, доступных подросткам. Преимущественно дети, но также и подростки, склонны к фантазиям, их привлекают вымышленные миры. В связи с этой особенностью психики детей и подростков авторы нередко включают в канву своих художественных произведений параллельное повествование, которое имеет решающее значение в процессе развития и становления личности, а также самопознания главного героя. В данном контексте особое внимание уделяется явлениям магического в художественных произведениях, при этом жанр фэнтези остается за рамками исследования и не рассматривается в представленной статье.

Актуальные процессы, находящие отражение в современной литературе для подростков, часто имеют проблемную социальную компоненту. В исследуемых произведениях особый акцент делается на проблемах окружающей реальности, с которыми сталкивается главный герой и которые определяют склонность подростка к эскапизму: в частности, проблемы в семье или школе, необходимость самоутверждения в компании сверстников, а также тяжелая историческая реальность, справиться с которой психика подростка едва ли в состоянии.

В результате анализа ряда художественных произведений для подростков были выявлены две формы изображения ухода от реальности: реалистический эскапизм, когда уход от реальности происходит в одном мире, без обращения к параллельным мирам, и магический эскапизм, или бегство от реальности, возможное благодаря волшебству, чудесам.

В ходе исследования был сделан вывод о том, что эскапизм, трактуемый в современной медиапсихологии в отрицательном ключе как уход от реальности, с которой человек не справляется психологически, приобретает характер положительного явления в контексте художественной литературы для подростков и является

специфическим приемом, в результате которого герой произведения обращается к параллельному миру как источнику ответов на вопросы, возникающие в реальной жизни. Поэтому в контексте художественного произведения явление эскапизма может интерпретироваться как своего рода метафора для описания поиска подростком своего собственного Я.

Ключевые слова: художественная литература для подростков; эскапизм; параллельный мир; процесс самопознания.

Y. P. Privalova

Senior Lecturer at the Department of German lexicology and stylistics;
Faculty of German Language, Moscow State Linguistic University;
e-mail: privalova.ep@yandex.ru

ESCAPISM AS A WAY OF THE PERSONALITY SELF-COGNITION IN THE GERMAN LITERATURE FOR TEENAGERS

Escapism is connected to the development of the mass information and mass communication means, their increasing role in the human life and strengthening their influence on the human mind. At the same time especially young people and teenagers have a special disposition towards escapism and look for different ways and means to escape the reality. These processes determine the actuality of the subject of this article.

One of the basic characteristics of the modern German literature for teenagers is reflection of the actual processes going on in the society. For this reason in this article an attempt is being made to follow the escapism in the novels written for teenagers. Special attention is paid to the variety of escapism reflection means because of the richness of ways to escape the reality that teenagers can find. Both children and teenagers have inclination to fantasy worlds. That is why authors of novels for children and teenagers often include parallel story-telling in their fictional works. This parallel story-telling has the defining value in the process of personality development and building as well as self-cognition of the main character. In this context special attention is paid to magic phenomena in the fiction works, however fantasy genre works are not being considered in this article.

Actual processes that are reflected in the modern works for teenagers often have a problematic social component. In these works problems of the surrounding world which the main character is confronted with and which define the teenager's inclination to escapism are contained, e.g. family and school problems, want for self-affirmation among the teenagers but also difficult historical reality which the mind of the teenagers can hardly cope with.

As a result of the analysis of some fictional works for teenagers two forms of representation of escaping the reality have been found out, namely the realistic escapism when teenagers escape the reality staying in reality, without appealing to parallel worlds, and magic escapism when escaping the reality is possible owing to magic and miracle.

During the analysis an important conclusion has been made: escapism that in the modern mediapsychology is being considered as a negative thing because people want to escape the reality they cannot cope with, becomes a positive thing in the context of fictional works for teenagers and a special way when the character applies to the parallel world looking for the answers to his or her questions that arise in the real world. That's why the escapism can be interpreted as a kind of metaphor for describing the teenagers search for identity.

Key words: fictional works for teenagers; escapism; parallel world; search for identity.

Художественная литература сама по себе является средством ухода от реальности, или эскапизма. В современной литературе для подростков распространен мотив ухода от реальности, когда переход в параллельный мир помогает подростку лучше познать себя, найти свое место в мире и даже изменить реальную жизнь к лучшему. Создание параллельного мира может быть обусловлено жанром произведения – например, оно является базовой характеристикой жанра фэнтези. С другой стороны, реалистическому произведению могут быть присущи элементы вымышленного, фантазийного. И, наконец, реалистические произведения могут содержать достоверное описание того, как подростки ищут путь ухода от реальности, например, через увлечения. Таким образом, в ряде произведений возникает особый дискурс параллельного повествования. Уход от реальности зачастую вызван неблагоприятной ситуацией в реальной жизни, поэтому важным параметром при анализе произведения является его проблемная составляющая. В статье будут проанализированы различные средства создания параллельной реальности в ряде художественных произведений, а также осуществлен поиск маркеров формирующегося в них дискурса параллельного повествования.

Явление эскапизма

Проблемой эскапизма занимается ряд наук: философия, психология, социология. Лексема «эскапизм» имеет латинское происхождение, ср.: *англ.* escape, *ит.* scappare – убегать, исчезать, от *лат.* ExC-арра – «сбросить плащ с капюшоном, шапку, чтобы убежать» (www.etimo.it/?term=scappare).

Понятие эскапизма часто используется в медиапсихологии, где оно имеет негативную коннотацию и считается одной из причин

использования средств массовой коммуникации (далее – СМК), наряду со стремлением к развлечению и получению информации [Золотарева 2012, с. 52]. В значении «бегство от реальности» эскапизм «связан с противопоставлением “реального мира” и “эскапистской реальности” мира фантазий, грёз, самообмана, виртуального мира, субъективной реальности, конструируемых сознанием индивида» [Труфанова 2014, с. 597]. Склонность к эскапизму называется среди «базовых характерных особенностей человека в целом» [там же, с. 598]. Е. О. Труфанова называет следующие основные причины эскапизма: потребность в отдыхе, рекреации; «бегство от», или необходимость переключиться с негативных переживаний на нечто положительное; а также «недонасыщенность сознания» [там же, с. 598–599]. При этом отмечается, что в случае рекреационных мотивов эскапизма, развлечения приобретают доминирующую роль в жизни индивида и оказывают деструктивное влияние на психику: «Погруженность в развлечения – это вытеснение бытия» [Греков 2008, с. 8].

Склонность к эскапизму в значительной мере присуща подросткам. С одной стороны, взрослея, они осваивают новые социальные роли, связанные с рядом увлечений, в том числе, свойственных взрослым [Dimbath 2014, с. 4]. С другой стороны, важной характеристикой подросткового возраста является склонность к протесту, которая также находит свое выражение в бегстве от реальности. А. Ш. Гусейнов делает фокус именно на протестной составляющей эскапизма, отслеживая ее в диахронии, и отмечает, что эскапизм является «одной из форм протестного реагирования на интенсивные социокультурные изменения, показательным симптомом системного неблагополучия во взаимодействии личности с социумом...» [Гусейнов 2013, с. 20].

Изображение эскапизма в литературе для подростков

Бегство от реальности ставят в упрек, прежде всего, СМК. Однако такая же позиция проявляется по отношению к определенному жанру литературы, а именно фэнтези. В немецком языке существует понятие *Eskapismus-Vorwurf* (www.nzz.ch/flucht_in_die_verzauberung-1.3591238). Произведения в жанре фэнтези упрекают в создании приукрашенного и упрощенного мира, в который читатель погружается, чтобы уйти от сложных структур и отношений реального мира (liber-laetitia.de/blog/nichts-gegen-fantasy-der-eskapismus-vorwurf).

В настоящей статье явление эскапизма рассматривается в границах произведений для подростков. Таким образом, взаимодействие читателя и произведения остается за рамками исследования, речь идет об изображении эскапизма в различных формах. Наше предположение заключается в том, что эскапизм в подростковом возрасте связан с поиском собственного Я. Обращение к другой реальности, вымышленному / параллельному миру позволяет подростку, прежде всего, лучше познать себя и понять окружающий его реальный мир.

На основании исследования ряда современных романов для подростков, можно выделить следующие формы эскапизма: во-первых, реалистический эскапизм, когда уход от реальности происходит в одном мире, без обращения к параллельным мирам, и, во-вторых, магический эскапизм, или бегство от реальности, возможное благодаря волшебству, чудесам.

В настоящей статье не рассматриваются произведения в жанре фэнтези. Повествование во всех анализируемых произведениях ведется в реалистическом модусе, при этом ряду произведений присущи фантастические элементы как средство создания параллельного мира.

Реалистический эскапизм

В романе Ютты Вильке «Руфер» / «Roofeer» изображается молодежная городская субкультура руферов, увлечение которых связано с экстремальным покорением опасных вершин, высотных зданий, подъемных кранов [Wilke 2017]. Стремление к покорению опасных целей связано с потребностью подростков к самоутверждению, к лидерству в команде, к победе над соперниками, а также с жадой острых ощущений. Эти мотивы содержит описание ощущений главной героини, которая в начале романа наблюдает за руферами со стороны, воспринимая их как чуждый ей мир:

Die Kälte in mir kommt zurückgekrochen. Gnadenlos dringt sie durch meine Kleider, unter meine Haut, in meinen Körper. ... Ich falle. Stürze einfach weiter ins Bodenlose. Unter mir nur das Nichts [Wilke 2017, с. 11].

Меня снова охватывает холод. Беспощадно проникает под одежду, под кожу, пронизывает насквозь мое тело. ... Я падаю. Лечу вниз, в бездну. Подо мной – пустота¹.

---

¹Здесь и далее перевод примеров выполнен автором статьи. – *Прим. ред.*

Описание ощущений главной героини метафорично. Она только пытается представить себе это нахождение на высоте, этот риск, – уже само чувство леденит ей душу, почва уходит у нее из-под ног, – на самом деле, это и происходит на высоте, в сырую ветреную погоду, когда руферы покоряют вершины подъемных кранов в холодное время года.

В целях усиления передаваемого смысла используется интертекст. В текст романа включено стихотворение Й.-В. Гете «Wanderers Nachtlied»:

Über allen Gipfeln
Ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vögelin schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

[J.-W.v. Goethe,
zit. nach Wilke 2017, 14]

Перевод
М. Ю. Лермонтова

Неслучайно одним из руферов была вырвана из книги страница именно с этим стихотворением. Безусловно, для руферов символичны такие понятия, как *der Gipfel*, *der Wipfel* (вершина). Последняя строка стихотворения также хорошо передает состояние руферов, которые, поставив себе опасную цель, любой ценой, изо всех сил пытаются ее достичь.

В произведении объясняется один из мотивов эскапизма руферов:

„Ein Roofer. Jemand, der auf Dächern rumturnt. Na ja, oder eben auf Baustellen.“

„Aha.“ Ich verstand nur Bahnhof. „Und warum tut er das?“

Nasti zuckte mit den Schultern. „Vermutlich, weil es Spaß macht. Aber das kannst du ihn am besten selbst fragen.“ [Wilke 2017, с. 21].

– [Он] руфер. Тот, кто лазает по крышам. Ну, или по стройкам.

– Ага. – Я ничего не поняла. – А зачем он это делает?

Настя пожалала плечами. – Наверное, это здорово. Но лучше спроси его об этом сама.

Таким образом, один из мотивов – это стремление к развлечению.

Другая причина называется косвенно. Семейные проблемы подростка побуждают его сближаться с друзьями, отдаляясь от родителей. В романе описывается состояние главной героини, когда ей тяжело идти домой, потому что там ее ждут только негативные эмоции, отчим, который обманывает ее маму, мама, которая постоянно ругается или страдает от мигрени:

Ich hätte bei Nasti bleiben sollen. Solange ich mit ihr zusammen war, fühlte ich mich gut. Frei und stark irgendwie. Und ungebunden. Aber sobald ich in unsere Straße einbog, war dieses Gefühl weg. Es war, als ob eine graue Wolke unser Haus und alle, die darin lebten, einhüllte. Eine Wolke aus Traurigkeit. Und aus Angst. So gut es ging, zog ich die Ärmel meiner Jacke über die Fäuste [Wilke 2017, с. 21].

Надо было мне остаться с Насти. С ней я чувствовала себя прекрасно. Какой-то свободной и сильной. И ничем не связанной. Но когда я свернула на нашу улицу, это ощущение пропало. Будто серое облако заволокло наш дом и окутало всех, кто в нем живет. Облако грусти. И страха. Я спрятала кулаки в рукава куртки, как смогла.

Метафора «облака грусти», «облако страха» убедительно передает ощущения главной героини, ее опустошенность, а также объясняет легкость бытия в компании друзей. При этом субкультура руферов становится привлекательной для молодых людей, так как в ней существуют негласные правила, своего рода кодекс руферов, следование которому усиливает чувство принадлежности и подкрепляет стремление к эскапизму:

Ihr seid Roofer, schon vergessen? Wie war das noch mal? Roofer halten immer zusammen. Roofer helfen sich gegenseitig. Roofer sind eine eingeschworene Gemeinschaft. Roofer bringen sich niemals gegenseitig in Gefahr [Wilke 2017, с. 46].

Вы руферы, или вы забыли? Как там это говорится? Руферы всегда держатся сообща. Руферы помогают друг другу. Руферы твердо верят в то, что они делают. Руферы никогда не подвергаются друг друга опасности.

К бегству от реальности склонен и другой герой книги, темнокожий подросток Николас. Мотив его эскапизма очевиден: Николас – бездомный сирота, он живет на улице и, собственно, занят насущными

делами: поиском пропитания, заботой о другом, уже немолодом бездомном. У Николаса два пути бегства от реальности: первый – это руфинг, но Николас, в отличие от других, не идет на необдуманный риск; второй – книга. Когда бездомному подростку однажды попадает в руки книга, он полностью погружается в этот новый мир. Его волнует непривычное ощущение того, что нечто принадлежит только ему; это ощущение дает ему поддержку, уверенность. Книга спасает Николаса от скуки и однообразия его тяжелого сиротского существования, ср.:

Seine Finger glitten noch einmal über den groben Stoff, mit dem das Buch eingebunden war, und auch über die geprägten Buchstaben. Golden leuchteten sie ihm entgegen und er las erneut die Aufschrift: »Deutsche Gedichte« [Wilke 2017, с. 77].

Он еще раз провел пальцами по грубоватой ткани, в которую была обернута книга, и еще раз – по выгравированным, сверкающим золотом буквам. Он вновь прочитал надпись: «Сборник немецкой поэзии».

Er schloss die Augen. Dass eine Träne sich den Weg durch seine Wimpern bahnte, konnte er nicht mehr verhindern [Wilke 2017, с. 78].

Он закрыл глаза. Он не мог больше сдерживать слезу, выступившую под его ресницами.

Приведенный контекст показывает силу эмоционального впечатления, которое персонаж испытывает от обладания книгой и чтения поэзии. Безусловно, так подросток лучше узнает самого себя, свои потребности и желания.

Мотив чтения и бегства в книгу от реальности нередко встречается в романах для подростков. Например, на основе этого мотива построен юмористический роман Алины Бронски «И о тебе там тоже написано» / «Und du kommst auch drin vor» [Bronsky 2017]. Проблема подросткового чтения и отражения окружающей действительности в художественном произведении образует канву повествования в романе.

Главная героиня 15-летняя Ким Жозефина вместе со своим классом отправляется в библиотеку для встречи с современной писательницей. Эта сцена имеет отчасти гротескный характер: с юмором и в несколько преувеличенной форме автор изображает скучающий

класс, пришедший в ужас от слов «публичное чтение» и «встреча с писателем», а также от вида библиотеки, болтовню и шум во время встречи, полную незаинтересованность учеников и стремление поскорее сбежать из библиотеки.

Wir gingen wie eine Schafherde in einen Nebenraum mit Stuhlreihen. Alle verteilten sich auf die Plastikstühle und legten die Füße auf die Stuhlrücken, die vor ihnen standen.

Einige warfen mit Sitzkissen und Bilderbüchern. Keiner kriegte mit, dass die Lesung schon losgegangen war und die Bibliothekarin vorn stand und irgendwas redete [Bronsky 2017, с. 4].

Как стадо баранов, мы зашли в соседнюю комнату, где стояли ряды пластиковых стульев. Усевшись, все закинули ноги на спинки впереди стоявших рядов. Некоторые кидались друг в друга подушками для сиденья и книжками с картинками. Никто даже не заметил, что встреча уже началась и что перед нами стояла библиотекарьша и что-то вещала.

В отличие от остальных, Ким слушает внимательно и в определенный момент осознает, что все, что она слышит, – это рассказ о ней, о ее жизни!

Nur ich, ich hörte zu.
Und ich konnte es nicht fassen.
Was diese Leah Eriksson da nuschelte, handelte von mir.
Von meiner Familie.
Von meinem Leben.
Von meinen Gedanken.
Es kamen andere Namen drin vor und ein paar
unwichtige Details stimmten nicht.
Aber der Rest war ich [Bronsky 2017, с. 5].

А я была единственной, кто слушал.
И я не могла поверить своим ушам.
Лея Эрикссон бубнила что-то – но речь шла обо мне.
О моей семье.
О моей жизни.
О моих мыслях.
В книжке были другие имена,
и некоторые мелкие детали не совпадали.
Но все остальное – это была я!

Девочку захватывает живой интерес к книге, ей хочется приобрести ее, но писательница Лея Эрикссон не желает отдать ей авторский экземпляр. Она вообще мало интересуется своими юными слушателями, видимо, также ощущая, что перед ней – совершенно не читающие подростки. С помощью подруги Ким приобретает книгу в магазине и начинает читать ее. Поход в книжный магазин, покупка книги и увлеченное чтение – все эти действия очень непривычны Ким, ведь она раньше совсем не читала книг, и вызывают удивление ее близких. Последние воспоминания героини о книгах связаны с детством.

Повествование в книге, которую читает Ким, и события в ее жизни начинают удивительным образом пересекаться и отражать друг друга. В одном эпизоде книги погибает одноклассник. Ким понимает, что необходимо предотвратить эти события, и тогда подруга начинает переписывать книгу. Для главной героини роман, который она читает, также становится пристанищем, куда она сбегает от трудной ситуации в семье, связанной с разводом родителей:

Heute aber wollte ich mit dem Buch allein sein. Ich hatte das Gefühl, dass es in der Papiertüte zappelte [Bronsky 2017, с. 16].

Но сегодня мне хотелось побыть наедине с книгой. У меня было ощущение, что она от нетерпения уже трепыхалась в бумажном пакете.

В романе Давида Сафира «Целых 28 дней» / «28 Tagelang» [Safier 2014] демонстрируется эскапизм на грани реальности и мистики. Фантастическое повествование имеет характер параллельного повествования в рамках исторического романа о восстании в варшавском гетто в 1942–1943 гг. и является плодом фантазии главной героини. В произведении прослеживается постоянная взаимосвязь между контекстами с фантастическими элементами и основным реалистическим историческим повествованием. Наиболее ярко такое взаимопроникновение обращает на себя внимание в следующей фразе:

Die Deutschen wollten nicht nur unsere Welt erobern, sondern auch die der 777 Inseln [Safier 2014, с. 239].

Немцы хотели завоевать не только наш мир, но и мир 777 островов.

Мир фантазий является для героини путем бегства от трагических исторических событий.

В романе К. Бойе «Ich ganz cool» [Boie 1992] эскапизм приобретает форму обращения к мечте. После каждой главы содержится текстовая вставка, в которой реализуется мир мечты. Такое заключение главы создает контраст по отношению к основному тексту, так как оно отличается графически и стилистически, а также содержательно – в нем более полно и по-новому раскрывается личность главного героя.

Mama nickt und denn ab, Mund auf und zu noch mal, aber hör ich keinen Ton, weil, schon voll Heavy Metal, also total geil. Heavy Metal, also echt. Ich, wenn ich 18 bin, nā, kauf ich mir gleich ‘ne *Maschine*, mindestens 100 PS, voll geil [Boie 1992, с. 14].

Мама кивает и сваливает, рот открылся и закрылся, но я уже ничего не слышу, Heavy Metal на полную, в отрыве. Heavy Metal, реально. В 18 куплю себе мотор, 100 лошадиных сил, не меньше, супер.

Магический эскапизм

В качестве примера магического эскапизма приведем трилогию Д. Бах «Корица и...» [Bach 2016]. Главная героиня этой трилогии Виктория, независимо от своего желания, периодически оказывается в параллельном мире, где встречает тех же одноклассников, друзей, что и в реальной жизни, но события в параллельном мире складываются для нее более удачно. Такие «прыжки» в параллельный мир всегда сопровождаются запахом булочек с корицей («Корица и прочь», «Корица и назад», «Корица – навсегда»). Удачи в параллельном мире помогают героине обрести уверенность в реальном мире, и в ее жизни начинают происходить чудеса. Несмотря на магический характер перемещений между мирами, героиня находит правильный путь к самой себе, учится общаться с людьми, учитывать свои интересы, избавляется от страхов и комплексов.

Wenn ich ehrlich war, wäre mir in diesem Moment ein kleiner Sprung in die Parallelwelt gar nicht so unrecht gewesen. Sollte SIE doch sehen, wie sie mit dem ganzen Mist hier fertig werden würde.

Apropos – was würde SIE überhaupt machen, wenn sie in dieser Situation wäre? [Bach 2016, с. 171].

Если быть честной, я бы сейчас не отказалась перепрыгнуть ненадолго в параллельный мир. Вот бы ОНА посмотрела, что делать со всей этой путаницей. Кстати: а что сделала бы ОНА, если бы оказалась в такой ситуации?

Виктория переживает как бы два разных «я» и ищет ответ на волнующие ее вопросы в параллельном мире.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что бегство от реальности, изображаемое в произведениях для подростков, является своего рода метафорой для описания поиска подростком своего собственного Я. Эскапизм может быть описан с помощью средств реалистического или фантастического повествования, при этом его функция неизменна: он помогает подросткам осознать окружающий мир и познать самих себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bach D.* Zimt und weg. Frankfurt am Main : S. Fischer Verlag GmbH, 2016. 321 S.
- Boie K.* Ich ganz cool. Hamburg : Verlag Friedrich Oetinger, 1992. 99 S.
- Bronsky A.* Und du kommst auch drin vor. München: dtv Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2017. 192 с.
- Wilke J.* Roofers. Münster : Coppenrath Verlag GmbH & Co. KG, 2017. 257 с.
- Греков М. А.* Феномен эскапизма в медианасыщенном обществе : дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2008. 131 с.
- Гусейнов А. Ш.* Специфика эскапизма в контексте протестной активности личности // Человек. Сообщество. Управление. № 3. 2013. С. 20–33.
- Dimbath O.* Juvenilität als Eskapismus. Vortrag im Rahmen der Sektionsveranstaltung Jugendsoziologie zum Thema «"Verjugendlichung" – Krise der (Erwachsenen)Gesellschaft oder Krise der Jugend?» des 37. Kongresses der Deutschen Gesellschaft für Soziologie am 9. Oktober 2014 an der Universität Trier. S. 1–10.
- Золотарева Л. Г.* Психология массовой коммуникации : учебное пособие. М. : МГТУ га, 2012. Ч. I. 84 с.
- Safier D.* 28 Tage lang. Reinbek bei Hamburg : Rowohlt Verlag GmbH, 2014. 414 с.
- Труфанова Е. О.* Эскапизм. Бегство в поисках смысла // Психология и психотехника. 2014. № 6 (69). С. 597–608.

УДК 811.112.2

А. А. Сысоева

старший преподаватель кафедры 2-го иностранного языка

Института иностранных языков им. М. Тореза МГЛУ;

e-mail: lesjastrassen@gmail.com

ЯВЛЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО СИНКРЕТИЗМА

(на примере обозначений восприятия в немецком языке в диахронии)

В статье на материале немецкого языка освещается явление семантического синкретизма как неотъемлемой части семантической структуры языка. Семантический синкретизм является одним из факторов семантической трансформации лексических единиц, а также одной из главных причин асимметрии плана содержания и плана выражения языка, влияя на употребление слова и на изменение объема значения. Это явление сопровождается лексемами на разных этапах развития значения, исчезая в некоторых случаях или сохраняясь как связующий компонент между значениями при полисемии.

Семантический синкретизм недостаточно изучен по сравнению с другими типами синкретизма (грамматического, фонетического, синтаксического), вместе с тем это явление представляет особый интерес для лингвистического анализа, так как позволяет внести уточнения в исследования в области семантики, этимологии, фразеологии и лексикографии.

Синкретичность, или нерасчлененность, значений свойственна языку на ранних стадиях развития, так как мировосприятие человека на архаичных этапах развития отличалось слитностью. Это определяет необходимость диахронического подхода к изучению немецкой лексики, а также привлечение лексического материала разных языков (других германских, славянских и романских), особенно на древних этапах их развития, как вспомогательного средства для реконструкции семантических переходов в немецком языке.

Данный феномен до сих пор изучался преимущественно на материале русского языка. В статье представлены результаты исследования этого явления в немецком языке на примере лексики, обозначающей восприятие. В качестве объекта анализа взяты немецкое существительное *Sinn* и глаголы *sehen, hören*.

Лексика, обозначающая восприятие, была выбрана для иллюстрации данного языкового явления, поскольку она обозначает комплексный эмпирический процесс, потребность в вербализации которого усугублялась в ходе истории. Автором предпринята попытка объяснить причины и характер семантического развития избранных для анализа единиц.

Основой для проведения исследования служит информация из этимологических, исторических и толковых словарей, проводится также анализ идиоматики и сочетаемости рассматриваемой лексики.

Ключевые слова: синкретизм; семантическая диффузность; двойственность значения; ментализация языка.

A. A. Sysoeva

Senior lecturer at the Second Foreign Language Department, MSLU;
e-mail: lesjastrassen@gmail.com

SEMANTIC SYNCRETISM

(on the example of German lexical units denoting perception in diachrony)

The article on the material of the German language highlights the phenomenon of semantic syncretism as an integral part of the semantic structure of the language. Semantic syncretism is one of the factors of the semantic transformation of lexical units, as well as one of the main reasons for the asymmetry of the content plan and the language expression plan, affecting the use of the word and the change in the volume of meaning. This phenomenon accompanies lexemes at different stages of the development of meaning, disappearing in some cases or remaining as a link between values for polysemy.

Semantic syncretism has not been sufficiently studied in comparison with other types of syncretism (grammatical, phonetic, syntactic), but this phenomenon is of special interest for linguistic analysis, since it allows us to make refinements in research in the field of semantics, etymology, phraseology and lexicography.

Syncretism or indivisibility of values is inherent in the language at early stages of development, since the human perception of the world at archaic stages of development was distinguished by its fusion. This determines the need for a diachronic approach to the study of German vocabulary, as well as the use of lexical material of different languages (other Germanic, Slavic and Romance), especially in the ancient stages of their development, as an auxiliary tool for the reconstruction of semantic transitions in the German language.

This phenomenon has been studied mainly on the material of the Russian language. The article presents the results of a study of this phenomenon in German on the example of vocabulary, which denotes perception. As the object of analysis, the German noun *Sinn* and the verbs *sehen*, *hören* are taken.

Vocabulary for perception was chosen to illustrate this linguistic phenomenon, because it denotes a complex empirical process, the need for verbalization which was aggravated in the course of history. The author made an attempt to explain the reasons and nature of the semantic development of the units selected for analysis.

The basis for the study is information from etymological, historical and explanatory dictionaries, an analysis is also made of the idiomatics and compatibility of the lexicon in question.

Key words: syncretism; semantic diffusion; duality of meaning; language mentalization.

Занимаясь семантизацией слов, часто приходится сталкиваться с тем, что семантика того или иного слова порой включает значение, которое, казалось бы, совсем не связано с остальными компонентами, или же, задумываясь о значении какого-либо фразеологизма, мы

не можем объяснить, чем он мотивирован. Почему родственные слова в разных языках могут иметь совершенно различные, вплоть до противоположных, значения? Ответы на эти вопросы в какой-то мере раскрывает явление синкретизма.

Синкретизм свойственен всем уровням языка. Синкретизм плана выражения (грамматический, фонетический, синтаксический) наиболее исследован, и словари дают определение данному понятию именно с этой точки зрения.

Наименее изучен семантический синкретизм, но именно он представляет особенный интерес для исследований.

Под *семантическим синкретизмом* чаще всего понимается «объединение в одном значении нескольких, часто трудно совместимых, семантических компонентов» [Левицкий 2001].

Семантическая синкрета – «единица, обозначающая многое, актуализации созначений которой не проявляется в контексте» [Некипелова 2012].

Семантическую нерасчлененность отмечают, привлекая материал различных языков и используя разную терминологию, такие ученые, как например, Александр Афанасьевич Потебня («первобытное имя», заключающее в себе «двойственность субстанций», то есть слитность предметного и качественного значений), Борис Александрович Ларин («синкретическое слово», обладающее единством «полярных значений», «для которого характерен комплекс единства противоположностей, отражающий более ранний, примитивный этап мышления»), Олег Николаевич Трубачев (синкретическое сосуществование двух значений в корне [Пименова 2012]), Дмитрий Николаевич Шмелев («Принцип диффузности значений многозначного слова является решающим фактором, определяющим его семантику. То, что лексикографические описания не отражают этого (более того, именно стремятся освободить словарные статьи от «неопределенных» примеров) существенно искажает представление о семантической структуре описываемых слов» [Трубачев 1976]).

Синкретизм свойственен лексическим единицам на более ранних стадиях развития языка, когда они еще не имеют устоявшегося значения или способа употребления и вмещают в себя множество значений. М.В. Пименова пишет о периодах *семантической диффузности*, объясняя это тем, что мировосприятие человека на архаичных стадиях

развития отличалось слитностью, что и находило отражение в нерасчлененности лексических значений. Такой тип мышления формировал культуру в целом и влиял на язык [Пименова 2012]. Так, Большой Энциклопедический Словарь дает следующее определение синкретизму: «(греч. *synkretismos* – соединение) – качество, свойственное первобытной культуре, характеризующееся нерасчлененностью и неразвитостью чего-либо, в частности деятельности и сознания» [БЭС 2000].

Синкретизм возникает с «развитием экстраполяции как основного типа мышления», которое «стало дополняться новыми ассоциациями, появившимися в результате познания мира», и потребностью выразить отвлеченные, абстрактные понятия» [Некипелова 2012]. Однако появление нового коннотата и необходимость в новом обозначении не влекли за собой появление нового корня, а лишь расширение объема значений уже существующей лексической единицы, имеющей с новым понятием какую-либо смежную черту, сходство. Таким образом, происходил метафорический или метонимический перенос (или сдвиг), который и находился в основе синкретизма. Причиной подобных изменений могли послужить такие экстралингвистические факторы, как изменения социальных отношений и этических представлений, в результате чего создавалась сложная семантическая структура древнего слова [Саванкова 2005]. Для производных лексем *господство* и *государство* были характерны как значение «правление, царствование, власть государя», но также развивалась и локальная семантика – «страна, земля, государство» [Ерофеева 2017].

Говоря об этимологических исследованиях, О. Н. Трубачев пишет, что не следует стремиться найти одно единственное «исконное значение», «общее значение, которое подчиняет себе частные», что слово *изначально* могло обладать диффузностью из-за неоднородности означаемого понятия. В качестве примера он приводит праиндоевропейские корни **del-* I 'раскалывать, резать' этимологически родственно **del-* II 'плести, вить', 'формовать, лепить'; П.-е. **derbh-* I 'раздирать, дёргать, чесать' тождественно **derbh-* II 'вить, скручивать, плести'; П.-е. **ker-* I 'резать' родственно **ker-* II 'крутить, скручивать, сплетать' [Трубачев 1966, с. 245–247]. Выделить одно значение в качестве исконного представляется невозможным.

На ранних стадиях развития языка сложно говорить о наличии у слова какого-то конкретного значения, поскольку оно не было

зафиксировано лексикографически и употребление не регулировалось нормами языка, вследствие этого значение и способ употребления варьировались от случая к случаю, семантический объем единицы увеличивался. В современном языке сохранились только некоторые компоненты значения.

О наличии значения на том или ином уровне развития языка можно судить только исходя из контекста, взятого из памятника письменности. Но они не отражают всю вариативность значений, поэтому необходим сравнительный анализ (диахронический и синхронический, в том числе анализ идиоматики, фразеологизмов) с привлечением экстралингвистических знаний. Исследование фразеологии особенно важно, так как она «наилучшим образом отражает ментальные стереотипы соответствующей эпохи» [Рахманова 2006]. Положение о большой роли синкретизма в процессе трансформации значения позволяет произвести реконструкцию его дописьменной эволюции значения, найти промежуточные звенья между современными значениями, объяснить современное употребление.

В. В. Левицкий утверждает, что термин «синкретизм» может употребляться лишь условно, так как он не может быть зафиксирован. Синкретизм в его понимании – цепочка семантических трансформаций. Остаются лишь свидетельства этих семантических переходов в виде первого и последнего звена цепи трансформаций, известных современному носителю языка. Промежуточные же звенья, если и удастся восстановить, то лишь путем предположений, и они допускают множество различных толкований [Левицкий 2001].

Принято говорить о синкретизме и при анализе стилистических средств в художественных текстах, особенно метафор, описывая механизмы их функционирования.

В статье мы опишем случаи проявления синкретизма в контексте истории немецкого языка и в качестве первого примера рассмотрим корень *-sinn-*, который обладает высокой степенью синкретичности. В современном языке существительное *Sinn, m.* и глагол *sinnen* практически утратили свое исконное значение, тем не менее, сохранив синкретичный характер в парадигме абстрактных значений:

нем. *Sinn, der* – чувство, ощущение, восприятие, способность ощущения: *j-s wache, stumpfe Sinne / seine Sinne erwachen; die Sinne reizen, erregen, schärfen*; сознание, чувство: *nicht bei Sinnen sein / wie von*

Sinnen sein; ум, рассудок, мышление: *jmdm. geht eine Erinnerung durch den Sinn*; *er hat nur sein Vergnügen im Sinn* (= *denkt nur an sein Vergnügen*); *ihm stand der Sinn nach Abenteuern*; образ мыслей, настроение: *ihr Sinn war zu stolz*; *praktischer, realistischer, nüchterner Sinn*; смысл, значение: *der Sinn seiner Worte*; *im vollen, engeren, weitesten, eigentlichen, übertragenen Sinn eines Wortes*; смысл, целесообразность: *keinen Sinn sehen, erkennen*; *euer Widerstand hat keinen Sinn mehr*;

нем. *sinnen* – *sann* – *gesonnen* размышлять, раздумывать, ломать голову: *hin und her sinnen*; *sie schaute sinnend (in Gedanken versunken) aus dem Fenster*; мысленно искать (решение), придумывать, замыслить: *jmd. sinnt Rache, Verrat* [Duden; DWDS].

Этимологически родственным является также нем. глагол *senden* «посылать», образовавшийся как каузативный глагол к глаголу *sinnen*.

Эти лексические единицы восходят к общему индоевропейскому корню *-sent-*, который уже на той стадии имел синкретичную семантику, т. е. одно общее нерасчлененное значение «идти в направлении, чувствовать, воспринимать». Развитие семантики этого корня до момента трансформации нельзя проследить с помощью письменных памятников, так как она состоялась еще в дописьменный период.

В двн. и свн. периоды существительное *sin* обладало чрезвычайно высокой степенью синкретичности. Об этом свидетельствуют закрепленные в исторических словарях значения.

Двн. *sin* «чувство, восприятие; разум, душа (в отличие от тела); мысль; намерение, стремление»; двн. *sinn* «путь, направление»; двн. *sinnan* «идти, стремиться»; двн. *sind* «путь, поездка, направление, военный поход, способ»; *senten* «посылать» [Köbler 2014]. Свн. *sin* «физическое чувство, восприятие, внутреннее чувство, разум, интеллект, душа, сердце, сознание, мысль, знание, намерение, воля, стремление, искусство, прием» [Lexerg; Benecke, Müller, Zarncke]. Гот. *sinþs* «ход»; *sinþan* «идти»; *sandjan* «посылать» [Pokorny 1959].

Такое обилие способов употребления говорит о том, что слово обладало не столько многозначностью, сколько вмещало в себя огромный объем смыслов, который представлялся неделимым.

То, что в средневерхненемецком объеме значений гораздо шире, чем в древневерхненемецком, объясняется необходимостью обогащения языка лексикой ментального плана и увеличением количества контекстов в связи с развитием письменности.

В ходе развития синкретизм разрешился в пользу переносного значения. Следы же прямого значения сохраняются в употреблении этих единиц с предлогами и наречиями с пространственным значением: *lange hin und her sinnen*, *aus dem Sinn schlagen*, *in den Sinn kommen*, *der Sinn steht nach etw.* На то, что современное значение не было первичным, указывают также двн. существительное *sinn* «путь, направление», двн. глагол *sinnan* «идти, стремиться» и каузативный глагол *senden* «посылать». На фразеологическом уровне на эту связь указывает употребительное по сей день устойчивое сочетание *Sinn und Weg* [Цветаева 2010].

Впоследствии синкретичность сменилась полисемией, и часть значений деактуализировалась.

Объяснить семантические трансформации возможно с помощью «принципа маленьких шагов» («Prinzip der kleinen Schritte») [Fritz 2006].

Переход значения от «чувство, ощущение» (*körperlicher Sinn, wahrnehmender Sinn, Gefühl, Sinnlichkeit*) к «рассудок, мышление, образ мыслей» (*innerer Sinn, denkender Geist, Geist, Geisteskraft, Seele, Herz, Gesinnung, Verstand, Klugheit, Bewusstsein, Besinnung*) можно объяснить переносом по смежности: обозначение физической способности ощущать было перенесено на способность воспринимать объективную реальность в целом, т. е. «быть в сознании / мыслить» (*Bewusstsein, Besinnung, Wahrnehmung, Denkvermögen*), а затем и на способность к субъективному восприятию, критическому мышлению (*Meinung, Ansicht, Weisheit, Kunst*) [Köbler 2014].

Переход к значению «Bedeutung, Begriff» возможно был осуществлен по другому пути: благодаря глаголу *sinnen* в значении «наделять смыслом».

Наличие у этого корня в латинском языке исключительно переносного, образного значения – «чувство, сознание, смысл, значение» – и отсутствие исконного «идти» говорит о том, что в латинский язык этот корень был перенят уже на той стадии, когда перенос значения был совершен. Этот факт доказывает древность этого корня в германском языке [Grimm].

В качестве следующего примера рассмотрим развитие и.-е. корня *sek^m-*, обладавшего синкретичностью уже в праязыке и имевшего значения «следовать, видеть, показывать, говорить». Здесь мы видим, как один корень вмещал в себя несколько несопоставимых значений,

связь которых можно объяснить лишь путем предположений, так как письменные памятники того времени отсутствуют.

Связь между «следовать» и «видеть» объясняется тем, что когда мы видим что-то, мы «следуем глазами» за предметом [Duden Herkunftswörterbuch]. Чтобы объяснить наличие компонентов значения «показывать, говорить», необходимо обратиться к энциклопедическим знаниям о мире и известным фактам из этногенеза. Так как мы знаем, что переход произошел в дописьменный период, следует вспомнить об устройстве первобытного общества. Во время разведки земель или при поиске пропитания и стояночного места, человек, нашедший что-либо, сообщал своим соплеменникам о находке. Схема переноса значения могла выглядеть так:

**Увидеть, проследить глазами → сказать об этом другим,
т. е. указать и показать им увиденное.**

Ключевым понятием в этом процессе является вербализация информации, полученной через визуальный канал восприятия.

То же касается и славянского глагола *казати* и пары русских глаголов *сказать* и *показать*. В некоторых говорах русского языка, а также в идиомах сохранилась исходная форма *казать* в значении «показывать», например, *носа не казать*. В других славянских языках этот глагол употребляется в значении «говорить, приказывать», например: укр. *казати* «говорить», «приказывать»; блр. *казаць*; болг. *кажа* «скажу»; польск. *kazac* «велеть», «приказывать», «проповедовать»; с.-хорв. *казати* «поверить»; чеш. *kazati* «проповедовать», «читать проповедь» [Черных 1999]. Оба значения сохранились в существительном *показания*, в котором имплицитно выражены два действия: вербальное (устное или письменное изложение обстоятельств какого-л. дела со стороны допрашиваемого (офиц.): показания подсудимого), и физическое (положение, степень, величина чего-нибудь, указываемая измерительным прибором (спец.): показание барометра) [Ушаков 1935–1940].

Возникновение синкретизма в этом случае объясняется тем, что все компоненты значения корня существовали в рамках одной ситуации, одного действия, повторяющегося по одному сценарию.

Впоследствии синкретизм разрешился путем деривации. Этот корень представлен в таких словах, как нем. *sagen* «сказать» и *sehen* «видеть», англ. *say* «сказать», *see* «видеть» и *seek* «искать», лат. *sequi*

«следовать» и *inseque* «сказать», лит. *sekù, sèkti* «следовать, чуютъ, чувствовать» и *sakyti* «рассказывать» [Pokorny 1959].

Таким образом, мы видим, что на ранних этапах развития в связи с развитием мышления и расширением плана содержания языка, у человека возникала и усугублялась потребность в выражении отвлеченных понятий. Имеющиеся слова приобретали новые способы употребления, расширялся объем значения.

Похожая история развития семантики и у глагола *hören*, которому в современном немецком языке вовсе не свойственна диффузность значений. Спектр его значений сформировался вокруг аудиального канала восприятия – «слышать», «слушать», «слушаться». Само слово восходит к индоевропейскому корню *-keu- / skeu-* с необычайно широким спектром значений – «наблюдать за чем-то, смотреть», «слышать», «чувствовать», «замечать». В каждом индоевропейском языке синкретизм разрешился по-своему, одно из значений деактуализировалось: греч. *κοέω* «замечаю, слышу», лат. *caveō, -ere* «быть внимательным, осторожным», гот. *hausjan*, др.-исл. *heyra*, англ.сакс. *hīeran*, ст.сакс. *hōrian*, днн. *hōr(r)en* «слышать», англосакс. *hāwian* «смотреть», ст.сакс. *skauwōn*, днн. *scouwōn* «смотреть» [Pokorny 1959] словен. *čuti* «быть бдительным», словац. *čut'* «слышать», рус. *чуютъ* «предугадывать, ощущать, слышать, воспринимать обонянием» [Черных 1999]. Можно предположить, что в какой-то момент стало важно различать способ получения информации, что привело к специализации значения в разных индоевропейских языках.

Проявление семантического синкретизма в лексических единицах, обозначающих разные виды восприятия, связано с комплексностью эмпирического процесса, определяемого множеством внешних факторов, с трудностями при осознании, обработке и структурировании поступающей информации на ранней стадии развития мышления и речи. Из приведенных примеров можно сделать вывод, что неоднородность значения может разрешиться с помощью словообразования, с помощью сужения или специализации значения, а может сохраниться в виде созначений. Тем не менее синкретизм не исчезает полностью, он находит свое отражение в сочетаемости слов и в способах их употребления. Значение, переставшее быть актуальным для одной лексической единицы, может сохраниться в производных словах или в родственных словах из других языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. М. : Вече : АСТ, 2003.
- Большой энциклопедический словарь / ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия, 2000.
- Ерофеева И. В.* Синкретизм семантики отсубстантивных образований с суффиксом *-ство* в древнерусском языке // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект : материалы XII Междунар. науч. конф. Владимир : Транзит-ИКС, 2017. С. 137–140.
- Левцкий В. В.* Семантический синкретизм в индоевропейском и германском // Вопросы языкознания. 2001. № 4.
- Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Советская энциклопедия, 1990.
- Некителова И. М.* Метонимическая деривация как результат утраты семантического синкретизма в истории русского языка // Вестник ИГЛУ. 2012. № 3 (20). С. 168–181.
- Пименова М. В.* Семантическая деривация и синкретизм // Ученые записки казанского университета. 2012. Т. 154, кн. 5 Гуманитарные науки.
- Лексико-семантический синкретизм в диахронии и синхронии // Информационный вестник Форума русистов Украины. Крымский центр гуманитарных исследований / гл. ред. В. П. Казарин. Вып. 13. Симферополь : Крымский центр гуманітарних досліджень, 2010. С. 51–60.
- Рахманова Н. И.* Историческая семантика как объект концептуального анализа // Русская германистика. Ежегодник РСГ. Т. II. Языка славянской культуры. М., 2006. С. 204–211.
- Саванкова Е. В.* Семантические процессы в слово- и фразеобразовании в диахронии (на материале древне- и средневрхненемецкого). М., 2005.
- Трубачев О. Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1976.
- Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.
- Цветаева Е. Н.* Движение и познание: сакральная идея пути в немецкой лексике и фразеологии (историко-семантический очерк) // Вестник МГЛУ. 2010. № 583.
- Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного языка : в 2 т. 3-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 1999.
- Das Herkunftswörterbuch. 6., überarbeitete und erweiterte Auflage. Dudenverlag, 2013.
- Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. URL : www.dwds.de/

- Deutsches Universalwörterbuch. 6., überarbeitete und erweiterte Auflage. Dudenverlag, 2007.
- Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. 16 Bde, in 32 Teilbänden. Leipzig, 1854–1961.
- Fritz G.* Historische Semantik. 2. Auflage. Stuttgart : Verlag J. B. Metzler, 2006.
- Köbler G.* Althochdeutsches Wörterbuch. 6. Auflage. 2014.
- Köbler G.* Mittelhochdeutsches Wörterbuch. 3. Auflage. 2014.
- Lexer M.* Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. 3 Bde. Leipzig, 1872–1878.
- Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Mit Benutzung des Nachlasses von Georg Friedrich Benecke ausgearbeitet von Wilhelm Müller und Friedrich Zarncke. 3 Bde. Leipzig, 1854–1866.
- Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch, 1959.

УДК 811.111

К. А. Филиппов

доктор филологических наук, профессор;
профессор кафедры немецкой филологии филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: k.filippov@spbu.ru

МЕТАТЕКСТОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ ГРАММАТИК В РОССИИ XVIII ВЕКА

В типологическом плане учебные тексты связаны с научными текстами и занимают важное место в системе форм речевого высказывания. В свою очередь, грамматические тексты, как показывают исследования, сыграли значительную роль в развитии всей европейской науки. Появление немецких грамматик в России XVIII в. обуславливается особой ролью, которую немецкий язык играл в российском обществе, что давало обладателю этих знаний преимущество в карьерном и научном росте.

Для удовлетворения потребностей общества в учебной литературе руководителям учебных и научных заведений приходилось прибегать к различным способам, а именно: а) использованию в преподавании учебников немецкого языка, изданных и применяемых в школах Германии; б) составлению учебников на основе нескольких, ранее опубликованных учебных пособий по немецкой грамматике других авторов; в) переводу на русский язык (с одновременной адаптацией к восприятию российским читателем) хорошо зарекомендовавших себя в Германии немецких грамматик; г) подготовку принципиально новых учебников грамматики, авторы которых стремились внести свой собственный вклад в преподавание немецкого языка.

Материалом настоящего исследования послужили немецкие грамматики, опубликованные в России и отражающие описанные выше способы создания учебников: двуязычная «Немецкая грамматика» М. Шванвитца, «собранная из разных авторов» (M. Schwanwitz «Die Teutsche Grammatica», 1730); «Немецкая грамматика» И. М. Греча (1760), представляющая собой переработку и перевод на русский язык учебника И. К. Готшеда «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» (1748); «Немецкая грамматика» Фр. Гельтергофа (1770), отражающая новые подходы к преподаванию немецкой грамматики в России XVIII в.

Любое грамматическое описание представляет собой неоднородный текст, в котором непосредственное содержание переплетается с метаязыковыми фрагментами, выполняющими пояснительную, соединительную, структурирующую и другие функции. При этом на переднем плане метаязыкового описания располагается терминология. В этом отношении научный стиль грамматических описаний в Германии и России XVIII в. дает наглядную картину терминологических различий. Ср., например, определение грамматики в немецком и русском текстах «Немецкой грамматики» М. Шванвитца (1730): «*Die Grammatica ist eine Kunst, rein zu reden und recht zu schreiben*» и «Грамматика есть художество, право глаголати

и писати». Нетрудно заметить, что определение грамматики на русском языке несет в себе явные черты церковно-славянского стиля по сравнению с выверенным языком немецкого определения.

Метатекстовые фрагменты, используемые авторами немецких грамматик для разъяснения применяемых терминов и грамматических правил, имеют формальное выражение. В учебниках М. Шванвица и И. М. Греча эти фрагменты имеют вид примечаний внутри текста и пояснительных сносок внизу страницы. В учебнике немецкой грамматики Фр. Гельтергофа, имеющем более сложную структуру, метатекстовые включения носят характер примечаний внутри текста, пояснительных сносок, контрольных вопросов и упражнений для самостоятельного освоения материала.

Перспективы дальнейшего исследования располагаются в области сопоставительного типологического анализа немецких и русских грамматических текстов, составляющих важную часть европейского гуманитарного дискурса. Это предполагает выявление, описание и классификацию грамматических описаний, представленных в научных дискурсах Германии и России XVIII в.

Ключевые слова: научный дискурс; грамматика; текст; метатекст; немецкий язык; Россия; XVIII век.

К. А. Filippov

Doctor of Philological Sciences, Professor;
Professor of German Philology Department; St. Petersburg State University;
e-mail: k.filippov@spbu.ru

METATEXTUAL PECULIARITIES OF GERMAN GRAMMARS 18TH CENTURY IN RUSSIA

In typological terms, educational texts are associated with scientific texts and occupy an important place in the system of speech utterance forms. In turn, grammatical texts, as studies show, played a significant role in the development of the entire European science. The appearance of German grammars in 18th century Russia is conditioned by the special role that the German language played in Russian society, which gave the holder of this knowledge an advantage in career and scientific growth.

To meet the needs of society in the educational literature, the leaders of educational and scientific institutions had to resort to various methods, namely: a) using German textbooks published and studied by in schools in Germany; b) compiling textbooks on the basis of several previously published textbooks on German grammar by other authors; c) translating well-established German grammars into Russian (with an adaptation to the Russian reader); d) preparing fundamentally new grammar textbooks, whose authors sought to make their own contribution to the teaching of the German language.

The material of this study were German grammars published in Russia and reflecting the ways of creating textbooks described above: „Die Teutsche Grammatica”,

(1730) by M. Schwanwitz, a bilingual grammar compiled from various works; „Nemetskaya grammatika” by I. M. Grech (1760), which is the reworked version of textbook I. K. Gottshed’s textbook „Grundlegung einer deutschen Sprachkunst” (1748) translated into Russian; „Nemetskaya grammatika” by Fr. Hölterhof (1770), reflecting new approaches to the teaching of German grammar in 18th century Russia.

Any grammatical description is an inhomogeneous text in which the direct content is intertwined with metalanguage fragments that perform explanatory, connecting, structuring and other functions. In this case, the terminology is in the forefront of a metalanguage description. In this respect, the scientific style of grammatical descriptions in Germany and Russia in the 18th century gives a clear picture of terminological discrepancies. Compare, for example, the definition of grammar in the German and Russian texts of M. Schwanwitz’s „Nemetskaya grammatika” (1730): „*Die Grammatica ist eine Kunst, rein zu reden und recht zu schreiben*” and „Грамматика есть художество, право глаголати и писати”. It is easy to see that the definition of grammar in Russian bears in itself explicit features of the Church Slavonic style in comparison with the verified language of the German definition.

The metatext fragments used by authors of German grammars to explain the terms used and grammar rules have a formal expression. In the textbooks of M. Schwanwitz and I. M. Grech these fragments have the form of notes inside the text and explanatory footnotes at the bottom of pages. In Fr. Hölterhof’s textbook of German grammar, which has a more complex structure, metatext inclusions have the nature of notes within the text, explanatory footnotes, control questions and exercises for self-mastering the material.

Prospects for further research are in the field of comparative typological analysis of German and Russian grammatical texts which form an important part of European humanitarian discourse. This implies identification, description and classification of grammatical descriptions presented in the scientific discourses of Germany and Russia in the 18th century.

Key words: scientific discourse; grammar; text; metatext; German language; Russia; 18th century.

Вступление

Учебные тексты, типологически связанные с научными текстами, занимают важное место в системе форм речевого высказывания. Знаменитый ученый-энциклопедист Исидор Севильский в своих «Этимологиях» прямо указывает на непосредственную связь между наукой и учением: «Наука имя (disciplina) получила от научения (discendo), потому что она также может называться и знанием (scientia). Ведь «знать» (scire) произошло от «учиться» (discere), ибо никто из нас [ничего] не знает, если не учится. А иначе она названа наукою, ибо всему учит (discitur plena)» [Исидор 2006, с. 7]. В свою очередь

В. Г. Адмони обращает внимание на особое место грамматических текстов в типологии речевых высказываний и подчеркивает их роль в развитии всей европейской науки: «К научным текстам, с разной степенью углубления в науку, принадлежат и учебники, из которых в антично-европейской традиции особую роль сыграли учебники грамматики» [Адмони 1994, с. 106].

О важной роли учебников немецкого языка в развитии культуры, образования и науки в России XVIII в. свидетельствуют многочисленные источники. Появление учебных пособий по немецкому языку (в том числе по грамматике) в России XVIII в. во многом было обусловлено социокультурными причинами. В одной из лучших современных монографий об истории преподавания немецкого языка в России XVIII в. К. Кох пишет: «Для обозначения новых идей и технических достижений, излившихся на Россию, в русском языке попросту отсутствовали подходящие средства выражения, в особенности специальная терминология. Это обстоятельство, как и преобладание иностранных специалистов в различных функциональных сферах, обусловило (до применения русского языка) «иноязычный набег» (*fremdsprachlicher Vorlauf*), в борьбе с которым национальный язык должен был ещё утвердиться. Этими языками иноземного «набега» (*Vorlaufssprachen*) были немецкий, латинский и греческий языки (в научной сфере), а также французский язык» [Кох 2002, с. 46] (здесь и далее перевод автора. – К. Ф.).

По данным К. Кох, появление пособий по изучению немецкого языка в России XVIII в. в хронологическом плане происходило неравномерно. Количество словарей, хрестоматий, книг для чтения на немецком языке, пособий по разговорной практике и пр. постепенно увеличивалось в течение столетия и достигло своего максимума в последней четверти века; ср.: 1700–1724 гг. – 5 пособий, 1725–1749 гг. – 5, 1750–1774 гг. – 18, 1775–1800 гг. – 76 пособий. Среди этих изданий грамматики немецкого языка занимали весьма незначительное место; ср. 1700–1724 гг. – 2, 1725–1749 гг. – 1, 1750–1774 гг. – 3, 1775–1800 гг. – 7 [Кох 2002, с. 269].

Целью настоящей статьи является лингвотипологический анализ метатекстовых характеристик немецких грамматик в России XVIII в., сыгравших важную роль в становлении российского историко-грамматического дискурса.

Особенности создания учебников грамматики немецкого языка в России XVIII в.

Об острой потребности российского общества в разнообразных пособиях по немецкому языку можно судить по сведениям, сохранившимся в архивных источниках. Так, профессор Г. Миллер в записях за 1741 г. к «Истории Императорской Академии наук» сообщает: «Было решено подготовить новое издание немецкой грамматики, так как ранее напечатанное в академии пришло в негодность (*weil die ehemals bei der academie gedruckte vergriffen war*) и сверх того, обнаружилось, что оно было несовершенным, частью содержало ошибки и было без какого-либо руководства по немецкой просодии, то господину Штелину было поручено оно полностью исправить и привести в порядок согласно чистоте языка (*so wurde dem herrn Stählin aufgetragen, selbige durchaus zu verbessern und der reinigkeit der sprache einzurichten*)» [Материалы, т. 6, с. 540–541] (орфография немецкого текста Г. Миллера здесь и далее сохранена. – К. Ф.).

Насущная потребность в учебниках по грамматике немецкого языка сохранялась еще долгие годы. В рапорте «О состоянии гимназии», поданном в канцелярию Академии наук 10 сентября 1748 г., ректор академической гимназии профессор Иван Фишер, в частности, сообщает: «Учитель Остерман полученные прошедшего месяца июля восемь книг немецкой грамматики роздал все ученикам, а ныне требует он той же грамматики еще восемь книг на раздачу ещё не имеющим и вперед для запаса» [Материалы, т. 9, с. 404]. Список примеров можно продолжить.

Для удовлетворения растущих потребностей в учебной литературе по немецкому языку руководителям учебных и научных заведений приходилось прибегать к различным способам.

1. Самым простым и логичным способом пополнения учебного фонда было использование проверенных учебников немецкого языка, изданных и применяемых в школах Германии (например, учебника немецкой грамматики И. К. Готшета «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts*» (1748); или его сокращенного варианта «*Kern der Deutschen Sprachkunst, aus der ausführlichen Sprachkunst Herrn Professors Gottscheds, zum Gebrauche der Jugend von ihm selbst ins Kurze gezogen*» (1753). Однако данный способ пополнения книжного фонда

обладал весьма серьезным недостатком: по данным К. Кох, процесс доставки учебников в XVIII в. из Германии в Россию занимал не менее двух лет [Koch 2002, с. 265], к тому же этот способ сопровождался слишком большими затратными и организационными трудностями.

2. Весьма распространенным способом пополнения учебного фонда было составление соответствующих учебников иностранного языка (в том числе немецких грамматик), представлявших собой своеобразные сборники грамматических правил, взятых из разных источников. Нередко работа над подготовкой таких учебных пособий сопровождалась значительными трудностями.

Профессор Г. Миллер весьма живописно изображает обстоятельства, связанные с созданием немецко-латинско-русского («Вейсмано-ва») лексикона, известного также тем, что в нем была опубликована одна из первых русских грамматик на немецком языке “Anfangs-Gründe der russischen Sprache“ (1731). В. Е. Адодунова пишет: «Однако какие только трудности не случились при подготовке лексикона! (*Allein wie viel Schwierigkeiten ereigneten sich nicht bei der verfertigung des lexiki!*) ... Ильинский, Горлицкий, Сатаров, которые по-немецки не понимали ни одного слова, переводили с латыни. Между ними была поделена книга, и то, что сделал каждый, сразу же без проверки и правки отдавалось в печать; г. Шумахер, который один руководил всей работой, очень спешил. Его основным правилом было: “Для начала всё хорошо, ошибки можно будет исправить во втором издании” (*Sein grundsatz war: für den anfang ist alles gut; die fehler können bei einer zweiten auflage verbessert werden*)» [Материалы, т. 6, с. 170–171].

Многие грамматики иностранных языков (в том числе немецкие грамматики) в России XVIII в. носят явно выраженный компилятивный характер, в чем можно убедиться после знакомства с полным названием того или иного учебника. Ср.: «Немецкая грамматика» М. Шванвитца (1730) – «Немецкая грамматика, из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана от учителя немецкого языка при Санкт-Петербургской гимназии» [Сводный каталог русской книги 1966, т. 3, с. 373]. Или: «Новая французская грамматика» В. Е. Теплова (1752) – «Новая французская грамматика, сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений г. Ресто и других грамматик, а на российской язык переведена Академии наук переводчиком Василием Тепловым» [Сводный каталог русской книги 1966, т. 3, с. 216].

3. Следующим способом пополнения учебного фонда был перевод на русский язык (с одновременной адаптацией к восприятию российским читателем) хорошо зарекомендовавших себя в Германии немецких грамматик. М. В. Ломоносов в «Проекте регламента Московских гимназий» (1755) предлагает: «§ 55. Немецкому языку учить по “Грамматике” Готшедовой и по “Разговорам немецким”, печатанным с российским переводом; в прозе читать и толковать сочинения Мосгеймовы, в стихах Каница и Гинтера и других» [Ломоносов 1955, с. 459].

Одним из наглядных примеров такого подхода может служить переработка И. М. Гречем немецкой грамматики И. К. Готшеда «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*» и приспособление учебника к применению в российских учебных заведениях. Тот факт, что мы имеем дело не с дословным переводом, а именно с переработкой грамматики Готшеда, был формально зафиксирован не только изменением первоначального названия учебника «Немецкая грамматика» (1760) на «Готшедова немецкая грамматика» (1769) во втором издании, но и другими свидетельствами.

В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII в.» под номером 1621 приводится полное библиографическое описание книги И. М. Греча «Немецкая грамматика» (1760), в котором, в частности, отмечается, что данное издание представляет собой «переработку немецкой грамматики И. Х. Готшеда “*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*”» [Сводный каталог русской книги 1962, т. 1, с. 255], а сам И. М. Греч назван всего лишь «автором переделки» [там же]. Непосредственный перевод адаптированного варианта учебника осуществил учитель немецкого языка Сухопутного шляхетного кадетского корпуса Е. С. Харламов. Ср: «Перевел с рукописи Е.С. Харламов. Напечатано по заказу переводившего 1000 экз. и для Корпуса 500 экз.» [там же]. Показателен также тираж учебника, совсем немалый для того времени – 1500 экземпляров.

4. Принципиально новым подходом к созданию учебников стала подготовка новых авторских учебников грамматики немецкого языка. Этот процесс стал возможным с выходом в свет «Российской грамматики» М. В. Ломоносова (1757), а также ее перевода на немецкий язык (1764). Именно в этот период в России формируется тенденция к созданию учебников немецкого языка с большим авторским началом. Отличительной чертой таких грамматик является стремление авторов

внести новые черты в преподавание немецкого языка. К числу таких учебников относится «Немецкая грамматика» Фр. Гельтергофа (Fr. Hölterhof), снабженная целым рядом метатекстовых включений, помогающих читателю в освоении сложного содержания.

Новаторский подход прослеживается с первых строк учебника. Так, в обращении к «Благосклонному читателю» автор заявляет, что «в Грамматике обязан учитель подчиненных заставлять более действовать разумом, к чему в Этимологии внизу каждой страницы положенные вопросы вспомошествовательны быть могут, то есть, чтоб ученик приучаем был ответ на оные в параграфах сам приискывать, что их после, буде они впрочем к тому же прилежны, побудить также и дома за таковую полезную забаву почаше приниматься» [Немецкая грамматика 1784, с. 3 (отдельная пагинация)].

В целом, «Немецкая грамматика» Фр. Гельтергофа принадлежит к числу наиболее успешных грамматик немецкого языка в России, она выдержала четыре издания в XVIII в. (1770, 1775², 1784³, 1791⁴) и пользовалась заслуженным успехом в российском обществе в последующие годы.

Библиографическое описание учебников немецкого языка М. Шванвитца, И. М. Греча и Фр. Гельтергофа, послуживших материалом настоящего исследования, представлено в списке литературы.

Метатекстовые особенности немецких грамматик в России XVIII в.

Любой текст представляет собой неоднородное речевое образование, в котором непосредственное содержание переплетается с метатекстовыми фрагментами, выполняющими пояснительную, соединительную и структурирующую функции. А. Вежбицка называет эти включения «метатекстовыми нитями» [Вежбицка 1978, с. 421], пронизывающими весь текст произведения, скрепляющими воедино основной текст и его составные части.

Основным звеном метаязыка лингвистики, как известно, выступает терминология. В терминологическом плане научный стиль грамматических описаний в Германии и России XVIII в. дает удивительную картину содержательных и стилистических разночтений.

Для этого достаточно сравнить определение грамматики в немецком и русском текстах «Немецкой грамматики» М. Шванвитца (1730):

- немецкий текст: «*Die Grammatica ist eine Kunst, rein zu reden und recht zu schreiben*» [Шванвитц 1730, с. 2];
- русский текст: «Грамматика есть искусство, право глаголати и писати» [Schwanwitz 1730, с. 3].

Нетрудно заметить, что определение грамматики на русском языке несет в себе явные черты церковно-славянского стиля по сравнению с выверенным языком немецкого определения.

В «Готшедовой немецкой грамматике» И. М. Греча представлен сокращенный, но в целом верно передающий основную идею, вариант определения грамматики из учебника Готшеда. Ср.:

- «Немецкая грамматика есть наука, как говорить и писать сходственно с свойством и лучшим употреблением немецкого языка» [Готшедова немецкая грамматика 1769, с. 1];
- „*Eine Sprachkunst überhaupt ist eine gegründete Anweisung, wie man die Sprache eines gewissen Volkes, nach der besten Mundart desselben, und nach der Einstimmung seiner besten Schriftsteller, richtig und zierlich, sowohl reden, als schreiben solle*“ [Gottsched 1748, с. 1] («Грамматика вообще – это обоснованные указания, как следует правильно и красиво говорить и писать на языке какого-либо народа, в соответствии с его лучшим диалектом и в согласии с лучшими писателями»; перевод авт. – К. Ф.).

Для сравнения приведем изящное и лаконичное определение грамматики из учебника Фр. Гельтергофа: «Грамматика есть наука, показывающая правильное писание и чистое слов произношение» [Немецкая грамматика 1784, с. 1]. Любопытно, что данная дефиниция представляет собой почти дословный перевод немецкого определения из грамматики М. Шванвитца (см. выше) с той только разницей, что апелляция к чистоте произношения (*rein zu reden*) и правильности письма (*recht zu schreiben*) поменялись местами.

Метатекстовые фрагменты, способствующие правильному пониманию грамматических правил, как правило, сопровождаются также формальным выделением в тексте соответствующей грамматики. Ниже приведено несколько примеров из анализируемых грамматик.

«Немецкая грамматика» М. Шванвитца. Метатекстовые фрагменты имеют специальные обозначения в учебнике: в немецком тексте при помощи латинского слова *Nota*, в русском тексте при помощи слова *Примечание*. Ниже приводятся два метатекстовых фрагмента

из раздела «Von der Orthographie» resp. «О орфографии» на немецком и русском языках, расположенные на с. 16–17 параллельного текста.

Всего на этих страницах приводятся по четыре примечания, но для краткости в статье мы приведем только по одному немецкому и русскому варианту. Ср.:

немецкий текст:

*Nota. 1. Das f muß ohne Noth, zumahlen, wenn es lang ausgesprochen wird, nicht verdoppelt werden, als: **Brief, Briefe, Hof, Höfe, werfen, sanfte, scharf** [Schwanwitz 1730, с. 16].*

русский текст:

Примечание. 1. **f** не надобно без нужды, а особливо, ежели оное протяженно говорится, сугубо писать, яко: **Brief** / письмо, **Briefe** / письма, **Hof** / двор, **Höfe** / дворы, **werfen** / бросать, **sanfte** / тихо, **scharf** / остро [Schwanwitz 1730, с. 17]. (Выделение первоисточника сохранено. – К. Ф.)

В данном случае обращает на себя внимание не только графическое выделение приводимых в качестве примеров слов, но и необходимый для русского читателя перевод немецких слов на русский язык.

Иногда русский текст примечания настолько перегружен латинскими заимствованиями, что, как можно предположить, учебник изначально был рассчитан на читателя, уже обладавшего знаниями в области латинской грамматики. Ср.:

Примечание. Понеже **конъюнктивус** в Российском языке без **конъюнкции** *что, чтоб, дабы, когда б* и без **Партикулы** бы употреблен быть не может, то надлежит в **конъюнктиве** у всех **вербов**, во всех **темпорах** оные **конъюнкции** или **партикулы** прикладывать [Schwanwitz 1730, с. 221] (выделено авт. – К. Ф.).

В «Готшедовой немецкой грамматике» И. М. Греча встречаются два вида метатекстовых включений, поясняющих отдельные положения грамматического описания. В этой связи показательным выступает пример композиционного оформления части грамматики, посвященной лингвистическому описанию и особенностям обучения произношению отдельных букв немецкого алфавита.

После перечисления немецких гласных и согласных звуков приводится фрагмент, имеющий название *Примечание* и поясняющий

особый лингвистический статус буквы *J*: «*Примечание*. Буква *J*, когда употребляется за *i*, тогда почитается гласною; когда за *j*, то согласною» [Готшедова немецкая грамматика 1769, с. 2]. На этом же месте в специальной сноске, обозначенной в тексте при помощи звездочки (*) и расположенной внизу страницы, приводится пояснение к особенностям произнесения немецкой буквы *H, h*: «(*) Учащиеся должны привыкать сию букву чисто произносить по изустному учительскому выговору» [там же].

В «*Немецкой грамматике*» **Фр. Гельтергофа** помимо вышеупомянутых примечаний и пояснительных сносок (как в учебниках М. Шванвитца и И. М. Греча) в текст включены также контрольные вопросы и упражнения для самостоятельного освоения материала. При этом как в примечаниях, так и в сносках могут содержаться грамматические комментарии и конкретные методические указания учителю. Ср.: две сноски, расположенные в конце первого параграфа второй главы первой части учебника «О орфографии или правописании» сразу после объяснения разницы между определенным и неопределенным артиклями в немецком языке:

- «(*) Здесь должно ученику, когда ему на другом языке о сем еще не истолковано, изъяснить, что есть имя, и что есть оного род»;
- «(**) Сие должен учитель ученикам примерами изъяснять» [Немецкая грамматика 1784, с. 34].

В сноске может содержаться также рекомендация к применению конкретного методического приема при изложении материала. Ср. пояснение к § 4 раздела «О имени прилагательном»: «(*) Ученику это понятнее будет, когда учитель такие примечания в таблицах покажет» [Немецкая грамматика 1784, с. 55].

Во фрагментах, специально озаглавленных в тексте *Примечание*, грамматические комментарии, как правило, сочетаются с методическими указаниями. Ср., например, примечание к Правилу III в разделе «О сочинении имен существительных»:

Примечание: В предписанных под обоими оными правилами примерах, учитель должен заставлять своих учеников, чтоб они имена существительные сыскивали, и их спрашивать, какого оные имена вопроса требуют, и в каком падеже и числе оные имена положены, и сходствуют ли имена прилагательные со своими существительными [Немецкая грамматика 1784, с. 202].

По ходу изложения материала, начиная со второй главы первой части «О орфографии или правописании», в тексте учебника появляются метатекстовые фрагменты, содержащие вопросы по изучаемой теме; ср.: «Что есть имя существительное? §.1» [Немецкая грамматика 1984, с. 35]; «Какого рода *Hoffnung*, надежда; *Rechenschaft*, отчет? §.7» [там же, с. 38]; «Что значат местоимения указательные §.4» [там же, с. 75] и т.п. При этом после каждого вопроса, как правило, указан номер параграфа, в котором ученик может найти ответ на тот или иной вопрос, или же вопрос размещен внизу страницы соответствующего параграфа, как например, вопросы по теме «О глаголах правильных» в четвертой главе: «Сколько спряжений правильные глаголы имеют?» [Немецкая грамматика 1984, с. 105] или «Из чего познаются правильные глаголы?» [там же].

К новым методическим приемам, применяемым Фр. Гельтергофом, можно отнести упражнения для самостоятельного освоения пройденного материала. Так, в конце главы III «О местоимении» приводятся упражнения на освоение различных видов местоимений. В качестве иллюстрации ниже приведены по одному предложению из шести групп «примеров, служащих для упражнения в местоимениях», а именно: а) «личных и возвратительных» – *So bald du mich besuchest, werde ich dich wieder besuchen*; б) «указательных» – *Jener Schüler ist mir lieber als dieser*; в) «указательных и возносительных» – *Das ist der Schriftsteller, den wir brauchen*; д) «притяжательных» – *Dein Vater ist gelehrter, als meiner*; е) «вопросительных» – *Was thust du des Morgens zuallererst, wenn du aufgestanden bist?* ф) «неопределенных» – *Was man säet, so erndtet man auch* [Немецкая грамматика 1984, с. 82–84]. (Орфография немецких примеров сохранена. – К. Ф.)

Краткие выводы и перспективы дальнейшего исследования

1. В типологическом плане учебные тексты связаны с научными текстами и занимают важное место в системе форм речевого высказывания. В свою очередь, грамматические тексты сыграли значительную роль в развитии всей европейской гуманитарной науки.

2. Появление немецких грамматик в России XVIII в. обуславливается особой ролью, которую немецкий язык играл в российском обществе, что давало обладателю этих знаний преимущество в карьерном и научном росте.

3. Для удовлетворения потребностей общества в учебной литературе по немецкому языку применялись различные способы, а именно: а) использование в преподавании учебников немецкого языка, изданных и применяемых в школах Германии; б) составление учебников на основе нескольких, ранее опубликованных учебных пособий по немецкой грамматике других авторов; в) перевод на русский язык (с одновременной адаптацией к восприятию российским читателем) хорошо зарекомендовавших себя в Германии немецких грамматик; г) подготовка принципиально новых учебников грамматики, авторы которых стремились внести свой вклад в преподавание немецкого языка.

4. Научный стиль грамматических описаний в Германии и России XVIII в. дает наглядную картину терминологических разночтений, о чем свидетельствуют не только различия в языковом оформлении отдельных положений грамматики, но и в метаязыке поясняющих фрагментов.

5. Метатекстовые фрагменты, используемые авторами немецких грамматик для разъяснения применяемых терминов и грамматических правил, имеют специальное выражение. В учебниках М. Шван-витца и И.М. Греча эти фрагменты имеют вид примечаний внутри текста и пояснительных сносок внизу страницы. В учебнике немецкой грамматики Фр. Гельтергофа, имеющем более сложную структуру, метатекстовые включения носят характер примечаний внутри текста, пояснительных сносок, контрольных вопросов и упражнений для самостоятельного освоения материала.

6. Перспективы дальнейшего исследования располагаются в области сопоставительного типологического анализа немецких и русских грамматических текстов, составляющих важную часть европейского гуманитарного дискурса. Это предполагает выявление, описание и классификацию грамматических описаний, представленных в научных дискурсах Германии и России XVIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адмони В. Г.* Система форм речевого высказывания. СПб. : Наука, 1994. 154 с.
- Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста / сост., общ. ред. и вступ. ст. Т. М. Николаевой. М. : Прогресс, 1978. С. 402–421.
- Гельтергоф Фр.* Немецкая грамматика, в которой не только все части речи или произведение слов, но и синтаксис или сочинение слов, оба надлежащими примерами объяснены, в пользу российского юношества издана

- учителем немецкого языка в Московском Императорском университете. 3-е изд. М. : Московский университет, 1784. 360 с.
- Греч И. М.* Готшедова немецкая грамматика, вновь исправленная, и для пользы и употребления российского благородного юношества напечатанная. 2-е изд. С.-Петербург : Морской шляхетский кадетский корпус, 1769. 421 с.
- Исидор Севильский.* Этимологии, или Начала : в XX книгах: Семь свободных искусств / пер. с лат., ст., примеч. и указатели Л. А. Харитоновна. СПб. : Евразия, 2006. 352 с.
- Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 9. Служебные документы: 1742–1765. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. 1019 с.
- Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 9. 1748–1749 (январь – май). СПб. : Императорская Академия Наук, 1897. 826 с.
- Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 10. 1749 (июнь–декабрь) – 1750). СПб. : Императорская Академия Наук, 1900. 776 с.
- Сводный каталог русских книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 1: А–И. М. : Издание гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 1962. 436 с.
- Сводный каталог русских книг гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 3: Р–Я. М. : Книга, 1966. 517 с.
- Теплов В. Е.* Новая французская грамматика сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений г. Ресто и других грамматик, а на российский язык переведена Академии наук переводчиком Васильем Тепловым. СПб. : Императорская Академия наук, 1752. 454 с.
- Gottsched J. Chr.* Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig : Bernhard Christoph Breitkopf, 1748. 544 S.
- Gottsched J. Chr.* Kern der Deutschen Sprachkunst, aus der ausführlichen Sprachkunst Herrn Professors Gottscheds, zum Gebrauche der Jugend von ihm selbst ins Kurze gezogen. Leipzig : Bernhard Christoph Breitkopf und Sohn, 1753. 256 S.
- Koch K.* Deutsch als Fremdsprache im Rußland des 18. Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Geschichte des Fremdsprachenlernens in Europa und zu den deutsch-russischen Beziehungen. Berlin ; New York : Walter de Gruiter, 2002. 456 S.
- Schwanwitz M.* Die Teutsche Grammatica, aus unterschiedenen Auctoribus zusammen getragen und der Russischen Jugend zum Besten heraus gegeben von dem Informatore der Teutschen Sprache bey dem St. Petersburgischen Gymnasio. St. Petersburg : Academische Druckerey, 1730. 413 S. (= Шванвитц М. Немецкая грамматика, из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана от учителя немецкого языка при Санкт-Петербургской гимназии. Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1730. 413 с.).

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОНЯТИЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Статья содержит краткое описание истории становления понятия «картина мира» в современной лингвистической науке. В статье представлен обзор наиболее распространенных в современной лингвистике определений картины мира, объяснены критерии вычленения типов картин мира, дан сравнительный анализ концептуальной и языковой картин мира, описаны ключевые механизмы исследования картин мира в рамках когнитивной лингвистики.

Выбор темы обусловлен отсутствием на сегодняшний день унифицированного определения понятия «языковая картина мира» несмотря на тот факт, что данный термин прочно «обосновался» в отечественной лингвистической школе еще несколько десятилетий назад, вследствие чего можно говорить только об этапе становления и формирования его объема, содержательной базы и возможности применения в сфере современных гуманитарных наук.

Попытки формирования картины мира на базе философских воззрений предпринимались в течение многих столетий, тем не менее, феномен картины мира в нынешнем его понимании стал предметом лингвистических исследований лишь в последние десятилетия. Изначально под термином «картина мира» понималась физическая, иными словами, практическая картина мира. Впоследствии изучение данного понятия проводилось в русле исследований по культурологии и лингвистике. В силу того, что концептуализация мирового пространства обусловлена разницей в восприятии мира представителями разных народов, методика вычленения значений и восприятия мировых процессов имеет ряд отличий в разных языках, что находит свое подтверждение в учении В. Гумбольдта о «внутренней форме языка» и так называемом языковом сознании». Идеи В. Гумбольдта нашли свое продолжение среди представителей американской лингвистической школы, в частности в гипотезе Сепира-Уорфа, согласно которой представители разных языковых сообществ по-разному воспринимают окружающую их действительность. Таким образом, языковая картина мира предопределяет целостную картину мира каждого индивида. Многочисленные лингвистические исследования подтверждают факт прямого влияния родного языка на процесс познавательной деятельности его носителей, однако доказано, что механизм познания и освоения мирового пространства может осуществляться не только в языковом, но и в неязыковом русле.

В дальнейшие годы изучением внутренней формы языка занимался целый ряд ученых с мировым именем, таких как Ф. де Соссюр, И. Трир, Л. В. Щерба и др., внесших существенный вклад в концепцию специфики и системного характера языка.

Только в XX в. понятие «картина мира» стало предметом пристального внимания лингвистов. Современная лингвистическая наука придает особое значение исследованию механизмов и особенностей концептуализации мирового пространства через языковую призму; проводятся исследования, ориентированные на выявление принципов концептуализации мира представителями различных языковых групп. В рамках семантической науки проводятся сравнительные описания семантических полей, а также элементов языковых картин мира в разных языках. Современные лингвистические исследования направлены на изучение как целостной языковой картины мира, так и составляющих ее специфических концептов.

В настоящее время проблема определения языковой картины мира является одной из наиболее ярких направлений отечественных лингвистических исследований. Исследователи исходят из положения о том, что комплекс представлений человека об окружающем его мире, выраженный через его родной язык, образует целостную модель мировосприятия и мироощущения. Современная лингвистическая наука выделяет субъективистский и объективистский подходы к изучению языковой картины мира. Кроме того, принято разграничивать непосредственную и опосредованную, научную и наивную, донаучную, языковую и когнитивную, языковую и художественную картины мира.

Ключевые слова: языковая картина мира; научная картина мира; языковое сознание; теория лингвистической относительности; внутренняя форма языка; языковая концептуализация мира; концептосфера; концептуальное поле; непосредственная картина мира; опосредованная картина мира.

I. V. Finikova

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of German language Grammar and History at the Faculty of German, MSLU; e-mail: finikova.80@mail.ru

MEANINGFUL AND FUNCTIONAL POTENTIAL OF THE CONCEPT OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD IN THE MODERN LINGUISTIC RESEARCHES

The given article contains a brief description of the history of the formation of the concept “picture of the world” in modern linguistic science. The article presents an overview of the most common definitions of the term “picture of the world” in modern linguistics, explains the criteria we use to refer to types of pictures of the world, gives a comparative analysis of conceptual and language pictures of the world, describes key mechanisms of researching of pictures of the world in the framework of cognitive linguistics.

The choice of the topic is due to the lack of a unified definition of the language picture of the world despite the fact that this term is firmly established in the national linguistic school a few decades ago, so we can only talk about the stage of formation of its volume, content and the possibility of application in the field of modern humanities.

The attempts to form a picture of the world on the basis of philosophical views have been made for many centuries, however, the phenomenon of the picture of the world in its current understanding has become the subject of linguistic research only in recent decades. Initially, the term “picture of the world” meant the physical, in other words, the practical picture of the world. Later the study of this concept was conducted on the base of cultural and linguistic researches. Due to the fact that the conceptualization of the world space is related to the difference in the perception of the world by representatives of different peoples, the method of separating the values and perception of world processes have a number of differences in different languages, which is confirmed in the teachings of W. Humboldt about the “internal form of language” and the so-called “language consciousness”. W. Humboldt’s ideas were continued by the representatives of the American linguistic school, in particular in the hypothesis of Sapir-Whorf, according to which representatives of different linguistic communities perceive the surrounding reality differently, thus, the language picture of the world determines the whole picture of the world of each individual. Numerous linguistic studies confirm the fact of the direct influence of the native language on the process of cognitive activity of its speakers, however, it is proved that the mechanism of perception and cognition of the world space can be put into practice not only in the language, but also in the non-linguistic way.

In the next years the study of the inner form of language was engaged by a number of world-renowned scientists, such as F. de Saussure, E. Trier, L. V. Shcherba, and others, which have made a significant contribution to the conception of the specificity and systemic nature of language.

Only in the XX century the concept “picture of the world” became the subject of careful study of linguists. The modern linguistic science pays special attention to the study of the mechanisms and features of the conceptualization of the world space through the linguistic prism; the researches at identifying the principles of the conceptualization of the world by representatives of different language groups are aimed. Within the framework of semantic science, comparative descriptions of semantic fields, as well as elements of language pictures of the world in different languages are carried out. The modern linguistic researches are aimed at studying both the whole linguistic picture of the world and its specific concepts.

Currently, the problem of determining the language picture of the world is one of the most important areas of the Russian linguistic researches. The researchers proceed from the position that a complex of human perceptions of the surrounding space expressed through his native language forms a holistic model of the world perception. The modern linguistic science emphasizes subjective and objectivist approaches to the study of the language picture of the world. In addition, it is customary to distinguish between the immediate and the mediate, the scientific and the naive pre-scientific, the linguistic and the cognitive, the linguistic and the artistic pictures of the world.

Key words: language picture of the world; scientific picture of the world; linguistic consciousness; the theory of linguistic relativity; the internal form of language; conceptual sphere; language conceptualization of the world; conceptual field; the immediate picture of the world; the mediated picture of the world.

В современном языкознании научную картину мира, под которой следует понимать общепризнанные апробированные научные достижения в той или иной области знания, принято противопоставлять языковой картине мира, представляющей собой сформированный в сознании носителя языка и нашедший отражение в его речи комплекс представлений о мире, что неразрывным образом связано с процессом концептуализации окружающей действительности. При этом следует отметить, что несмотря на то, что термин «языковая картина мира», впервые упомянутый в авторской рукописи Л. Витгенштейна еще в конце прошлого века и трактовавшийся автором как воплощенное в языке миропонимание определенного народа, к концу прошлого столетия уже прочно «обосновался» в отечественной лингвистической школе. На сегодняшний день отсутствует унифицированное определение данного понятия, таким образом, можно говорить только об этапе становления и формирования его объема, содержательной базы и возможности применения в сфере современных гуманитарных наук.

Появление первых картин мира совпадает по времени с завершением эволюционного этапа, в результате которого на свет появился человек разумный, и уходит корнями в мифологическое сознание архаического общества, в котором формировалась первичная модель миропонимания. На протяжении долгих веков, вплоть до конца XIX в., ознаменованного периодом расцвета естественно-научного знания и натурфилософских теорий, предпринимались попытки построить картину мира сквозь призму философских исследований. Однако феномен картины мира в нынешнем его понимании стал предметом пристального внимания языковедов лишь в последние десятилетия [Бурич 2007, с. 68].

М. Планк, как и Г. Герц, впервые использовавший термин «картина мира», понимали под этим словосочетанием в первую очередь физическую картину мира, в которой отражены реально существующие законы живой природы. При этом Планк выделял практическую картину мира, формируемую человеком на основе собственного опыта представлений об окружающей его действительности.

Помимо исследований картины мира в русле научной парадигмы, это понятие со временем стало предметом исследований по культурологии и лингвистической семиотике. Особенность концептуализации мирового пространства с языковой точки зрения состоит в характерном

лингвоориентированном расчленении окружающей действительности, что продиктовано разницей в восприятии мира представителями разных народов. Как известно, методика вычленения значений, как и методика восприятия и осознания мировых процессов обнаруживают в разных языках существенные отличия. Данная идея зародилась на базе учения В. Гумбольдта о так называемой внутренней форме языка, согласно которой каждый народ смотрит на окружающую его реальность через призму собственного языка, что в конечном итоге формирует его «языковое сознание» [Гумбольдт 1984, с. 159].

Теория В. Гумбольдта о влиянии языковых норм на мировосприятие человека и его мыслительную деятельность имела множество последователей, в числе которых были такие крупные лингвисты, как Г. Штейнталь, считавший, что развитие мышления индивида формируется под влиянием факторов, обуславливающих его социум, или В. Д. Уитни, полагавший что каждому языку присущи характерные для него особенности, выражающиеся в трансформации мыслительной деятельности человека, приобретенных им опыта и знаний о мире в заключенную в языковую оболочку мысль.

Дальнейшее развитие идеи В. Гумбольдта получили среди представителей американской школы лингвистики, в частности в теории лингвистической относительности, сформулированной в 30-е гг. прошлого века выдающимися американскими учеными Э. Сепиром и Л. Уорфом, суть которой сводилась к тому, что представители разных языковых общностей по-разному воспринимают окружающую их действительность. Мир предстает перед человеком таким, каким он видит его сквозь призму родного языка. Именно язык формирует сознание и тип мышления человека, то, как он воспринимает и познает окружающую его действительность. Явления природы не воспринимаются им естественным образом, а диктуются самой языковой системой [Сепир 1993, с. 249].

Описанная выше гипотеза подвергалась резкой критике со стороны множества ученых, однако следует отметить, что она явилась попыткой упорядочить языковое многообразие сквозь призму новых лингвистических познаний об окружающем пространстве. Соратнику Э. Сепира Б. Уорфу удалось в конечном счете максимально точно сформулировать принцип лингвистической относительности, согласно которому «сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере,

при соотносительности языковых систем» [Уорф 1960, с. 211]. Иными словами, гипотеза Сепира-Уорфа сводится к постулату о том, что языковая картина мира предопределяет целостную картину мира каждого индивида.

Нельзя не отметить, что многочисленные лингвистические исследования действительно подтверждают неоспоримое влияние родного языка на процесс познания мира его носителями. Однако авторы теории лингвистической относительности существенно завысили первостепенную роль языка в механизме познания и освоения мира. Познавательная деятельность индивида может осуществляться не только в языковом, но и во внеязыковом русле. Человек способен воспринимать и познавать окружающие его предметы и явления, даже если в его родном языке отсутствуют лексические единицы, номинирующие данные понятия (например, нехарактерные для ареала обитания индивида явления природы, оттенки цвета, разновидности животного и растительного мира, прочие реалии). Подобные знания могут быть усвоены индивидом абстрагировано от языковых форм. Таким образом, можно сделать вывод о том, что язык оказывает лишь частичное, а не всеобъемлющее влияние на нашу познавательную деятельность, как гласит принцип относительности Сепира-Уорфа. В арсенале любого носителя языка помимо вербальных есть и невербальные средства концептуализации окружающего мира.

Согласно Б. Уорфу, научная картина мира, наряду с языковой, позволяет производить моделирование мирового пространства, являясь, таким образом, составляющей «системы анализа окружающего мира» [Уорф 1993, с. 246]. Однако отличие состоит в том, что научная картина мира базируется на научных познаниях, тогда как языковая картина мира опирается на познания носителей какого-либо языка. Таким образом, можно говорить о двух типах сознания – ученом и бытовом.

Необходимо отметить, что Б. Уорф внес существенный вклад в разграничение понятий научной и языковой картин мира, выделив их характерные особенности. С его точки зрения, языковые картины мира превосходят научные с содержательной точки зрения, так как являются более древними, кроме того, они отражают представления о мире глазами множества людей, т. е. являются полицентричными. Научные картины мира, напротив, моложе, менее информативны и моноцентричны.

Безоговорочная убежденность Б. Уорфа в превалянии языковых картин мира над научными привела его к искаженному выводу о том, что именно лингвистическое восприятие мира, а вовсе не объективные научные факты стимулируют процесс получения новых научных знаний. По его мнению, номинативное определение какого-либо предмета или явления преобладает над его содержательной составляющей.

Идеи Сепира-Уорфа нашли свое продолжение, в частности, в работах Л. Вайсгербера, также полагавшего, что восприятие объективной реальности всецело обусловлено языковым сознанием, предопределяющим самосознание народа [Вайсгербер 1993, с. 29].

В дальнейшие годы изучением внутренней формы языка занимался целый ряд ученых с мировым именем, таких как Ф. де Соссюр, разрабатывавший лингвистическую концепцию специфики и системного характера языка; И. Трир, автор теории парадигматического семантического поля и компонентной семантики его единиц; Л. В. Щерба, занимавшийся вопросами функционирования терминов в общелитературном и специальном языках и разработавший концепцию разграничения обывательских и научных понятий; А. Вержбицкая, занимавшаяся исследованиями по синтаксической структуре языка в русле энто-культурного восприятия окружающего мира, и др.

Только в XX в. термин «картина мира» стал предметом изучения лингвистов, проводивших свои исследования с опорой на труды предшественников (М. Планка, В. Гумбольдта, Э. Эйнштейна и др.), внесших существенный вклад в изучение культурологии и лингвистической семиотики. Современная лингвистика ставит во главу угла исследование механизмов и специфичных черт концептуализации мира посредством языка; проводятся исследования принципов концептуализации мира представителями различных языковых групп. В рамках семантической науки проведено сравнительное описание семантических полей, а также элементов языковых картин мира в разных языках (Ю. Апресян, А. Вержбицкая).

Следует отметить, что изучение языковой картины мира невозможно в отрыве от целого ряда антропоориентированных наук, таких как культура, мифология, фольклор, психология и пр., позволяющих в совокупности отразить мировоззрение и миропонимание отдельно взятого народа. Так, в середине прошлого века наука семиотика стала

обращаться к вопросу понимания картины мира при исследовании первостепенных и второстепенных систем моделирования языка, исходя из понимания того, что культура, равно как и все ее составные компоненты, как то: поэзия, проза, фольклор и др. принимают активное участие в структурировании, иначе говоря, моделировании мира человека [Привалова 2004, с. 88].

Современные лингвистические исследования направлены как на изучение целостной языковой картины мира, так и на изучение присущих отдельно взятому языку специфических концептов, в первую очередь системообразующих моделей в языковом и культурном сознании индивида (различное восприятие цветов, символики, жестов и пр. в разных культурах).

А. Д. Апресян в своих попытках воссоздать наивную донаучную картину мира исходит из положения о том, что в любом естественном языке отражена модель концептуализации мира, т. е. восприятия и структуризации окружающего пространства. Значения предметов и явлений, номинированных в каком-либо языке, образуют целостную систему взглядов, однообразность мышления или коллективность мышления его носителей, иными словами, наивный реализм. Автор отмечает также, что языковой картине мира присущи как универсальные, так и специфические черты, вследствие чего общности людей, говорящих на разных языках, воспринимают окружающую действительность не идентично, а сквозь призму своих родных языков. Особо отмечается, что под наивностью языковой картины мира понимается не ее простота и незамысловатость, а тот факт, что она обнаруживает существенные отличия по сравнению с научной картиной мира. Так, например, наивным может считаться видение внутреннего мира человека, в котором отражены многовековые опыт и знания человечества. Составными элементами наивной картины мира являются наивные представления таких областей знания, как психология, культурология, этика, физика и др., определенным образом систематизируемые и описываемые посредством системной лексикографии. В этих целях отдельно взятые фрагменты наивной картины мира могут быть реконструированы на основе лексических и грамматических значений отдельных номинаций. В качестве примера можно привести анализ следующих языковых пар: *хвалить* и *льстить*, *хвалить* и *хваляться*, *обещать* и *сулить*, *смотреть* и *подсматривать*, *слушать*

и подслушивать, смеяться и глумиться, любознательность и любопытство, распоряжаться и помыкать, гордиться и кичиться, критиковать и чернить и др., на основании чего можно сделать вывод о некоторых фундаментальных постулатах русскоязычной наивной этики, как то: «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей» (*подсматривать, подслушивать, любопытство*); «нехорошо унижать достоинства других людей» (*помыкать, глумиться*); «нехорошо преувеличивать свои достоинства и чужие недостатки» (*хвастаться, рисоваться, кичиться, чернить*). Таким образом, представленные выше поведенческие нормы для русскоязычной модели мировосприятия, находят свое отражение в системе русского языка, будучи закрепленными в значениях определенных лексических единиц [Апресян 1995, с. 39].

В настоящее время изучение языковой картины мира является одним из наиболее актуальных направлений отечественных лингвистических исследований. Под данным термином принято понимать представления человека об окружающем его реальном пространстве, облаченные в форму языковых знаков, другими словами, языковую систематизацию окружающих нас в повседневной действительности предметов и явлений, языковое воплощение мирового информационного пространства. Языковая концептуализация мира представляет собой результат познавательного процесса восприятия представителем какого-либо языкового сообщества объективного мира вещей. Исследователи исходят из положения о том, что весь комплекс представлений человека об окружающем его мире, выраженный через значения слов и словосочетаний языка, носителем которого он является, образует целостную модель мировосприятия и мироощущения, навязываемую всем носителям данного языка, так как определенные представления, являющиеся неотъемлемыми элементами картины мира, зафиксированные в значениях определенных слов носят неочевидный характер. Таким образом, носитель языка, использующий слова и выражения с неявным смыслом, невольно перенимает заложенное в них миропонимание, в то время как использование слов и выражений, содержащих категоричные утверждения, способно сформировать у разных носителей языка различные взгляды на описываемые предметы или явления, формирующие впоследствии так называемую языковую картину мира. Например, поговорка *что посеешь, то и пожнешь*

полностью состоит из слов, смысл которых неочевиден, следовательно, может быть двояко истолкован разными носителями языка [Маслова 2007, с. 58].

Современная лингвистическая наука выделяет субъективистский и объективистский подходы к изучению понятия языковой картины мира. В основе субъективистского подхода лежит понимание того, что языковая картина мира является отражением объективной картины мира, пропущенным сквозь призму субъективного сознания индивида. Согласно данному подходу в основе языковой картины мира лежат не объективные, научно доказанные сведения о мире, а субъективные представления, мнения и суждения, носящие оценочный характер и часто являющиеся ошибочными, а, следовательно, лишенными объективности. Объективистский подход не приписывает языку главенствующую роль при формировании языковой картины мира, он лишь форма для фиксации результатов мыслительно-познавательной деятельности человека. Сама языковая картина мира стремится как можно более точно передать объективный реальный мир без «примеси» субъективистских суждений [Корнилов 2007, с. 190].

Как полагает В. Н. Телия, под языковой картиной мира следует понимать продукт сознания индивида, порожденный в результате его мыслительной и языковой деятельности, где язык выступает в роли средства выражения его представлений о мире в производимых им коммуникативных актах. При этом особо выделяется метафора как один из наиболее эффективных способов продуцирования вторичных номинативных единиц на пути формирования языковой картины мира [Телия 2008, с. 69].

Следует отметить, что языковая картина мира отражает не только особенности восприятия действительности нашими предками на предыдущих этапах развития языка, но и принципы восприятия действительности нашими современниками, т.е. можно говорить о том, что языковая картина мира постоянно претерпевает трансформации, являясь отражением постоянно меняющегося мира, и не идентична научной картине мира.

Не вызывает сомнения тот факт, что понятие картины мира имеет особую значимость для современной лингвистической науки, однако на сегодняшний день не имеет четкого определения, вследствие чего весьма вольно трактуется специалистами различных научных

дисциплин, что, в свою очередь, препятствует выработке согласованного подхода к описанию картины мира со стороны разных научных направлений. В самом общем виде под картиной мира принято понимать структурированный комплекс знаний об окружающем нас мировом пространстве, порожденный общественным либо групповым сознанием [Попова, Стернин 2003, с. 162–169].

Согласно Ж. Н. Масловой, следует разграничивать две принципиально различные картины мира – непосредственную и опосредованную. Непосредственная картина мира формируется путем прямого познания индивидом окружающей реальности, как то: через органы чувств либо абстрактное мышление, являясь таким образом продуктом непосредственного восприятия мира человеком. При этом непосредственные картины одной и той же окружающей действительности могут существенно отличаться друг от друга. Они могут представляться материальными либо идеалистическими, рациональными либо эмоциональными, научными и наивными, естественно-научными и религиозными и т. д. Внутреннее наполнение такого рода картин мира, как правило, продиктовано историческим реалиями, например научными открытиями, развитием новых методов познания и пр.

Непосредственная картина мира, тесно связанная с мировоззрением, содержит в себе совокупность концептуальных знаний о мире, а также ментальных инструментов, позволяющих правильно воспринимать и интерпретировать явления окружающей нас действительности. Она может быть определена как когнитивная картина мира, поскольку являет собой не что иное, как результат когнитивной, т. е. познавательной деятельности человека, его когнитивного сознания. Таким образом, под когнитивной картиной мира следует понимать «ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народа в целом и являющийся результатом как прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательного рефлексивного отражения действительности в процессе мышления» [Маслова 2008, с. 36].

Когнитивная картина мира, материализованная средствами языковой и художественной картин мира, являющимися по сути вторичными знаковыми системами, составляет опосредованную картину мира.

Как отмечалось ранее, под языковой картиной мира принято понимать представления какого-либо народа об окружающем мире,

зафиксированные в его языковой системе на определенной ступени исторического развития. Доказано, что мыслительная деятельность человека не может быть опосредована через язык, однако может быть им номинирована, следовательно, изучение облаченных в языковую форму представлений о реальном мире позволяет выявить мыслительные концепты народа на определенном этапе развития, т. е. констатировать его когнитивную картину мира. При этом неверно было бы отождествлять понятия языковой и когнитивной картин мира ввиду того, что ряд концептов не может быть выражен при помощи языковых средств, а, следовательно, не может являться предметом коммуникации. Таким образом, языковая картина мира лишь частично отражает когнитивную картину мира в силу того, что только коммуникативно значимые для представителей определенной языковой общности концепты имеют языковое выражение и могут быть номинированы соответствующими языковыми знаками [Яковлева 1990, с. 76].

Если в основе когнитивной картины лежит множество концептов, образующих концептосферу носителей одного и то же языка, то языковая картина мира зиждется на языковых знаках, составляющих языковое семантическое пространство.

Особенность языковой картины мира, опосредованной языковыми знаками, состоит в том, что она, в отличие от когнитивной картины мира, не оказывает непосредственного влияния на мыслительную и познавательную деятельность человека, однако служит средством выражения концептуального мира человека. Следует также отметить, что языковая картина мира не принимает прямого участия в членении окружающей действительности, а только описывает языковыми средствами разделение мира, осуществляемое в реальности на базе концептов, т. е. благодаря первичной когнитивной картине мира [Уфимцева 1988, с. 135].

Обращаясь к вопросу о структурных элементах языковой картины мира, следует подчеркнуть ведущую роль лексических и фразеологических номинирующих средств, фиксирующих предметы и явления окружающего пространства, кроме того, в языковой картине мира принимают активное участие метафоры и различные дискурсивные языковые инструменты.

Исследования, направленные на изучение феномена языковой картины мира, представляют, в первую очередь, сугубо лингвистический

интерес, так как позволяют выявить состав и принцип структурирования составных элементов языка, однако могут принимать и когнитивный характер, если предметом изучения становятся структуры сознания и концептуальные поля, скрывающиеся за номинативными лексическими единицами. В этом случае можно говорить о том, что языковые знаки выступают в роли механизмов распознавания когнитивных структур и классификаторов сознания [Вержбицкая 2000, с. 34].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что изучение сложно-структурированного языкового, как и семантического, пространства способствует формированию вторичной опосредованной языковой картины мира.

Нельзя не отметить, что изучение языковой картины мира было бы неполным без сопоставительного анализа исследуемого языка по отношению к другим языкам, без учета различий в национальной окрашенности значений отдельных лексических единиц, без описания принципа членения окружающей действительности через семантические и фразеологические поля данного языка и пр.

Как уже отмечалось ранее, наряду с языковой картиной мира существует другая разновидность вторичной опосредованной картины мира, а именно: художественная, порождаемая сознанием читателя или слушателя в момент прочтения либо прослушивания им какого-либо художественного произведения. Картина мира в художественном произведении формируется при помощи авторских языковых средств и отражает его обособленную картину мира, т. е. индивидуальные концепты, присущие исключительно его авторскому мировосприятию. В данном случае язык используется в качестве средства порождения вторичной художественной картины мира, опосредованной как специфическим авторским языком, так и индивидуальной авторской картиной мира.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что языковая картина мира, являющаяся предметом исследования описательной лингвистической науки, способна выступать в роли инструмента в рамках изучения первичной непосредственной когнитивной картины мира, иными словами, концептосферы представителей одной языковой общности. При этом следует акцентировать внимание на том, что понятия языковой картины мира и концептосферы не являются тождественными по отношению друг к другу, языковая картина мира способна не полностью, а лишь частично выражать совокупность концептов

носителей одной языковой группы через язык как наиболее удобное и эффективное средство выражения когнитивной-познавательной деятельности индивида. Таким образом, языковая картина мира является вторичной по отношению к первичной когнитивной картине мира, выступая в роли вербального выразительного средства концептуальных полей человеческого сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. 512 с.
- Арутюнова Н. Д., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира. М. : Язык и литература, 1997. 297 с.
- Бурч И. Л.* Философия современного естествознания. М. : Аспект, 2007. 321 с.
- Вайсгербер Й. Л.* Язык и философия // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 26–31.
- Вержбицкая А.* Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 33–38.
- Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. 1. М., 1994. 388 с.
- Гумбольдт В. О.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. 154–180 с.
- Корнилов О. А.* Языковые картины мира как объект этнолингвистического анализа. М. : МГУ им. Ломоносова, 2007. 349 с.
- Маслова В. А.* Введение в когнитивную лингвистику. М. : Флинта : Наука, 2007. 296 с.
- Маслова Ж. Н.* Поэтическая картина мира в когнитивном аспекте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3. С. 33–39.
- Попова З. Д.* Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж, 2003. 215 с.
- Постовалова В. И.* Роль человеческого фактора в языке // Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебrenников. М., 1988. С. 8–69.
- Привалова И. В.* Образ мира, языковая картина мира и этнолингвокультурное сознание // Языки и национальные проблемы : материалы Международ. научн. конф. Т. 1. М. – Тамбов, 2004. С. 86–91.
- Сетир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. 656 с.
- Телия В. Н.* Лингвокультурология. Язык. Культура. Общение : сб. науч. тр. в честь юбилея С. Г. Тер-Минасовой. М. : Гнозис, 2008. С. 502–510.
- Уорф Б. Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку / пер. с англ. Л. П. Патан и Е. С. Турковой // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. 464 с.

- Уорф Б. Л.* Наука и языкознание (О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление) / пер. с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. 464 с.
- Уфимцева Н. В.* Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / отв. ред. Б. А. Серебрянников. М., 1988. С. 207–220.
- Яковлева Е. С.* Объективная картина мира в познании и языке. М. : Наука, 1990. 103 с.

доктор филологических наук, профессор;
профессор кафедры германской и кельтской филологии
филологического факультета Московского государственного
университет имени М. В. Ломоносова; e-mail: etch1@yandex.ru

СИСТЕМНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ В ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются функционально-семантические особенности слабой формы прилагательных с вариативными показателями *-a* / *-e* в шведском языке, которые до слияния мужского и женского рода в общий и образования единой формы с морфемой *-a* были грамматическими показателями женского и мужского рода прилагательных в единственном числе. В современном шведском языке употребление слабых прилагательных с алломорфом *-e*, преимущественно в разговорной речи, сохраняется как региональная особенность на территории распространения ётских диалектов в юго-западной и южной части Швеции. Напротив, это нехарактерно для областей распространения свейских диалектов в центральной части и на востоке страны, а также для северного региона и финляндского варианта.

В общелитературной норме шведского языка, сложившейся преимущественно на основе свейских диалектов, вариативность, обусловленная диалектной дифференциацией, получила стилистическую окраску и стала приметой употребления слабой формы прилагательного с морфемой *-e* в высоком стиле, а с морфемой *-a* в сниженном стиле. В отдельных случаях при стилистической дифференциации показатель слабой формы выступает также средством разграничения лексико-семантических вариантов прилагательного. Устойчивость слабой формы с алломорфом *-e* поддерживается облигаторным употреблением в фразеологических словосочетаниях с прилагательными и с первыми двумя порядковыми числительными. Наряду с этим морфемы *-e* / *-a* используются при субстантивации прилагательных и согласуемых адъективированных причастий 2 для выражения семантического рода: *-e* для мужского и / или общего / *-a* для женского рода. Таким образом, они получают системный статус показателей семантического рода одушевленных существительных со значением лица, близкий к словообразовательному. Это существенно расширяет границы функционально-семантической вариативности и способствует ее распространению в современном шведском языке на такие сферы употребления, в которых раньше оно было невозможно. Слабая форма прилагательных (а также согласуемых причастий 2 и двух первых числительных) с алломорфом *-e* встречается в свободных словосочетаниях:

1) с существительными, обозначающими лиц женского пола, принадлежавшими в древнешведской трехродовой системе к грамматическому мужскому роду (*en biskop* 'епископ', *lärare* 'учитель', *minister* 'министр', *skådespelare* 'актер' и др.);

2) с существительными, обозначающими лиц женского пола, исторически принадлежавшими к грамматическому женскому роду (*en människa* 'человек', *kollega* 'коллега', *person* 'личность, лицо');

3) с одушевленными существительными среднего рода при обозначении ими лиц мужского пола (*ett statsråd* 'министр' (в правительстве Швеции), *vittne* 'свидетель' и некоторые другие);

4) с неодушевленными существительными в переносном употреблении, чаще в композитах, при обозначении лиц мужского пола, в том числе в тех случаях, когда в морфологической структуре существительного с исходом основы на *-a* содержится информация о его былой принадлежности к грамматическому женскому роду (например, *en ishockeystjärna* 'звезда хоккея на льду' и некоторые другие).

Кроме того, в современном шведском языке морфологическая вариативность *-a / -e* в слабой форме прилагательного используется для разграничения по линии категории одушевленности / неодушевленности лексико-семантических вариантов отдельных существительных с суффиксом *-are*, исторически принадлежавших к грамматическому мужскому роду (*en läsare* 'читатель' / 'сканер', *mottagare* 'приемщик' / 'приемник', *skrivare* 'переписчик' / 'принтер').

Новые семантические и прагматические коннотации при функционировании слабых прилагательных с показателями *-a / -e* свидетельствуют о наблюдающейся в динамике синхронии тенденции к широкой вариативности, не ограниченной региональными и / или стилистическими факторами: *-e* маркирует семантический мужской и общий род существительных со значением лица и одушевленность; *-a* маркирует семантический женский род существительных со значением лица и неодушевленность. Таким образом, необходимым условием вхождения факультативного морфологического варианта слабой формы прилагательного в систему и норму шведского языка является его семантизация.

Ключевые слова: шведский язык; слабая форма прилагательного; морфологический вариант; функционально-семантический потенциал вариативности.

E. M. Chekalina

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor, Head of the Department of Germanic and Celtic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; e-mail: etch1@yandex.ru

SYSTEMIC AND FUNCTIONAL ASPECTS OF GRAMMATICAL VARIATION IN SWEDISH

The article deals with functional-semantic characteristics of the Swedish weak form of adjectives with a variable marker *-a / -e* which, before the merging of masculine and feminine gender into a common gender and the evolution of a single form in *-a*, functioned as a grammatical marker of singular feminine and masculine adjectives. In modern Swedish the use of weak adjectives with the allomorph *-e*, mostly in colloquial speech, is retained as a regional feature in the area of Götaland dialects in the South-Western and Southern parts of Sweden. On the contrary, they are not typical of the regions where Svealand dialects are spoken in the central part and in the East of the country, as well as in the Northern region and in the Finland variety.

In the Swedish literary norm, which has formed mainly on the basis on Svealand dialects, the variation, influenced by dialectal differentiation, has received a stylistic connotation and has become a feature of the weak form of the adjective with the morpheme *-e* in high style, and with the morpheme *-a* in lower style. In certain cases, where stylistic differentiation takes place, the marker of the weak form also performs the function of discriminating lexical-semantic variants of an adjective. The stability of the weak form in *-e* is supported by the obligatory use in phraseological word combinations with adjectives and first two ordinal numerals. Along with that the morphemes *-e/-a* are used when substantivizing adjectives and coordinated adjectivized participles 2 for expressing the semantic gender: *-e* for the masculine and / or common / *-a* for the feminine. In that way they obtain a new systemic status as markers of semantic gender in animate nouns referring to persons, approaching the status of word-forming markers. This significantly broadens the limits of functional-semantic variation and favours its expansion in modern Swedish into those domains of use where it could previously not be used. The weak form of adjectives (as well as coordinating participles 2 and the first two numerals) with the allomorph *-e* occurs in free word combinations:

1) with nouns which denote female persons and which used to be masculine in the Old Swedish three-gender system (*en biskop* 'a bishop', *lärare* 'teacher', *minister* 'minister', *skådespelare* 'actor' and others);

2) with nouns which denote females and which used to be feminine (*en människa* 'a human', *kollega* 'colleague', *person* 'person');

3) with animate neuter nouns when denoting males (*ett statsråd* 'minister' (in the Swedish government), *vittne* 'witness' and some others);

4) with inanimate nouns in figurative use, more often in composites, when denoting males, including cases where the morphological structure of the noun with a stem in a final *-a* includes information about it formerly being a feminine noun (for example, *en ishockeystjärna* 'an ice-hockey star' and some others).

Moreover, modern Swedish uses the morphological variation of *-a/-e* in the weak form of the adjective for discriminating along the line of the category of animate / inanimate lexical-semantic variants of certain nouns with the suffix *-are*, which historically belonged to the grammatical masculine gender (*en läsare* 'a reader' / 'reader (device)', *mottagare* 'recipient' / 'receiver', *skrivare* 'scribe' / 'printer').

New semantic and pragmatic connotations along with the functioning of weak adjectives with the markers *-a / -e* are evidence of a tendency, observed in the dynamics of synchrony, towards wide variation, not limited by regional and / or stylistic factors: *-e* marks the semantic masculine and common gender of nouns denoting a person and animacy; *-a* marks the semantic feminine gender of nouns denoting a person and inanimacy. Therefore, a necessary condition of the inclusion of a facultative morphological variant of the weak form of the adjective into the system and the norm of Swedish is its semanticisation.

Key words: Swedish; weak form of adjectives; morphological variant; functional-semantic potential of variation.

Введение

Вариативность является одним из фундаментальных свойств человеческого языка, которое заложено в его системном устройстве и определяет способ его существования и особенности функционирования [Солнцев 1984, с. 31]. С точки зрения территориальной, социальной и функционально-стилистической дифференциации языковых средств варьирование нередко становилось предметом изучения внешней лингвистики [Степанов 1976, с. 125–133]. В исследованиях по грамматической и лексической семантике вариативность рассматривалась как проявление полисемии и синонимии языковых единиц различных уровней, употребление которых «постоянно выходит за пределы одной функции» [Арутюнова 1968, с. 91]¹.

Анализ функционирования вариативных форм в динамике синхронии на конкретном материале выявляет сложную взаимосвязь внешней функциональной стратификации языка и его внутреннего формального и семантического устройства, поскольку «... содержание обусловлено сферой употребления, а не наоборот» [Курилович 1962, с. 18]. В исследованиях отечественных германистов не раз отмечалось, что территориальные, социальные и функционально-стилистические особенности, обусловленные конкретной языковой ситуацией, «создают предпосылки для тех или иных форм языкового варьирования», как пишет Н. Н. Семенюк в предисловии к коллективной монографии [Вариативность в германских языках, 1996, с. 3]; тем самым выявляется опосредованная связь между языком и внешними условиями его существования [Расторгуева 1996, с. 22].

1. Вариативность слабой формы прилагательных с различными морфологическими показателями

В современном шведском языке устойчиво сохраняется вариативность некоторых словоизменительных показателей знаменательных

---

¹ Н. Д. Арутюнова связывает это с асимметрией в строении языкового знака, «которая была столь блестяще продемонстрирована С. Карцевским» [Арутюнова 1969, с. 35]: «Означающее (звучание) и означаемое (функция) постоянно скользят по "наклону действительности", и каждое из них "выплескивается" за его пределы, установленные для него его партнером: означающее ищет себе иные функции, наряду со своей собственной, а означаемое стремится быть выраженным не только собственным знаком, но еще и другими средствами» (S. Karcevskij. Du dualisme asymétrique di signe linguistique) [цит. по: Арутюнова 1968, с. 92].

частей речи. В течение долгого времени живым напоминанием о древнешведской трехродовой системе именного склонения служит факультативный вариант слабой формы прилагательного с морфемой *-e*, которая до слияния мужского и женского рода в общий и образования единой для слабого склонения и множественного числа формы с морфемой *-a* была грамматическим показателем мужского рода в единственном числе.

1.1. Диалектно-региональная вариативность

В современном шведском языке употребление слабых прилагательных с алломорфом *-e* в речи сохраняется как региональная особенность на территории распространения ётских диалектов в юго-западной части Швеции: *den gamle mannen* ‘старый человек’, *hennes otrevlige kusin* ‘ее неприятный кузин’ / ‘неприятная кузина’ [SAG 1999, 2, с. 228; Språkriktighetsboken 2005, с. 89–90]; (перевод и курсив здесь и далее авт. – Е. Ч.). Напротив, это нехарактерно для областей распространения свейских диалектов в центральной части и на востоке страны, а также для северного региона и для финляндского варианта шведского языка: *den gamla mannen*. Поэтому, например, жители Гётеборга, второго по величине города Швеции, расположенного на западном побережье, говоря о маленьком мальчике, чаще употребляют вариант *den lille pojken*, тогда как жители Стокгольма скорее скажут о нем *den lilla pojken*.

Вместе с тем в ётской диалектной зоне¹ редуцированный алломорф *-e* [э] вместо *-a* встречается в разговорной речи при употреблении слабых прилагательных с существительными не только общего, но и среднего рода, например, *det store huset* ‘большой дом’ [SAG 1999, 2, с. 229]. Это возможно также у первых двух порядковых числительных при обозначении ими дат в устойчивых словосочетаниях со свободностоящим определенным артиклем общего рода: *den förste* / *andre november* ‘первое / второе ноября’ [SAG 1999, 2, с. 230]. В некоторых шведских диалектах реликты трехродовой системы сохраняются при употреблении слабого прилагательного с существительными общего рода:

¹ В областях Сёдерманланд, Эстерьётланд, Дальсланд, в западной части области Вэрmland, на севере области Бухуслэн и в северо-восточной части области Смоланд, а также на острове Готланд.

- -e с существительными бывшего мужского рода: *den gamle båten / hästen / vägen* ‘старая лодка / лошадь / дорога’;
- -a с существительными бывшего женского рода: *den gamla boken / kon* ‘старая книга / корова’ [Språkriktighetsboken 2005, с. 89; SAG 1999, 2, с. 230].

1.2. Лексико-стилистическая вариативность

В общелитературной норме шведского языка, сложившейся преимущественно на основе свейских диалектов [Wessén 1951, с. 109–110; Вессен 1949, с. 100–110; Стеблин-Каменский 1953, с. 67], вариативность, обусловленная диалектной дифференциацией, не была нивелирована, а получила стилистическую окраску. Она стала приметой употребления слабой формы прилагательного с морфемой -e в высоком стиле / с морфемой -a в сниженном стиле. В книге «Riktig svenska»¹ (букв. «Правильный шведский») Э. Велландер приводит примеры таких атрибутивных словосочетаний с существительными, обозначающими лиц мужского пола: *den gode konungen* ‘добрый конунг’ / *den snälla kungen* ‘милый король’; *den store mannen* ‘великий муж’ / *den tjocka herrn* ‘толстый господин’ [Wellander 1948, с. 196].

В отдельных случаях при стилистической дифференциации морфологический показатель слабой формы является также средством разграничения различных лексико-семантических вариантов прилагательного. Так, Э. Велландер пишет о том, что в словосочетании *gamle rektorn* ‘старый ректор’ речь идет скорее о человеке преклонного возраста, в то время как словосочетание *gamla rektorn* относится к прежнему ректору, который вполне может быть и не старым [Wellander 1948, с. 196]. На ту же особенность обращала внимание С.С. Маслова-Лашанская: «В отдельных случаях разница окончаний используется для выражения лексических различий между прилагательными; ср. *den store mannen* ‘большой [= великий] человек’ и *den stora karlen* ‘большой [= крупный] мужчина’» [Маслова-Лашанская 1953, с. 147]. В современном шведском языке эта особенность сохраняется, за исключением юго-западного региона, в котором показатель слабой формы -e преобладает, независимо от стилистической

¹ Эта книга впервые вышла в 1939 г. и долго была наиболее авторитетным пособием по шведской грамматике и стилистике. Она трижды переиздавалась; последнее 4-е издание вышло в 1973 г.

принадлежности прилагательного: *familjens store son* ‘великий сын (этой) семьи’ / *familjens stora bråkstake* ‘большой озорник в (этой) семье’; *vår gamle far* ‘наш старый отец’ / *deras lilla pojke* ‘их маленький мальчик’ (мальш, мальчуган) [SAG 1999, 2, с. 228].

1.3. Выражение семантического рода морфологическими средствами согласовательной категории грамматического рода

Процессы семантизации родовой дифференциации, проявляющиеся в выражении семантического рода согласовательными показателями грамматического рода, наблюдались еще в древнешведской трехродовой системе. В современном шведском языке устойчивость слабой формы прилагательного в единственном числе мужского рода с морфемой *-e* поддерживается облигаторным употреблением в устойчивых словосочетаниях:

а) с постоянными эпитетами после имен собственных исторических личностей [SAG 1999, 2, с. 228]: *Erik den helige* ‘Эрик Святой’, *Karl den store* ‘Карл Великий’, *Ivan den förskräcklige* ‘Иван Грозный’ – *Katarina den stora* ‘Екатерина Великая’, *Maria den blodiga* ‘Мария Кровавая’ [Språkriktighetsboken 2005, с. 92];

б) с порядковыми числительными в традиционных названиях некоторых должностей, которые были прежде исключительно мужскими и до слияния грамматического мужского и женского рода в общий обозначались существительными мужского рода [SAG 1999, 2, с. 229]: *förste* / *andre ambassadsekreterare* ‘первый / второй секретарь посольства’; *förste amanuens, bibliotekarie* ‘старший ассистент, библиотекарь’; *förste gästdirigent, konsertmästare, intendent, kammarskrivare* ‘главный приглашенный дирижер, концертмейстер, хранитель, бухгалтер’; *andre styrman* ‘помощник штурмана’ и другие [Språkriktighetsboken 2005, с. 95].

Таким образом, морфемы *-e* / *-a* приобрели устойчивый системный статус показателей семантического рода одушевленных существительных со значением лица, близкий к словообразовательному. В современном шведском языке эти обозначения регулярно используются поэтому и применительно к женщинам, например: *1970 blev hon förste intendent för avdelningen* [Språkriktighetsboken 2005, с. 93]. ‘В 1970 г. она стала главным хранителем отдела’. При употреблении тех же

порядковых числительных в свободных словосочетаниях с существительными, обозначающими лиц женского пола, они имеют показатель *-a*: *Hon var den första bibliotekarie som anställdes vid det nya huvudbiblioteket* [Språkriktighetsboken 2005, s. 93]. ‘Она была первым библиотекарем, принятым на работу в новую центральную библиотеку’.

Вместе с тем морфемы *-e* / *-a* получили полноправный статус словообразовательных показателей при субстантивации прилагательных и согласуемых адъективированных причастий 2: *den sjuke / dömde / misstänkte* **больной / осужденный / подозреваемый**’ – как о лице мужского пола, так и о любом человеке; *den sjuka / dömda / misstänkta* ‘**больная / осужденная / подозреваемая**’ – только о женщинах [Språkriktighetsboken 2005, с. 95; SAG 1999, 2, с. 228].

Таким образом, наряду с обозначением семантического мужского рода, показатель *-e* получил новый смысловой признак одушевленности лица без указания на семантический род, в противоположность *-a*, который используется как показатель семантического женского рода.

2. Расширение функционально-семантического потенциала вариативности слабых прилагательных

Изменение системного статуса показателей слабой формы прилагательного не только не нейтрализовало изначальную вариативность в их употреблении, но существенно расширило ее границы и распространилось на такие сферы функционирования, в которых раньше это было невозможно. Утвердившись в качестве облигаторного на определенных участках морфологии имени, показатель *-e* приобрел в узусе новые реализации, свидетельствующие о расшатывании нормы сразу в нескольких направлениях.

2.1. Вариативное употребление слабого прилагательного с показателем *-e* при существительных общего / среднего рода, обозначающих лиц мужского и женского пола

Показатель *-e* стал факультативно употребляться в слабой форме прилагательных (и даже порядковых числительных, как в последнем примере ниже) в свободных словосочетаниях при обозначении лиц женского пола существительными, изначально принадлежавшими к грамматическому мужскому роду, например, *biskop* ‘епископ’, *minister* ‘министр’, *lärare* ‘учитель’, *skådespelare* ‘актер’: *den kände svenske*

psykologen Madeleine Katz [SAG 1999, 2, с. 229] ‘известный шведский психолог Мадлен Катц’; *den nyanställda språkvårdaren Catharina Grünbaum* ‘недавно назначенный эксперт по вопросам языка и правильности речи Катарина Грюнбаум’ [Westman 2001, s. 89]; *Sveriges nye biskop i Stockholm Caroline Krook* ‘шведский новый епископ в Стокгольме Каролина Крук’; *kommunens förste kvinnlige ordförande i socialnämnden* ‘первая в муниципальном округе женщина – председатель комиссии по социальным вопросам’ [Språkriktighetsboken 2005, с. 92].

Вариативный показатель *-e* возможен при соотнесенности с лицами женского пола у прилагательных, обозначающих их общественный статус; напротив, при обозначении личных качеств женщины прилагательное обычно содержит морфему *-a*; ср., например: *den nye finske / nya finska utrikesministern Anna Lindblom* ‘новый финский министр иностранных дел Анна Линдблум’ // *den trevliga ministern Anna Lindblom* ‘приятная министр Анна Линдблум’; *den politiske / politiska fången Violeta Jimenez* ‘политический заключенный / политическая заключенная Виолета Хименес’ // *den svårt sjuka fången Violeta Jimenez* ‘тяжело больная заключенная Виолета Хименес’ [SAG 1999, 2, с. 229].

Прилагательное с показателем *-e* (а в отдельных случаях и согласуемое причастие 2, как в примере ниже) встречается даже при употреблении с существительными, которые обозначают только лиц женского пола: *Hillary Clinton, USA:s på en gång populära och omstridde första dam* ‘Хиллари Клинтон, одновременно популярная и критикуемая первая леди США’ [Språkriktighetsboken 2005, с. 92]. Можно предположить, что причиной такого необычного употребления является прагматически обусловленная установка говорящего – отграничить устойчивое сочетание *första dam*, маркирующее общественный статус женщины, от других употреблений. Определенную роль, возможно, играет при этом эмфатическое выделение препозитивных определений.

Показатель *-e* при обозначении лица мужского пола иногда встречается даже с одушевленными существительными, исторически принадлежавшими грамматическому женскому роду [Westman 2001, с. 89]; см. об этом также в [SAG 1999, 2, с. 228–229]:

а) с существительным *människa* ‘человек’, которое до сих пор в соответствии с общелитературной нормой замещается при прономинализации только местоимением *hon* ‘она’: *Det måste spridas mer kunskap till den enskilde människan för att göra hennes mer aktiv.*

‘Необходимо распространять больше информации (букв. ‘знаний’) отдельному человеку, чтобы сделать его более активным’;

б) с существительным *kollega* ‘коллега’ (от латинского существительного мужского рода *collega*), которое по аналогии со шведскими словами с основой на *-a* воспринимается как существительное бывшего женского рода [Westman 2001, с. 89; SAG 1999, 2, с. 229]; ср.: *den idealiska kollegan* ‘идеальный / идеальная коллега’ – *min lärde kollega* ‘мой ученый / моя ученая коллега’;

в) *person* ‘личность, лицо, персона’ (от латинского существительного женского рода *persona*): *den mest flegmatiske person* ‘наиболее флегматичная личность’.

Это характерно для употребления со словами, имеющими более общее значение; напротив, в словосочетаниях с существительным *sjuksköterska* ‘медсестра’ такая особенность не наблюдается, вероятно, потому, что в его семантике акцентируется отнесенность к референту, имеющему индивидуально-конкретный образ; см. об этом подробнее [Чекалина 2017, с. 55].

Слабая форма прилагательного с морфемой *-e* встречается даже в словосочетаниях с одушевленными существительными среднего рода при обозначении ими лиц мужского пола: *det ansvarige statsrådet Hans Karlsson* ‘ответственный министр Ханс Карлссон’ [Språkriktighetsboken 2005, с. 91]; *det 20-årige vittnet* ‘двадцатилетний свидетель’ [Westman 2001, с. 93].

Наряду с этим показатель слабой формы прилагательного *-e* проявляет тенденцию к употреблению с неодушевленными существительными в переносном значении при их соотнесенности с лицами мужского пола, причем даже в тех случаях, когда в морфологической структуре существительного с исходом основы на *-a* содержится информация о его былой принадлежности к грамматическому женскому роду: *svenske trumpetstjärnan Håkan Hardenberger* ‘шведский трубач звезда Хокан Харденбергер’ [Språkriktighetsboken 2005, с. 91]; *den ryske ishockeystjärnan* ‘русская звезда хоккея на льду’ [Westman 2001, с. 89]. Как показывают данные исследования, проведенного Маргаретой Вестман, встречаются даже случаи употребления вариативных показателей слабого прилагательного в словосочетаниях с одушевленными существительными как бывшего мужского, так и женского рода, независимо от региональной принадлежности говорящего

[Westman 2001, с. 89]: *den unge svenska trumpetaren Håkan Hardenberger* ‘молодой шведский трубач Хокан Харденбергер’; *första sovjetiske partiledare* ‘первый советский партийный лидер’; *den siste kända person* ‘последняя известная личность’.

Возможно, морфологическая вариативность является в таких случаях средством разграничения неоднородных определений – качественного и относительного прилагательных в первом, порядкового числительного и относительного прилагательного во втором, местоимения и адъективированного причастия 2 в третьем примере. Следует отметить, что в первом случае показатель *-a* употреблен в устойчивом словосочетании с относительным прилагательным, а качественное прилагательное на *-e* является его препозитивным определением. Во втором и в третьем случаях показатель позиционно ближайшего к существительному прилагательного соответствует его исконному грамматическому роду.

2.2. Разграничение лексико-семантических вариантов некоторых существительных с суффиксом *-are* по линии одушевленности / неодушевленности

Новые семантические функции показателя слабой формы прилагательного *-e* послужили толчком для дальнейшего изменения его смысловой нагрузки. В современном шведском языке корреляция окончаний *-a/-e* используется для разграничения лексико-семантических вариантов некоторых существительных с суффиксом *-are* по линии одушевленности / неодушевленности: *den uppmärksamme läsaren* ‘внимательный читатель’ / *den optiska läsaren* ‘оптический сканер’; *den nye mottagaren* ‘новый приемщик’ / *den nya mottagaren* ‘новый (радио)приемник’; *den nye skrivaren* ‘новый переписчик’ / *den nya skrivaren* ‘новый принтер’ [Hellberg 1984, с. 45; SAG 1999, 2, с. 229]. Таким образом, морфема *-e* превратилась в маркер одушевленности нейтральных в отношении семантического рода существительных, которые в трехродовой системе принадлежали к грамматическому мужскому роду.

Заключение

Новые семантические и прагматические коннотации, которые проявляются в функционировании слабых прилагательных с показателями

-a / -e, свидетельствует о наблюдающейся в динамике синхронии тенденции к широкой вариативности, уже не ограниченной региональными и / или стилистическими факторами, о которых писал в первой половине прошлого века Эрик Велландер¹. Из региональных и / или стилистических вариантов эти формы превратились в морфологические корреляты с новыми семантическими признаками:

- -e маркирует: 1) **семантический мужской и общий род** существительных со значением лица и 2) **одушевленность**;
- -a маркирует: 1) **семантический женский род** существительных со значением лица и 2) **неодушевленность**.

Необходимым условием вхождения факультативного морфологического варианта слабой формы прилагательного в систему и норму шведского языка является его семантизация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д. О значимых единицах языка // Исследования по общей теории грамматики. М. : Наука, 1968. С. 58–116.
- Арутюнова Н. Д. О минимальной единице грамматической системы // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М. : Наука, 1969. С. 27–45.
- Вариативность в германских языках. *Функциональные аспекты* / отв. ред. д-р филол. наук Н. Н. Семенюк. М. : Институт языкознания РАН, 1996. 198 с.
- Вессен Э. Скандинавские языки / пер. со второго шведского издания и примеч. С. С. Масловой-Лашанской ; под ред. и с предисл. проф. С. Д. Кацнельсона. М. : Изд-во иностранной литературы, 1949. 167 с.
- Курилович Е. Лингвистика и теория знака / пер. с фр. И. А. Мельчука // Курилович Е. Очерки по лингвистике : сборник статей / под общ. ред. В. А. Звегинцева. М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 9–20.
- Маслова-Лашанская С. С. Шведский язык. Ч. 1. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1953. 319 с.
- Рассторгуева Т. А. О синхронном варьировании и эволюции языка // Вариативность в германских языках. *Функциональные аспекты* / отв. ред. д-р филол. наук Н. Н. Семенюк. М. : Институт языкознания РАН, 1996. С. 16–23.

¹ «Ändelsen -e gör i dylika fall ett högtidligt, ålderdomligt eller dialektalt intryck» [Wellander 1948, с. 196]. 'Окончание -e придает в подобных случаях оттенок высокого стиля, устаревшего или диалектного слова'.

- Семантическое и формальное варьирование / отв. ред. В. Н. Ярцева. М. : Наука, 1979. 376 с.
- Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31–42.
- Стеблин-Каменский М. И. История скандинавских языков. М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 340 с.
- Степанов Г. В. Об особенностях языковой вариативности // Теория языка. Англистика. Кельтология / отв. ред. академик М. П. Алексеев. М. : Наука, 1976. С. 125–133.
- Чекалина Е. М. Семантический потенциал категории рода в современном шведском языке // Чекалина Е. М. Семантические аспекты шведской грамматики: системно-функциональный и сопоставительно-типологический анализ. М. : МАКС Пресс, 2017. С. 38–57.
- Hellberg S. Sanningen om svenskan. 75 artiklar om vårt språk. Göteborg : Studieförlaget i Göteborg, 1984. 174 s.
- Språkriktighetsboken // Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 93. Stockholm : Norstedts Akademiska Förlag, 2005. 413 s.
- Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik (SAG). Band 2. Ord. Stockholm : Norstedts Akademiska Förlag, 1999. 768 s.
- Wellander E. Riktig svenska. En handledning i svenska språkets vård. Tredje, översedda upplagan. Stockholm : Svenska Bokförlaget, 1948. 813 s.
- Wessén E. Svensk språkhistoria. I. Ljudlära och formlära. Tredje upplagan. Stockholm : Filologiska föreningen vid Stockholms högskola, 1951. 181 s.
- Westman M. Språkets myller. // Skrifter utgivna av Svenska språknämnden, 84. Falun : Norstedts Ordbok, 2001. 207 s.

УДК 81'38:42

К. И. Шпетный

кандидат филологических наук, доцент;
доцент кафедры стилистики английского языка
факультета английского языка МГЛУ; e-mail: kon5804@yandex.ru

ОБ ОСНОВАНИЯХ КОГНИТИВНОЙ СТИЛИСТИКИ

В статье описывается основной круг понятий и явлений, находящихся в сфере сравнительно нового направления в современной науке о языке – когнитивной стилистики, которая является отдельной областью языковедческой науки. Задачей когнитивной лингвистики является изучение различных структур знания и описание существующих между ними и языком взаимосвязи на основе постижения самого языка. Рассматриваются основные понятия когнитологии – *концепт, концептосфера, когниция, знание*. Концепты внутреннего мира представляются в языке обычно в виде метафор. В основе концептуальной метафоры лежат когнитивные модели. Традиционная стилистика и когнитивная стилистика онтологически взаимосвязаны, и когнитивная стилистика отражает развитие лингвистики традиционной на современном этапе. Определяются актуальные задачи, предмет и содержание науки когнитивной стилистики. Понятия текста и дискурса соотносятся с категорией информативности речи. В соответствии с теорией проф. И. Р. Гальперина определяются виды информации в дискурсе – содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная, содержательно-подтекстовая. Создание единой и целостной концепции стилистического приема как особой структуры когниции и репрезентации знания представляется сегодня одной из центральных задач когнитивной стилистики. Концептуальная метафора рассматривается в качестве ментальной структуры или операции и как способ познания и концептуализации окружающего мира. Приводятся примеры концептуальной метафоры в различных стилях речи. Являясь одним из базовых разделов когнитивной лингвистики, когнитивная стилистика в настоящее время находится в стадии становления. Ее основной задачей является комплексное и целостное описание речевых средств передачи ментальных сущностей – процессов и состояний, которые связаны с переработкой поступающей основной концептуальной и дополнительной информации в конкретном типе текста / дискурса.

Ключевые слова: когнитология; когнитивная стилистика; концепт; дискурс; виды информации; стили речи; стилистический прием; концептуальная метафора.

C. I. Shpetny

PhD, associate professor, Associate professor,
Chair of stylistics of the English language, Department of the English language,
Moscow State Linguistic University; e-mail: kon5804@yandex.ru

ON THE BASICS OF COGNITIVE STYLISTICS

The basic notions and phenomena residing in the domain of a rather novel development in the current linguistic research referred to as cognitive stylistics are

treated in the light of cognitive science. Cognitive stylistics is viewed *nove et nova* as a current stage in the advance of linguostylistics. The chief task of cognitive stylistics is the study of varied structures of knowledge and the description of interrelations that emanate between them and the language on the basis of perception of language as such. Surveyed are the base notions of the cognitive science – concept, conceptsphere, cognition, knowledge. Concepts of the inner world are presented in the language in the mould of the metaphor. Cognitive models are at the core of the conceptual metaphor. Traditional stylistics and cognitive stylistics are ontologically interrelated, and cognitive stylistics is a further novel step of linguostylistic research. Topical tasks, the subject and the content of the science of cognitive stylistics are put to defining. The notions of text and discourse are logically linked to the category of speech informativeness. In agreement with the theories of prof. I. R. Galperin types of text / discourse information are provided to define – content-factual, content-conceptual, content-subtextual. The build-up of a unified and wholesome concept of the stylistic device as a genuine structural unit of cognition and knowledge representation currently appears to be one of the core tasks of cognitive stylistics. The conceptual metaphor is considered as a mental structure or an operation or as a means of cognition and conceptualization of the world around. Examples of the conceptual metaphor in various styles of speech are offered. As a basic domain of cognitive linguistics its adherent part cognitive stylistics is at the moment in the build-up process, its target being overall study of verbal means to convey mental essences, that is processes and forms related to the treatment of the incoming conceptual and additional information in a specific type of text / discourse.

Key words: cognitology; cognitive stylistics; concept; discourse; types of information; styles of speech; stylistic device; conceptual metaphor.

Целью и задачей настоящей статьи является описание основного круга понятий и явлений, которые находятся в сфере сравнительно нового направления в современной науке о языке – когнитивной стилистики.

Когнитивная наука занимает сегодня прочное место в ряду крупных научных потоков исследований. Она начинает свое развитие в США примерно с 60-х гг. XX в.

Основания когнитивной науки были заложены исследованиями английского ученого в сфере информатики и теории искусственного интеллекта А. М. Тьюринга (Alan Mathison Turing, 1912–1954) [Новая философская энциклопедия 2010]. Она занимается изучением человеческого разума и мышления и теми ментальными процессами и состояниями, которые с ними связаны, обработкой и переработкой поступающей информации.

Место лингвистики в ряду когнитивных наук отражает известная схема Е. С. Кубряковой [Алефиренко 2005, с. 180].

Книга Е. С. Кубряковой «Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира» является фундаментальным трудом в области когнитивной науки для всего лингвистического научного сообщества в России и за ее пределами [Кубрякова 2005, с. 4].

Когницию можно рассматривать как развивающую умение ориентироваться в мире, а эта деятельность сопряжена с необходимостью отождествлять различные объекты. Вследствие этого возникают концепты, смысл существования которых связан с обеспечением данных операций.

Концепты – это ментальные сущности. В каждом концепте отражаются важные для человека знания об окружающем мире. Концепт – центральное понятие современной когнитивной лингвистики.

Концепт отличается от понятия. Под понятием подразумевается «мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 17]. Концепт включает также образно-эмпирические и чувственно-волевые характеристики [Карасик 2002, с. 13].

В общей сложности выделяют следующие типы концептов: конкретно-чувственный образ, схема (F. Ch. Bartlett, W. Chafe), понятие, представление «мысленная картинка», сцена (Ch. J. Fillmore), прототип (E. Rosch, A. Wierzbicka), пропозициональная структура (пропозиция), фрейм (M. L. Minsky, Ch. J. Fillmore), сценарий (скрипт) (А. Н. Баранов, Д.О. Добровольский, R. Abelson, R. Schank, L. Birnbaum, J. Mey), гештальт (G. Lakoff & M. Johnson), модели ситуаций (Teun A. Van Dijk), кластерные модели (М. Солсо) [Болдырев 2000, с. 5; Серегина 2016, с. 20].

Описание концепта может происходить через определенный набор эксплицитных и имплицитных признаков. Совокупность таких признаков формирует структуру концепта [Пименова 2004, с. 19, 82].

Концепты внутреннего мира обычно представляются в языках в виде метафор, поскольку человеческий разум обладает способностью к образности: «Каждая из ... метафор – это только мелкая деталь, малозаметное стеклышко в огромной мозаике, но подобные образы – это реализация действительно существующих в общественном сознании моделей <...>. Важно подчеркнуть, что метафорическое

зеркало не реальное положение дел ... а его восприятие в национальном сознании» [Скребнев 1975, с. 211].

В основе концептуальных метафор лежат когнитивные модели [Шитиков 2017, с. 58]. Концептуальные метафоры и соответствующие когнитивные модели, используемые, например, для описания внутреннего мира человека, можно представить в виде универсальной типовой структуры концептов [Новая философская энциклопедия 2010, с. 83].

Сегодня можно говорить о видах знания в когнитивной грамматике, когнитивной семантике, когнитивной прагматике, когнитивной стилистике.

Когнитивная стилистика является отдельной и самостоятельной областью языковедческой науки.

В 1973 г. И. Р. Гальперин предложил следующую обобщенную характеристику предмета стилистики: «Лингвистическую стилистику можно определить как науку о природе особых маркированных элементов, сочетаний особых языковых единиц, способных сообщить дополнительную информацию к основному содержанию высказывания (текста) и об отношении одних средств выражения к другим в данном типе текста» [Гальперин 1973, с. 19].

Представляется, что *per se* лингвистическая стилистика в диахронии и синхронии неизменно оставалась наукой когнитивно-центрической, мыслимой в категориях когниции: «Задачей стилистики в какой-то мере является изучение лингвистическими методами всего процесса коммуникации» [Винокур 2015, с. 15].

Зарождение и формирование базовой концепции когнитивной стилистики можно определенно связать с выходом в свет в 1980 г. книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон 2008].

Традиционная стилистика и когнитивная стилистика тесно взаимосвязаны. Кажется вполне справедливым утверждение, что «когнитивная стилистика – это одна из стадий развития всей стилистики. Она дополняет достижения традиционной стилистики и является свидетельством того, что изучение языка не должно ограничиваться рамками самой лингвистики, а может проводиться в расширенном ракурсе с привлечением данных других смежных наук» [Джусупов 2011, с. 65].

Хотя термин *когнитивная стилистика* на данный момент еще не получил общепризнанного статуса, в отличие от понятия *когнитивной семантики* (например, в «Кратком словаре когнитивных терминов» [Краткий словарь когнитивных терминов 1997] определение *когнитивной стилистики* отсутствует), количество исследований по проблематике когнитивной стилистики свидетельствует о том, что вопрос о полноправном признании данного направления в когнитивной науке представляется вопросом недалекого будущего.

Остается не до конца проясненным вопрос о самом названии данного направления когнитивных исследований. Так, в работах зарубежных исследователей наряду с термином *cognitive stylistics* (S. Attardo, P. Burke, J. Culpeper, E. Semino) нередко используется термин *cognitive poetics* (J. Gavins & G. Steen, W. Croft, R. Langacker, P. Stockwell, R. Tsur, M. Turner) [Semino, Culpeper 2002].

Поскольку когнитивная стилистика изучает не только художественные дискурсы, а охватывает весь функциональный спектр выделяемых стилей речи, то правомерным было бы использование именно понятия и термина *когнитивная стилистика*.

Как отмечает Т. Г. Винокур, «стилистический узус данного языка данной эпохи непосредственно обращен к экстралингвистическим факторам, и мы изучаем его с той меры опоры на эти факторы, какой требует не только социальная природа языка как средства общения, но и сам процесс общения – речевая деятельность» [Винокур 2015, с. 310].

По мнению Ю. М. Скребнева, в конечном счете любое лингвистическое описание ... должно являться описанием стилистическим» [Скребнев 1975, с. 171–172].

Представляется, что ***предметом и содержанием науки когнитивной стилистики являются:***

- 1) различные языковые способы передачи смысловой концептуальной информации в тексте / дискурсе – содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и содержательно-подтекстовой [Гальперин 1981];
- 2) речевые средства образности, используемые при формировании дополнительной смысловой информации в тексте / дискурсе;
- 3) формы актуализации различных средств экспрессивности в различных типах текстов / дискурсов в зависимости от сфер употребления в конкретной вербализованной действительности.

Текст (*lat. textus* – «ткань; сплетение, связь, сочетание») – это зафиксированная в / на каком-либо материальном носителе человеческая мысль. В общем плане текст представляет собой связную и когерентную последовательность символов (например, поэтическое произведение, музыкальная партитура, живописное полотно). Определение текста, предложенное И. Р. Гальпериным, по-прежнему остается актуальным и сегодня [Гальперин 1981, с. 18].

Понятие *содержание высказывания* связано с категорией информативности речи и присуще только тексту. Оно сообщает читателю / слушателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, их значимости и придает ему смысловую концептуальную цельность [Гальперин 2005; Шитиков 2017].

Содержательно-концептуальная информация, наряду с содержательно-фактуальной информацией и содержательно-подтекстовой информацией, представляют собой онтологическую основу формирования концептосферы текста, или обычно – в терминах когнитивной стилистики – дискурса. Текст / дискурс является результатом процесса концептообразования на эксплицитной и имплицитной основе.

Особым сообщением в речевой деятельности является дискурс, представляющий особую форму использования языка (*фр. discours* – речь, выступление, от *лат. discursus* – рассуждение, довод). «Дискурс создает текст, который ... оказывается регистрацией коммуникативного акта, осуществленного в устной или письменной форме» [Brown, Yule 1988, с. 1–2]. Совокупность характеристик дискурса позволяет считать его, как полагает Т. Ван Дейк, коммуникативным событием [Van Dijk 1998].

Уточнение понятия и термина дискурса остается задачей дальнейших исследований в лингвистической науке.

Дискурс обладает рядом дистинктивных параметров.

- 1) Дискурс в широком смысле (как комплексное коммуникативное событие).
- 2) Дискурс в узком смысле (как текст или разговор).

В области когнитивной стилистики понятия и термины *текст* и *дискурс* взаимодополняют и взаимозаменяют друг друга и используются в зависимости от прагматической установки в конкретном коммуникативном событии.

Внимательное рассмотрение работ в области стилистики показывает, что «наибольший интерес среди исследователей когнитивной стилистики вызывают вопросы, связанные с выбором и организацией информации (языковой и внеязыковой) в тексте, с когнитивной трактовкой стилистических приемов и текстовых категорий, с изучением когнитивных процессов восприятия, понимания и интерпретации текста [Андреева 2012], с внедрением лингвокогнитивных методов и приемов исследования в процессе стилистического анализа.

Таким образом, например, анализ художественного текста / дискурса предполагает исследование таких факторов, как выявление и определение стилистических приемов и выразительных средств, которые задействованы в процессе актуализации соответствующего концепта (концептов), определение их когнитивных характеристик, их роль в реализации различных стилистических категорий, таких как окрашенность, оценочность, образность, эмотивность, интертекстуальность, эксплицитность и имплицитность, полимодальность и иных.

Когнитивно-стилистический анализ не ограничивается исследованием особенностей художественного текста / дискурса, он распространяется на весь спектр различных стилей и типов (жанров) текстов / дискурсов.

Изучение стилистических приемов и выразительных средств речи в разных стилях в когнитивной парадигме стало одним из основных направлений в развитии когнитивной стилистики, что объективно свидетельствует об актуальности вопроса интегрированного исследования стилистических ресурсов языка и отдельных средств образности [Голубина 1998].

Сегодня на повестке дня стоит вопрос о создании единой и целостной концепции стилистического приема как особой структуры когниции и репрезентации знаний.

Ключевым стилистическим приемом речи является метафора. Основоположником учения о метафоре считают Аристотеля. Ему принадлежит и термин «метафора», и ее первое определение: «Переносное слово (*metaphora*) – это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [Аристотель 1984, с. 669].

Большое многообразие в понимании метафоры отражено сегодня в многочисленных лингвистических трудах [Арутюнова, Журиная 1990; Чудинов 2004; Лакофф, Джонсон 2008].

С позиций когнитивной стилистики метафора рассматривается как основная ментальная структура или операция, как способ познания и концептуализации окружающего мира. Новый взгляд на метафору привел к разработке категории когнитивной, или концептуальной метафоры.

Основной тезис теории когнитивной метафоры сводится к следующему: в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки знаний – фреймов (особыми унифицированными конструкциями знания или связанными схематизациями опыта) и сценариев (обобщенный опыт взаимодействия человека с миром). Основной характеристикой фрейма является «энциклопедичность», т. е. совокупность в своей структуре различных знаний о референте, называемом именем концепта, но, в отличие от ассоциаций, эти «единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию», которая ассоциирована с тем или иным концептом [Van Dijk 1983, с. 16].

Наиболее последовательно концептуальная теория метафоры представлена у американских исследователей Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 2008]. По их мнению, «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [там же, с. 25].

Концептуальная метафора описывается как пересечение знаний об одной концептуальной области в другой концептуальной области. При таком взгляде данное понимание метафоры вполне вписывается в концепцию греческого ученого Аристотеля: «Суть метафоры – это понимание и переживание сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [там же, с. 27].

Примеры метафор, приводимые Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, убедительно показывают, как и почему метафоры пронизывают всю обычную понятийную систему человека, сколь большую роль метафора играет в функционировании человека, в способах концептуализации и в речевой деятельности. В качестве примера авторы приводят высказывание *Argument is war. = Спор – это война* [там же, с. 26].

Основные характеристики современного когнитивного понимания метафоры можно свести к следующим положениям.

1. *Метафора* трактуется как основная ментальная операция, как способ познания и категоризации мира. Она выступает как

определенный способ мышления, когда используются более простые и понятные образы для категоризации явлений более сложного порядка.

Примером многократного использования концептуальной метафоры на пространстве всего текста / дискурса – практически в каждой строке произведения – является Сонет 66 У. Шекспира, где простые и понятные образы земного бытия раскрывают поистине космический масштаб страданий человека в этом мире:

Tired with all these, for restful death I cry:
As to behold desert a beggar born,
And needy nothing trimmed in jollity,
And purest faith unhappily forsworn,
And gilded honour shamefully misplaced
< ... >

2. Понятие и термин *метафора* рассматривается как своего рода гештальт, т. е. модель, элементы которой взаимосвязаны между собой различного рода отношениями.

В качестве примера приведем отрывок из текста публицистической статьи известного лингвиста и общественного деятеля США Ноама Хомского, опубликованной в информационном агентстве RT:

**Chomsky to RT: ‘US is racing toward the precipice,
while the world is trying to save itself’**

Published time: 2 Jul, 2017 00:04

Edited time: 2 Jul, 2017 15:17

© / RT

The minimum wage should be \$20 an hour, “neoliberalism is tyranny” and the Republican Party is “dedicated to destroying human life,” renowned academic and activist Noam Chomsky told RT in an extended interview.

“*We are headed toward a cliff and the worst cliff we are headed toward is due to market systems,*” the linguist and philosopher said to the “**On Contact**” host Chris Hedges during a sit-down talk at MIT, where Chomsky, 88, continues to serve as Emeritus Professor.

Hedges, himself a professor, and Chomsky traced back the history of applied neoliberalism from its late 1970s origins on both, the left and the right, to the era of Donald Trump.

“*The neoliberal shift moved decisions from the public arena to the market,*” said Chomsky, whose book on the topic, “*Requiem for the American Dream,*”

came out earlier this year. “*The ideology claims it’s increasing freedom, it’s in fact increasing tyranny.*”

Putting the interest of capital – and specifically transnational corporations and financial institutions – above that of the people, has created a “*democratic reduction*” and a “*stagnation or decline of wages, for the majority,*” said Chomsky, who advocates better wage distribution, and has called himself a socialist.

3. *Метафора* обозначается и выделяется по ряду формальных особенностей.

Так, по признаку сопоставительности в традиционной стилистике выделяется стилистический прием сравнения, для которого характерно сопровождение такими формальными показателями, как *англ.* like или *as / рус.* будто, как, словно, похоже. В когнитивной стилистике обе эти рассматриваемые разновидности сопоставительной образности будут пониматься шире и обе будут относиться непосредственно к явлению метафоры.

Примером может послужить отрывок из текста эпической поэмы *Paradise Lost* английского поэта XVII в. Джона Мильтона с использованием так называемого сравнения Гомера (*англ.* Homeric simile), для которого характерны пространные и почти всегда складывающиеся в закономерную картину сравнения с гештальт-моделью:

As when a prowling Wolf,
Whom hunger drives to seek new haunt for prey,
Watching where Shepherds pen thir Flocks at eve
In hurdl’d Cotes amid the field secure,
Leaps o’er the fence with ease into the Fold:

...

So clomb this first grand Thief into God’s Fold.

В качестве метафоры можно при таком подходе рассматривать метонимию, гиперболу, некоторые перефразы, а также фразеологизмы и некоторые иные явления речевой образности.

Вот пример с метонимией:

Все флаги в гости будут к нам (*А. С. Пушкин*).

Приведем также пример на использование в концептуальной парадигме фразеологического выражения *brain drain* из британской газеты *The Guardian* – в заголовке и в тексте статьи:

**Fear of Brexit brain drain
as EU nationals leave British universities**

Failure to guarantee rights of staff and students
will damage ability to recruit, say academics

Michael Savage Policy Editor
Saturday 3 June 2017 20.54 BST The Guardian

More than 1,300 academics from the European Union have left British universities in the past year, prompting concerns of a Brexit brain drain <...>.

По мнению американского эксперта в области когнитивных исследований и философии языка Джилберта Хармена (Gilbert Harman, 1938), когнитивная наука – это научное исследование языка и научное исследование когниции [*Harman* 1988].

Когнитивная стилистика ставит своей задачей комплексное и целостное описание речевых средств передачи ментальных сущностей – процессов и состояний, которые связаны с переработкой поступающей основной концептуальной и дополнительной информации в данном типе текста / дискурса [Шпетный, Гурьева 2015; Шпетный 2017].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алефиренко Н. Ф.* Современные проблемы науки о языке : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2005. 416 с.
- Андреева С. А.* Понимание и интерпретация, смысл и значение: дифференциация понятий // Вестник МГЛУ. 2012. Вып. 17 (650). С. 21–35.
- Аристотель.* Поэтика / пер. М. Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М., 1984. 830 с.
- Арутюнова Н. Д., Журинская М. А.* (ред.). Теория метафоры. Сборник. М. : Прогресс, 1990. 512 с.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Курс лекций по английской филологии. Тамбов : Издательство ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000. 236 с.
- Винокур Т. Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М. : Флинта ; Наука, 2015. 314 с.
- Гальперин И. Р.* О понятиях *стиль* и *стилистика* // Вопросы языкознания. М., 1973. № 3. С. 14–25.
- Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука 1981. 139 с.

- Гальперин И. Р.* Информативность единиц языка // Избранные труды. М. : Высшая школа, 2005. С. 7–194.
- Голубина К. В.* Когнитивные основания эпитета в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
- Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
- Джусупов Н. М.* Когнитивная стилистика: современное состояние и актуальные вопросы исследования // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3 (028). С. 65–76.
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
- Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 245 с.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Российская академия наук. Институт языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. 2-е изд. М. : Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. 683 с.
- Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. Институт философии РАН. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль. 2010. Т. 1. 744 с. ; Т. 2. 634 с. ; Т. 3. 692 с. ; Т. 4. 736 с.
- Пименова М. В.* Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1 (001). С. 82–90.
- Серегина М. А.* Паремия как форма представления знаний народа в языке: когнитивно-структурный аспект // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1. С. 19–25.
- Скребнев Ю. М.* Очерк теории стилистики : учебное пособие для студ. и аспирантов филологических специальностей / Министерство просвещения РСФСР, Горьковский гос. пед. ин-т иностранных языков им. Н. А. Добролюбова. Горький, 1975. 174 с.
- Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). 2-е изд. Екатеринбург : Издательство УГПУ, 2001. 238 с.
- Чудинов А. П.* Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 91–105.

- Шитиков П. М.* Опыт комплексного анализа концептуальной метафоры: от оригинала к переводу // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3. С. 58.
- Шнетный К. И., Гурьева Л. К.* Средства выразительности в ораторских дискурсах *Comandante* Фиделя Кастро Рус. Светлой памяти *Comandante* Фиделя Кастро Рус посвящается // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 27 (738). Профессиональные дискурсы в современном коммуникативном пространстве. С. 216–249. (Языкознание и литературоведение).
- Шнетный К. И.* Концептосфера поэтического дискурса в сонетах У. Шекспира. *Conceptosphere of the Verse Discourse in the Sonnets of William Shakespeare* // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике : сб. науч. тр. : в 2 т. Т. 1. М. : МГИМО-Университет, 2017. С. 137–144.
- Brown G., Yule G.* *Discourse Analysis*. Cambridge University Press, 1988. 298 p.
- Dijk T. A. van.* Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice // *Text – Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. Vol. 3, Issue 4. Amsterdam : Mouton Publishers, 1983. P. 375–404.
- Dijk T. A. van.* *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London : Sage, 1998. 365 p.
- Harman G.* Cognitive science? // *The Making of the Cognitive Science: Essays in honor of George A. Miller*. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. P. 258–268.
- Semino E., Culperer J.* Foreword // *Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis* / E. Semino and J. Culperer (eds.). Amsterdam : John Benjamin, 2002. P. IX–XVI.

УДК 811

Л. А. Юшкова

доктор филологических наук, доцент;
доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
Института языка и литературы Удмуртского государственного
университета, г. Ижевск; e-mail: jushkova1@yandex.ru

АСПЕКТЫ ПРОДУКТИВНОСТИ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ РАЗГОВОРНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлены результаты анализа количественной и качественной продуктивности моделей образования немецких разговорных глагольных лексем с приглагольными предложными и наречными частями. В работе обобщаются и анализируются системные ограничения, влияющие на степень продуктивности и условия реализации словообразовательных моделей, выявленные в результате структурно-семантического анализа разговорных глагольных единиц современного немецкого языка. Особое внимание в статье уделяется анализу правил внутренней валентности, влияющих на сочетаемость компонентов исследуемых лексем, и выявлению фактов нарушения этих правил в процессе образования немецких разговорных глагольных единиц.

Ключевые слова: глагольное словообразование; немецкий язык; разговорная лексика; глагольные единицы; продуктивность; словообразовательная активность; словообразовательная модель.

L. A. Yushkova

Doctor of Philological Sciences, associate professor,
Department of Linguistic and Intercultural Communication,
Institute of Language and Literature, Udmurt State University, Izhevsk;
e-mail: jushkova1@yandex.ru

ASPECTS OF PRODUCTIVITY OF THE COLLOQUIAL VERBAL UNITS FORMATION MODELS IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

The article presents the results of the analysis of the quantitative and qualitative aspects of productivity of the formation models of the verbal units with the preverbal prepositional and adverbial particles which were revealed by the structural-semantic analysis of the colloquial verbal lexemes in the modern German language. The article summarizes and analyses systems limitations which influence the word-formation models realization and their productivity. In the article special attention is paid to the analysis of the rules of the inner valency (phonetic, morphological, semantic) influence on the combinatory of the components of the models under analysis and

the revelation of the factors which break these rules in the process of the German colloquial verbal units formation.

Key words: verbal word-formation; German, colloquial lexis; verbal units; productivity; word-formative activity; word-formative model.

Введение

Цель данной статьи заключается в описании словообразовательных моделей, продуктивных в разговорной глагольной лексике современного немецкого языка, с точки зрения их количественного и качественного потенциала. В качестве объекта исследования выбрана разговорная лексика, которая характеризуется особой чувствительностью ко всем лингвистическим факторам, приводящим к более или менее значительным изменениям на морфемном и лексическом уровнях.

В центре внимания находятся актуальные динамические процессы, происходящие в одной из основных областей немецкого словообразования – в области формирования глагольной лексики. Термином «глагольные единицы» в работе обозначаются лексемы, которые структурно представляют собой сочетания мотивирующей основы и отделяемого приглагольного компонента-частицы («Partikelverben» [Eichinger 2000; Fleischer 2012]). Структурно-семантический анализ проводился на материале выборки, в которую вошли 1080 немецких разговорных глагольных единиц, образованных с участием приглагольных компонентов предложного (*ab-*, *an-*, *aus-* и др.) и наречного (*daran-*, *herum-*, *hin-*, *los-* и др.) типа и отобранных из «Универсального толкового словаря современного немецкого языка» серии Duden [Duden], из «Электронного словаря современного немецкого языка» (DWDS-Wörterbuch) Берлинско-Бранденбургской академии наук [Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache], словарей разговорной лексики немецкого языка Х. Кюппера [Küpper 1997] и В. Д. Девкина [Девкин 2002], а также электронного корпуса текстов немецких публицистических изданий Берлинско-Бранденбургской академии наук (DWDS) [Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache].

В основе содержания используемого в статье термина «разговорный язык», лежит представление об особой внутриязыковой системе, которая охватывает существенные языковые явления и особенности

(морфологические, лексические, фонетические, синтаксические и словообразовательные) и составляет основу разговорной речи. Речь идет не о полностью самостоятельном, отдельном от общелитературного строя, языке, но о системности специфических языковых средств разговорности. Так, в частности, словообразование разговорных лексем базируется на общеязыковых моделях с использованием, главным образом, общеязыковых словообразовательных морфем. При этом проведенное нами исследование доказывает, что для обеспечения основной функции разговорного языка – установление неформальных, непринужденных отношений между участниками общения – регулярно и взаимосвязано используются специфические языковые средства, что позволяет говорить о разговорном языке как об образовании с признаками системности.

Системный характер словообразования разговорного языка обеспечивается следующими моментами:

- 1) наличие собственно разговорных средств (словообразовательных морфем);
- 2) особый характер взаимодействия разговорных элементов друг с другом, а также с общелитературными элементами в процессе построения речевого высказывания;
- 3) общая функциональная обусловленность использования элементов, а также закономерностей их взаимодействия.

Количественный аспект продуктивности немецких разговорных глагольных единиц

Приступая к анализу продуктивных моделей образования немецких разговорных глагольных единиц, следует исходить из того, что продуктивность словообразовательных моделей – сложное явление, которое должно рассматриваться и оцениваться с точки зрения как количественного потенциала модели, так и ее способности участвовать в образовании новых лексем в определенное время с учетом существующих системных ограничений (качественный аспект) [Ваауен 1992, с. 1; Fleischer 2012, с. 75; Scherer 2005, с. 33].

Степень продуктивности в количественном отношении была оценена методом количественного подсчета образованных по данной модели единиц. В результате было условно выявлено три группы моделей образования немецких разговорных глагольных единиц:

1. *Малопродуктивные модели.* Модель оценивалась как малопродуктивная, если в выборке было зафиксировано не более 10 единиц, образованных по данной модели. Низкой продуктивностью обладают модели глагольных единиц с периферийными значениями. Это, например, сатуративная модель образования глагольных единиц с частицей *zu-* (1 единица) (*zukiffen* – «быть в состоянии полного наркотического опьянения, „обкуриться“»), деструктивная модель с частицей *ein-* (1 единица) (*einschmeißen* – «разбить, расколотить»), а также модели с компонентами *ab-*, *aus-*, *auf-*, имеющие реверсивное значение (по 3 единицы соответственно) (*abtelefonieren* – «выразить отказ или отменить что-то по телефону», *ausknipsen* – «выключить электрический прибор, нажав на выключатель», *aufkorken* – «откупоривать»). Невысокую продуктивность обнаруживают также многие модели с наречными частицами *beieinander-*, *da-*, *dabei-*, *daher-*, *daran-*, *dazu-*, *draus-*, *darum-*, *fort-*, *herbei-*, *hervor-*, *hinterher-*, *hinweg-*, *hinzu-*, *voran-*, *vorüber-*, *vorwärts-*, *zusammen-*.

2. *Среднепродуктивные модели* (от 10 до 25 единиц). Количественный анализ показал, что большинство выявленных моделей демонстрирует среднюю количественную продуктивность. Среди среднепродуктивных моделей по количественному потенциалу выделяются модели с результативной и локативной семантикой. Например, близко к верхней границе «среднего» деления предложенной шкалы количественной продуктивности находятся результативные модели с компонентом *aus-* (23 единицы) (*ausheulen* – «прекратить плакать, выплакаться») и компонентом *durch-* (22 единицы) (*durchfilzen* – 1. «основательно осмотреть», 2. «тщательно обыскать»), а также пространственные модели с компонентами *ab-* и *vor-* (21 единица и 19 единиц соответственно) (*abglitschen* – «сползти вниз», *vorrennen* – 1. «бежать вперед», 2. «выбежать заранее»).

3. *Высокопродуктивные модели* (свыше 25 единиц). Высокую количественную продуктивность имеют модели с пространственным значением: «*an-* + основа глагола» (86 единиц) (*anhetzen* – «прибежать в большой спешке, задыхаясь, без сил», *ankarren* – «подвозить груз»), «*durch* + основа глагола» (33 единицы) (*durchflutschen* – (с.-нем., разг.) «ускользнуть, проскользнуть через что-либо», *durchfretten* – (ю.-нем., разг.) «пробиваться, пробивать себе дорогу»). Однако, согласно выборке, самыми высокопродуктивными в словообразовании

немецкой разговорной лексики являются модели с наречными компонентами *herum-* и *rum-*, как с темпоральным, так и с аугментативным значением (78 единиц) (*herumgeistern* – «бродить бесцельно», *herumlümmeln* – «бездельничать» и т. д.).

Несмотря на субъективность деления лексем на три группы по степени продуктивности, учет количественного критерия, несомненно, важен, так как он позволяет составить общее представление о продуктивности словообразовательных моделей в определенный временной период (Ср.: «эмпирическая продуктивность» у М. Докулила [цит. по: Земская 2009, с. 218]).

Качественный аспект продуктивности немецких разговорных глагольных единиц

Качественный аспект продуктивности модели подразумевает анализ ее функционирования с учетом системных ограничивающих факторов, как лингвистических, так и экстралингвистических (Ср.: «системная продуктивность» у М. Докулила [цит. по: Земская 2009, с. 218]).

Правила, ограничивающие словообразовательную продуктивность, рассматриваются в ряде работ немецких и отечественных лингвистов [Земская 2009, с. 207; Степанова 1984, с. 170; Erben 2000, с. 37–49; Eschenlohr 1999, с. 5, 34; Naumann 2000, с. 31–34 и другие].

К регулярно действующим лингвистическим факторам большинство ученых относят следующие закономерности в заполнении словообразовательных моделей (правила «внутренней валентности» [Степанова 1968, с. 175; Степанова, Фляйшер 1984, с. 170]):

- Ограничения фонетико-фонологического характера. Этот аспект представлен фонетически обусловленными закономерностями в сочетании словообразовательных элементов.
- Морфологические ограничения, связанные с принадлежностью компонентов модели к определенным частям речи.
- Семантические ограничения, которые подразумевают, что в рамках модели сочетаются компоненты, не имеющие в своей семантике несовместимых сем.
- Лексические ограничения, которые в немецкой литературе обозначаются термином *Blocking* или *Blockierung* («блокирование») [Fleischer 2012, с. 79; Motsch 2004, с. 331; Rainer 1993, с. 114]. Речь идет о том, что использование словообразовательной

модели блокируется, если в лексиконе уже имеются синонимичные или омонимичные лексемы. Необходимо подчеркнуть, что блокируется в основном образование лексем по синонимичным, но неприоритетным моделям, связанное с отсутствием необходимости в каком-либо наименовании [Erben 2000, с. 37–49]. Образование синонимичных лексем по более функциональным моделям, получившим предпочтение в современном языке, не только не запрещается, но и приветствуется. Так, модель конверсии немецких глаголов от адъективных основ утратила свои позиции в пользу семантически более развитых префиксальных моделей [Eschenlohr 1999, с. 85].

- Стилистические ограничения, под которыми понимаются факторы, затрудняющие сочетание стилистически несогласованных компонентов модели [Земская 2009, с. 207].
- Синтаксические ограничения, например сочетаемость некоторых аффиксов, обусловленная такими синтаксическими характеристиками основ, как переходность / непереходность мотивирующего глагола.
- Словообразовательные ограничения, которые выделяет Е. А. Земская, заключаются в том, что система языка накладывает запрет на использование некоторых производных основ в качестве производящих [там же].
- Этимологические (генетические) ограничения, которые диктуют избирательность в отношении происхождения компонентов модели.

Функциональные (прагматические) закономерности, влияющие на потенциал и характер функционирования моделей, имеют экстралингвистическую природу. К ним относятся стилистические, социальные, возрастные, территориальные факторы, а также потребность в обозначении новых понятий [Степанова 1984, с. 177–179; Motsch 2004, с. 21–22]. В. Мотч также подчеркивает важность психолингвистических факторов, которые запускают процесс образования слов по аналогии, способствуя, таким образом, усилению продуктивности соответствующих словообразовательных моделей [Motsch 2004, с. 23–25].

При оценке качественного аспекта продуктивности моделей, по которым образуются немецкие разговорные глагольные единицы, нами были проанализированы ограничения, накладываемые языковой

системой на сочетаемость компонентов модели и факты их нарушений. Прделанный анализ позволил прийти к следующим выводам:

1. При реализации моделей образования разговорных глагольных единиц фонологические и синтаксические правила внутрисловно-й сочетаемости практически не нарушаются.

2. Случаи нарушения этимологической валентности, как показала выборка, относительно редки в данной области немецкой разговорной лексики (было выявлено 12 примеров). С одной стороны, это соответствует нормам общелитературного словообразования. С другой стороны, это обстоятельство вызывает удивление, так как нарушение этимологической сочетаемости (особенно, если оно сопровождается соединением компонентов с разной понятийной соотнесенностью, либо структурной или семантической перестройкой мотивирующей основы) вполне соответствует актуальной в разговорной лексике тенденции к экспрессивности, эмоциональной яркости высказывания. Среди отмеченных примеров – глагольная единица *andissen* – «оскорблять, дискредитировать кого-либо». Мотивирующий глагол *dissen* является усечением от английской лексемы *disrespect* и был изначально заимствован в значении «направление в хип-хопе, для которого характерны тексты с оскорблениями, выпадами в адрес других рэперов».

3. Нарушения лексико-семантической сочетаемости компонентов выражаются в создании внутрисловного контраста (внутрисловный оксюморон) или внутрисловно-й семантической избыточности (внутрисловный плеоназм) [Юшкова 2016, с. 181–182]. К конструкциям с семантически несовместимыми составляющими можно отнести синонимичные разговорные глагольные единицы *heraustrommeln* – «колотить в двери, пока не откроют» (от *trommeln* – «барабанить») или *herausklamüsern* – 1. «разузнать, выведать что-либо», 2. «выбрать (из множества), выискать» (от *klamüsern* – (с.-нем.) «размышлять о чем-либо, изучать что-либо») и другие подобные лексемы, в составе которых приглагольный компонент *heraus-* используется в значении «перемещение объекта изнутри наружу», а мотивирующий глагол не обозначает действие, при помощи которого можно что-либо извлекать. Яркие примеры представляют собой лексемы, образованные путем сочетания приглагольной частицы с основой имени собственн-го: *herummerkeln* / *rummerkeln* – (от *(Angela) Merkel*) «вести себя, как Ангела Меркель: говорить много ни о чем существенном» и др.

4. Нарушение стилистической согласованности компонентов разговорной глагольной единицы можно усмотреть тогда, когда в качестве мотивирующего глагола выступает лексема, принадлежащая к иному функциональному стилю или какому-либо социолекту: *unterbügeln* – «подавлять, ущемлять кого-либо» (от *bügeln* – (спорт. жарг.) «победить, разгромить кого-либо»). Для наречных глагольных единиц характерны случаи сочетания нейтральных основ с разговорно-окрашенными превербальными компонентами, за счет чего разговорную окраску получает также производная единица: *drumrumreden* – «ходить вокруг да около, говорить намеками» (от *reden* – «говорить, разговаривать»).

5. Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что для разговорной лексики характерно образование новых глагольных единиц, синонимичных не только мотивирующим глаголам, но и друг другу. Обычно такие единицы обозначают абстрактное действие и содержат выраженные интенсивирующие семы. Синонимические ряды обнаружены, например, среди разговорных глагольных лексем с компонентом *ein-*: *einduseln*, *eindösen*, *einnicken*, *einpennen* – «заснуть, задремать»; *einbimsen*, *einpauken*, *eindrillen* – «учить, зазубривать». Можно сделать вывод, что продуктивность определенной модели образования глагольных единиц способствует появлению синонимичных лексем, несмотря на заполненность соответствующих семантических ниш. Потребность в синонимических обозначениях возникает в разговорной лексике в связи с желанием говорящих разнообразить вокабуляр, реализовать при помощи языковых средств свой творческий потенциал. В некоторых случаях синонимия объясняется соотнесенностью лексем, обозначающих одно понятие, с разными регионами, а также, вероятно, разными возрастными и социальными группами. Нередко синонимы имеют разную стилистическую окраску.

6. В словообразовании немецкой глагольной лексики продуктивной является особая модель, в реализации которой можно усмотреть нарушение морфологической валентности. В рамках этой модели в качестве производящих основ используются основы существительных и прилагательных, что, в целом, противоречит сложившимся в немецком словообразовании закономерностям. В связи с этим данная модель довольно редко встречается в общелитературном словообразовании и реализуется в большей степени в области субстандарта (например, *einnetzen* – (спорт. жарг.) «забить гол» от *das Netz* – «сеть»).

Существует две точки зрения на природу подобных нетипичных случаев. Во-первых, можно предположить, что превербальные элементы способны транспонировать мотивирующую основу в иную частеречную категорию [Eschenlohr 1999, с. 106; Erben 2000, с. 30]. Большинство авторов, однако, признают, что превербальные компоненты в немецком языке не обладают способностью определять принадлежность лексемы к определенной части речи [Fleischer 2012, с. 26]. Исходя из этого, появление глагольных единиц, мотивированных именными основами, можно объяснить тем, что при их образовании добавление приглагольной частицы сопровождается «виртуальным», совершающимся только в сознании носителей языка преобразованием основы по типу конверсии [Lohde 2006, с. 48–51; Улуханов 1996, с. 59; Черепанова 2002, с. 6; Степанова 2007, с. 325]. Внутренняя, семантическая и концептуальная сложность данной модели, нередко усиленная метафоризацией мотивирующей основы, при внешней простоте структурного типа способствует созданию эмоционально выразительных, семантически емких и при этом лаконичных единиц: *abspecken* – *фам.* 1. «похудеть», 2. «сократить расходы» (от *der Speck* – «сало»), *einklamottieren, sich* – «создавать одежду, наряжаться, одеваться» (от *die Klamotte* – *фам. разг.* «одежда, «шмотки»») и т. д.

Выводы

Рассмотренные языковые факты свидетельствуют о высокой продуктивности общей модели образования глагольных единиц в немецкой разговорной лексике. Это подтверждается как количественным подсчетом единиц, образованных по частным вариантам данной модели, так и анализом ограничений, накладываемых на ее реализацию.

Количественная продуктивность структурно-семантических вариантов модели образования немецких разговорных глагольных единиц с предложными и наречными частицами была оценена путем количественного подсчета. Исследование позволило выявить наиболее продуктивные в количественном отношении модели: модели с наречными частицами *herum-* / *rum-*, с предложными частицами *an-* и *durch-*.

Анализ качественного аспекта продуктивности показал, что влияние правил, ограничивающих реализацию модели в общелитературной лексике, значительно ослабляется в сфере разговорного

словообразования. Чаще всего нарушаются правила семантической сочетаемости, в результате чего нарушается внешняя логика соединения компонентов готовой единицы. Нередко она может быть восстановлена только путем декодирования метафорического образа, формирующегося в процессе словообразования. Нарушение правил стилистической, морфологической и этимологической сочетаемости также не становится значимым препятствием для образования разговорных глагольных единиц.

В заключение следует сказать, что общая продуктивность модели образования разговорных глагольных единиц в немецкой лексике объясняется, с одной стороны, языковой традицией, обеспечивающей структурную простоту и ясность модели, интерпретируемость инвариантного словообразовательного значения. С другой стороны, повышению продуктивности способствует традиционно высокая частота воспроизведения глагольных единиц в речи, что делает соответствующую модель узнаваемой и востребованной. В-третьих, эта модель обладает высокой функциональностью. Она характеризуется внешней компактностью и при этом обладает возможностью пополнять состав глагольных номинаций, относящихся к различным объемным понятийным областям (движение, коммуникация, эмоциональное состояние и др.). Важно учитывать, что формирование разговорной лексики немецкого языка происходит под влиянием актуальных общеязыковых тенденций. Важную роль среди них играет языковая экономия, а также тенденция к обобщению, абстрагированию и идиоматизации. Несомненно, ведущей тенденцией в словообразовании разговорной глагольной лексики немецкого языка с использованием приглагольных частиц остается стремление к эмоциональной выразительности в сочетании с краткостью, точностью и образностью наименования действия или процесса. Глагольные единицы в полной мере, как структурно, так и семантически, удовлетворяют указанным лингвистическим потребностям, что также способствует увеличению их частотности и продуктивности моделей их образования в современной немецкой разговорной лексике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Девкин В. Д. Deutsch-Russisches Wörterbuch der umgangssprachlichen und saloppen Lexik. URL : umgangssprachlichen.academic.ru.

- Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование : учебное пособие. 6-е изд. М. : Флинта ; Наука, 2009. 328 с.
- Степанова М. Д.* Словообразование современного немецкого языка / под ред. Т. В. Строевой. Изд-е 2-е, испр. М. : КомКнига, 2007. 376 с.
- Степанова М. Д.* Теоретические основы словообразования в немецком языке / М. Д. Степанова, В. Фляйшер. М. : Высшая школа, 1984. 284 с.
- Степанова М. Д.* Методы синхронного анализа лексики. М. : Высшая школа, 1968. 196 с.
- Улуханов И. С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996. 224 с.
- Черепанова Н. Г.* Комбинированное словообразование современного немецкого языка и его роль в образовании разговорной лексики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 18 с.
- Юшкова Л. А.* Тенденции в словообразовании разговорной глагольной лексики современного немецкого языка: образование глагольных единиц с частицами предложного характера : монография. Ижевск : Издательский дом «Удмуртский университет», 2016. С. 212–229.
- Bayen H.* On frequency, transparency, and productivity // Yearbook of morphology 1992 / G. E. Booij und J. van Marle (Hrsg.). Dordrecht : Kluwer Academic Publishers, 1993. S. 181–208.
- Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS): Zeit-Corpus. Projekt der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften (=Цифровой словарь немецкого языка: Корпус статей журнала Die Zeit. Проект Берлинско-Бранденбургской Академии наук). URL : dwds.de/ (дата обращения: 10.10.2017).
- Duden Universalwörterbuch. URL : www.duden.de/ (дата обращения: 10.10.2017).
- Eichinger L. M.* Deutsche Wortbildung: eine Einführung. Tübingen : Günther Narr Verlag, 2000. 269 S.
- Erben J.* Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. 4, aktualisierte und ergänzte Auflage. Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2000. 191 S.
- Eschenlohr S.* Vom Nomen zum Verb: Konversion, Präfigierung und Rückbildung im Deutschen. Hildesheim : Georg Olsen Verlag, 1999. 261 S.
- Fleischer W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. Tübingen : Niemeyer Verlag, 1992. 382 S.
- Fleischer W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. 4., völlig neu verarbeitete Auflage / W. Fleischer, I. Barz. Tübingen : Walter de Gruyter, 2012. 485 S.
- Küpper H.* PONS. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Klett, Stuttgart, 1997. 438 S.
- Lohde M.* Wortbildung des modernen Deutschen. Ein Lehr- und Übungsbuch. Tübingen : Narr Francke Attempto Verlag GmbH, 2006. 345 S.

- Motsch W.* Deutsche Wortbildung in Grundzügen. Berlin, New York : Walter de Gruyter, 2004. 458 с.
- Naumann B.* Einführung in die Wortbildungslehre des Deutschen. Tübingen : Niemeyer, 2000 (germanistische Arbeitshefte 4). 90 S.
- Rainer F.* Spanische Wortbildungslehre. Tübingen : Niemeyer, 1993. S. 90–131.
- Scherer C.* Wortbildungswandel und Produktivität. Eine empirische Studie zur nominalen -er-Derivation im Deutschen. Tübingen : Niemeyer, 2005. 216 S.

УДК 821.112.2 19/20

Л. А. Аверкина

кандидат филологических наук, доцент;
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
и перевода переводческого факультета Нижегородского
государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова;
e-mail: larissa.averkina@mail.ru

КОНЦЕПТ «НОВЫХ РАССКАЗЧИКОВ» В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ (на примере творчества Д. Кельмана)

Поколение «новых рассказчиков» выступает за новаторство в современной литературе, неотъемлемой частью которой является развлекательный аспект и определенная легкость. Яркий представитель «новых рассказчиков» («Neu-Erzähler») Д. Кельман в своих последних произведениях «Измеряя мир» («Die Vermessung der Welt», 2005), «Слава» («Ruhm», 2009); «Ф» («F», 2013) нарочито уходит от приемов немецкоязычной классической литературы, играет с литературными традициями прошлого, создает мифологизированные картины мироздания, главной проблемой в которых является вопрос об осознании позиции современного человека в мире и реакция на социальные и культурные потрясения в стране.

В сатирико-юмористическом романе «Die Vermessung der Welt», в основе которого лежит история жизни двух выдающихся немецких ученых, математика Карла Фридриха Гаусса (1777–1855) и естествоиспытателя Александра фон Гумбольдта (1769–1859), Д. Кельману удалось точно передать неосязаемое, лежащее за гранью разума. Уже в этом произведении, по словам самого Д. Кельмана, на него повлиял так называемый традиционный латиноамериканский способ повествования.

В романе «Ruhm» («Слава», 2009) Д. Кельман привлекает читателя, используя популярную тему зависимости человека от технологий, коммуникаций и возможностей виртуального мира. В этом произведении его герои попадают в различные необычные ситуации. Как и во многих других произведениях последних лет, в романе присутствует тема «странного случая в жизни человека», событие, которое ничем не обусловлено.

Роман Д. Кельмана «F» (2013) умело синтезирует увлекательное повествование с серьезными вопросами, трансформируя немецкую литературу из интеллектуальной, «тяжелой» в литературу, обращенную к широкому культурному контексту. Роман «F» написан в соответствии с канонами «магического реализма», где сверхъестественные элементы включены в реальную картину мира. На примере

судьбы трех братьев автор затрагивает несколько проблем: церковь, экономика и искусство – три кита, три сферы современного общества, каждая из которых находится в глубоком кризисе. Магический реализм, который за счет использования фольклорных и мифологических образов, обращения к историческому прошлому воспринимается как средство выражения национальной самоидентификации, ставшей важнейшим общеевропейским вопросом в контексте глобализации. Этот художественный метод позволяет охарактеризовать пережившее трансформацию европейское общество, которое из национально-гомогенного становится мультикультурным.

Ключевые слова: поколение «новых рассказчиков»; художественный метод магического реализма; фольклорно-мифологическое мировосприятие; средство выражения национальной самоидентификации; мультикультурное общество.

L. A. Averkina

PhD (Philology), Associate Professor;
Department of Translation at Nizhny Novgorod State Linguistic University;
e-mail: larissa.averkina@mail.ru

THE CONCEPT OF NEW TELLERS IN MODERN GERMAN PROSE (the work of D. Kehlman)

The generation of “new tellers” promotes innovation in modern literature, the integral part of which is entertainment and ease. D. Kelman, an outstanding representative of “new tellers”, gives up the ways of classical German literature and toys with the literary traditions of the past in his novels such as “Die Vermessung der Welt”, 2005; “Ruhm”, 2009; “F”, 2013. There he creates mythologized pictures of the universe, tries to solve the question of a modern man’s place in the world and the reaction to social and cultural convulsions in the country.

In D. Kelman’s novel “Die Vermessung der Welt” there is a story about two German scientists, a mathematician Karl Friedrich Gauss (1777–1855) and a natural scientist Alexander von Humboldt (1769–1859). The author manages to compose something intangible which is beyond reason. In this novel D. Kelman was influenced by traditional Latin-American way of narrating.

In another novel “Ruhm” (2009) D. Kelman attracts his readers by using a popular topic of a man’s addiction to technologies, communication and virtual world. In the book the characters got into different unusual situations. There is an issue of “a strange case” in a person’s life; this idea is used in other recent novels as well.

D. Kelman’s novel “F” (2013) artfully combines an exciting narration with topical issues, changing German literature from intellectual and hard into literature for a wide cultural context. The novel “F” is written in the tradition of “magical realism” in which the supernatural are part of real life. The author uses the fate of the three brothers Martin, Eric и Iwan Friedland to tackle on several problems: church, economy and art, which are the corner stones of modern society and each of which is in a deep crisis. Magical realism, which employs folklore and mythic images and historical past, is

perceived as self-identity. The latter has become a burning issue of globalization in Europe. This literary method helps characterized transformed European society, which changes from nationally homogeneous into multicultural one.

Key words: The generation of “new teller”; magical realism; folklore-mythic worldview; a means to express self-identity; multicultural society.

Поколение «новых рассказчиков» выступает за новаторство в литературе, неотъемлемой частью которой является развлекательный аспект и определенная легкость. Яркий представитель «новых рассказчиков» в современной немецкоязычной литературе Д. Кельман в своих последних произведениях – «Измеряя мир» («Die Vermessung der Welt», 2005), «Слава» («Ruhm», 2009); «Ф» («F», 2013) – играет с литературными традициями прошлого, создает мифологизированные картины мироздания; главной проблемой его произведений является вопрос об осознании позиции современного человека в мире и реакция на социальные и культурные потрясения в стране.

Даниэль Кельман (Daniel Kehlmann) родился в 1975 г. в Мюнхене в семье телевизионного режиссера Михаэля Кельмана и немецкой актрисы Дагмар Меттлер. Его дед, Эдуард Кельман, был австрийским писателем-экспрессионистом. В 1981 г. родители Д. Кельмана вернулись в Вену, где Даниэль окончил школу, в Венском университете изучал философию и литературу и защитил диссертацию по проблеме возвышенного по И. Канту (Kants Begriff des Erhabenen).

Свой первый роман «Магия Берхольма» («Beerholms Vorstellung», 1997), который стал настоящим успехом молодого писателя (22 года), Д. Кельман опубликовал, будучи студентом. Дебютный роман начинающего писателя повествует о молодом теологе Артуре Берхольме, который бросает учебу, чтобы стать учеником известного мага. В этом произведении в творчестве писателя впервые появляется тема «магического». Согласно отзыву авторитетного издания Frankfurter Allgemeine Zeitung, Д. Кельман обладает «ясным языком и острой наблюдательностью» («eine klare Sprache und pointierte Beobachtungsgabe»), а газета Abendzeitung назвала его творчество «случаем раннего мастерства» («Fall von früher Meisterschaft») [Zebrastreifen 2004, с. 170]. Последующие произведения Д. Кельмана в полной мере соответствовали большим ожиданиям поклонников его таланта. Сборник рассказов «Под солнцем» («Unter der Sonne», 1998), а также романы «Время Малера» («Mahlers Zeit», 1999),

«Последний предел» («Der fernste Ort», 2001), «Я и Каминский» («Ich und Kaminski», 2003), и романы, упомянутые выше, упрочили его славу в высшей степени талантливом писателе с богатой фантазией и точными формулировками.

Литературный успех Д. Кельмана отмечен многочисленными наградами. Он является лауреатом многих премий: премии «Кандид» (2005); премии Клейста, Хаймито Додерера, премии общества Конрада Аденауэра (2006); газеты Die Welt (2007); премии Томаса Манна (2008) и других наград. Произведения Д. Кельмана всё чаще становятся объектом исследования как зарубежных, так и российских литературоведов, филологов, лингвистов.

Российской аудитории имя Д. Кельмана хорошо известно. В 2003 и 2004 гг. прошли перекрестные годы культуры России и Германии. В июле 2004 г. в рамках года культуры Германии в России писатель предположил, что секрет его успеха у российского читателя заключается в том, что он сам любит российскую литературу: «Россия – это родина тех писателей, которые оказали огромное влияние на становление моей личности. Может быть, поэтому меня русские и читают, потому что они любят те же книги, что и я... это потрясающее чувство – осознавать, что твои произведения ценят те, кто вырос на книгах Достоевского, Толстого» (перевод автора. – Л. А.). О роли В. Набокова в его становлении как писателя Д. Кельман пишет: «И если бы не Владимир Набоков, то я вообще бы никогда не взялся за перо, без него я просто не мог бы владеть словом так, как я это умею делать сейчас» [год-культуры-германии-в-россии 2004].

Д. Кельман наиболее известен как автор сатирико-юмористического романа «Die Vermessung der Welt», мгновенно ставшего бестселлером. Подчеркивая популярность, успех и интерес публики к творчеству писателя и его произведению «Die Vermessung der Welt», следует отметить, что роман переведен на 46 языков мира (на русский в 2009 г.), а в 2012 г. был экранизирован режиссером Детлефом Буком.

В основе романа – история жизни двух выдающихся немецких ученых: математика Карла Фридриха Гаусса (1777–1855) и естествоиспытателя Александра фон Гумбольдта (1769–1859). На первый взгляд это совершенно разные, непохожие друг на друга люди: нелюдимый интроверт Гаусс, вряд ли когда-то покидавший пределы

княжества Ганновер, и положительный «авантюрист» (выражаясь современным языком) А. фон Гумбольдт, путешествующий по всему земному шару и готовый покорить любую вершину мира. Но Д. Кельману удалось показать, что у них есть много общего. Это люди, опередившие свое время, стремившиеся измерить всё в этом несовершенном противоречивом мире. Писатель передает не только биографические факты, но и мысли, чувства этих людей, приступы паники и торжества. Во многом благодаря способности Д. Кельмана точно передавать неосознанное, лежащее за гранью разума, критики и публика с восторгом приняли этот роман. Интерес к данному роману вызывает и авторский стиль Д. Кельмана. Произведение изобилует диалогами, при этом все диалоги переданы косвенной речью, что необходимо по двум причинам. Во-первых, косвенная речь позволяет автору иронично обрисовать ситуацию, а, во-вторых, она разводит во времени действующих лиц и самого автора, т. е. у читателя не возникает ощущения, что автор является очевидцем происходящих событий.

Уже в этом произведении, по словам самого Д. Кельмана, на него повлиял так называемый традиционный латиноамериканский способ повествования, который писатель называет «разбрасывание историй». Очевидно, что в романе «Die Vermessung der Welt» это «разбрасывание» не случайно, оно подчинено общей цели повествования. Д. Кельман использует эти краткие ироничные зарисовки для виртуозно тонкой характеристики своих персонажей. В этом произведении читатель впервые встречается с влиянием латиноамериканской литературы на творчество Д. Кельмана.

Творческий энтузиазм писателя находится в постоянном поиске нового. В произведениях последних лет писатель экспериментирует, умело синтезирует увлекательное повествование с серьезными вопросами, трансформируя немецкую литературу из интеллектуальной, «тяжелой» в литературу, обращенную к широкому культурному контексту. В одном из интервью Д. Кельман сам причисляет себя к поколению «новых рассказчиков» (Neu-Erzähler), пишет о том, что современная литература с ее легкостью и игровой формой повествования ослепляет, завораживает его и уводит от традиционных форм повествования: «Für mich blendet die deutsche Gegenwartsliteratur viel von jenem Spielerischen und jener Leichtigkeit aus, die für mich unbedingt

zur literarischen Moderne gehören. Sie reduziert auf die Alternative traditionelles Erzählen auf der einen Seite und spätdadaistisches Sprachspiel auf der anderen» [faz.net].

Ю. К. Казакова в диссертационном исследовании «Творчество Даниэля Кельмана в контексте немецкоязычной литературы конца XX – начала XXI в.» отмечает, что как представитель «новых рассказчиков», он умело создает ситуацию искусственной интертекстуальности на уровне сюжета и внутритекстовых реалий. Он также стремится удовлетворить интерес читателя к непознанному, магическому и нарочито уходит от канонов немецкоязычной классической литературы в сторону развлечения публики [Казакова 2015, с. 60].

Тот факт, что в произведениях Д. Кельмана особую популярность приобретает формула «доходчивого» повествования, А. В. Плахина объясняет тем, что писательство всё в большей степени осмысливается как профессиональное умение привлечь и развлечь читателя в условиях развития аудиовизуальных средств массовой информации, которые вытесняют литературу из жизни человека [Плахина 2007, с. 37]. В романе «Ruhm» («Слава», 2009), например, Д. Кельман привлекает читателя, используя популярную тему зависимости человека от технологий, коммуникаций и возможностей виртуального мира. В этом произведении его герои попадают в различные необычные ситуации. Один персонаж получает новый номер телефона, которым пользуется другой человек, что странным образом запутывает ситуации реальности; еще одна героиня этого романа едет в деловую поездку в Азию и пропадает там. В этом романе, как и во многих других произведениях последних лет, присутствует тема «странного случая в жизни человека»; его интересует роль «странного случая», события, которое ничем не обусловлено.

В 2013 г. Д. Кельман выпустил роман «F», вызвавший не меньший интерес у критиков и читателей, чем «Die Vermessung der Welt». «F» – это семейный эпос, повествующий о судьбе нескольких поколений семьи Фридланд, который, как отмечают критики и сам автор, написан в соответствии с канонами «магического реализма», где сверхъестественные элементы включены в реальную картину мира. Таким образом, в анализе творчества Д. Кельмана появляется термин «магический реализм».

Магический реализм – это художественный метод, в котором магические элементы включены в реалистическую картину мира.

Впервые этот термин использовал немецкий искусствовед и критик Франц Роо (1890–1965) в книге «Постэкспрессионизм. Магический реализм» (1925) для описания «новой вещественности» – жанра живописи. Ф. Роо писал об удивительной реальности на полотнах художников, которая с помощью смещения перспективы и искажения пространственного жизнеподобия приобретала «магическое» наполнение [Кислицин 2011, с. 274].

Применительно к литературе этот термин впервые был предложен французским критиком Эдмоном Жалу в 1931 году. Позже этот же термин был использован венесуэльцем Артуро Услар-Пьетри для описания работ некоторых латиноамериканских писателей. Кубинский писатель Алехо Карпентьер использовал термин «lo real maravilloso» («чудесная реальность») в предисловии к своей повести «Царство земное» (1949). Идея А. Карпентьера заключалась в описании своего рода обостренной реальности, в которой могут появляться выглядящие странно элементы чудесного. Произведения А. Карпентьера, а также Хорхе Луиса Борхеса, Габриэля Гарсия Маркеса, Хулио Кортасара, Мигеля Анхеля Астуриаса и других оказали в дальнейшем сильное влияние на европейский бум жанра, который начался в 60-е гг. XX в. [Шаршун 1932, с. 229]. Кроме прозы латиноамериканского магического реализма в литературе XX в., литературовед, критик и переводчик А. А. Гугнин выделяет следующие значимые произведения, относящиеся, на его взгляд, к данному направлению: советские писатели А. Платонов «Чевенгур» (1929), «Котлован» (1930); М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита» (1940); югославский писатель И. Андрич «Проклятый двор» (1954) и др. В русской литературе, по его мнению, классиками магического реализма можно считать Н. В. Гоголя (петербургские повести): «Портрет», «Невский проспект», «Нос»; Д. Хармса «Случаи и вещи» [Гугнин 1998, с. 70].

В литературоведении до сих пор нет единой точки зрения относительно сути магического реализма. Ведутся споры о том, что же это – художественный метод, нарративная стратегия, литературный стиль или разновидность фантастической литературы. Предпринимаются попытки разграничить магический реализм и другие литературные направления. Так, итальянский критик, писатель, журналист, эссеист Массимо Бонтемпелли (1878–1960) отмечает, например, что мир произведений магического реализма является не миром сказки,

а повседневным миром прозаической реальности, наполненным авантурными приключениями, тайнами и загадками. Он подчеркивает, что мир человека состоит из двух реальностей – настоящей и воображаемой. При этом одна должна быть органически вплетена в другую. Здесь на первом плане – воображение художника, поскольку без воображения творить новые мифы и легенды художник не может, и, следовательно, воссоздание сложного «двоемирия» XX в. ему было бы неподвластно [Гугнин 1998, с. 26].

Профессор Венского университета И. Зоо в своем диссертационном исследовании, посвященном магическому реализму «*Mimesis des Herzens, Momente der Epiphanie. Magischer Realismus in zeitgenössischen Romanen und Filmen*» (2011) также утверждает, что в отличие от сюрреализма, фэнтези и гротескного реализма в магическом реализме нереальное воплощено в физической реальности и ощущается как нечто само собой разумеющееся: «*Anders als Surrealismus, Fantasy und grotesker Realismus wird das Irreale im Magischen Realismus direkt als physische Realität präsentiert und als natürlich empfunden*» [Soo 2011, с. 5]. Другими словами, реальное и нереальное настолько тесно переплетаются, что образуют новую реальность. Это и является особенностью магического реализма.

В последнее время всё чаще говорят о развитии магического реализма как тенденции мирового литературного процесса. По мнению английских специалистов Л. П. Замора и У. Фэррис, обращение писателей к магическому реализму является общемировой тенденцией, которая продиктована не только той новаторской энергией, которую несет в себе новый метод, но и тем, что магический реализм подает импульс к воссозданию связей с теми традициями, которые некоторое время находились в тени ограничительных принципов миметических границ реализма XIX и XX веков» [Zamora 2003, с. 123]. Таким образом, можно считать, что появление этого метода исторически обусловлено. В условиях глобализации и культурного обмена, в том числе и обмена литературными традициями, магический реализм, появившийся в различных сферах творческой деятельности человека, как художественный метод был перенят и западноевропейскими писателями. Английский исследователь М. Баоэрз среди причин, обусловивших развитие европейского магического реализма, в первую очередь называет также интерес современного человека к сверхъестественному [Bowers 2004, с. 87].

Несомненным образом магического реализма считается произведение Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества». Новаторство Маркеса заключается в том, что ему удалось вписать фантастические образы в повседневную действительность так, что они не кажутся чем-то сверхъестественным. При этом если фантастическое в романе представлено как нечто естественное, то реалистические аспекты, связанные с жизнью в цивилизации, выглядят экзотически. Как признавался сам Г. Гарсиа Маркес, он «черпал волшебные образы из богатейшей мифологии Колумбии» [Маслова 2012, с. 259]. Произведение «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса, несомненно, оказало большое влияние на создание Д. Кельманом романа «F».

В романе «F», написанном в традициях магического реализма, Д. Кельман, описывая необычно сложившиеся судьбы трех братьев (Мартина, Эрика и Ивэна Фридланд), затрагивает несколько проблем: церковь, экономика и искусство – три кита, три сферы современного общества, связанные тесными родственными узами, каждая из которых в настоящее время находится в глубоком кризисе. Примечательно, что читатель найдет в нем множество отсылок к недавним громким новостям, активно дискутируемым в Европе. Например, Кельман косвенно упоминает смерть топ-менеджера компании по производству черепицы “Erlus AG” Доминика Бруннера, финансовый кризис 2008 г., дело о «фальсификаторе столетия» Вольфанге Бельтракки, подделавшем не менее 50 известных картин, а также кризис католической церкви.

Неслучайны профессии главных героев романа: Мартин, старший брат, – священник, который не верит в Бога; Эрик – инвестиционный консультант, обманывающий своих клиентов; младший брат Ивэн занимается подделкой картин. На примере жизни трех братьев Мартина, Эрика и Ивэна, каждый из которых так или иначе связан с обманом, Д. Кельман показывает, насколько причудливо и тесно переплетает жизнь их судьбы. При этом читателя не покидает чувство, что в описываемых событиях есть нечто демоническое, необъяснимое. Этот роман в отдельных пассажах напоминает роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: первая глава романа «F» «Der große Lindemann» («Великий Линдемман») так же, как и в романе М. А. Булгакова, посвящена магическому представлению известного фокусника.

Уже в названии роман интригует намеком на то, что в произведении тесно сплетено реальное и магическое. Из содержания произведения видно, что семантическое поле у названия романа «F» довольно широкое. «F» может быть отсылкой к большому количеству лексических единиц, которые в той или иной степени отражают суть романа: *Fatum* (рус. фатум, судьба), *Familie* (рус. семья), *Friedland* (фамилия главных героев Фридланд), *Fälschung* (рус. фальсификация), *Finanzkrise* (рус. финансовый кризис), *Fiasko* (рус. фиаско, неудача).

На протяжении всего романа автор рассуждает о том, влияет ли судьба на жизнь человека? Можно ли это доказать, существует ли провидение и способен ли человек принимать самостоятельные решения или всё предопределено? В последней главе «Jahreszeiten» («Времена года») у Д. Кельмана даже появляется такое понятие как «Zufallschicksal» (досл. «случайная судьба»), которую человек обретает волей случая и которая не была для него предопределена изначально [Kehlmann 2013, с. 143]. Данная тема волновала человека во все времена. В романе «F» это особенно касается судьбы младших братьев-близнецов, Ивэна и Эрика. Вновь и вновь автор подчеркивает, что между ними есть невидимая и необъяснимая связь, из-за которой один из близнецов может оказываться в снах другого, ощущать страх, боль и радость удачи другого и т. д. [Kehlmann 2013, с. 9]. Несколько иронично он связывает судьбы Эрика и Мартина в финале романа.

Эрик, финансовый консультант, обманывающий своих клиентов, обанкротившийся из-за финансового кризиса, в финале романа становится очень набожным, обращается к Богу, ищет у него спасения; в то время как священник Мартин напротив окончательно теряет веру в Бога, и даже не хочет проводить панихиду по пропавшему без вести Ивэну, считая полной глупостью надежду на то, что песнопениями можно повлиять на решение Всевышнего [Kehlmann 2013, с. 148]. Братья часто ссорятся из-за религии, и посредством их диалогов Д. Кельман побуждает читателей задуматься о том, что же значит религия для современного человека. Прямого ответа на этот вопрос писатель не дает, поскольку для каждого человека он свой.

Особую роль в реализации фольклорно-мифологического мировосприятия окружающей действительности в романе играет образ гипнотизера Линдемманна, ставшего в дальнейшем предсказателем. До конца неясно, действительно ли он обладает сверхъестественными

способностями или нет. Однако даже если предположить, что на самом деле он обычный шарлатан, тем не менее, он очень сильно повлиял на жизнь других персонажей: после его представления в театре Артур Фридланд, глава семейства, бросает жену и детей и наконец-то реализует себя как писатель. Возможно, если бы Артур не сбежал от семьи, его дети выросли бы другими. В этом романе тесно переплетены правда и ложь, реальное и магическое, судьба и случай.

Примечательна также глава «Семья» (Familie), повествующая о родословной Артура Фридланда, из которой выясняется, что его семья постоянно так или иначе соприкасалась с чем-то сверхъестественным: будь то ведьмы или призраки. В результате у читателя возникает много вопросов: «А не является ли тяга к мошенничеству, к обману семейной? Правда ли, что один из предков Артура Фридланда видел ведьму? Действительно ли гипнотизер Линдемманн обладает сверхспособностями?»

Идея «двоемирия», присутствия магического в реальной жизни – всё это говорит о том, что роман «F» написан в традициях магического реализма, а Д. Кельман является одним из ярких представителей этого направления. В своих интервью писатель неоднократно подчеркивал влияние латиноамериканской литературы на его писательское воображение.

Заключительная часть романа «F» под названием «Jahreszeiten» («Времена года») состоит из трех глав, обозначенных как 1. Kapitel, 2. Kapitel, 3. Kapitel. Здесь описывается снегопад – аллюзия на бесконечный дождь у Г. Гарсиа Маркеса в произведении «Сто лет одиночества», длившийся дни, недели, месяцы, годы. Первая, вторая и третья главы «Jahreszeiten» посвящены лету, осени и зиме соответственно. Повествование оканчивается зимой, в то время года, когда природа «засыпает». Описание снегопада, который идет уже второй день, занимает в третьей главе значительное место. В предпоследнем абзаце говорится о том, что снегопад будет идти в течение нескольких дней, занесет снегом дома и крыши, антенны, деревья, машины, дороги, и сделает мир ослепительно красивым...

Заключительная часть романа «F» – «Времена года» («Jahreszeiten») – ассоциируется со знаменитым произведением Антонио Вивальди «Четыре времени года», где каждое время года символизировало четыре стадии развития человеческой жизни. В частности,

зима у него была символом конца жизни, старости, но в то же время – предвестником весны, новой жизни [Хотенцева 2016, с. 40]. В романе «F» глава «Весна» отсутствует. Можно предположить, что зима как заключительная глава всего произведения была выбрана Д. Кельманом неслучайно.

В заключение следует подчеркнуть, что магический реализм можно смело назвать явлением XX–XXI вв., ответной реакцией современного искусства на новую, стремительно меняющуюся картину мира и сложную многоплановую реальность. За счет использования фольклорных и мифологических образов, обращения к историческому прошлому, магический реализм воспринимается как средство выражения национальной самоидентификации, ставшей важнейшим общеевропейским вопросом в контексте глобализации. Этот художественный метод позволяет охарактеризовать пережившее трансформацию европейское общество, которое из национально-гомогенного становится мультикультурным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bowers M. A.* Magic(al) Realism: The New Critical Idiom. London ; N. Y. : Routledge, 2004. 150 p.
- Год культуры Германии в России. URL : www.dw.com/ru/год-культуры-германии-в-россии/a-1268807 (дата обращения 28.01.2018).
- Гугнин А. А.* Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М., 1998. 117 с.
- Казакова Ю. К.* Творчество Даниэля Кельмана в контексте немецкоязычной литературы конца XX–начала XXI в. : дис. ... канд. филол. наук. Елабуга, 2015. 169 с.
- Kehlmann D.* «F». Reinbek bei Hamburg. Rowohlt Verlag GmbH, 2013. 384 S.
- Кислицын К. Н.* Магический реализм // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 274–277.
- Маслова Е. Г.* Магический реализм как парадигма культурно-художественного сознания современного общества // Вестник ЧГПУ. Челябинск : ЧГПУ, 2012. С. 254–269.
- Плахина А. В.* Немецкоязычная, но не немецкая. Некоторые аспекты австрийской прозы 1970–1990-х годов // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 1–38.
- Soo I. C.* Mimesis des Herzens, Momente der Epiphanie. Magischer Realismus in zeitgenössischen Romanen und Filmen : Diss. A 092 393. Dr. phil. Wien : Universität Wien, 2011. 280 S.

- Хотенцева И. А., Иванова А. Г.* «Времена года»: литературная программность сквозь столетия // Образование и наука в современных условиях: материалы VI Международной научно-практической конференции. Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. С. 40–46.
- Шаршун С.* Магический реализм // Числа. 1932. № 6. С. 229.
- Zamora L. P., Wendy B. F.* *Magical Realism: Theory, History, Community* (4th ed.). Durham & London : Duke University Press, 2003. 592 p.
- Zebrastreifen.* Neue deutsche Literatur. Goethe-Institut Moskau, 2004. 207 S.

УДК 821.111

Е. В. Баронова

кандидат филологических наук;
доцент кафедры иностранных языков
и культур историко-филологического факультета
Нижегородского государственного университета
им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал);
e-mail: ipprepod@yandex.ru

КОНЦЕПТЫ «ДЕФОРМИРОВАННОЕ ТЕЛО» И «ВЛАСТЬ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. ГЕЙМАНА И ДЖ. МАРТИНА

В центре внимания статьи – специфика восприятия и языкового воплощения концептов *власть*, *деформированное тело* в современной литературе фэнтези. В работе рассматривается антиномия между идеалами и отклонениями от нормы на современном этапе эволюции общества и их преломление в мире, созданном художником слова. Нам важно, как монструозность, всегда сопряженная с символической функцией, предопределяет не только идентичность персонажа, но и траекторию движения сюжетной линии с ним связанной, систему его взаимоотношений с другими героями, институтами власти, семьи, религии. В произведениях Н. Геймана и Дж. Мартина это всегда некая провокация, вызов судьбе и обществу. С другой стороны, оба автора отходят от ставшего традиционным мелодраматизма при изображении персонажей с аномалиями тела. Они показаны как полноправные субъекты социальных взаимодействий, преодолевая предвзятое, весьма далекое от толерантности отношение к деформированному телу.

Ключевые слова: концепт; власть; деформированное тело; монструозность; аномалия.

E. V. Baronova

PhD (Philology), Associate Professor of the Department
of foreign languages and cultures, Historical-philological faculty,
N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Arzamas branch;
e-mail: ipprepod@yandex.ru

THE CONCEPTS "DEFORMED BODY" AND "POWER" IN THE WORKS OF N. GEIMAN AND G. MARTIN

In the center of attention of the article is the perception and language embodiment of the concepts of *power* and *deformed body* in contemporary fantasy literature. The researcher examines the antinomy between ideals and deviations from the norm at the present stage of the evolution of society and their refraction in the world created by the writer. It is important for us that monstrosity, always associated with a symbolic function, predetermines not only the identity of the character, but also the trajectory of the movement of the storyline associated with him, the system

of his relationships with other personages, institutions of power, family, religion. In the works of N. Geiman and G. Martin it is always a kind of provocation, a challenge to fate and society. On the other hand, both authors depart from the traditional melodramatism when depicting characters with body anomalies. They are shown as rightful subjects of social interactions, overcoming prejudiced, very far from tolerance attitude to the deformed body.

Key words: concept; power; deformed body; monstrosity; anomaly.

Что объединяет концепты «власть» и «деформированное тело»? Оба концепта связаны с наличием или отсутствием симметрии. В первом случае речь идет об отношениях между индивидуумами в социуме, во втором – о конфликте между представлениями о норме или идеале физической красоты (привлекательности) и реальными метаморфозами человеческого тела. Власть связана с возможностью или способностью одного члена общества влиять на то, что происходит, а также на то, как происходящее можно интерпретировать. Будучи неизменным компонентом любых взаимоотношений – “always at play in any relationship” [Johnstone 2008, с. 129], она определяет распределение ролей в группах, доминирование в области владения информацией, контроль над любыми видами и формами деятельности. Может быть культурной, экономической, политической. Данный концепт обладает рядом составляющих. В первую очередь это институциональность (дается благодаря статусу). Во-вторых, она носит конкурентный характер, будучи своеобразным «призом» в соревновании за доминирование. В-третьих, может быть предметом общественного договора, предоставляя одному индивидууму право главенствовать над остальными. Главный вопрос состоит в том, насколько наличие аномалий или отклонений физического плана может повлиять на успешность субъекта в борьбе за власть, будь это семья или целое государство.

Рассмотрим взаимоотношения концептов «власть» и «деформированное тело» в современной литературе фэнтези на материале произведений Н. Геймана и Дж. Мартина. При этом мы сконцентрируемся на тех персонажах, которые, на первый взгляд, выполняют второстепенную роль в развитии сюжета.

Концепт «тело» есть апофеоз субъективности, точка пересечения общего и частного, личного и общественного. Тело, чья монструозность вызвана генетическими факторами или является результатом болезни, физического воздействия, вынуждает человека жить за

пределами границ, очерченных нормами «outside of the boundaries of normal», «regarded as a curiosity or monstrosity» [Langebach 2009, с. 4]. Дж. Мартин является непревзойденным экспериментатором в плане изобретения способов, как умерщвления персонажей, так и видоизменений, которые претерпевают их тела после сражений, пыток, магических действий, заболеваний. При этом каждый из героев по-разному адаптируется к существованию вне «нормы», участвуя в борьбе либо за элементарное выживание, либо за обладание властью.

Сандор Клиган – один из приближенных при дворе Ланнистеров. Излюбленный прием Дж. Мартина – строить портрет персонажа на разительном контрасте, противопоставляя его в данном случае Джейме и Джоффри с их золотыми волосами и высоким статусом. Обожженное лицо Клигана («terrible burned face» [Martin 1996, с. 28]), как страшная печать, определяет мотивацию его поведения и отношение окружающих. Хотя он и воспринимает себя как калеку, в отличие от Тириона Ланнистера, Пес не пытается компенсировать внешние недостатки за счет самообразования, вследствие чего не способен противопоставить нападкам и презрению иронию и сарказм – только силу и цинизм.

В первой части саги образ однозначно вызывает только негативные эмоции, особенно в тот момент, когда не просто не испытывает сочувствия к младшему из Старков, находящемуся на грани жизни и смерти, но и предлагает свои услуги в качестве убийцы: «I could silence the creature...» [Martin 1996, с. 60]. В этот момент автор использует номинатив Hound (Пес) по отношению к персонажу. Прозвище определяет не только его подчиненное положение, слепую преданность хозяину, когда поступки не рассматриваются с точки зрения нравственной нормы, а действия выполняются по команде: «...if it please you» [Martin 1996, с. 60]. Такие манеры способны порадовать только еще более жестокого циника – Джоффри. В восторге от затеи, он придумывает каламбур: «Send a dog to kill a dog», который вполне отражает положение Пса и Старков, а также стратегии Ланнистеров в борьбе за железный трон: ослабить врага за счет разжигания внутренних конфликтов, использовать низменные инстинкты одних для доминирования над другими.

Читателю не сразу дается объяснение мотивации поступков Клигана. С одной стороны, шрамы, следы от ожогов, искаленное в той или

иной степени тело было привычным зрелищем в эпоху средневековых междоусобиц. Кроме того, Сандор воплощает в себе идеал мужественности, оправдываемый жестокостью времени, в которое он жил, так как он силен, решителен, отлично владеет оружием. Логичным было бы предположить, что он не должен страдать от внутреннего конфликта. Однако у Клигана есть психологический комплекс, связанный с внешним уродством, слабость, которая заставляет скрывать лицо под темным шлемом, делает его даже не пешкой в чужих играх претендентов на престол, а подчас шутом («mummer» [Martin 1996, с. 61]).

Дж. Мартин постоянно акцентирует внимание на отвратительной сути Клигана-хищника, начиная с атрибутики (голова пса на одежде и доспехах), улыбки-оскала, словно у бойцовой собаки, до эпатажного поведения с бессмысленной жестокостью (разрубленный пополам подросток). Подчас он похож на мифологического монстра из преисподней с кровавыми отсветами пламени на лице: «burned face shine a dull red» [Martin 1996, с. 197]. Сандор – гротескная пародия на шекспировского Ричарда III, который оправдывает свою бесчеловечность аномалиями тела. Физическая монструозность в нем есть отражение внутренней дисгармонии, девиантной природы, жажды крови, цинизма при планировании убийств и предательства.

Право сильного реализуется не только на политической арене и на турнире. Оно зарождается в семье при наличии традиционного принципа наследования в пользу старшего сына. В том случае, если предполагаемый наследник не соответствует вышеописанному представлению о маскулинности, от него отказываются, как от книжного червя Сэмвелла Тарли, изгоняя из дома, либо его безжалостно уничтожают, если он может встать на пути, как в клане Болтонов. Клиган – также жертва подобных отношений в семье.

В состоянии опьянения он готов к неожиданным откровениям с Сансой Старк, заявляя, что он не рыцарь: «I am no knight. I spit on them and their vows» [Martin 1996, с. 198]. Клиган подразумевает подлинную, неприглядную суть воина-дворянина, жажду власти, знание того, как быстрее убить конкурента, разграбление замков, земель, взятие пленных ради выкупа, жестокое обращение с крестьянами. Оно лишено романтического ореола, который видит наивная Санса. Причина такого видения мира кроется в детстве Сандора. В 29-й главе автор подробно описывает травму Клигана. Одна половина его лица

совершенно безжизненна и отвратительна: ухо отсутствует, плоть вокруг глаза сожжена до черноты, у челюсти – до кости. Кожа настолько опалена и иссушена, что любое изменение мимики причиняет боль: «His face was a ruin» [Martin 1996, с. 198]. До этого автор сравнивал его с утесом, символом нерушимости, прочности, основательности, однако это лишь видимость, обманчивое впечатление.

В возрасте шести лет Сандор пострадал от ярости старшего брата Грегора, позднее получившего прозвище Гора. Конфликт возник не из-за отцовского наследства, а по поводу игрушечного рыцаря. Старший брат уже не нуждался в детских игрушках, но поступок младшего брата он расценил как покушение на его собственность. Еще большим ударом для Клигана стала ложь отца, который скрыл от остальных тот факт, что одиннадцатилетний подросток сжег на жаровне половину лица брата. Поэтому для Клигана не могут быть понятны гармоничные отношения в семье, когда каждый ощущает ответственность за другого, за весь свой клан, когда до конца готовы бороться за жизнь и здоровье ребенка, не опасаться удара ножом в спину от родного брата. Он готов переступить последнюю черту, надсмехаясь над калеккой Тирионом, убивая ребенка, поскольку когда-то никто не испытал жалости к нему, а общество не только не наказало малолетнего преступника за жестокость, но и наградило, посвятив Грегора в рыцари, удостоив чести, от которой так бежит Клиган.

Ужас, испытанный в детстве, не дает Клигану стать настоящим рыцарем. Из-за своей фобии Пес отступает во время осады города, испугавшись огня, хотя до этого он добровольно решается помочь Тириону в обороне. Однако Дж. Мартин не торопится объяснять другие нелогичные, на первый взгляд, поступки Клигана, например исповедь перед Сансой, ее спасение от толпы взбунтовавшихся жителей столицы. К пониманию его поведения читатель может прийти, сравнив его судьбу и травму с историей ранения Джейме.

Ланнистер утратил конечность в тот момент, когда у него была и власть, и авторитет, и титул. Положение его тем более постыдно, что рука была отрублена не на поле боя, а когда он, жалкий, отчаявшийся, был в плену у бывших союзников отца, и сделано это было не мечом, а серпообразным аракхом дотракийцев. Джейме приходится пройти все стадии, описываемые психологами, специализирующимися на проблеме утраты конечностей, а именно – ощущение утраты

и жалости к себе, самоизоляция и отрицание, депрессивное состояние и озлобленность, связанные с чувством вины. В итоге – примирение с тем, как выглядит и функционирует твое тело, как относятся к этому факту другие. У Ланнистера, который ранее был воплощением доминирующей маскулинности, процесс адаптации прошел успешнее, так как он нашел поддержку окружающих (брата, Брона, который помог восстановить навыки владения мечом). Его интеллект, более развитый, нежели у Пса, помогает ему выходить победителем не за счет силы, а за счет стратегии, хитрости, правильного выбора союзников, поэтому деформация тела ничуть не мешает ему в конкурентной борьбе, напротив, делает его сильнее в моральном плане, заставляя проникнуться пониманием к чужой боли.

Вопрос о том, кто будет править умами людей, находится в центре романа «Американские боги» Нила Геймана. Рассмотрим одно из второстепенных персонажей, которого пытаются использовать в схватке за доминирование старые и новые божества. В наше время женщина особенно сильно испытывает на себе давление стандартов красоты, заставляющее ее совершать различные манипуляции со своим телом, вместо того чтобы совершенствовать профессиональные навыки или искусство межличностного взаимодействия. В основе произведения – протест против массовой культуры, особенно против ее манипуляции сознанием, когда всё естественное, данное природой, позиционируется как недостаточно красивое, требующее радикальной переделки при помощи макияжа, пластических операций. Однако к самым разительным изменениям тела приводит смерть, что мы видим на примере Лоры Мун (жены главного героя). Ее прекрасный, идеализированный образ возникает в воспоминаниях Тени в первой главе повествования: длинные каштановые волосы, голубые глаза. Ее портрет представляет собой необычное сочетание тактильных и контрастных вкусовых ощущений: клубничного ликера и жгучего перца, что подчеркивает неоднозначность ее характера, отсутствие внутренней цельности.

В паре «Тень – Лора» с самого начала наблюдался дисбаланс. Тень силен и ловок, неустрашим в драке против нескольких человек. Лора в его руках подобна перышку. Однако власть в семье однозначно принадлежит женщине. Она лишь позволяет себя любить, может быть объектом заботы, преданности, побуждает выполнять желания

и участвовать в криминальных авантюрах. Всё это подчеркивается прозвищем, которое дается Тени («pirru»). Тем самым она позиционирует себя в роли хозяйки, которая воспринимает взрослого мужчину как симпатичную игрушку. Умение манипулировать приводит к тому, что, даже будучи пойманной полицией, Тень не выдает вдохновителя неудачного ограбления казино, слепо верит в преданность жены.

Лексема «body» впервые появляется в тексте романа именно в значении «a dead person». Когда Тень видит жену в гробу после аварии, он не узнает ее: «It was his Laura and it was not» [Gaiman 2001, с. 38]. Непривычна ее недвижимость, ведь при жизни она даже во сне не могла быть спокойна. Его чувство к погибшей настолько сильно, что даже узнав об измене, он не может возненавидеть ее, ограничиваясь в своем презрении монеткой, брошенной в могилу. То, что он сам не может определиться в характере испытываемых чувств, выражается в путанице наименований «wife», «ex-wife», «late wife» [Gaiman 2001, с. 48].

Метаморфозы, происходящие с телом Лоры после похорон, сначала не показаны открыто. О них сигнализируют лишь запахи, ассоциирующиеся с недавно усопшим: гниения, цветов, антикоагулянтов, шариков против моли. Еще одна разительная перемена – неряшливость, неопрятность (земля под обгрызенными ногтями), что порождает у читателя мысли о том, как Лора выбиралась из того места, которое обычно становится последним приютом. Тело женщины двигается, она произносит слова, но утрачено тепло, способность ощущать запахи и вкусы, голос потерял выразительность, он сравнивается с галькой на пляже.

Несмотря на изменение статуса, Лора по-прежнему дает понять мужу, что она главная: в предложениях она использует императив («Get some sleep», «Stay out of trouble»), будущее простое, выражающее полную уверенность в своей правоте («You will, hon»), покровительственный тон («I'll be looking out for you»), более подходящие для обращения к ребенку или подростку.

У Дж. Мартина более сложный набор вариаций, связанных с существованием индивида после смерти, например воскрешение при помощи волшебства Беррика Дондариона, белых ходоков, Джона Сноу. Однако у Н. Геймана смерть героини приводит к возникновению у нее сверхспособностей, например она может убить несколько

хорошо вооруженных охранников, пленивших Тень. О недюжинной силе свидетельствует еще и тот факт, что она смогла спрятать трупы, протаскив их несколько метров по коридору. Абсурдный характер происходящего, невозможность провести грань между сном и явью, акцентируется сравнением капель крови на теле и одежде Лоры с картинами Дж. Поллока, художника, пытавшегося создать на холсте экзистенциальную экспрессионистическую драму. Жанр хоррор в этом фрагменте помогает показать наличие конфликта и разрешить его, переместив границы между сознательным и бессознательным, реальным и сверхъестественным, нормальным и монструозным. Гендерные стереотипы также нивелируются: прижизненная склонность Лоры к авантюризму, когда любая монотонность, рутинность, включающая в себя и семейную жизнь, подразумевающую постоянные отношения с одним человеком, стократно увеличивается после ее превращения в ходячего мертвеца-убийцу. Это новое состояние, словно увеличительное стекло, показывает подавляемые ранее комплексы, а также маскулинные стратегии поведения. Не случайно слово «monster» происходит от латинской лексемы «monere» – ‘показывать’.

Смерть и мертвое тело, начиная с «Истории с кладбищем», рассматриваются Гейманом нестандартно. Его философия и способ изображения конечной метаморфозы тела ближе средневековому видению, когда ледяное дыхание Танатоса ощущалось каждую минуту существования. Мертвая Лора имеет все привычки живого человека: улыбается, курит сигареты, чтобы успокоиться, принимает ванну, путешествует, работает в ночную смену на заправке, хранит монетку от Тени на шее. словно какой-то механизм ее тело движется по инерции. Ее новую суть выдает только трупный запах и внутреннее ощущение, которое она формулирует как «nothingness», так как ни еда, ни курение не вызывают насыщения, удовлетворения.

По вопросу о власти, прежде всего, власти над своей судьбой, в одной из глав Лора приводит в качестве аргумента (и своеобразного оправдания своей измены) следующую оппозицию: ‘hole – something’ (пустота и нечто) [Gaiman 2001, с. 302]. Первая ассоциируется с Тенью, вторая – с Робби, а также может служить и ее самооценкой. В чем-то Лора права, так как Тень выполняет роль ведомого. Его использует мистер Среда (Один) в качестве телохранителя и помощника в его борьбе за былое господство старых богов. Если бы не Лора,

он бы не решился на авантюру с ограблением казино. Гейман идет по пути, намеченному им еще в романе «Neverwhere» (1996), где инфантильный главный герой находится под покровительством персонажа женского пола.

Связь концептов ‘тело’ и ‘власть’ в романе Геймана подтверждается фрагментом разговора двух египетских богов (Анубиса и Тота) в морге: «...to truly bring the dead back to life, in their bodies. That takes power» [Gaiman 2001, с. 157]. Шакал и Ибис при этом разграничивают состояние зомби, когда некто лишь ощущает себя мертвым при помощи внушения и магического порошка, и действительно сложную «операцию» по соединению Ка (человеческого духа) и телесной оболочки. В наличии такой силы и власти не признается даже Óдин, когда Тень обращается к нему с просьбой о Лоре.

Гейман показывает два пути к наполнению пустоты внутри. Одну дорогу выбирает Тень. Это путь страдания, когда после смерти Óдина он решается быть повешенным на дереве в течение нескольких дней. Его тело проходит через целую серию мучительных пыток. Каждый вид боли у него ассоциируется с определенным цветом. Таким образом, абстрактная боль или вина, или воспоминание о прошлом становится чем-то конкретным. Взамен он начинает ощущать себя живым.

Лора в какой-то момент приходит на его зов, но и она уже не может быть последней точкой опоры в жизни. Ее тело подвергается все более значительной деформации. Из него, с одной стороны, все больше уходит некое подобие жизни, о чем свидетельствует неутолимая жажда, связанная с обезвоживанием. С другой стороны, оно само становится «домом» для других живых существ: червей и многоножек. Их количество настолько велико, что Лора уже не может удерживать их внутри.

В 17-й главе Гейман отвечает на вопрос о том, что же обладает в этом мире настоящей властью. Лора выпивает ледяную воду времени из родника судьбы. Ее организм очищается от формалина и червей, а на утро она просыпается от холода и направляется туда, куда ведет ее сердце. Эпитет «manifestly whole» [Gaiman 2001, с. 410] акцентирует не только почти полноценное бытие ее тела, но вновь обретенную цельность духовную, поскольку она признает свою вину и отправляется на поле битвы между старыми и новыми богами.

Финальная сцена после разоблачения истинных планов Одина и Локи представляет собой пародию на сказку братьев Grimm. Вся атрибутика соответствует оригиналу: пещера, гномы, девушка, которую все считают мертвой. Гейман подчеркивает темную сторону обработанной фольклористами легенды за счет лужи липкой крови на полу и неловкой, беззащитной позы пронзенной копьем Лоры, а поцелуй Тени не возвращает ее к жизни, тем самым подтверждая антиномию между реальностью и нашими желаниями.

Таким образом, для Геймана силой, определяющей наше существование, его конечность или бесконечность, являются три составляющие: время, судьба и собственный выбор и воля человека, его желание быть не тенью, спутником какой-то планеты, а самому прокладывать свой путь. Этот выбор связан, в первую очередь, с самопожертвованием («...there's power in the sacrifice of the son...» [Gaiman 2001, с. 414]), с болью, страданием, поисками себя, пониманием и прощением того, кто в минуту слабости тебя предал.

В итоге взору читателя представлены две достаточно гротескные фигуры. Заложенная в них разрушительная сила, проистекающая от деформации тела в результате серьезной травмы, имеет разные векторы действия: у Клигана – это готовность убивать по приказу хозяина, у Лоры – защита мужа во искупление вины. Оба персонажа с разной степенью успешности участвуют в борьбе за власть, за право манипулировать чужими судьбами, однако их объединяет одно: печальный финал. Пес остается умирать из-за гангрены в непосредственной близости от вожака богатства (выкупа за Арю), Лора так и остается умирать в грязной пещере, не увидев триумфа своего мужа. Отклонение от нормы в них – отчасти отражение внутренней пустоты, выжженной, беспокойной души. Один не может стать настоящим рыцарем, хотя одет в доспехи и прекрасно владеет мечом. Лора какое-то время работала в туристическом агентстве, но не была за пределами США. Оба находят оправдание своим низким поступкам, страдают от собственной монструозности, имея в своей жизни некий недостижимый «маяк», ориентир нравственности и любви. С другой стороны, они не просто «падшие ангелы», существа с воспаленной, мертвой, разлагающейся плотью, поскольку помогают Дж. Мартину и Н. Гейману показать гротескность и амбивалентность существования каждого из нас, ежедневно сталкивающихся с проблемой выбора пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Gaiman N. American Gods. L. : PerfectBound, 2001. 530 с.

Johnstone B. Discourse Analysis. MA : Blackwell Publishing, 2008. 312 p.

Langebach S. The role of monstrous bodies in Tod Browning's Freaks. Köln : Grin Verlag, 2009. 21 p.

Martin R. R. G. A Game of Thrones. N.Y. : Bantam Books, 1996. 720 с.

УДК 811.11

Ю. Г. Тимралиева

доктор филологических наук, доцент;
доцент кафедры романо-германской филологии и перевода
гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного
экономического университета; e-mail: juliati@yandex.ru

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НЕМЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА

Статья посвящена немецкому литературному экспрессионизму. Экспрессионизм как одно из ключевых звеньев Европейского модернизма, ставшее одним из самых интересных и радикальных языковых экспериментов в истории немецкой литературы и существенно повлиявшее на становление последующих литературных школ и направлений, на протяжении многих десятилетий становился объектом лингвистических исследований на Западе. Вместе с тем в отечественной филологии работ по экспрессионизму крайне мало, поскольку долгое время это течение расценивалось идеологическими институтами как оппозиционная практика и было под негласным запретом. Данная статья расширяет представления об этом знаковом для Германии художественном дискурсе, максимально полно и ярко отразившем противоречия переломной эпохи начала XX в.

Объектом исследования выступают лирика и малая проза экспрессионизма. Ядро лирического корпуса составляет классическая антология экспрессионистской лирики К. Пинтуса «*Menschheitsdämmerung. Ein Dokument des Expressionismus*», а также отдельные стихотворные циклы Г. Гейма, Г. Бенна, Г. Тракля, Э. Ласкер-Шулер, Э. Штадлера, И. Р. Бехера. Проза представлена рассказами и новеллами А. Дёблина, Г. Гейма, Г. Тракля, К. Эдшмида, И. Р. Бехера, Г. Бенна, Клабунда, Л. Франка, А. Эренштейна, А. Штрамма, В. Рейнера.

Предметом исследования становятся семантические категории времени и пространства, приобретающие в экспрессионистских текстах особый символический смысл. В статье рассматриваются ключевые временные и пространственные образы, выявляются основные инварианты значения этих образов, описываются их языковые экспликации, анализируется их роль в языковой картине мира экспрессионизма.

Анализ текстов позволяет сделать следующие выводы.

Пространство и время становятся в экспрессионизме важнейшими параметрами концептуализации действительности, в полной мере отражая сложное, не укладывающееся в привычные рамки мироощущение эпохи. В экспрессионистских текстах они выступают в обобщенных метафорических значениях, характерных для произведений, основанных на вторичной условности (мифа, притчи, утопии), наполняются многочисленными символическими коннотациями.

Ключевой пространственной метафорой становится мегаполис. Тесный, хаотичный, населенный кошмарами город-молох, город-спрут фигурирует в тексте в качестве некой абстрактно-условной модели человеческого существования

и становится гротескным воплощением цивилизации, ключевым пространственным архетипом экспрессионизма, подчеркивающим одиночество личности «маленького человека», затерянного в его лабиринтах.

Внешнюю оппозицию к мегаполису как ключевому макролокусу, складывающемуся из множества частных метафорических локусов (улица, площадь, комната, лестница, притон, приют, церковь, больница, сумасшедший дом, тюрьма, морг), образует природа (деревня / маленький город). Противопоставление двух ландшафтов – природного (естественного, живого) и урбанистического (искусственного, неживого) – становится одним из проявлений ключевой оппозиции экспрессионизма «жизнь – смерть».

Ключевой временной метафорой экспрессионизма становится ночь / поздний вечер. В когнитивной структуре этого художественного образа выявляются следующие устойчивые коннотации: смерть, страдание, одиночество, пустота, забвение, призраки, пороки, преступления. Схожими оттенками значения (отчуждение, опустошение, омертвление) насыщается другая знаковая временная метафора – зима / поздняя осень. Образы дня и лета появляются в экспрессионизме гораздо реже и, как правило, «оттеняют» образы зимы и ночи, выстраивая к ассоциативному ряду *тьма, холод, пустота, смерть* контрастный смысловой ряд *свет, тепло, полнота, жизнь*.

Ключевые слова: экспрессионизм; семантическая категория; время; пространство; локус; образ; мотив.

J. G. Timralieva

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor,
the Department of Romano-Germanic Philology and Translation,
Faculty of Humanities, St. Petersburg State University of Economics;
e-mail: juliati@yandex.ru

PLACE AND TIME IN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF GERMAN LITERARY EXPRESSIONISM

This article is devoted to the German Expressionism. The Expressionism as one of the key parts of European Modernism, which became one of the most interesting and radical language experiments in the history of German literature and significantly influenced the formation of subsequent literary schools and trends, has been the object of linguistic research in the West for many years. But in Russia there is too little research on the Expressionism, as in the Soviet Union it was interpreted by ideological institutions as ideologically alien. This article expands the understanding of this iconic German artistic discourse, which most fully and clearly reflected the contradictions of the turning point of the early twentieth century.

The object of this article is the lyrics and small prose of the Expressionism. The core of the lyrical corpus is a classic anthology of expressionist lyric poetry by K. Pinter "Menschheitsdämmerung. Ein Dokument des Expressionismus", as well as separate poetic cycles of G. Heym, G. Trakl, E. Lasker-Schüler, E. Stadler, G. Benn, J.R. Becher.

Prose is represented by stories and novels of A. Döblin, G. Heym, G. Trakl, K. Edschmid, Klabund, G. Benn, J.R. Becher, L. Frank, A. Ehrenstein, A. Stramm, W. Rheiner.

The subject of the research is semantic categories of time and place, which get a specific symbolic sense in expressionist texts. The article deals with the key images of time and place, reveals their basic semantic invariants, describes their linguistic explications and analyses their role in the language picture of the world of the Expressionism.

Analysis of the texts allows us to draw the following conclusions.

Place and time become important parameters of the conceptualization of reality in the Expressionism and fully reflect the specific perception of the world of that time. In expressionist texts they appear in generalized metaphorical meanings typical for works based on secondary conventions (myth, parable, utopia) and are filled with numerous symbolic connotations.

The key metaphor of place in the Expressionism is metropolis. A chaotic, dangerous, full of horror city appears in the text as a kind of abstract model of human existence and becomes the grotesque embodiment of civilization, key spatial archetype of the Expressionism, which emphasizes the loneliness of the personality of the "little man", lost in its labyrinths.

External opposition to the metropolis as a key metaphorical macro locus consisting of a variety of private metaphorical loci (street, apartment, staircase, pub, church, hospital, madhouse, prison, morgue) is nature (as variation village/ small town). The juxtaposition of the two landscapes – natural (living) and urban (inanimate) – is one of the manifestations of the key opposition of the Expressionism "life – death".

The key metaphor of time in the Expressionism is night / late evening. The cognitive structure of this image reveals the following stable connotations: death, suffering, loneliness, emptiness, oblivion, ghosts, vices, crimes. Another metaphor of time – winter/ late autumn – includes similar meanings (alienation, desolation, death). Day and summer appear in the Expressionism more rarely and usually make contrast to winter and night, building to the associative chain "darkness, cold, void, death" contrasting semantic associative chain "light, warmth, fullness, life".

Key words: expressionism; semantic category; time; place; locus; artistic image; leitmotif.

Немецкий экспрессионизм развивается в Германии, Австрии, Швейцарии с 1910 по 1925 гг. и из всех современных ему течений наиболее остро реагирует на социальные потрясения и противоречия своего времени, связанные с коренными политическими и социальными изменениями в жизни европейского общества, став самым масштабным художественным движением в немецкоязычном пространстве первой трети XX в., «самым мощным взрывом молодежи, который знала Германия со времен романтиков» [Edschmid 1961, с. 9]. Зародившись в «поле напряженности между ускользящей гармонией

и надвигающимся хаосом» [Пестова 2002, с. 9], он в полной мере отражает сложное, неоднозначное, не укладывающееся в привычные рамки мироощущение эпохи, основанное на экзистенциальной тоске по целостности рухнувшего мироздания. Специфика этого мироощущения отображается во всей структуре экспрессионистских текстов, обуславливая и семантику таких значимых для каждого художественного текста категорий, как пространство и время.

Семантическая категория пространства / места становится в экспрессионизме очень важной, так как именно оно определяет ту среду, в которой живет экспрессионистский герой. И поскольку ключевыми фигурами экспрессионизма становятся маргинальные личности, ущербные в силу своего физического или психического состояния, положения или социального статуса – проститутка, нищий, пленный, преступник, калека, сумасшедший, мертвец и тому подобные субъекты, то новым местом действия – нищий квартал, притон, тюрьма, больница, сумасшедший дом, морг и тому подобные локусы. Эти места, столь же гротескные и условные, как и сами герои, живущие / умирающие в заданном пространстве, в полной мере отражают эпоху, отмеченную потрясениями мирового масштаба, и являются фрагментами ключевого экспрессионистского макролокуса – мегаполиса.

Урбанизм становится особым завоеванием экспрессионизма, критично осмысляющего признаки глобального изменения жизненных стандартов, связанные с мощной урбанизацией и технизацией жизни. В лирике эта тема является одной из наиболее значимых, к ней в той или иной степени обращается большинство поэтов-экспрессионистов, по сути, открывших в немецкой литературе поэзию большого города. Вот лишь некоторые названия: «Der Gott der Stadt», «Die Dämonen der Städte», «Die Stadt der Qual», «Die Stadt in den Wolken», «Berlin I, II, ..., VIII» (Heym); «Die schöne Stadt», «Vorstadt im Föhn» (Trakl); «Kleine Stadt» (Stadler); «Berlin», «Auf der Terasse des Cafe Josty» (Boldt); «Ode an Berlin» (Goll); «Berlin», «An Berlin», «Die Stadt der Qual», «Berlin! Berlin!», «Erwachen der Städte» (Becher); «Untergrundbahn» (Benn); «Fabrikstraße tags» (Zech); «Wien» (Ehrenstein); «Städter», «Der Tag von Berlin» (Wolfenstein). Городская тема активно прорабатывается и в прозе, в том числе крупной (например, в романах А. Дёблина «Wadzeks Kampf mit der Dampfturbine» и «Berge Meere und Giganten»), и в драматургии («Gas-Trilogie»

Г. Кайзера, «Der Sohn» В. Хазенклевера), и в кинематографе (масштабная научно-фантастическая антиутопия Ф. Ланга «Metropolis», повествующая о жизни футуристического города) [Тимралиева 2015, с. 159–160].

Город становится ключевым художественным пространством экспрессионизма, выступая «магической сценой человеческой трагедии» [Schneider 1961, с. 64], идеальным ландшафтом для реализации человеческих конфликтов, в полной мере раскрывая обреченность времени и человека. По мнению Т. Анца, сам литературный модернизм есть «феномен современного мегаполиса» [Anz 2002, с. 11].

Следует подчеркнуть, что в экспрессионизме урбанистическая тема осмысливается несколько иначе, чем, например, ранее у натуралистов. Если последних интересуют, в первую очередь, многочисленные социальные проблемы жителей большого города, то экспрессионистов в меньшей степени занимает городской быт. Они показывают «экспансию города в сферу человеческого сознания, внутренней жизни, психики» [Павлова 1986, с. 14]:

O, *der Wahnsinn der großen Stadt*, da am Abend
An schwatzer Mauer verkrüppelte Bäume starren,
Aus silberner Maske der Geist des Bösen schaut
(*Trakl. „An die Verstummen“*).

Городское пространство иррационализируется, мистифицируется, демонизируется, наполняется призраками и духами:

Sie wandern durch die Nacht der Städte hin,
Die schwarz sich ducken unter ihrem Fuß.
Wie Schifferbärte stehen um ihr Kinn
Die Wolken schwarz vom Rauch und Kohlenruß.
Ihr langer Schatten schwankt im Häusermeer...
(*Heym. „Die Dämonen der Städte“*).

В произведениях экспрессионистов мегаполис предстает тесным и мрачным, опасным и враждебным, полным ужасов и зловещих предзнаменований:

Auf engen, dunklen Höfen, steilen, brüchigen Holztrepfen, verdreckten
Straßenplätzen. Graue Mauern starren auf. Rote Fenster in weißen Kalk-
gemäuern, ewig verschlossen (*Becher. „De Profundis“*).

Automobile fallen in die Spree und die Seine. Raubmörder schleichen mit tückischen Messern durch verkommene Straßen (*Klabund*. „*Kleine Wanderung*“).

Чудовищем, которое «опутывает, проглатывает, переваривает людей и исторгает трупы – физические или духовные» [Затонский 1988, с. 208].

«Ужас перед разобщающей реальностью города», «одиночество в толпе» [Энциклопедический словарь экспрессионизма 2008, с. 160] становятся ключевыми смыслами в восприятии городского пространства:

Alles hatte ihn nur mit größerer Leere erfüllt. Und nun lebte er in einer großen Pension, vergraben in sein kleines Mansardenzimmer, einsam, von niemand gekannt, einer unter den vielen Einsamen dieser großen Stadt (*Heym*. „*Der Dieb*“).

Allein irre ich in der großen Stadt umher. Niemand schenkt mir Beachtung (*Ehrenstein*. „*Tubutsch*“).

Und wie still in dick verschlossener Höhle
Ganz unangerührt und ungeschaut
Steht ein jeder und fühlt: alleine
(*Wolfenstein*. „*Städter*“).

«Наполненность» и даже «переполненность» в целом – одна из ключевых сем в многосложной структуре мегаполиса как художественного образа. Современный город представляется экспрессионистами большим гудящим муравейником, который населяют безликие люди-муравьи:

Berlin Scharlachkürbis zerbeulte Frucht ins Netz der Himmel schlagend.
Wo Mensch-Ameise schwirrt im jähsten Fabelreich elastischer Korridore
(*Becher*. „*An Berlin*“).

Этот образ репрезентуется в текстах посредством многочисленных сравнений человека с данными и прочими насекомыми:

Wahrhaftig glichen sie den armseligen Fliegen (*Heym*. „*Der Dieb*“).

При описании городского пространства продуктивны такие прилагательные и наречия, как *eng*, *dicht*, *knapp*, *nah*, *niedrig*, *voll*, частотны

существительные, местоимения и глаголы с семантикой множественности (*alle, mehrere, viele, Menschenströme, Menschenmassen, Menge, Gedränge, Reihe, strömen, sich haufen, sich mehren, sich drängen, überfüllen* и т. п.):

Wir sahen in der Enge
Unzählig: Menschenströme und Gedränge,
 Und sahn die Weltstadt fern im Abend ragen (*Heym. „Berlin II“*).

Широко представлены формы множественного числа существительных, одинаково часто обозначающих как людей, так и объекты городской инфраструктуры:

In den engen Straßen unten stoßen sich die Barbiere, die Rolljungen, die Bäcker an (*Döblin. „Astralia“*).

Darein zuweilen Förderstellen blauen Lichtes jähe Horizonte reißen:
 Feuerkreis / von Kugellampen, Dächern, Schloten... (*Stadler. „Fahrt über die Kölner Rheinbrücke bei Nacht“*).

Стоит отметить, что, как правило, точные названия городов, так же как названия улиц, площадей, прочие топонимические реалии отсутствуют. И даже если имена собственные (Берлин, Париж, Нью-Йорк и др.) попадают в сферу лексической репрезентации данного локуса (чаще это происходит в прозе), описание места остается достаточно анонимным и при опускании названия теряет свою соотношенность с тем или иным реально существующим пространством. Город, как правило, фигурирует в качестве некой абстрактно-условной модели человеческого существования, включающей в себя частные пространства улицы, площади, лестницы, комнаты, бара, притона, приюта, церкви, больницы, сумасшедшего дома, тюрьмы, morga и другие, чаще всего отвечающие ситуациям смерти, болезни, преступления, несвободы. Эти частные пространства могут образовывать между собой в рамках того или иного стихотворения или рассказа многочисленные внутренние оппозиции, например: дом – улица, церковь – притон, дворец – приют и т. д., являющиеся образными экспликациями различных смысловых дихотомий: приватное – общественно-социальное, «нормальное» – маргинальное, богатое – бедное, здоровое – больное, опасное – безопасное, богоугодное – богопротивное, статичное – динамичное и т. п.:

Sie halten den Abend der Stuben nicht aus.
Sie schleichen in tiefe Sternstraßen hinaus
(Lichtenstein. „Mädchen“).

Внешнюю оппозицию к городу как ключевому макролокусу образует природа. В основе противопоставления двух ландшафтов – природного (естественного) и урбанистического (искусственного) лежит ключевая антитеза экспрессионизма – противопоставление живой и неживой материи. Если городское пространство выступает как активное, шумное, наполненное, развивающееся, то природное часто как пассивное, тихое, пустынное, вырождающееся:

Der Potsdamer Platz in ewigem Gebrüll
Vergletschert alle hallenden Lawinen
Der Straßentrakte: Trams auf Eisenschienen,
Automobile und den Menschenmüll
(Boldt. „Auf der Terasse des Cafe Josty“).

Gewaltig ist das Schweigen des verwüsteten Gartens... (Trakl. „Helian“)

Частотными при описании природного ландшафта становятся такие прилагательные, наречия, причастия, как *leer, leise, stumm, kahl, blaß, dürr, schweigsam, wüst, verwüstet, verfallen, tot* и т. п. Особенно часто такие застывшие, заброшенные, безмолвные и безлюдные природные пейзажи появляются в произведениях Г. Траkla. В то же время город манифестируется как пространство тесное, замкнутое, ограниченное:

Aus schon umdunkelten Hausfluren, durch enge Winkelhöfe aus protzigen Hallen drängen sich die Verkäuferinnen heraus (Stadler. „Abendschluß“).

Природа – как свободное, открытое, беспредельное:

Natur! nur das ist Freiheit, Weltalliebe ohne Ende! (Däubler. „Der Atem der Natur“)

Во многих текстах антитеза «город – природа» становится значимым композиционным приемом, находя непосредственное выражение в оппозициях слов и словосочетаний, а стремление человека вырваться из каменных джунглей, вернуться в лоно природы, проходит лейтмотивом через многие произведения экспрессионизма:

Du, ich halte diese festen
 Stuben und die dürren Straßen
 Und die rote Häusersonne,
 Die verruchte Unlust aller
 Längst schon abgeblickten Bücher
 Nicht mehr aus.

Komm, wir müssen von der Stadt
 weit hinweg
 (*Lichtenstein. „Der Ausflug“*).

Разновидностью ключевой пространственной оппозиции «город – природа» становится оппозиция «мегаполис – маленький город / деревня», и здесь на первый план, как правило, выходит смысловая дихотомия «настоящее – прошлое»:

Bald nach dem Tode Maria reiste ich an in die Großstadt. Aber die Erinnerung an jene stillen Tage voll Sonnenschein sind mir lebendig geblieben, lebendiger vielleicht als die geräuschvolle Gegenwart. Die kleine Stadt im Talesgrund werde ich nie mehr wiedersehen – ja, ich könnte es nicht, wenn mich auch manchmal eine starke Sehnsucht nach jenen ewig jungen Dingen der Vergangenheit überfüllt (*Trakl. „Traumland“*).

В данном рассказе Г. Тракля эта пространственно-временная оппозиция активно поддерживается не только лексически двумя ассоциативными рядами («прошлое в маленьком городе» – лето, солнце, свет, тепло, цветы, птицы, буйство красок и запахов, любовь, близость, покой, счастье; «настоящее в мегаполисе» – холод, тьма, тоска, одиночество, опустошенность), но и грамматически формами настоящего и прошедшего времени.

Особая роль в пространственном континууме экспрессионизма отводится дороге. Будучи неразрывно связанной с одним из ключевых мотивов экспрессионизма – мотивом странствия, она выводит нас на еще одно крайне значимое для экспрессионизма как художественной системы противопоставление «близкое – далекое» и его вариации «север – юг», «запад – восток».

Am Himmel ahnet man Bewegung,
 Ein Heer von wilden Vögeln wandern
Nach jenen Ländern, schönen, andern
 (*Trakl. „Melancholie des Abends“*).

Если «северо-западное» пространство воспринимается как холодное, мрачное, полное невзгод и лишений, то «юго-восточное» как теплое, яркое, полное жизни, став метафорой «идеалистической дали», воплощением внутренней свободы:

Geträumte Länder, warme Länder, Sonnenländer! O, so hört mein Freiheitlied! Denn aus den großen, kalten, nordischen Städten komme ich, aus Strohhöhlen, Spelunken, trübsten Höhlen der Hungernden, Verworfenen, Verbrecher und Verbannten (*Becher. „De Profundis“*).

Таким образом, в экспрессионизме мы имеем дело с выраженной метафоризацией и условной генерализацией пространства. Тесный, безликий, безрадостный, населенный кошмарами мегаполис – город-молох, город-спрут – становится гротескным воплощением нового, пока еще чуждого человеку мира, новой формой бытия, созданной экспрессионизмом, его ключевым пространственным архетипом, подчеркивающим одиночество личности «маленького человека», затерянного в его лабиринтах. Именно это художественное пространство как нельзя лучше передает духовное смятение человека перед лицом грядущих катастроф и работает на решение одной из ключевых проблем, поднимаемых экспрессионизмом, – проблемы свободы личности в условиях зарождения машинной цивилизации и построения общества потребления с новыми социальными ролями и отношениями. Старый мир, представляемый природой / деревней / маленьким городом, репрезентируется как «уходящая натура», тоска по которой в большинстве текстов звучит довольно явно. В определенной степени экспрессионизм становится квинтэссенцией «ностальгии городского жителя по утраченному золотому веку, по блаженству неведения» [Вольф 2006, с. 8].

Время становится в экспрессионизме столь же условным и субъективным, как и пространство, наполняясь многочисленными символическими коннотациями. Если ключевым местом действия в экспрессионизме становится мегаполис, то ключевым временем действия становится ночь, о чем свидетельствует уже само появление слова (корня) *Nacht* в названии многих произведений: «Da mittenachts ein feiner Regen fiel...», «Die Nacht» (Heym); «Die Nacht», «Nachtergebung», „Nachtlied», «Nachts», «Nachtseele», «Gesang zur Nacht», «Romanze zur Nacht», «An die Nacht», «Winternacht» (Trakl); «O, Nacht:», «Nachtcafe» (Benn); «Winternacht»,

«Heimlich zur Nacht» (Lasker-Schüler); «Fahrt über die Kölner Rheinbrücke bei Nacht» (Stadler); «Die Nächte» (Becher), «Die Nacht fällt schervenlos» (Hasenklever), «In der Mitte der Nacht» (Heynicke), «Mai-Nacht» (Zech), «Die Nachtgefangenen» (Ehrenstein). К этому времени суток нас косвенно отсылают и такие заголовки, как «Mondaufgang» (Schickele), «Mond» (Heym), «Schwarze Sterne», «Der letzte Stern», «Vollmond» (Lasker-Schüler), «Musik der Sterne» (Zech) и т. п.

Ночь выступает в экспрессионизме как многомерный художественный образ, складывающийся из частных метафорических значений и коннотаций, формирующий многочисленные глубинные смыслы. Прежде всего, ночь понимается экспрессионистами как «конец земного дня, конец жизни» [Mautz 1961, с. 247], и в этом своем ключевом символическом значении она неразрывно связана с мотивом смерти:

...Seht, wir sind nun tot.
In weißen Augen wohnt uns schon die Nacht...
(Heym. „Die Morgue“).

Не случайно слова «смерть» и «ночь», равно как и прочие лексические единицы одноименных лексико-семантических полей очень часто совмещаются в контексте одной строки / строфы (одного предложения / абзаца), соединяя воедино сами понятия:

Ein weißer Stern singt ein Totenlied
In der Julinacht,
Wie Sterbegeläut in der Julinacht
(Lasker-Schüler. „Mutter“).

Ассоциативный ряд «ночь – смерть» становится в экспрессионизме одним из самых устойчивых. Это подтверждает и сюжетный анализ произведений, прежде всего прозаических: чаще всего смерть настигает героев экспрессионистских текстов именно ночью. Достаточно вспомнить, например, такие рассказы, как «Die Segelfahrt», «Das Stiftfräulein und der Tod», «Die falsche Tür», «Die Helferin», «Der Ritter Blaubart» А. Дёблина; «Das Schiff», «Der Irre», «Der Dieb» Г. Гейма; «Der tödliche Mai», «Maintonis Hochzeit» К. Эдшмида, «Kokain» В. Райнера.

Не менее актуальны в экспрессионизме тесно взаимосвязанные между собой парадигмы образов «ночь – одиночество» и

«ночь – страдание», вбирающие в себя весь спектр депрессивных чувств, эмоций, состояний, порождаемых тревожным восприятием человеком окружающего мира и себя в этом мире:

Die Sterne fliehen schreckensbleich
Vom Himmel meiner Einsamkeit,
Und das schwarze Auge der Mitternacht
Startt näher und näher.

Ich finde mich nicht wieder
In dieser Todverlassenheit,
Mir ist, ich lieg von mir weltenweit
Zwischen grauer Nacht der Urangeist
(*Lasker-Schüler*. „*Chaos*“).

Если город являет собой пространство, в котором человек ощущает себя наиболее слабым и уязвимым, то ночь являет собой аналогичное время. Экспрессионизму не свойственны романтические представления о ночи как времени трепетных признаний, «обжигающих поцелуев и объятий». Подобные картины если и появляются в экспрессионизме, то, как правило, лишь как горькие воспоминания о былом:

Manchmal aber erwacht der Park aus schweren Träumen. Dann strömt er ein Erinnern aus an kühle Sternennächte, an tief verborgene heimliche Stellen, da er fiebernde Küsse und Umarmungen belauschte, an Sommernächte, voll glühender Pracht und Herrlichkeit <...> an Menschen, die zierlich galant, voll rhythmischer Bewegungen unter seinem Blätterdache dahinwandelten, die sich süße, verrückte Worte zuraunten, mit feinem verheißenden Lächeln (*Trakl*. „*Verlassenheit*“).

В экспрессионизме взамен близости ночь приносит отчуждение, взамен любви – страдание [Тимралиева 2016, с. 416–417].

Следующая устойчивая образная парадигма «ночь – забвение» композиционно, как правило, поддерживается атрибутами опустевшего / заброшенного пространства (ветшающие дома, увядающие сады, зарастающие пруды и т. п.), насыщая текст единицами лексико-семантических полей «пустота» (*Öde, Wüstenei, Leere*), «разрушение» (*Zerfall, Zerstörung, Zerlegung*), «увядание» (*Verwesung, Verwelkung, Verfall*):

Es schweift der Mond durch ausgestorbne Gassen...

(*Däubler. „Flügellahmer Versuch“*)

Sehr leise sinkt ihr Lächeln in den verfallenen Brunnen,

Der bläulich in der Dämmerung rauscht

(*Trakl. „Unterwegs“*).

Если люди становятся ночью более слабыми и беззащитными, то оживающие в это время демоны и прочие призраки, напротив, обретают силу и власть над окружающим миром. В результате наполненная чуждой волей реальность кажется человеку еще более враждебной и опасной, а собственное существование в этой реальности еще менее определенным:

Es blühte kein Stern in jener Nacht

Und niemand war, der für uns bat.

Ein Dämon nur hat im Dunkel gelacht

(*Trakl. „Ballade“*).

Und Geister erscheinen in dieser Nacht,

Und die frommen Leute beten

(*Lasker-Schüler. „Ballade“*).

Наконец, ночь оживляет демонов не только внешних, но и внутренних, максимально обнажая человеческие слабости и пороки. Ночной мир в экспрессионизме – не только мир темных улиц и тесных комнат, пустынных дорог и угрюмых кладбищ. Это еще и мир многочисленных баров и борделей, трактиров и притонов, казино и кабаре, мир похотливых мужчин и продажных женщин, болезненных фантазий и низменных желаний, азартных игр и бурлескных шоу, алкоголя и наркотиков:

O Nacht! Ich nahm schon Kokain,

und Blutverteilung ist im Gange,

das Haar wird grau, die Jahre fliehn,

ich muß, ich muß im Überschwange

noch einmal vorm Vergängnis blühn

(*Benn. „O Nacht –:“*).

Der hagere Mann ging indessen heimlich des Nachts in die niedrigsten Quartiere der Vorstadt, lernte den verlorenen Geschöpfen ihre Obszönitäten und Verderbtheiten ab (*Döblin. „Der Dritte“*).

Как правило, именно ночью маргинальными героями экспрессионизма допускаются роковые ошибки и / или совершаются страшные преступления.

Таким образом, «в когнитивной структуре художественного образа «ночь» в экспрессионизме выявляются следующие устойчивые модели отождествления: ночь – смерть, ночь – страдание, ночь – одиночество, ночь – пустота, ночь – забвение, ночь – призраки, ночь – пороки, ночь – преступления» [Тимралиева 2016, с. 418].

Схожие смысловые ассоциации в экспрессионизме вызывает образ вечера:

Aber als Schneefall und Dunkel die Berge hinwegnahm und entrückte, da wuchs zu der Trauer eine noch unbändigere Verzweiflung: wir könnten auch das Entsetzlichere, wir könnten auch keine Berge mehr sehen, und steigerte sich tödlich, wie an jenem furchtbaren Abend, als zwischen Colmar und Straßburg auf meiner letzten Fahrt die stahlblauen Rücken der Vogesen wie Tiger von mir weg in die Hölle des feurigen Abends hineinsauften, bis nichts mehr war, als Angst, Verlorenhaben und Einsamkeit (*Edschmid*, „*Winter. Tage*“).

Однако если ночь символизирует конец, то вечер – предчувствие / ожидание этого конца, «сумерки» человеческой жизни / человеческой истории:

O der Abend, der in die finsternen Dörfer der Kindheit geht.

<...>

O die Nähe des Todes. Laß uns beten (*Trakl*, „*Nähe des Todes*“).

В свою очередь, амбивалентный образ «сумерки», с одной стороны, отсылает нас к одному из ключевых мотивов экспрессионизма – мотиву конца света; с другой – олицетворяя собой не только закат, но и рассвет, не только конец, но и начало, становится в экспрессионизме одним из ключевых символов радикального обновления мира. На особую роль этого образа в экспрессионизме указывает вынесение слова *Dämmerung* не только в заголовки отдельных произведений – «Winterdämmerung», «Dämmerung» (*Trakl*), «Die Dämmerung» (*Lichtenstein*), «Dämmerung» (*Stramm*), «Dämmerung» (*Däubler*), но и в заглавие самой известной антологии экспрессионистской лирики «*Menschheitsdämmerung. Ein Dokument des Expressionismus*» под редакцией К. Пинтуса.

Другой популярной временной метафорой экспрессионизма, прежде всего, в лирике, становится зима. Этот мотив, достаточно традиционный для немецкой литературы, в экспрессионизме приобретает новое звучание, воспринимаясь метафорически как «зима человеческой истории» [Mautz 1961, с. 138]. Именно это время года в наибольшей степени соответствует представлениям экспрессионистов о современном мире как о мире, где нет места живому:

Wir leben in einem kalten rechteckigen Raum (*Becher. „Deutschland“*).

Образный язык лирики экспрессионизма богат «зимними» метафорами, выражающими отчуждение, оледенение, опустошение, омертвление:

Während der Winter wieder kühl durch das Land geht... (*Klemm. „Betrachtungen“*).

Частотными в поэтическом словаре экспрессионизма становятся такие наречия, прилагательные и причастия, как *winterlich, kalt, kühl, frierend, gefroren, erfroren, eisig, vereist, verschneit* и т. п.:

Eisige Zeiten verschollen... (*Lasker-Schüler. „Täubchen, das in seinem eignen Blute schwimmt“*)

Неразрывно связаны с ними эпитеты *trübe, öde, leer, kahl, starr, verwüetet, verfallen, tot, sterbend, gestorben* и др., содержащие семы «неподвижный», «пустой», «вырождающиеся», «мертвый»:

Die Länder sind verödet, leer von Stimmen,
Vom Winter wie mit weißem Moos vereist (*Heym. „Die Wanderer“*).

Схожие ассоциации рождает и поздняя осень:

Die Dunkelheit des frühen Herbstabends kroch durch die leeren Fenster in das elende Zimmer, es wurde dunkler und dunkler. Der kleine Jonathan lag in seinen großen weißen Kissen, er rührte sich nicht mehr. Und sein Bett schien mit ihm auf einem höllischen Strome herunterzuschwimmen, dessen ewige Kälte in die ewige Starre einer verlorenen Wüste endlos zu laufen schien (*Heym. „Jonathan“*).

Очень часто образы вечера / ночи и образы зимы / поздней осени совмещаются в рамках одной строки / строфы, одного предложения / абзаца и даже одного слова:

Wo du gehst wird Herbst und Abend...
(Trakl. „An die Schwester“)

Ich weiß nicht wo, vielleicht im dunklen Blitz,
Mein Auge stand wie Winternacht im Antlitz...
(Lasker-Schüler. „Mein Drama“)

В результате этого совмещения рождается ассоциативный ряд «тьма – холод – смерть», один из самых устойчивых в экспрессионизме:

Oder wenn er an der frierenden Hand der Mutter
Abends über Sankt Peters herbstlichen Friedhof ging,
Ein zarter Leichnam stille im Dunkel der Kammer lag
Und jener die kalten Lider über ihn aufhob
(Trakl. „Sebastian im Traum“).

Противоположные образы дня и лета появляются в экспрессионизме гораздо реже и, как правило, «оттеняют» образы зимы и ночи, выстраивая к привычному ассоциативному ряду «тьма, холод, пустота, смерть» антонимичный ряд «свет, тепло, полнота, жизнь». Чаще всего при этом актуализируется комбинация «весна (лето) – осень» как оппозиция разнесенных во времени и пространстве метафор детства (юности) и взрослой жизни (старости):

Frömmer kennst du den Sinn der dunklen Jahre,
Kühle und Herbst in einsamen Zimmern;
<...> doch manchmal erhellt sich die Seele,
Wenn sie frohe Menschen denkt, dunkelgoldene Frühlingstage
(Trakl. „Kindheit“).

Уходящее или уже ушедшее лето – в целом типичной вариант реализации данной метафоры в экспрессионизме:

In Sichel-Sehnsucht: wie weit der Sommer ist! (Benn. „D-Zug“)

Таким образом, выраженной мифологизации в экспрессионизме подвергается не только пространство, но и время. Ключевыми метафорами времени становятся «ночь / вечер» и «зима / осень». Выступая в различных семантических инвариантах и наполняясь многочисленными смысловыми коннотациями, они становятся важнейшими звеньями языковой картины мира экспрессионизма, тесно связанными

с его центральными мотивами – мотивом смерти и мотивом конца света, и в полной мере отражают сложное, полное трагизма мироощущение переломной эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вольф Н.* Метафизическая немецкая мешанина : вступ. статья // Экспрессионизм. М. : АРТ-Родник, 2006. С. 6–25.
- Затонский Д. В.* Альфред Дёбблин, или От мира вне себя к миру в себе // Художественные ориентиры XX века. М., 1988. С. 208–234.
- Павлова Н. С.* Вводная статья // Expressionismus. Literatur und Kunst. М. : Радуга, 1986. С. 3–27.
- Пестова Н. В.* Лирика немецкого экспрессионизма: профили чужести. 2-е изд., доп. и испр. Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т, 2002. 463 с.
- Тимралиева Ю. Г.* Город как ключевое художественное пространство экспрессионизма (на основе анализа лирики и малой прозы) // Вестник Тверского гос. ун-та: науч. журнал. Серия: Филология. 2015. № 4. Тверь, 2015. С. 159–165.
- Тимралиева Ю. Г.* «Ночь» и «вечер» как ключевые метафоры времени в лирике и малой прозе немецкого экспрессионизма // Когнитивные исследования языка. Вып. XXV. Тамбов, 2016. С. 415–420.
- Энциклопедический словарь экспрессионизма / гл. ред. П. М. Топер. М. : ИМЛИ РАН, 2008. 734 с.
- Anz Th.* Literatur des Expressionismus. Metzler Verlag, 2002. 272 S.
- Edschmied K.* Lebendiger Expressionismus. Auseinandersetzungen. Gestalten. Erinnerungen mit 31 Dichterporträts von Künstlern der Zeit. Verlag Kurt Desch GmbH, Wien München Basel, 1961. 410 S.
- Mautz K.* Mythologie und Gesellschaft im Expressionismus. Die Dichtung Georg Heyms. Frankfurt-am-Main, Bonn, 1961. 387 S.
- Schneider K. L.* Der bildhafte Ausdruck in den Dichtungen G. Heyms, G. Trakls und E. Stadlers. Heidelberg, 1961. 184 S.

УДК 008:80

Н. Б. Ларионова

кандидат культурологии, доцент кафедры классической филологии МГЛУ; старший преподаватель Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова; e-mail: vorotapystou@yandex.ru

ПРОЧТЕНИЕ СЛОВА ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО «К ЮНОШАМ...» В ПЕРСПЕКТИВЕ СОВРЕМЕННОГО ТЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В настоящей публикации рассматривается Слово к юношам свт. Василия Великого применительно к перспективе современного теологического образования. Данный памятник изучается студентами третьего курса направления подготовки «Теология» Московского государственного лингвистического университета и дает яркий пример «примирения» классического эллинистического образования с христианским мировоззрением и «приспособления» древнегреческой культуры к духовной нравственности современного человека. Обращаясь к античным примерам, свт. Василий Великий, обосновывает тезис о том, что классическое образование имеет не абсолютное, а только пропедевтическое значение, весьма значимое для воспитания христианской молодежи, так как оно помогает понять Священное Писание на примере нравственных поучений и образцов добродетельной жизни из классической литературы и подготавливает к высшей науке – теологии.

Ключевые слова: святитель Василий Великий; слово к юношам; теологическое образование; проповеди; Античность.

N. B. Larionova

PhD (Culturology), Associate Professor, Classical Philology, Moscow State Linguistic University; a senior lecturer of Linguistics Institute and Intercultural Communication of the First Medical University; e-mail: vorotapystou@yandex.ru

READING THE HOMILY OF BASIL THE GREAT “TO YOUNG PEOPLE ...” IN THE PERSPECTIVE OF MODERN THEOLOGICAL EDUCATION

This publication deals with the Homily of st. Basil the Great as applied to the perspective of modern theological education. This monument is a vivid example of the “reconciliation” of classical Hellenistic education with the Christian worldview

and the adaptation of ancient Greek culture to spiritual morality. Referring to ancient examples st. Basil the Great substantiates the thesis that classical education has not absolute, but only propaedeutic value, which is very important for the education of Christian youth, as it helps to understand Scripture on the example of moral teachings and samples of virtuous life from classical literature and helps to prepare for higher science – theology.

Key words: St. Basil the Great; Homily to young people; theological education; sermons; antiquity.

Введение

Поводом к написанию слова «К юношам о том, как получать пользу из языческих сочинений» стала забота Василия Великого о воспитании христианской молодежи. Это слово Василия Великого является одним из наиболее ранних произведений христианской литературы, которое может послужить важным ориентиром для современного теологического образования, поскольку оно помогает переосмыслить античную художественную словесность и образ поведения. При этом античное творчество и мировоззрение рассматриваются автором как доступное средство для воспитания добродетельного человека в традициях христианской Церкви. Обращаясь к античным примерам, Василий Великий, однако, предостерегает от чрезмерного увлечения красотой слога и изысканностью изложения и наставляет в том, как очистить душу, презрев чувственные удовольствия.

Основная часть

Византийское общество после раздела Римского государства в 395 г. н. э. сохраняло и приумножало эллинское культурное наследие и традицию. Этому способствовало и сохранение в восточной части бывшей Римской империи греческого языка. Христианская Церковь вначале своего становления для общения с паствой обращалась к привычным, не вызывающим сомнения у слушателей, формам. Церковь «восприняла многие формы культурной жизни античного общества, наполнив их новым содержанием и ориентировав их на новые цели» [Таривердиева 2015, с. 123].

Во второй половине IV в. до н. э. на греческом Востоке живут и проповедуют Василий Кесарийский, Григорий Богослов и Григорий Нисский, которые составляют ядро каппадокийского кружка.

Творчество каппадокийцев, по мнению филолога, философа и культуролога С. С. Аверинцева является «вершиной усвоения языческой философской культуры христианской Церковью» [Памятники византийской культуры 1968, с. 45].

Родился святой Василий Великий около 330 г. в Кесарии, административном центре Каппадокии, и происходил из известного рода, славившегося как знатностью и богатством, так и дарованиями и ревностью в христианской вере. В роду свт. Василия были военачальники, крупные чиновники, царедворцы, люди состоятельные, имевшие большой общественный вес или блистающие красноречием (Григорий Богослов. Речь XLIII.3.3) [Григорий Богослов 1844]. Родители Василия Великого принадлежали к богатой земельной аристократии и владели обширными угодьями в нескольких малоазийских областях.

Святой Василий Великий с семи лет начал посещать начальную школу. Отец Василия Великого, Василий Старший, будучи известным ритором в Неокесарии, старался дать своим детям, наряду с духовным воспитанием, и хорошее светское образование. Под его руководством св. Василий начал постигать первые азы наук и упражняться в благочестии (Григорий Богослов. Речь XLIII.12.2–3) [Григорий Богослов 1844]. После смерти отца Василий Великий отправился в училище в Кесарию Каппадокийскую, «митрополию наук» (Григорий Богослов. Речь XLIII.13.1) [Григорий Богослов, 1844]. В дальнейшем для получения высшего образования св. Василий переехал в Константинополь, где учился у знаменитого в то время ритора Ливания. Около 350 г. Василий Великий переселяется в Афины, где занимается риторикой, грамматикой, метрикой, философией. Кроме того, он освоил астрономию, геометрию, арифметику и не входившую в основную образовательную программу медицину, по большей части из-за проблем со здоровьем (Григорий Богослов. Речь XLIII.23.2–6) [Григорий Богослов 1844]. В 356 г. Василий Великий уезжает из Афин, чтобы «вступить в жизнь более совершенную» (Григорий Богослов. Речь XLIII.24.1) [Григорий Богослов 1844].

Слово «К юношам...» – один из наиболее популярных текстов Василия Великого, сохранившийся в сотнях рукописей. Св. Василий составил его в самом начале своей литературной деятельности в 363 или 364 г., поскольку оно отражает недавние его занятия классическими античными авторами и было написано сразу после издания

постановления Юлиана Отступника против христианских дидаскалов (учителей). Слово обращено ко всем христианским юношам, которые названы в нем духовными чадами. Это не законченное *Слово*, а некий черновик, который по всей вероятности был озвучен во время лекции перед христианскими юношами в церковном помещении Кесарии [Χρήστου 1989, с. 49–50]. Свт. Василий Великий наводит мосты над пропастью между христианским и классическим образованием. Священное Писание и христианское богословие учит о спасении души и загробной жизни, но молодежь в силу возраста еще не в состоянии вполне понять ее значение и смысл. Следовательно, согласно свт. Василию, христианские ученики могут и должны полностью посвятить себя изучению классической литературы в качестве предварительного упражнения, получая все, что есть в ней полезного. Во время изучения следует выборочно сохранять в памяти хорошее и отвергать вредное, собирать нектар и избегать колючек:

...καθάπερ τῆς ῥόδωνιάς τοῦ ἀνθους δρεψάμενοι τὰς ἀκάνθας ἐκκλίνομεν, οὕτω καὶ ἐπὶ τῶν τοιοῦτων λόγων ὅσον χρήσιμον καρπώσάμενοι, τὸ βλαβερὸν φυλαξόμεθα¹... (Василий Великий. Слово «К юношам...» 4) – ...И как мы отклоняем шипы, срывая цветы с розового куста, так и в этих сочинениях, собрав все полезное, будем остерегаться вредного...²

Свт. Василий Великий признает ценность сочинений древних авторов, однако считает, что читателям произведений классических авторов не следует слепо исполнять то, что написано. Напротив, они должны уметь не только изучать и усваивать прочитанное, но также отвергать бесполезное, формируя свое мировоззрение на основе различных точек зрения. Вот что он пишет по этому поводу:

Τοῦτο μὲν οὖν αὐτὸ καὶ συμβουλευέσων ἦκω, τὸ μὴ δεῖν εἰς ἅπασι τοῖς ἀνδράσι τοῦτοις, ὡσπερ πλοίου τὰ πηδάλια τῆς διανοίας ὑμῶν παραδόντας, ἥπερ ἂν ἄγωσι, ταύτη συνέπεσθαι, ἀλλ' ὅσον ἐστὶ χρήσιμον αὐτῶν δεχομένους, εἰδέναι τί χρὴ καὶ παρῖδειν (Василий Великий. Слово «К юношам...» 1). – Итак, вот что я намерен посоветовать: не должно, однажды вверив этим мужам разум, словно руль корабля, следовать туда, куда бы тебя не повели, но, принимая все, что есть полезного у них, уметь и отвергать ненужное.

¹ Греческий текст приводится по изданию: Βασιλείου Καισαρείας, 1973.

² Здесь и далее перевод наш. – Н. Л.

Все, что способствует хорошему воспитанию, считает свт. Василий, полезно и должно повсюду со вниманием разыскивать и собирать, как пчелы собирают полезное с цветов для изготовления меда:

Κατὰ πᾶσαν δὴ οὖν τῶν μελιττῶν τὴν εἰκόνα τῶν λόγων ἡμῖν μεθεκτέον. – «Итак, во всем нам должно приобщаться к учению по примеру пчел» (Василий Великий. Слово «К юношам...» 4).

Когда же эллинские авторы изображают дурные поступки людей или богов, «должно бежать от этого, затыкая уши, как Одиссей от песен сирен, как говорят античные авторы» (ταῦτα δὲ φεύγειν ἐπιφρασσομένους τὰ ὧτα οὐχ ἦπτον ἢ τὸν Ὀδυσσεῖα φασὶν ἐκεῖνοι τὰ τῶν Σειρήνων μέλη) (Василий Великий. Слово «К юношам...» 4). Напомним, что проплывая мимо острова сирен, Одиссей залепил уши своих спутников воском, а сам он был привязан к мачте, так как волшебница Кирка позволила ему услышать пение сирен (Гомер. Одиссея XII) [Гомер, 1987].

Христианская молодежь может найти в классической литературе достойные восхищения нравственные поучения и примеры добродетельной жизни. Свт. Василий рекомендует для чтения не только уже упомянутого Гомера, но и Гесиода, Феогнида, Солона и Еврипида. Из философов – особенно полезен Платон, на которого часто ссылается свт. Василий, например:

Ἀλλ' οὗτός ἐστιν ὁ ἔσχατος τῆς ἀδικίας ὄρος, εἴ τι δὲ Πλάτωνι πείθεσθαι, τὸ δοκεῖν δίκαιον εἶναι μὴ ὄντα – но крайняя степень несправедливости, если верить Платону, – казаться справедливым, не будучи таковым (Василий Великий. Слово «К юношам...» 6).

В качестве примера добродетельной жизни приводятся видные деятели Древней Греции – Перикл, Сократ, Евклид, Клиний и Александр Великий, добродетели которых во многом согласны с евангельскими заповедями.

Так как о добродетели многое было сказано поэтами, историками и мужами любомудрыми, то «на такие слова должно особенно обращать внимание» (τοῖς τοιοῦτοῖς τῶν λόγων μάλιστα προσεκτέον) (Василий Великий. Слово «К юношам...» 5), – говорит Василий Великий. Он, например, указывает на поэта Гесиода (VIII–VII вв.), говоря:

Ἐμοὶ μὲν γὰρ δοκεῖ οὐδὲν ἕτερον ἢ προτρέπτων ἡμᾶς ἐπ' ἀρετὴν, καὶ προκαλούμενος ἅπαντας ἀγαθοῦς εἶναι... – «Как мне кажется, (Гесиод) ни

к чему иному не склоняет нас, как только к добродетели, призывая всех быть хорошими...» (*Василий Великий. Слово «К юношам...» 5*)

О добродетели говорит и афинский политик, законодатель, поэт VII в. до н. э. один из «семи мудрецов» Солон, обращаясь к богатым:

Ἄλλ' ἡμεῖς αὐτοῖς οὐ διαμεϊψόμεθα τῆς ἀρετῆς τὸν πλοῦτον· ἐπεὶ τὸ μὲν ἔμπεδον αἰεὶ, χρήματα δ' ἀνθρώπων ἄλλοτε ἄλλος ἔχει. – Но мы с ними не поменяемся богатством добродетели, так как оно постоянно, тогда как имуществом людей владеет то один, то другой (*Василий Великий. Слово «К юношам...» 5*).

Свт. Василий указывает, что все творчество Гомера есть похвала добродетели. В качестве доказательства он приводит сцену появления перед народом феаков Одиссея, который потерпел кораблекрушение и вместо одежды был украшен добродетелью – ἐπειδὴ περ αὐτὸν ἀρετῆ ἀντὶ ἱματίων κεκοσμημένον ἐποίησε (*Василий Великий. Слово «К юношам...» 5*). Гомер, добавляет свт. Василий, словно желает сказать:

Ἀρετῆς ὑμῖν ἐπιμελητέον, ὧ ἀνθρώποι, ἢ καὶ ναυαγήσαντι συνεκνήχεται καὶ ἐπὶ τῆς χέρσου γενόμενον γυμνὸν τιμώτερον ἀποδείξει τῶν εὐδαιμόνων Φαιάκων. – Люди! Вам должно заботиться о добродетели, которая спасается вместе с потерпевшим кораблекрушение и оказавшегося на суше нагим делает более почтенным, чем счастливые феаки (*Василий Великий. Слово «К юношам...» 5*).

Далее свт. Василий Великий, говоря о добродетели, приводит по памяти рассказ из обширного сочинения софиста V в. до н. э. Продика, который затем можно встретить у Ксенофонта в его труде «Воспоминания о Сократе» (II, 21–34). Когда Геракл был еще молодым и рассуждал о том, какой жизненный путь ему выбрать: тот, который через труды приведет его к добродетели, или другой, более легкий, к нему подошли две женщины, которые оказались Добродетелью и Пороком. Одна из них была прекрасна, дышала роскошью, за ней неотлучно следовали различные удовольствия. Эта женщина, стараясь привлечь Геракла, указывала на наслаждения и обещала ему еще большие радости. Другая женщина была одета скромно, но опрятно, с чертами врожденного благородства, стыдливость и целомудрие были в очах ее. Она не обещала Гераклу ничего, кроме трудов, подвигов и опасностей, как на суше, так и на море. Но этот тернистый путь приведет

его к бессмертной славе и блаженству наравне с богами. Геракл последовал за Добродетелью.

Продик в этом рассказе аллегорически представил проблему выбора, с которой сталкивается каждый в начале жизненного пути, избрав для большей наглядности своей аллегории знаменитого героя Геракла. Важным новшеством изложения Продика (которое впоследствии подхватили Ксенофонт и свт. Василий Великий) является указание на свободную волю Геракла в выборе своей судьбы, хотя, согласно мифам, путь Геракла был предопределен еще до его рождения¹. Любопытно, что этот сюжет не входит в список канонических мифов о жизни Геракла, являясь более поздним дополнением античных авторов, но именно его и приводит в качестве примера свт. Василий, следуя собственному призыву – по примеру пчел отбросить бесполезное и брать лучшее.

Интересен также пример, который свт. Василий заимствует из трудов древнегреческого писателя II в. н. э. Плутарха. Плутарх (Плутарх. Перикл V)[Плутарх 1986, с. 287] приводит случай из жизни афинского государственного деятеля, вождя афинской демократии, знаменитого оратора и полководца V в. до н. э. Перикла: некий человек бранил и оскорблял Перикла, который целый день молча переносил это на площади, заканчивая какое-то неотложное дело. Вечером же Перикл пошел домой, но тот продолжал следовать за ним, осыпая его всякими ругательствами. Перед тем как войти в дом, так как было уже темно, Перикл велел своему слуге взять светильник и проводить этого человека до самого дома, чтобы – уже от себя добавляет свт. Василий – «не пропало у него упражнение в философии» (ὄπως αὐτῷ μὴ διαφθαρεῖν τὸ πρὸς φιλοσοφίαν γυμνάσιον) (*Василий Великий. Слово «К юношам...»* 7). Подобным образом, согласно св. Василию, поступил и ученик Сократа Евклид из Мегар (IV в.). Когда однажды кто-то, рассердившись, грозил ему смертью, то тот поклялся, что постарается умиловить своего врага и сменить его гнев на милость. Свт. Василий Великий говорит, что поступок Перикла и Евклида

---

¹ Русский исследователь античности П. А. Сапронов считает, что любой греческий герой был «героем поневоле». «Греческий герой – это ребенок, но герой, человек, принуждаемый судьбой, но к героическому поступку» [Сапронов 2005, с. 177]. Греческие герои капризны, это дети, знающие прежде всего самих себя, они вовлекают в свои склоки родителей-богов или же, наоборот, участвуют во взрослых распрях.

согласен с евангельскими заповедями блаженства «терпеть преследователей и кротко переносить их гнев» – τοὺς διώκοντας ὑπομένειν καὶ πρᾶως αὐτῶν τῆς ὀργῆς ἀνέχεσθαι (*Василий Великий. Слово «К юношам...» 7*) и так же «врагам желать блага, а не проклинать» – τοῖς ἐχθροῖς εὐχεσθαι τὰ ἀγαθὰ, ἀλλὰ μὴ ἐπαρᾶσθαι (*Василий Великий. Слово «К юношам...» 7*).

В качестве примера для подражания св. Василий приводит также знаменитого философа Сократа. Однажды некто напал на Сократа, ударяя его по лицу, а тот не противился, хотя лицо его покрылось ранами и опухло, но дождался того момента, когда этот пьяный человек удовлетворит свой гнев до конца. После этого Сократ сам написал себе на лбу «это сделал такой-то»¹. Этот поступок Сократа, говорит свт. Василий, согласен с одной из евангельских заповедей, по которой должно подставить и другую щеку ударяющему (Мф. V, 39).

Свт. Василий Великий не может не упомянуть и о поступке Александра Македонского. Когда Александр пленил дочерей Дария, известных своей красотой, то не пожелал их увидеть, считая «постыдным, что муж-победитель окажется пленен женщинами» – αἰσχρὸν εἶναι κρίνων τὸν ἄνδρα ἐλόντα γυναικῶν ἡττηθῆναι (*Василий Великий. Слово «К юношам...» 7*). Даже персы признавали, что «скромность Александра в обращении с персидскими женщинами превосходит храбрость, проявленную им в столкновении с персидскими мужами» (Плутарх. Александр ХХХ) [Плутарх 1987, с. 392]. Поступок Александра Македонского свт. Василий соотносит с евангельской заповедью о том, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем (Мф. V, 28).

Далее свт. Василий Великий говорит о поступке Клиния, одного из учеников Пифагора (Ямвлих. Жизнь Пифагора ХХVІІІ) [Ямвлих 1998], который предпочел заплатить три таланта, не пожелав дать клятву. Он, говорит свт. Василий, будто слышал евангельскую заповедь, запрещающую клясться (Мф. V, 33). Слова же Платона о том, что столько нужно иметь попечений о теле, сколько оно служит для философии, находят подтверждение в словах ап. Павла о том, что попечения о плоти не нужно превращать в похоть (Рим. XIII, 14).

¹ Видимо, следуя примеру Фидия, который написал на базе статуи Зевса: Φεῖδιος Ἰαρχμίδου υἱὸς Ἀθηναῖος μ' ἐποίησεν – «меня сделал афинянин Фидий, сын Хармида» (*Павсаний V, 10, 2*) [Павсаний 2002].

Упоминает свт. Василий также о поступке Диогена, который на вопрос Александра Македонского нет ли у него какой-нибудь просьбы, ответил: «Отступи чуть в сторону, не заслоняй мне солнце» (Плутарх. Александр XIV) [Плутарх 1987, с. 373]. Свт. Василий восхищается тем, насколько равнодушно Диоген относился ко всему человеческому и земному, в виду того, что Диоген искренне считал себя богаче великого царя (*Василий Великий. Слово «К юношам...» 9*).

Не оставляет Василий Великий без внимания и известных древнегреческих скульпторов V в. до н. э. Фидия и Поликлета, которые «не превозносились золотом и слоновой костью» – τῷ χρισίῳ μέγα ἐφρόνουσιν καὶ τῷ ἐλέφαντι (*Василий Великий. Слово «К юношам...» 9*). Можно, однако, здесь упомянуть о том, что Фидий после окончания работ над статуей Афины Парфенос был обвинен в воровстве. Но он, по совету Перикла, прикрепил золото к статуе таким образом, чтобы его можно было снять и проверить его вес. После того, как это было сделано, обвинения в воровстве против Фидия отпали. Это и дает уверенность свт. Василию Великому указывать на Фидия, как на пример добродетельного поведения для христианской молодежи.

Заключение

В *Слове к юношам* подчеркивается польза, которую может получить молодежь, как из философских сочинений, так и из произведений эллинской литературы. Свт. Василий считает эллинскую письменность и вообще всю языческую «внешнюю» мудрость (θύραθεν σοφίαν) необходимым и весьма значимым подготовительным этапом, перед тем, как молодые люди перейдут к изучению и разумению высшей мудрости, то есть будущей жизни, о которой учит Священное Писание (*Василий Великий. Слово «К юношам...» 3*). Необходимость внешнего образования, в качестве пропедевтики к божественным наукам, подтверждается у свт. Василия библейскими примерами из жизни Моисея и Даниила. Первый перешел к созерцанию бытия лишь после того, как изучил египетскую науку, а второй – после того, как был обучен халдейской мудрости. Слово к юношам Василия Великого имеет ценность для современного теологического образования, поскольку закладывает основу общекультурных ценностей и дает образец избирательного использования нехристианской культуры в деле духовного воспитания молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Григорий Богослов, свт. Творения. М. : В типографии Августа Семена при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1844. Т. IV. 369 с.
- Гомер*. Илиада. Одиссея / пер. с др.-греч. В. В. Вересаева ; сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. А. Тахо-Годи. М. : Просвещение, 1987. 400 с.
- Павсаний*. Описание Эллады / пер. с др.-греч. С. П. Кондратьева ; под ред. Е. В. Никитюк. М. : ООО «Изд-во АСТ» : «Ладомир», 2002. Т. I. 492 с.
- Памятники византийской литературы IV–IX веков / отв. ред. Л. А. Фрей-берг. М. : Наука, 1968. 355 с.
- Плутарх*. Избранные жизнеописания : в 2 т. / пер. с др.-греч. ; сост., вступ. ст., прим. М. Томашевской, Ил. Вл. Медведева. М. : Правда. Т. I. 1986. 592 с. ; Т. II. 1987. 608 с.
- Сапронов П. А.* Феномен героизма. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия», 2005. 608 с.
- Таривердиева М. А.* Христианский дискурс и античная культура // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. Вып. 5 (716). Теологический дискурс и языковая картина мира. С. 122–130. (Языкознание и литературоведение).
- Ямвлих*. Жизнь Пифагора. М. : Алетея, Новый Акрополь, 1998. 248 с.
- Βασιλείου Καισαρείας του Μεγάλου. Άπαντα τα έργα. Ομιλίες και λόγοι / Εισαγωγή – μετάφραση – σχόλια Β. Ψευτογκά. Θεσσαλονίκη: Πατερικά εκδόσεις «Γρηγόριος Παλαμάς», 1973. Τ. VII. 439 σ.
- Χρήστου Π. Κ.* Ελληνική Πατρολογία, Περίοδος θεολογικής ακμής Δ' και Ε' αιώνες. Θεσσαλονίκη : Εκδοτικός οίκος Κυρομάνος, 1989. Τ. IV. 573 σ.

РОЛЬ РЕФОРМАЦИИ В ИСТОРИИ ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Цель данной работы – рассмотреть взаимодействие политических, социальных, религиозных и языковых процессов, имевших место в XVI–XVII вв. в германо-язычных странах Европы, охваченных Реформацией. Анализ этого взаимодействия требует решения целого ряда вопросов, а именно: 1) определение формы, в которой осуществлялось влияние Реформации на германские языки, и характера этого воздействия; 2) изучение реакции, наблюдавшейся в отдельных германских языках на политические, религиозные и другие процессы эпохи Реформации; 3) установление связи между характером протекания Реформации в стране и степенью ее воздействия на язык; 4) выявление культурно-исторической значимости переводных текстов эпохи Реформации; 5) рассмотрение возможного влияния Контрреформации на германские языки и др.

Обращение к историческим и языковым процессам требует установления четких временных рамок тех и других. Началом Реформации принято считать 31 октября 1517 г. – день опубликования Мартином Лютером своих знаменитых 95 тезисов. Конец Реформации обычно связывают с завершением Тридцатилетней войны (1618–1648), хотя в ряде европейских государств основные реформационные процессы завершились задолго до этого.

Несмотря на различные масштабы и интенсивность протекания Реформации в отдельных европейских странах, в истории всех национальных германских языков, за исключением, разумеется, идиша и африкаанса, XVI век выделяется либо как самостоятельный период истории, либо, чаще, как начало нового периода, характерной чертой которого является переход от языка народности к национальному языку и становление литературных норм.

Влияние Реформации на национальные языки не ограничивается распространением библейских переводов, но именно они являются наиболее ощутимым ее результатом. В Германии выдающуюся роль в истории библейского перевода (и, в целом, Реформации) сыграла Библия Мартина Лютера. Ее текст оказал влияние не только на формирующиеся нормы литературного немецкого языка, но и на библейские переводы на других германских языках. В Англии роль национального перевода была отведена Библии короля Якова представляющей собой конгломерат более ранних переводов, среди которых особое место занимает Библия Тиндейла. Нидерландские, датские, шведские, исландские переводы следуют преимущественно Библии Мартина Лютера, даже если они выполнены с первоисточников.

Распространение библейских переводов и религиозной, а также научной литературы на национальных языках привело к появлению новых типов текстов, в которых были представлены речевые образцы той эпохи. Библейские переводы,

став в силу своей культурной значимости прецедентными текстами, способствовали нормализации этих образцов. Таким образом, Реформация оказала сильнейшее влияние на развитие национальных языков Европы и в первую очередь – германских языков.

Ключевые слова: Реформация; национальные языки; библейский перевод; литературная норма.

Y. B. Yakovenko

Doctor of Philological Sciences, Assistant Professor;
leading researcher of the Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences; e-mail: yakovenko_k@rambler.ru

ROLE OF THE REFORMATION IN THE HISTORY OF GERMANIC LANGUAGES

This work is aimed at examining the interaction of political, social, religious and linguistic processes that took place in the 16th – 17th c. in the German-speaking countries of Europe, covered by the Reformation. An analysis of this interaction requires the solution of a number of issues, among which: 1) determining the form in which the Reformation influenced the Germanic languages, and the nature of this impact; 2) the study of the reaction observed in certain Germanic languages on the political, religious, and other processes of the Reformation era; 3) establishing a connection between the nature of the Reformation's progress in the country and the degree of its impact on the language; 4) revealing the cultural and historical significance of the translated texts of the Reformation period; 5) consideration of the possible influence of the Counter-Reformation on Germanic languages, etc.

Investigation of interrelated historical and linguistic processes requires clearly cut chronological frames for both. The beginning of the Reformation is considered October 31, 1517 – the day Martin Luther published his famous 95 theses. The end of the Reformation is usually associated with the end of the Thirty Years' War (1618–1648), although in a number of European states the main reform processes ended long before that.

Despite different scale and intensity of the Reformation in different European countries, in the history of all national Germanic languages, except, of course, Yiddish and Afrikaans, the 16th century is considered either as a particular period of history, or, more often, as the beginning of a new period, a characteristic feature of which is the transition to the national language and the development of literary norms.

The influence of the Reformation on national languages is not limited to the spread of biblical translations, though they are its most conspicuous result. In Germany, the Luther Bible played an outstanding role in the history of the biblical translation (and, in general, the Reformation). Its text influenced not only the emerging norms of the literary German language, but also the biblical translations in other Germanic languages. In England the role of the national Bible was assigned to the King James Bible, which is a blend of earlier translations, among which the Tyndale Bible

dominates. Dutch, Danish, Swedish, Icelandic translations mainly follow the Luther Bible, even if they are performed from original texts.

The spread of biblical translations as well as religious and scientific prose in national languages led to the appearance of new types of texts in which speech samples of the period were presented at large. Biblical translations, becoming precedent texts by virtue of their cultural significance, contributed to the normalization of these samples. Thus, the Reformation had a strong influence on the development of national languages of Europe and, in the first place, Germanic languages.

Key words: Reformation; national languages; Biblical translation; literary norm.

Реформация, 500-летие начала которой Европа торжественно отметила в 2017 г., – сложный исторический процесс, оставивший свой след во многих сферах общественной жизни. Религиозное движение, имевшее первоначально своей целью борьбу со злоупотреблениями церкви, переросло в мощную силу, трансформировавшую структуру общества, породившую новые экономические, политические, социальные отношения, иное взаимодействие человека с церковью и, в конечном счете, новый взгляд человека на мир. Выдающийся специалист по истории Реформации, автор многочисленных трудов Дж. Р. Элтон писал об этом явлении:

Secularisation, princely ascendance over the Church, religious diversity, may all have been present before 1517; but thereafter they became effective, general and predominant. The character of European politics, thought, society and religion was made over by that great outburst against the powers of the papal monarchy and the claims of the priesthood. ...Despite the earlier movements with similar aims and inspirations, only the Protestant Reformation resulted in a lasting division with Church that had looked to the Rome [Elton 1958, с. 2].

«Секуляризация, возвышение светской власти над церковной, религиозное разнообразие – всё это могло наблюдаться и до 1517 года, но после него эти черты стали явными, всеобщими и доминирующими. Характер европейской политики, мысли, общества и религии был сформирован этим всплеском борьбы против единоличной власти папы и притязаний духовенства. ...Хотя до этого движения с подобными целями и устремлениями также имели место, лишь протестантская Реформация привела к длительному отделению от церкви, обращенной к Риму» (здесь и далее перевод автора. – Е. Я.).

Данная работа имеет своей целью рассмотрение взаимодействия политических, социальных, религиозных и языковых процессов,

имевших место в XVI–XVII вв. в германоязычных странах Европы, охваченных Реформацией. Анализ этого взаимодействия требует решения целого ряда вопросов, среди них:

- 1) определение формы, в которой осуществлялось влияние Реформации на германские языки, и характера этого воздействия;
- 2) изучение реакции, наблюдавшейся в отдельных германских языках на политические, религиозные и др. процессы эпохи Реформации;
- 3) установление связи между характером протекания Реформации в стране и степенью ее воздействия на язык;
- 4) выявление культурно-исторической значимости переводных текстов эпохи Реформации;
- 5) рассмотрение возможного влияния Контрреформации на германские языки.

Не предполагается, что в рамках данного исследования будет дан исчерпывающий ответ на все поставленные вопросы – они, скорее, представляют возможный план исследовательской программы лингвистов, стремящихся вместе со специалистами других областей внести свой вклад в изучение многостороннего явления Реформации.

Обращение к историческим и языковым процессам требует установления четких временных рамок тех и других. Периодизация Реформации остается на сегодняшний день спорной. Ее началом принято считать 31 октября 1517 г. – день, когда Мартин Лютер, доктор богословия Виттенбергского университета, прибил, по легенде, к двери Замковой церкви (Schlosskirche) свои знаменитые 95 тезисов. Конец Реформации обычно связывают с завершением Тридцатилетней войны (1618–1648), хотя в ряде европейских государств основные реформационные процессы завершились задолго до этого. Дж. Р. Элтон, рассматривая Реформацию в узком смысле, ограничивает ее периодом с 1517 г. до конца 1550-х гг., поскольку решения Тридентского Собора (1559) уже знаменуют начало Контрреформации [Elton 1958, с. 2].

Известный исследователь Реформации Р. Скрибнер, рассуждая на тему универсальности и национальной специфичности этого процесса, утверждает:

The Reformation, therefore, is a subject which is pre-eminently suited for viewing ‘in national context’ ... The Reformation as a European phenomenon has, therefore, oscillated between seeing it as a matter of local variants on

a central theme, and emphasising the peculiarities and distinctiveness of the local tradition.

«Таким образом, Реформация – это предмет, который лучше рассматривать в «национальном контексте» ... Изучение Реформации как европейского явления долгое время колебалось между представлением ее как совокупности локальных вариантов одной общей темы и подчеркиванием местной специфики» [Scribner 1984, с. 2].

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть процессы Реформации (и, в дальнейшем, их влияния на германские языки) в конкретном культурно-историческом контексте.

Так, в истории Реформации в Германии, ставшей на долгое время центром политических и религиозных движений, отечественные историографы обычно выделяют три этапа:

1) мирное течение Реформации (от ее начала до уничтожения Лютером папской буллы (1517–1520);

2) этап политической и социальной дифференциации реформационного движения (1521–1525), в результате чего внутри Реформации сложились буржуазно-бюргерское (М. Лютер, Ж. Кальвин), народное (Т. Мюнцер) и княжеское направления; важнейшие события этого этапа – неудачное рыцарское восстание и народные волнения, переросшие в Крестьянскую войну;

3) княжеский этап (1526–1555), завершившийся Аугсбургским религиозным миром [История Средних веков 2008, т. 2, с. 73–109].

За этим следует длительный период политического и идеологического противостояния протестантов и католиков, развивавшегося с переменным успехом с середины XVI в. и до окончания Тридцатилетней войны в 1648г. Ф. Шафф предлагает несколько иную периодизацию Реформации:

1) с 1517 г. до Аугсбургского рейхстага и Аугсбургского исповедания (1530);

2) с 1530 г. по Аугсбургский мир (1555);

3) с 1555 г. до принятия окончательного варианта «Формулы согласия» (1577) или вступления ее в силу (1580);

4) от 1580 г. до окончания Тридцатилетней войны (1648) [Шафф 2009, с. 61–62].

В истории Реформации в Швейцарии выделяется два этапа, связанных соответственно с именами У. Цвингли и Ж. Кальвина: 1) период

Цвингли, делящийся от начала Реформации до его гибели в 1531 г., и 2) кальвинистский период, концом которого следует считать смерть Кальвина в 1564 г. или Т. Безы в 1605 г. [там же, с. 62]. В Австрии идеи Реформации развивало дворянство, находившееся в оппозиции к Габсбургам, но в XVII в. протестантизм здесь был полностью подавлен.

Хронологические рамки реформационных процессов в Нидерландах и Германии в основном совпадают. С 40-х гг. XVI в. в Нидерландах получил распространение кальвинизм.

Началом Реформации в Англии обычно считается 1531 год, когда король Генрих VIII провозгласил себя главой церкви, отказавшись подчиниться власти Папы. В последующие годы (с 1532 по 1534 гг.) английским парламентом было принято семь постановлений, окончательно закрепивших разрыв с Римом (акт об ограничении апелляционных жалоб, акт церковных назначений, акт о праве архиепископа Кентерберийского освобождать от обетов, акт о верховенстве короля и др.) [Вейш 1976, с. 25].

Поскольку Реформация в Скандинавии следует в основном немецкой Реформации, ее временными рамками считаются 1517–1648 гг. Однако Реформация, носящая так называемый королевский характер (т. е. принесенная «сверху»), побеждает в этом регионе довольно рано: в Швеции – в 1527 г., в Дании и находящихся в унии с нею (фактически входящих в ее состав) Норвегии и Исландии – в 1537 г. Реформация в Швеции способствовала упрочению династии Ваза. Введение лютеранства в Дании и зависимых от нее странах укрепило власть датского короля.

Рассмотрение периодизации германских языков (кроме, разумеется, незатронутых Реформацией идиша и африкаанса; фризский и фарерский и языки народностей в данном исследовании не рассматриваются) позволяет выявить сходные черты их истории: так, в английском языке новоанглийский период, знаменующий переход от языка народности к национальному языку, начинается во 2-й пол. XV в., в немецком языке ранненововерхненемецкий период охватывает начало XV в. – начало XVII в., включая, таким образом, весь период Реформации (иногда в истории немецкого языка выделяется лютеровская эпоха – XVI в.). В нидерландском языке в XVI в. начинается новонидерландский период и складываются предпосылки формирования литературного языка. XVI в., точнее, его середина, служит

границей между древним и новым периодами в датском и исландском и границей между средним и новым периодами в шведском и норвежском языках [Языки мира. Германские языки ... 2000, с. 48, 130–131, 171, 222, 277–278, 303]. Очевидно, что в истории всех национальных германских языков, за отдельными вышеназванными исключениями, Реформация является важной исторической вехой.

Неразрывная связь исторических и языковых процессов устанавливается в трудах отечественных лингвистов. В германском языкознании советского периода был создан ряд блестящих работ, авторы которых выявили исторические предпосылки преобразований в языках, сложившиеся в период Реформации или следом за ней. Так, В. М. Жирмунский указывал: «... победа бюргерской, умеренной лютеранской реформации в значительной части северной и средней Германии и во многих крупных городских центрах южной Германии (Аугсбург, Нюрнберг, Страсбург и др.) оказала существенное влияние на судьбы немецкого языка. В соответствии с идеологией бюргерской реформации эта победа привела прежде всего к переводу просвещения (сначала – преимущественно клерикального) на родной язык, сделав его доступным широкому слою городского населения. Тем самым наметились новые пути для широкого распространения книжной, письменной языковой нормы и новые возможности непосредственного влияния этой нормы на разговорный язык «образованного общества», т. е. прежде всего социальной верхушки бюргерства. В этих условиях язык лютеровской библии, его катехизиса и церковных песен, его трактатов и посланий приобретает особое значение в закреплении письменной, а впоследствии и устной нормы национального языка [Жирмунский 1948, с. 57–58]. По мнению О. И. Москальской, сложились «благоприятные условия, которые определили исключительное влияние языковой деятельности Лютера на развитие немецкого литературного языка» [Москальская 1959, с. 43].

М. М. Гухман, уделявшая в своих работах большое внимание Реформации и той роли, которую в ней сыграл Лютер, отмечала: «Стремлением отойти от чуждых народу латинских образцов, ... приблизиться к народной языковой стихии объясняются те фразеологические и стилистико-синтаксические особенности, которые были общими у Лютера и других его современников, принадлежавших к лагерю протестантской реформации ... Эти новые стилевые тенденции Лютер

перенес в язык библии... Лютер внес в эту традицию дух нового времени, обогатив язык библии теми выразительными средствами, которые создавались веками в устном народном языке... Сила языка Лютера, мощь и гибкость его стиля создали из старого текста совершенно новый образец литературного языка... Языковое влияние Лютера непосредственно связано с его реформаторской деятельностью. Победа реформации означала одновременно победу того варианта литературного языка, который был представлен произведениями Лютера... Благодаря Лютеру [восточносредне немецкий] вариант литературного языка был поднят до уровня наддиалектной нормы» [Гухман 1959, с. 157–158]. На особое место Лютера в истории немецкого литературного языка указывала Н. Н. Семенюк: «Роль Лютера в последующем языковом развитии несопоставима с ролью его современников прежде всего по причинам исторического порядка. Победа Реформации во многом способствовала распространению того типа языка, который был представлен в произведениях Лютера» [Семенюк 2000, с. 75].

Реформация в Англии протекала совершенно иначе, и ее влияние на английский язык не носило столь выраженного характера. Говоря о ранненовоанглийском периоде, В. Н. Ярцева, Т. А. Расторгуева, Б. А. Ильиш отмечали снижение роли латинского языка, преобладание литературного английского языка над диалектами [Ярцева 2004, с. 115], всплеск национальной литературы, «английский литературный ренессанс» [Ильиш 1958, с. 260; Расторгуева 1983, с. 169].

Исследуя историю нидерландского языка, С. А. Миронов подчеркивал: «Победа буржуазной революции в Нидерландах привела к национальному объединению северных провинций под гегемонией Голландии и создала благоприятные предпосылки к образованию нидерландского национального языка. Это был период Реформации и Ренессанса в Нидерландах. Нидерландский язык в XVI в. начал заметно расширять свои функции, постепенно распространяясь на новые сферы коммуникации и области общественной жизни, а также на новые, ранее отсутствовавшие типы и жанры письменности» [Миронов 1973, с. 13].

На сходные явления указывал М. И. Стеблин-Каменский в скандинавском регионе, утверждая, что Реформация способствовала усилению роли местных языков в противовес латыни, расширению их функций, становлению их как национальных языков [Стеблин-Каменский 1953, с. 54–72].

Рассматривая социальные и языковые процессы как единое целое, отечественные германисты обращают особое внимание на тот факт, что в ходе Реформации сформировались определенные типы текстов, языковые и стилистические особенности которых легли в основу литературных языков. Следует уточнить, что наиболее зримо эти особенности были представлены в библейских переводах, получивших широкое распространение в XVI–XVII вв. Библейские переводы – не единственная, но, безусловно, важнейшая форма влияния Реформации на национальные языки.

Библия Мартина Лютера, выполненная с первоисточников: греческого Нового Завета и древнееврейского текста Ветхого Завета, открыла новую эру в истории библейского перевода. Этой Библии предшествовали многочисленные предреформационные переводы, выполненные с Вульгаты. Работа над переводом Библии на немецкий язык была начата Лютером в 20-е гг. XVI в. Новый Завет был выпущен им в 1522 г., затем стали выходить отдельные книги Ветхого Завета и, наконец, в 1534 г. вышел полный текст Библии. Популярность Лютеровской Библии была очень высока. «За пять лет, с 1518 по 1523 гг., было напечатано больше немецких книг, чем за предыдущее столетие (от изобретения книгопечатания и до 1518 г.), причем из 1446 немецких книг, изданных за эти пять лет, 556 принадлежали Лютеру» [Гухман 1959, с. 123]. Выходившие в это же время католические переводы: Новый Завет Эмсера (1527); полная Библия Иоганна Дитенбергера (1534), Библия Иоганна Эка (1537) и др. – значительно уступали Лютеровской Библии по популярности. В течение XVI–XVII вв. Лютеровская Библия неоднократно переиздавалась с минимумом исправлений (главным образом орфографического характера). Протестантские переводы Библии, выходившие в этот период, испытывали на себе ее сильное влияние.

История английских библейских переводов эпохи Реформации начинается с Библии Тиндейла (Tyndale). Уильям Тиндейл, получивший образование в Оксфорде и Кембридже, знал древние языки и имел в своем распоряжении те же источники, что были у Лютера: древнееврейский текст Ветхого Завета и греческий текст Нового Завета, изданный Эразмом Роттердамским. Поскольку в эпоху правления короля Генриха VIII любые попытки перевести Священное Писание на родной язык жестоко преследовались, Тиндейл вынужден был скрываться в Европе. Он издал Новый Завет (1535) и Пятикнижие (1530),

подготовил к печати другие книги Ветхого Завета, но был предательски схвачен, обвинен в ереси и казнен в 1536 г. Точности, целостности и живости языка этой Библии следовали многие идущие за ним переводчики, и ее значительная часть (по данным [Coggan 1963, с. 28–30], до 90%) легла в основу Библии короля Якова.

Последующие переводы Библии на английский язык: Библия Ковердейла (первый полный печатный английский перевод) (1537), Библия Томаса Мэттью (1537), Библия Тавернера (1539), «Великая Библия» (первая официальная английская Библия) (1540), Женевская Библия (1560), «Библия епископов» (1568), уже не подвергавшиеся столь жестоким гонениям, так или иначе воспроизводили текст Тиндейла [Brake 2008, с. 111–116; Parker 1966, с. 28; Хилл 1998, с. 77; The Cambridge History of the Bible 1969, с. 59]. Альтернативу этим текстам составлял католический перевод Библии на английский язык – Библия из Реймса-Дуэ (The Reims-Douay Bible) (Новый Завет – 1582 г., полная Библия – 1610 г.).

Библия короля Якова, работа над которой была начата в 1604 г., вскоре после восхождения на трон короля Якова I, изначально задумывалась как компиляция и переработка предшествующих переводов: Библии Тиндейла, Библии Ковердейла, Библии Мэттью, «Великой Библии», «Епископской Библии» и даже «Женевской Библии» [Brake 2011, с. 89].

Перевод готовился в течение ряда лет, был закончен в 1611 г. и, получив одобрение епископов и личное утверждение монарха (откуда его второе название – The Authorised Version), стал единственным официально признанным библейским текстом [Яковенко 2011].

Интерес к библейским переводам в Нидерландах резко возрос в эпоху Реформации. Библия Лютера была переведена на нидерландский язык Якобом Лисфельдтом в 1526 г. Созданный в противовес ему католический перевод вышел ненамного позже – в 1548 г.

Библейские переводы, выходящие в странах Скандинавии, испытали на себе сильное влияние Лютеровской Библии. Первый датский реформационный перевод Библии был подготовлен Х. Винтером и Х. Миккельсенем в 1524 г. В 1550 г. вышла Библия Христиана III, ее последующие переиздания назывались именами монархов, в эпоху правления которых они создавались: 1589 г. – Библия Фредерика II, 1633 г. – Библия Христиана IV. Перевод Ханса Поульсена Ресена (1605–1607) стал первой датской Библией, выполненной непосредственно с древних (древнееврейских и греческих) текстов.

Вскоре после того как Швеция приобрела независимость от Дании (начало XVI в.), в Стокгольме по повелению короля был издан перевод Нового Завета на шведский язык. В его основе лежали наряду с текстом Лютера Вульгата и греческий текст, подготовленный и изданный Эразмом Роттердамским. Первой полной Библией в Швеции стала так называемая Библия Густава Васы (по имени шведского монарха), изданная в Упсале в 1541 г. на основе Лютеровской Библии и предшествующего шведского перевода. Это был первый полный перевод Библии, выполненный на скандинавском языке.

Норвегия испытала на себе многовековое господство Дании, и все переводы Библии, распространявшиеся в Норвегии до начала XIX в., были датскими.

Первый перевод Нового Завета на исландский язык принадлежит Одду Готтскальксону (1540) и основывается одновременно на Вульгате и Лютеровской Библии. Впервые исландская Библия была полностью издана в 1584 г. в переводе Гудбранда Торлаксона. Она считалась официальным церковным переводом вплоть до появления Библии Торлаукура Скуласона (1627–1655), в основу которой лег датский перевод Ресена.

Очень важно, что библейские переводы, выполненные на разноразличные языки в одну эпоху, с одинаковых или близких первоисточников, с использованием сходных переводческих принципов и стратегий демонстрируют больше общих, чем национально-специфических свойств, что свидетельствует о доминировании экстралингвистических факторов над лингвистическими [Яковенко 2007].

Анализ языкового, представленного преимущественно библейскими переводами, и исторического материала, позволяет сделать ряд выводов по проблемам, поставленным в работе:

1. Влияние Реформации на германские языки состояло в вовлечении этих языков в новые сферы коммуникации. Использование этих языков в политической сфере, религиозной коммуникации, преподавании, науке, искусстве и других способствовало их гибкости, полифункциональности, обогатило новыми элементами.

2. В свою очередь, переход от языка народности к национальному языку, имевший место в большинстве описанных выше ситуаций, стал свидетельством готовности языков «отражать вызовы эпохи». Реформация не привела непосредственно к формированию национальных языков – скорее языки, испытав воздействие политических,

социальных и др. процессов, частью которых была Реформация, перешли в качественно новое состояние.

3. Переводные тексты эпохи Реформации, главным образом, библейские переводы приобрели особую культурно-историческую значимость. Поддерживая национальные языки и одновременно получая поддержку с их стороны, наиболее значимые переводы (Библия Мартина Лютера, Библия короля Якова, Библия Густава Васы и др.) стали неотъемлемой частью европейской культуры, способствовали, насколько возможно, консолидации общества и закреплению в языке в качестве нормы тех речевых образцов, которые были представлены в этих произведениях.

4. Следует, однако, иметь в виду относительную автономность языковых и исторических процессов и их различные следствия. Так, в Англии, где Реформация проходила в целом плавно, язык подвергся в XV–XVI вв. сильнейшим изменениям под влиянием как внутренних, языковых, так и внешних факторов. В Исландии, несмотря на бурное и даже кровопролитное течение Реформации, язык практически не испытал сколько-либо значимых изменений (общество сохранило приверженность иным культурным и ценностным ориентирам).

5. В странах и регионах, где в дальнейшем победила Контрреформация (южные районы Германии, Австрия, южные провинции Нидерландов, образовавшие впоследствии Бельгию), проведенные католицизмом реформы также нашли отражение в национальных языках (или национальных вариантах языков).

Реформация, «промчавшись вихрем» по Европе, оставила свой след во всех сферах общественной жизни. Политические, социальные, религиозные процессы ускорили формирование наций и национальных языков. Развитие библейских переводов, религиозной и научной мысли привело к закреплению в языках нового мировоззрения и, в конечном счете, новой картины мира. Так реформационные процессы оказали сильнейшее влияние на развитие национальных языков Европы и в первую очередь германских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вейш Я. Я.* Религия и церковь в Англии. М. : Наука, 1976. 183 с.
Гухман М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Ч. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1959. 204 с.

- Жирмунский В. М.* История немецкого языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. 300 с.
- Ильиш Б. А.* История английского языка. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 368 с.
- История Средних веков : в 2 т. Т. 2: Раннее Новое время : учебник / под ред. С. П. Карпова. М. : Изд-во МГУ, 2008. 432 с.
- Миронов С. А.* Становление нормы нидерландского литературного языка. М. : Наука, 1973. 312 с.
- Москальская О. И.* История немецкого языка. М. : Учпедгиз, 1959. 388 с.
- Расторгуева Т. А.* История английского языка. М. : Высшая школа, 1983. 347 с.
- Семенов Н. Н.* Очерки по исторической стилистике немецкого языка. М. : Институт языкознания РАН, Институт иностранных языков, 2000. 183 с.
- Хилл К.* Английская Библия и революция XVII века : пер. с англ. М. : ИВИ РАН, 1998. 489 с.
- Шафф Ф.* История христианской церкви. Т. VII. Современное христианство. Реформация в Германии. СПб. : Библия для всех, 2009. 462 с.
- Яковенко Е. Б.* Homo biblicus. Языковой образ человека в английских и немецких переводах Библии (опыт концептуального моделирования). М. : Эйдос, 2007. 288 с.
- Яковенко Е. Б.* 400-летие Библии короля Якова (1611–2011): источники, эволюция, перспективы // Вопросы филологии (спецвыпуск). VI Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Пленарные доклады. 2011. С.171–177.
- Ярцева В. Н.* Развитие национального литературного английского языка. 2-е изд. М. : УРСС, 2004. 288 с.
- Brake D.* A Visual History of the English Bible. Grand Rapids, Michigan : BakerBooks, 2008. 389 p.
- Brake D.* A Visual History of the King James Bible. Grand Rapids, Michigan : BakerBooks, 2011. 284 p.
- The Cambridge History of the Bible. Vol. 2. Cambridge : Cambridge University Press, 1969. 648 p.
- Coggan D.* The English Bible. London : F.Mildner & Sons, 1963. 43 p.
- Elton G. R.* Introduction: The Age of the Reformation // The New Cambridge Modern History. Vol. II. 1520–1559. Cambridge : University Press, 1958. P. 1–22.
- Parker T. M.* The English Reformation to 1558. London, Oxford : Oxford University Press, 1966. 168 p.
- Scribner R.* Introduction // The Reformation in National Context / ed. by R. Scribner, R. Porter and M. Teich. Cambridge : University Press, 1994. P. 1–3.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanitarian Sciences
Выпуск 1 (817)	Issue 1 (817)

Ответственные за выпуск 1 (817):
кандидат филологических наук Е. И. Карпенко
А. С. Филиппова

Редактор Е. М. Евдокимова
Компьютерная верстка: Ю. Л. Герасимова
Дизайн обложки: А. Г. Проскуряков

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 30.01.2019
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 28,7
Заказ № 38/19

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания. Ссылка на издание при перепечатке обязательна.